

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2015

№ 1 (33)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-29498 от 27 сентября 2007 г.

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии.

Полный «Перечень...» (редакция: 26 марта 2010 г.)

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Могильницкий Борис Георгиевич**, д-р ист. наук, проф. Томского государственного университета; **Мерлин Од**, доктор политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекаев Жарас Акишевич**, д.и.н. проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, к.и.н., гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, председатель научной редакции, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Кулемзин Владислав Михайлович**, д-р ист. наук, проф.; **Ларьков Николай Семёнович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и документоведения; **Румянцев Владимир Петрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений; **Тимошенко Алексей Георгиевич**, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой мировой политики; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Черняк Эдуард Исаакович**, д-р ист. наук, проф., директор института искусств и культуры ТГУ; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф.; **Шевелев Дмитрий Николаевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой востоковедения; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Mogilnitsky Boris G.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History, Tomsk State University; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbaev Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**ACADEMIC EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Chairman of the Academic Editorial Board, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Kulemzin Vladislav M.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Larkov Nikolay S.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History and Documentation Studies; **Rumyantsev Vladimir P.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations; **Timoshenko Aleksey G.**, PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of World Politics; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Chernyak Eduard I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Museum Studies, Cultural and Natural Heritage, Director of the Institute of Art and Culture; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Sheve-lyov Dmitry N.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History and Methodology of History; **Sherstova Lyudmila I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края в контексте государственной переселенческой политики второй половины XIX – начала XX в.	5
Никулин П.Ф. К вопросу о модернизационно-экономических факторах развития сельскохозяйственного производства в Сибири в начале XX в.	10
Зуева Н.С. Сборник «Вопросы колонизации» о проблемах переселения на Дальний Восток	15
Смокотин С.В. Источники формирования православного приходского духовенства в Томской губернии в XIX – начале XX в.	19
Храмцов А.Б. Проблемы взаимодействия органов городского самоуправления и полиции в 1867–1917 гг. (на примере г. Тюмени)	23
Суверов Е.В. К вопросу о режиме содержания заключённых в местах лишения свободы в Западной Сибири во время Великой Отечественной войны	29
Скочин А.В. Роль дорожно-транспортной системы во взаимосвязи городского пространства Тюмени в середине 1950-х – середине 1960-х гг.	34
Князев В.В. Челябинская область в условиях политического кризиса (1991–1993 гг.)	41

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Бояринова П.А. Жизнь и повседневный быт женщины в Японии (1870–1910-е гг.)	47
Гаевой Г.Е. Влияние мирового финансового кризиса 2008–2012 гг. на американско-германские экономические отношения	51
Галстян А.С. Особенности регулирования лоббизма на региональном уровне в США	54
Приймачук Д.В. Американская стратегия решения «афганского конфликта»: теория, реализация, предварительные итоги	58
Анохина Е.С. Иностранные студенты в Китае и проблемы регулирования их пребывания в стране	65

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Дрёмов И.И. Калмаки восточного Дешт-и-Кипчака в русских и западноевропейских источниках XV–XVI вв.	69
Кудряшев В.Н. Восточная экспансия Российской империи в оценке русских публицистов второй половины XIX в.	79
Петренко А.Н. Концепция географического детерминизма и вклад Л.И. Мечникова в её становление	87
Дюсбебаев Н.К. С.В. Юшков и дискуссии о сущности феодальных отношений в казахском кочевом обществе	93
Жеравина О.А. Испанская книга в Сибири: к изучению книжного собрания Строгановых Научной библиотеки Томского государственного университета	102

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Головченко Н.Н. Поиск параллелей предметному комплексу одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа в гимнах Ригведы	111
Сотникова С.В. К вопросу об антропоморфизации кремированных останков в погребальном обряде населения андроновской культурно-исторической общности	116
Водясов Е.В., Зайцева О.В. Мусульманские некрополи XVII–XIX вв. в окрестностях г. Томска	125

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Tokmurzaev B.S. Agrarian colonization of the Steppe Region in the frame of the state migration policy in the second half of XIX – early XX centuries	5
Nikulin P.F. On the Factors of Economic Modernization in the Development of Agricultural Production in Siberia in the Early 20th Century	10
Zueva N.S. The collection “Questions of colonization” about the problems of resettlement to the Russian Far East	15
Smokotin S.V. Sources of formation of the orthodox parish clergy in Tomsk province in the XIX – early XX centuries	19
Khrantsov A.B. Problems of interaction of city government and police in 1867–1917 years (for example Tyumen)	23
Suverov E.V. To the question of detention regime of prisoners in imprisonment places in West Siberia during the Great Patriotic War	29
Skochin A.V. The role of the traffic system in interconnecting the urban space of Tyumen in mid 1950–1960-s	34
Knyazev V.V. Chelyabinsk region in times of political crisis (1991–1993)	41

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Boyarinova P.A. Daily life of women in Japan (1870–1910s)	47
Gaevo G.E. Impact of the Global financial crisis 2008–2012 on the US-German economic relations	51
Galstyan A.S. Features of regulation of lobbyism at the regional level in America	54
Priymachuk D.V. American strategy "Afghan conflict" solution: theory, realization, preliminary results	58
Anokhina E.S. International Student in China and the Problems of Management of their Sojourn in the Country	65

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY,
CHRONOLOGY

Dryomov I.I. Kalmaks of East Desht-i Kipchak in Russian and Western European sources of the XV–XVI centuries	69
Kudriashev V.N. East expansion of the Russian Empire in the assessment of Russian publicist second half XIX century	79
Petrenko A.N. Environmental determinism in Metchnikoff's conception	87
Dyussebayev N.K. S.V. Yushkov and controversies over the essence of feudal relations in the Kazakh nomadic society	93
Zheravina O.A. Spanish book in Siberia: to studying Stroganov book collection of Tomsk State University Scientific library	102

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Golowchenko N.N. Search parallels subject complex of clothing population of the Upper Ob Early Iron Age in the hymns of the Rig Veda	111
Sotnikova S.V. To the issue of anthropomorphization of cremated remains in the funeral rite of the population Andronovo cultural-historical community	116
Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. Muslim necropolis of XVII–XIX centuries near the Tomsk	125

РЕЦЕНЗИИ

Жилякова Н.В. Рецензия: Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.) / науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 336 с.	132
Ющенко О.И., Хахалкина Е.В. Рецензия на конспект лекций Б.С. Жигалова «Германия и СССР: экономические и политические отношения (март 1918 г. – июнь 1941 г.)». Томск, 2013. 140 с.	134
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	137

REVIEWS

Zhilyakova N.V. Review: Dmitrienko N.M. Tomsk Merchants: Biographical Dictionary (from the second half of 18 th to the early 20 th century / science ed. E.I. Chernyak. Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 2014. 336 p.: il.	132
Khakhalkina E.V., Uschenko O.I. Review of lecture notes “Germany and the Soviet Union: Economic and Political Relations (March 1918 to June 1941.)” by B.S. Zhigalov Tomsk, 2013. 140 p.	134
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	137

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94 (47)

Б.С. Токмурзаев

АГРАРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СТЕПНОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Переселенческое движение в Сибирь в пореформенное время стало первым опытом организации массовых народных миграций, не связанных с исключительно военно-стратегическими задачами или исправительно-карательными нуждами. Со второй половины XIX в. расширяется географический ареал аграрной колонизации Сибири, когда в спектр миграционной активности населения вовлекаются новые земли южной степной полосы Западной Сибири. Выявление подходов центральной и региональной власти к освоению этих земель, с учётом народной колонизационной парадигмы, даёт возможность определения логики и результатов аграрной колонизации Сибири в целом.

Ключевые слова: аграрная колонизация; крестьянство; переселенческая политика; самовольные переселения; инородцы.

Отмена крепостного права в России не решила главного – аграрного вопроса, в связи с чем имперские власти в целях разрядки социальной напряженности в стране и преодоления крестьянского малоземелья обратились к поиску паллиативных вариантов урегулирования крестьянской проблемы. В череду мер, предпринятых в пореформенную эпоху, заметное место занимала организация переселенческого движения в Сибирь и главным образом в те её районы, которые в силу своей колонизационной ёмкости и подходящих для создания пашенного хозяйства условий отличались элементарным уровнем комфортности для главного субъекта колонизации – крестьянства.

Совершенно естественно, что первые потоки переселенцев направлялись в местности, территориально приближенные к европейской части страны: преимущественно в лесную и лесостепную зоны Западной Сибири, где из крестьян-мигрантов к началу 1880-х гг. обосновалось в Алтайском округе – 50% всей массы, в Тобольской губернии – свыше 40% прошедших за Урал [1. С. 119]. Наконец, часть выходцев из Европейской России начиная с середины 1870-х гг. направляется в степные области, где основными очагами земледельческой колонизации становились территории Акмолинской и Семипалатинской областей.

Земледельческая колонизация Степного края вписывалась в общую канву переселенческой политики Российской империи, отражая дискретность и логику как всего переселенческого процесса, так и имперской политики в отношении окраин.

Общеизвестно, что в первые пореформенные десятилетия государство практически не участвовало в организации переселенческого дела, полагаясь на достаточность внутренних резервов в деле урегулирования аграрного вопроса в центре страны. В качестве прямого свидетельства индифферентности государства к вопросам аграрной колонизации окраин служит переселенческое законодательство, впервые оконтурившееся только с принятием переселенческого закона в 1889 г. Косвен-

ным подтверждением того, что российское правительство долгие годы не связывало вопросы аграрной политики с колонизационными перспективами, служит отсутствие до 1885 г. каких бы то ни было статистических изысканий о различных сторонах переселенческого процесса: численном и половозрастном составе, районах выхода и водворения, материальной обеспеченности переселенцев. Во многом поэтому переселенческое движение продолжительное время реализовывалось вне государственной юрисдикции. Показательно в этом смысле замечание В.К. Плеве: «...Вековое народное движение упорно идёт своим путём и, как вода, не направленная в заранее проложенное русло, переполняет одни местности и обходит другие [2. С. 127]. В этой связи исследователи Сибири, размышляя о специфических чертах её колонизации, резюмировали, что «история переселенческого законодательства есть история самовольных переселений» [3. С. 96]. В результате к 1890-м гг. самовольное переселение в Сибирь достигло своего пика – 78% всего движения [4. С. 189].

Одним из важнейших следствий развития переселенческого движения как самовольного становилось его веерообразность, когда партии переселенцев в качестве районов расселения избирали ближайшие местности, а также близкие по природно-климатическим характеристикам к местам выхода. Немаловажную роль играла и принадлежность крестьянства к обществу традиционной культуры, в котором распространение информации, а также способы её интерпретации инициировали принятие решения о переселении в одну местность больших групп людей. Всё это приводило к весьма печальным последствиям и, в частности, быстрому сокращению сибирского колонизационного фонда.

Во многом поэтому уже с 1870-х гг. траектория переселенческих потоков смещается в направлении южной степной полосы Западной Сибири.

Важным фактором, определившим смену вектора переселенческого движения, стали военно-стратегиче-

ческие и этнополитические устремления России. Правительственная колонизация южных степных пространств, начавшаяся в XVIII в., уже к концу первой четверти XIX в. была в основном завершена. Стремительное продвижение русской оседлости на юг приводило не только к расширению колонизационных владений России, но и к формированию новых административно-политических центров империи, соответственно реализующих в районах колонизации имперские представления о роли и назначении окраин в составе Российского государства. Хорошо известно, что в этот период в обществе и власти жёстко дискутировался вопрос о путях развития окраин, в контекстных рамках которого конкурировали идеи сибирского сепаратизма (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин) и теория создания большой русской нации (М.Н. Катков). В данном отношении решение инородческого вопроса посредством русской гражданской (читай: крестьянской) колонизации представлялось крайне привлекательным.

Тем не менее в вопросе колонизации Степного края отчётливо присутствовали две позиции.

Так, например, будущий генерал-губернатор Западной Сибири, генерал-адъютант Н.Г. Казнаков, докладывал Государю: «Положение степных областей требует особенного внимания. Со времени принятия киргизами русского подданства успехи, сделанные ими в гражданственности, ничтожны. Попытки перехода к земледелию остались почти пока те, которые были введены Китайским правительством. Между тем, доколе киргизы будут одиноко совершать в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочевков, вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию и будут числиться русскими только по переписям. Сопредельные с ними по линии казаки, по малочисленности своей, не принесли делу обрусения киргизов ощутительной пользы, но сами научились поголовно киргизскому наречию и перенимали некоторые, впрочем, безвредные привычки кочевового народа» [5. С. LIX]. Далее у Усова встречается следующее замечание: «Проезжавшие по казачьей линии туристы, наблюдатели и ученые выносили впечатление о крайней бездеятельности, праздности, апатии и лени станичных жителей, особенно мужчин. Нелюбовью к неустанному труду объясняется нелюбовь к хлебопашеству» [6. С. 11].

Напротив, генерал И.Ф. Бабков, говоря о степной колонизации, настаивал на сохранении её военизированного характера: «Некоторые полагают, что обязательное заселение казаками представляет важное неудобство, что подобные переселенцы, обеспеченные на первое время, вместе их семьями, продовольствием от казны, с самого начала приручаются к лености и мало заботятся о хлебопашестве» [7. С. 25]. И далее: «Заселение Киргизской степи приняло характер искусственно-принудительный. Большие земледельческие колонии, вполне удовлетворившие военным целям, не мог-

ли развиваться в экономическом отношении. Естественное последствие последнего – постепенный упадок степных колоний» [Там же. С. 26].

Н.Г. Казнаков, уже в бытность свою генерал-губернатором, сознавая вполне, что казачий элемент в деле колонизации не имеет никакого культурного влияния, во Всеподданнейшем отчете поднял вопрос о необходимости заселения степных областей русскими переселенцами-крестьянами, причем писал, что осторожное, без стеснения кочевового населения водворение внутри степей оседлого населения, частое общение русского населения с киргизами и наглядный пример, более удобный в жизни, представляют единственное средство, могущее смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа [6. С. 12].

Идейное противоборство, сложившееся по вопросу аграрной колонизации Степного края, в частности свободных земель Акмолинской и Семипалатинской областей, не могло не наложить отпечаток на характер и содержание переселенческого процесса. Несогласованность мнений и действий генерал-губернаторской власти и местной администрации серьёзно амортизировало процесс аграрного освоения региона. Показательно размышление исследователя вопроса В.А. Остафьева: «Первые поселенцы в Акмолинской области появились при генерал-губернаторе Казнакове и губернаторе Цытовиче. Цытович не был приверженцем заселения степных областей крестьянами и, если допустил переселенцев на крестьянские земли, делал это ограниченно, для пробы. Заступивший на место Цытовича губернатор Ливенцов был решительным противником расселения крестьян на киргизских землях» [Там же. С. 9]. Этот различный взгляд, по мнению Остафьева, загубил и затормозил дело колонизации степи, начатое Н.Г. Казнаковым [Там же].

Логика местной администрации в организации колонизационного процесса наиболее наглядно выражалась в практических действиях. Губернатор Ливенцов в ответ на просьбу 272 крестьянских семей разместить их на избранных участках отказал, мотивируя это тем, что переселенцами были выбраны лучшие места, входящие в круг инородческих кочевий и расположенные в значительном удалении от тракта, что выведет крестьян из поля зрения местной администрации [6. С. 10–11]. Подобная точка зрения крайние формы приобрела в начале 1880-х гг., когда генерал-губернатор Степного края Колпаковский категорично заявил, что Акмолинская область не может быть заселена русскими поселенцами, потому что здесь нет пригодных для аграрного освоения земель, а если и есть, то они целиком и полностью принадлежат киргизам, хорошо приспособленным к местным условиям [Там же. С. 11].

Фактически, после этих заявлений, официальная колонизация свободных земель Акмолинской и Семипалатинской областей была приостановлена. Вышел целый ряд предписаний, строжайше запрещающих «вторжения в пределы края бродячих масс переселен-

цев» [6. С. 12]. О том, насколько строгими являлись меры, принимаемые администрацией, можно судить, например, по тому, что самовольных переселенцев, обосновавшихся в Кокчетавском уезде в 1871 г. на арендованных киргизских землях, пришлось выдворять в три приёма. Уездным начальником было арестовано имущество переселенцев, крестьянский начальник вместе с посланными казаками разбирал переселенческие хаты и печи [Там же. С. 14]. Столь же показательны и сведения о «фантомных» переселенческих посёлках, возникших без ведома администрации. Во время губернской ревизии 1884 г. в Акмолинской области, Петропавловского уезда, урочища Мусина, властями была обнаружена целая русская деревня в несколько десятков домов по берегу Ишима. Оказалось, что вопреки запретам эта деревня существовала уже более десяти лет. Деревня была признана губернатором де-факто и получила говорящее наименование «Явленная» [Там же. С. 13]. Во время губернаторской ревизии в Семиреченской области, в момент объяснения местного чиновника по поводу нарезанных земель и отсутствующих переселенцев, на горизонте появились несколько стариков без шапок около стола с хлебом-солью, которые, по всей вероятности, ожидали начальство. Несмотря на недовольство генерал-губернатора, факт существования населённого пункта («Фортунка»!!! – *Б.Т.*) вновь был признан [Там же. С. 19].

Подобные прецеденты, с одной стороны, становились дополнительным поводом к активным действиям властей, направленным на прекращение самовольной колонизации, поскольку каждая ревизия, как правило, завершалась изданием циркуляров запретительного характера. Однако, с другой стороны, крестьянские представления о переселениях, своих правах на земельный надел редко совпадали с правительственным пониманием существа этого процесса, что инициировало дальнейший рост переселенческого движения. По замечанию А.В. Пешехонова, масштабы крестьянских переселений определялись не столько правительственными соображениями, сколько «стихийным потоком хозяйственной жизни земледельцев, в которой есть свой «царь», и этот «царь» беспощаден [8. С. 112].

К разряду наиболее существенных причин, побуждавших крестьян реализовывать свои переселенческие настроения, относились: неопределённость и множественность условий, регламентировавших выход крестьян из общества, предельно бюрократизированный способ выдачи разрешений на переселение и водворение, отсутствие полной и объективной информации о переселенческом движении. Проведённые в начале XX в. опросы переселенческих партий показали, что из всех крестьян, решившихся на переселение, лишь 4,8% воспользовались правительственными разъяснениями [9. С. 73]. Народное недоверие к официальным источникам информации ограничивало возможности представителей государственной власти вести разъяснительную работу в крестьянской среде, что способство-

вало превращению переселений в хаотический, мало поддающийся логическому анализу процесс. Один из исследователей переселенческого движения в Сибирь, А. Омельченко, писал по этому поводу: «Наше переселение носит какой-то вулканический характер: то Курская губерния выбросит из себя тысячи человек, то Вятка и Пермь, посылая сначала тысячи в Сибирь, через год не могут выделить нескольких десятков» [4. С. 188]. По определению А.А. Кауфмана, переселение часто принимало «стихийный, почти эпидемический характер, когда с места снимались сотни и тысячи семей, для которых передвижение в Сибирь не было вызвано разумной необходимостью и сознательным расчётом» [10. С. 62].

Кроме того, игнорирование юридических ограничений переселенческого движения в Степной край, где русское население приходило в контакт с автохтонами, было окрашено и в сугубо этнические тона. Переселенец как основной субъект колонизации, попадая в новую этническую среду, приносил с собой собственные представления о мироустройстве, отношениях, праве, собственности, сформированные на родине. Русская государственность, с её ярко выраженной вотчинной философией, не могла не наложить соответствующий отпечаток на сознание своего народа [11. С. 168].

В русском крестьянском сознании всегда была жива память о владении землёй и праве ею безраздельно распоряжаться. Исследователи взаимоотношений русского и инородческого населения Степного края верно отмечали: «Переселенческая масса смотрит на вольные киргизские земли как на свою собственность, омытую кровью дедов, а потому немудрено, что новосёлы относятся к киргизам, как к пасынкам» [Там же. С. 169].

Подобное отношение было точно схвачено писателем XIX в. С. Карониным (Петропавловским) в художественно-публицистическом произведении «Как и куда они переселялись». Инициатор переселения Ершов рассказывал крестьянам о Сибири и коренных жителях буквально следующее: «Хлеба там вволю, в реках рыбу руками бери... только православных нет, а всё киргиз <...>. Как же с ним, с собакой, совладаешь? <...>. «Киргиз – он ничего, киргиз – он честный. Если ты его попоишь чайком, он тебе лугу отвалит» [12. С. 366].

Важно отметить, что этнические амбиции русских поселенцев на рубеже XIX–XX вв. амортизировались патерналистскими действиями центральных и региональных властей, когда последние более упорядоченно относились к земельным экспроприациям, проводя изъятие земель не у оседлых, а у кочевых инородцев, выплачивая им соответствующую компенсацию. Так, сведения об образовании переселенческого участка Тахта-Куль в 1898 г. содержат следующую информацию: «За вошедшие в площадь участка зимовые стойбища киргизов... выдать владельцам денежное вознаграждение, согласно оценочному акту... в сумме 445 рублей» [13. Л. 5].

Не менее важным фактором, определившим рост темпов и размеров переселенческого движения в области Степного края, вопреки правительственным запретам, стали реальные экономические достижения мигрантов в регионе. В необычайно коммуникативной крестьянской среде информация о хозяйственных успехах, часто приукрашенная, распространялась невероятно быстро, тем более что основания для оптимизма у потенциальных переселенцев в Степной край действительно были. В частности, по данным В. Остафьева, оперировавшего данными, собранными в ходе обследования переселенческих посёлков К.Р. Качоровским, экономический рост крестьянских посёлков в Акмолинской области, несмотря на первоначальную нищету дворов, являлся поразительным и резко бросающимся в глаза [6. С. 21]. За семь лет, с 1884 по 1890 г., благосостояние крестьян восьми посёлков Акмолинской области выросло в 3–4 раза. Несмотря на голодные 1891–1892 гг., как свидетельствует статистика, двух лет крестьянам оказалось достаточно для восстановления пошатнувшихся хозяйств [Там же. С. 22].

Достижения переселенцев в земледельческих местностях Степного края значительно скорректировали соотношение сил противоборствующих сторон по вопросу перспектив аграрной колонизации региона. По констатации В.А. Остафьева, быстрые успехи и экономический рост переселенцев степных областей нару-

шили вековую традиционную нелюбовь к сохе ленивого, апатичного киргиза-номада и не менее ленивого казака, чего тщетно добивалась администрация в течение десятков лет разными проектами и мерами при колонизации степи казаками. Крестьянская колонизация степи принесла громадную культурную пользу, разобив кочевников с казачеством, влиявших на них крайне деморализующим образом, познакомив при этом номадов с оседлым населением и оседлым образом жизни [6. С. 60].

Подводя общие итоги, необходимо отметить, что в процессе колонизации степных областей Западной Сибири центральные и региональные власти продолжительный временной отрезок действовали, ориентируясь на сложившуюся по отношению к восточным окраинам страны политическую традицию, для которой было характерно сдержанное отношение к крестьянской переселенческой инициативе. Значительную трудность представляло собой диаметрально противоположное прочтение цели и задач колонизации южной степной полосы, высшей губернской и местной региональной бюрократией. Во многом только благодаря эффективности переселенческого движения, главную роль в котором играло крестьянство великорусских губерний, удалось преодолеть этот конфликт, что открыло широкие перспективы по заселению и аграрному освоению региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минжуренко А.В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977.
2. Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991.
3. Вопросы колонизации. 1914. № 14.
4. Чуркин М.К. Переселения крестьян Черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006.
5. Список населенных мест по сведениям за 1876 г. Сост. секр. по стат. Сиб. каз. войска. Усов Ф.Н. Омск, 1877.
6. Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. Омск, 1877.
7. Бабков И.Ф. Общий взгляд на устройство поселений в Северо-Восточной части киргизской степи // Императорское Русское географическое общество 1869 г. Т. V, № 1, 2.
8. Пешехонов А.В. Земельные нужды деревни // Русское богатство. 1903. № 11.
9. Материалы для изучения быта переселенцев, водворённых в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х гг. XIX в. по 1893 г.). М., 1895.
10. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.
11. Чуркин М.К. Взаимоотношения переселенцев и старожилов Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. в природно-географическом, социально-психологическом, этнопсихологическом аспектах : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000.
12. Каронин С. (Петропавловский). Куда и как они переселялись // Крестьянские судьбы (рассказы русских писателей второй половины XIX века. М., 1986.
13. Государственный исторический архив Омской области. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3.

Tokmurzaev Bakyt S. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: nat.proff.om@yandex.ru

AGRARIAN COLONIZATION OF THE STEPPE REGION IN THE FRAME OF THE STATE MIGRATION POLICY IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES.

Keywords: agrarian colonization; the peasantry; migration policy; unauthorized migrants; foreigners.

The author focused on the problem of migration movement in the agricultural areas of the Steppes of Western Siberia, concerning the state regulation of the colonization process of the second half of XIX – early XX centuries. The starting point of the research was the Great Reform of 1861 year which gifted liberty to peasants but did not cope with the agrarian problem in Russia. The incompleteness of such conversions stimulated migration mobility of the agricultural contingent that largely raised the activity of the central and regional bureaucracies to develop a program to subdue the eastern (borderlands), as well as the adoption of the resolutions regulating the colonization process which were displayed in the legislative and circular work. On the substantive aspect, migration to the Steppe Region (mainly to Akmolinsk and Semipalatinsk Oblasts) coincided with the general outlines of migration to other parts of Western Siberia – Tobolsk and Tomsk Provinces. However, in this process there were also a number of specific points. Firstly, the development of the southern steppe zone of Western Siberia started later and was of great strategic and military importance for the Russian Empire, which was realized in the active work of the administrative structures of the region and added a lot of powers to the local bureaucracy. Secondly, within the Steppes, Russian population was constantly in contact with the indigenous so that it required the government to participate actively in the consideration of the issue of migration. During the incorporation of the steppe territory with the Russian Empire, the prin-

ciples of migration policy underwent constant modifications. The conflict between the higher central and the regional bureaucracy caused to constant and rigid discussion concerning feasibility of organizing the migration process within the boundaries of the Steppe Governor-General (Governorate General). At the same time, the vast majority of the Siberian institutions and agencies aggressively lobbied the idea of limiting and terminating of the migration movement in the Steppe Region. However, the migration movement itself was structured and developed mostly out of the state regulations. In the peasant community, direct or indirect restrictions relating to migrations and initiated by the representatives of the authorities, were either ignored or interpreted as a direct guide to implement their own migration motives. The reason for migration was the letters of those who had already moved beyond the Urals, as well as unchecked information distributed within the peasant community via informal channels. Thus, in many aspects the state regularly faced the facts of unsanctioned, unauthorized migration, and was compelled to recognize it post factum. Real economic achievements of migrants, who equipped in the agricultural districts of the Steppes Region, were of great importance to modify the state migration program.

REFERENCES

1. Minzhurenko A.V. *Pereselencheskaya derevnya Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.*: dis. kand. ist. nauk [The settlers' village in Western Siberia in the late 19 – early 20th centuries. History Cand. Diss.]. Tomsk, 1977.
2. Ostrovskiy I.V. *Agrarnaya politika tsarizma v Sibiri perioda imperializma* [The agrarian policy of Tsarism in the imperialistic Siberia]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 1991. 331 p.
3. *Voprosy kolonizatsii*, 1914, no. 14.
4. Churkin M.K. *Pereseleniya krest'yan Chernozemnogo Tsentra Evropeyskoy Rossii v Zapadnyu Sibir' vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migratsionnoy mobil'nosti i adaptatsii* [The migration of peasants from the Black Earth Center of European Russia to Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: the factors determining migration mobility and adaptation]. Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ., 2006. 375 p.
5. Usov F.N. *Spisok naselennykh mest po svedeniyam za 1876 g.* [The list of settlements in 1876]. Omsk, 1877.
6. Ostaf'ev V. *Kolonizatsiya stepnykh oblastey v svyazi s voprosom o kochevom khozyaystve* [The colonization of steppe regions and the problem of nomadic economy]. Omsk, 1877.
7. Babkov I.F. *Obshchiy vzglyad na ustroystvo poseleniy v Severo-Vostochnoy chasti kirgizskoy stepi* [The general view of the settlements in the Northeast part of the Kirghiz steppes]. *Imperatorskoe Russkoe Geograficheskoe Obshchestvo*, 1869, vol. 5, no. 1, 2.
8. Peshekhonov A.V. *Zemel'nye nuzhdy derevni* [The land needs of the village]. *Russkoe bogatstvo*, 1903, no. 11.
9. *Materialy dlya izucheniya byta pereselentsev, vodvorennykh v Tobol'skoy gubernii za 15 let (s kontsa 70-kh gg. XIX v. po 1893 g.)* [Materials for the study of the life of migrants in Tobolsk Guberniya for 15 years (from the late 1870-s till 1893)]. Moscow, 1895.
10. Kaufman A.A. *Pereselenie i kolonizatsiya* [Migration and colonization]. St. Petersburg, 1905.
11. Churkin M.K. *Vzaimootnosheniya pereselentsev i starozhilov Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. v prirodno-geograficheskom, sotsial'no-psikhologicheskom, etnopsikhologicheskom aspektakh*: dis. kand. ist. nauk [The relationships of migrants and Old-Believers in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries in the natural and geographical, socio-psychological and ethno-psychological aspects. History Cand. Diss.]. Omsk, 2000.
12. Karonin S. (Petrovskiy). *Kuda i kak oni pereselyalis'* [Where and how they migrated]. In: Lebedev Yu.V. (ed.) *Krest'yanskie sud'by (rasskazy russkikh pisateley vtoroy poloviny XIX veka)* [The fate of peasants (short stories by Russian writers of the second half of the 19th century)]. Moscow: Sovremennik Publ., 1986. 511 p.
13. The State Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Fund 355. List1. File 3. (In Russian).

К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

Рассматривается влияние процесса социокультурной и экономической модернизации крестьянского хозяйства на развитие сельского хозяйства Сибири. Автор считает, что инновационная перестройка и рационализация внутреннего экономического строя крестьянского хозяйства являлась решающим фактором бурного роста сельскохозяйственного производства Сибири в начале XX в. Быстрое развитие сельского хозяйства было также обусловлено крестьянским типом аграрной модернизации, происходившей в общинно-кооперативной форме.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство Сибири; аграрная модернизация; сельскохозяйственное производство.

В начале XX в. Сибирь была быстро развивавшейся и колонизируемой земледельческой окраиной страны. Главным стержнем ее исторической эволюции являлась социокультурная и экономическая модернизация крестьянского хозяйства. Она стала решающим фактором бурного роста сельского хозяйства края. В связи с этим оценка роли модификации деревенской экономики в развитии сельскохозяйственного производства является одним из самых существенных аспектов проблематики аграрной модернизации региона.

Проблема модернизации и развития сельскохозяйственного производства получила обширное освещение в сибиреведении. В советскую эпоху данный вопрос основательно рассматривался в работах В.Г. Тюкавкина, Л.М. Горюшкина и ряда других исследователей, а также в фундаментальных обобщающих трудах по истории сельского хозяйства и крестьянства Сибири второй половины XIX – начала XX в. в рамках концепции развития в крае аграрно-капиталистических отношений [1–10 и др.]. Она связывала рост сельского хозяйства и прогресс в развитии производительных сил земледельческого хозяйства главным образом с капиталистической предпринимательской деятельностью зажиточного крестьянства. В постсоветский (современный) период в аграрной историографии постепенно утвердился более широкий социокультурный подход, и проблематика модернизации крестьянского хозяйства и развития сельскохозяйственного производства рассматривается на его основе [11–20 и др.].

В настоящее время на первый план аграрных исследований выдвинулась проблема содержания, степени рыночно-капиталистической модернизации и экономической природы традиционного земледельческого хозяйства в различных социальных группах сибирского крестьянства. Данный вопрос имеет ключевое значение для оценки роли социальной модернизации в воздействии на процесс развития сельского хозяйства края. Он, однако, до сих пор недостаточно разработан. Кроме того, следует отметить, как недостаток литературы по теме, возникший еще в советской историографии разноречивой в определении территории Сибири. В ее состав часто включались не только чисто сибирские губернии и области, но также Дальний Восток и области

Степного края. Это привело к серьезным различиям в оценках размеров и динамики роста сельского хозяйства края. В данной связи выделенные аспекты развития крестьянского хозяйства сельскохозяйственного производства оказались в центре настоящей работы.

Главная цель исследования – определение истоков, модернизационных факторов и динамики развития аграрного производства в Сибири в начале XX в. в свете социокультурной концепции экономической модернизации традиционного крестьянского хозяйства региона. Согласно ей, модернизация – это инновационная перестройка традиционной культуры земледельческого хозяйствования и экономического строя крестьянского предприятия, которое осуществляется в процессе его интеграции в экономические и социально-культурные структуры индустриального общества [21. С. 3].

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Уточнить динамику увеличения производства сельскохозяйственной продукции в сибирской деревне в территориально-региональных рамках, определенных постсоветской историографией. Современное сибиреведение включает в состав края Западную и Восточную Сибирь: Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии, а также Забайкальскую область и Омский, Петропавловский уезды Акмолинской области.

2. Обобщенно определить и охарактеризовать внутренние источники, социокультурное и экономическое содержание, формы и степень социально-рыночной (капиталистической) модернизации крестьянского хозяйства и основные направления и формы его аграрной эволюции.

Источниковой основой настоящей работы являются опубликованные сведения текущей общегосударственной и ведомственной статистики России, собранные Центральным статистическим комитетом при МВД, Министерством земледелия и государственных имуществ, а также Переселенческим управлением при Главном управлении землеустройства и земледелия. Они содержат сводные сведения о площадях посевов, сборах хлебов, поголовье скота и товарности [22–27]. Кроме того, использованы очень надежные и проверенные данные обобщающих работ по истории сель-

ского хозяйства Сибири конца XIX – начала XX в. Исследование модернизации внутреннего экономического строя крестьянского хозяйства осуществлено на основе опубликованных и первичных архивных материалов Томской губернской сельскохозяйственной переписи 1901 г. и Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии, представлявшей более 50% крестьянских домохозяйств Сибири [28, 29, 30. Д. 568–2953; 31. Д. 1–211].

В конце XIX в. с проведением Транссибирской магистрали сельское хозяйство Сибири, доселе развивавшееся в узких рамках региональных экономических связей, прочно вошло в систему всероссийского капиталистического рынка. В начале XX в. в Сибири сформировались районы торгового зернового хозяйства, которые производили наиболее товарную продукцию: пшеницу, овес, мясо и сливочное масло.

Включение экономики края в состав современного народного хозяйства страны и массовые крестьянские переселения способствовали быстрому росту земледелия. В течение начального периода XX в. посевные площади зерновых увеличились на 80%: с 4,7 до 8,5 млн дес. Ведущее место в структуре посевов занимали самые товарные культуры: яровая пшеница и овес. Их общая доля в посевах выросла с 63 до 75%. Интенсивное расширение посевных площадей и увеличение средней урожайности на 5–10% стали основой для динамичного роста валовых сборов хлебов. Среднегодовые валовые урожаи зерновых в Сибири выросли на 90%: с 200 млн пудов в 1901–1905 гг. до 380 млн пудов в 1913–1917 гг. [6. С. 201, 202; 7. С. 191, 240, 252; 13. С. 126, 132]. В Европейской России среднегодовой рост сборов зерновых за период с 1901 по 1915 г. достиг только 11%. За годы Первой мировой войны он даже сократился на 13% [32. С. 6; 33. С. 403].

Около 30% собранного урожая поступало на рынок. Чуть менее трети товарного хлеба сбывалось в Сибири. Другая часть шла на общероссийский рынок (Урал, Север, Северо-Запад) и за границу – через порты Балтийского и Белого морей. В первом пятилетии в западном направлении из Сибири вывозилось в среднем 15–20 млн пудов зерна, в 1906–1910 гг. – 47–48 млн, накануне Первой мировой войны, с отменой челябинского тарифного перелома (1896–1913 г.), – до 50–55 млн пудов.

В начале XX в. ускоренно развивалось и сибирское скотоводство. Общее число скота (в пересчёте на крупнорогатый) с 1897 по 1917 г. увеличилось с 11,9 до 18,6 млн голов, в том числе количество лошадей – с 5 до 6,9 млн. Товарность местного животноводства достигала 45–50%. Главным направлением эволюции животноводства стал переход от экстенсивной мясной к более интенсивной молочно-мясной специализации. Это вызвало быстрый рост поголовья продуктивного крупнорогатого скота и особенно дойных коров. Оно выросло (в пересчёте на крупный) с 5,7 до 9,8 млн голов [7. С. 241]. Значительное расширение товарного

молочного хозяйства в регионе (главным образом в Западной Сибири) было обусловлено бурным развитием промышленного маслоделия: в период с 1895 по 1913 г. количество частных и артельных маслозаводов возросло с 15 до 4092. Вывоз очень качественного сибирского масла за Урал резко увеличился с 50 тыс. пудов в 1897 г. до 5,7 млн в 1913 г., включая 4,5 млн пудов, поставленных за границу. Сибирь в целом давала более 60% российского экспорта сливочного масла на сумму 68 млн руб. В годы Первой мировой войны в связи с утратой европейских рынков сбыта производство масла сократилось на треть [20. С. 103; 7. С. 254].

Наряду с маслоделием существенное место в сибирском торговом скотоводстве конца XIX – начала XX в. занимало производство мяса. Товарная мясная отрасль росла медленными темпами, но имела более устойчивый и широкий характер. Российский спрос на сибирское мясо первоначально был удовлетворен за очень короткий срок – с 1897 по 1901 г., в течение которого его вывоз из Сибири вырос в 5,2 раза: с 550 тыс. до 2,9 млн пудов. В дальнейшем развитие мясного скотоводства шло стабильными темпами, достигнув в 1913 г. вывоза в 4,2 млн пудов. Общий рост за 13 предвоенных лет достиг 45%. Из Сибири также ежегодно отправлялось до 100 тыс. голов живого крупнорогатого скота [4. С. 168–169; 8. С. 123–124; 6. С. 204].

Бурный рост товарного сельскохозяйственного производства в начале XX в. вывел Сибирь в один из ведущих хлебопроизводящих районов страны. Сибирский край, имея 6% населения, давал 10% валовых сборов зерна России. Широкое и динамичное развитие сельского хозяйства было обусловлено преобладанием в Сибири крестьянского типа аграрной эволюции. Он осуществлялся в достаточно благоприятной для крестьянства социально-экономической обстановке: в условиях отсутствия помещичьих хозяйств, относительной земельной свободы и массовых земледельческих переселений. Решающее значение для реализации крестьянского типа аграрного развития имело включение сельского хозяйства Сибири в состав общероссийского рынка. В результате производственно-технический строй хозяйства всех социальных групп западносибирского крестьянства был подчинен регулирующему влиянию закономерностей товарно-капиталистического рынка.

В крестьянских хозяйствах региона под воздействием рынка сформировалась адаптационная рыночно-капиталистическая подсистема хозяйствования. Социально-адаптационная форма включения земледельческих дворохозяйств в сферу рыночно-капиталистических отношений обеспечивала сохранение традиционной, мелкотоварной семейно-потребительской системы хозяйствования и её устойчивое воспроизводство и развитие в динамично изменявшейся социально-экономической среде. Усиленное влияние рыночных отношений, сочетавшееся с процессом демографической дифференциации крестьянских семей, углубило и

закрепило сложившуюся в последней трети XIX в. традиционную социально-экономическую структуру деревни, которую составляли группы бедных (40–45%), средних (30–35%) и богатых хозяйств (около 25%, включая дворы зажиточных середняков). Состоятельные домохозяйства производили примерно 60% всей сельскохозяйственной продукции; средние и бедняцкие дворы – соответственно 25–30 и 10–15%.

Интеграция семейно-трудового крестьянского хозяйства Сибири в систему единого общероссийского рынка дала сильный импульс его модернизации. Экономическая модернизация западносибирской деревни в начале XX в. выражалась в углублении торгово-рыночной специализации, рационализации производственно-технической базы и повышении капиталовооружённости крестьянских хозяйств. В общем по данным показателям производственный уровень земледельческих предприятий повысился на 10–20%. В зажиточных дворах модернизация также проявлялась в хозяйственных инновациях: улучшении систем земледелия и скотоводства, росте применения усовершенствованного инвентаря, использовании труда наёмных рабочих и в формировании массовой предпринимательской системы хозяйствования [30. Д. 568–571, 573–576, 692–698, 700–706; 31. Д. 5, 11, 22, 27, 41, 52].

Происходившие в начале XX в. модернизационные процессы не изменили социокультурной сущности экономического строя сибирской деревни. Внутренний строй крестьянских хозяйств региона имел традиционно-общинную, семейно-трудовую, мелкотоварную потребительскую природу.

Экономическая основа зажиточных дворов, которую совокупно составляли традиционная и предпринимательская системы хозяйствования, также в целом сохранила мелкотоварный (некапиталистический) характер. Предпринимательская деятельность велась состоятельными домохозяевами в рамках традиционной экономической системы и была направлена на удовлетворение коренных потребностей крестьянской семьи, воплощенных в крестьянском идеале трудового материального достатка. Верхняя часть зажиточных крестьян, составлявшая 2–3% от числа всех сельских хозяев, имела очень высокий экономический потенциал, который давал возможность развиваться по чисто капиталистическому, фермерскому пути.

Вместе с тем господство общины и общинных социокультурных механизмов в процессах воспроизводства, социально-природной адаптации и инновационного развития традиционной экономической культуры обусловило преобладание кооперативно-артельного пути экономической эволюции крестьянского хозяйства Сибири в начале XX в. На 1916 г. различными

формами кооперации было охвачено 55% крестьянских дворов региона. Наибольшую активность проявлял коренной социокультурный массив крестьянства: середняки (60–65%) и зажиточные домохозяева (65–75%). Достаточно серьёзным было и участие бедняков – 40–45%. В целом доля бедняков, середняков и зажиточных крестьян среди кооперированных дворов была примерно одинаковой [31. Д. 5, 11, 22, 27, 41, 52]. В 1917 г. в Сибири работали 3 010 производственных маслодельных артелей, 1 024 кредитных товарищества и 5 435 потребительских кооперативов [7. С. 264–265]. Кооперативный путь эволюции хозяйства западносибирской деревни обеспечивал равноправное участие крестьян в системе рыночных отношений, создавал наилучшие условия для модернизации производственно-технической базы земледельческих дворов и инновационного агрикультурного развития зажиточных предпринимательских хозяйств и, в конечном счете, формировал основы для устойчивого развития семейно-трудового крестьянского хозяйства в современных народнохозяйственных условиях. Кооперация являлась наиболее оптимальной формой, связывавшей хозяйственную деятельность крестьян с экономическими интересами общества и государства.

Экономическое развитие сибирской деревни в начале XX в., таким образом, представляло собой преимущественно общинно-кооперативный тип крестьянской аграрной эволюции. Кооперативный путь аграрной эволюции сибирской деревни являлся, по своей сути, модернизацией традиционного семейно-трудового крестьянского хозяйства. Главным внутренним источником и движущей силой социально-трудовой и производственной модернизации земледельческих хозяйств являлась рационализированная в свете рыночных требований система трудовых духовных ценностей и установок традиционного хозяйственного поведения крестьян.

Кооперативная форма модернизации, в отличие от фермерского пути, предполагавшего прогрессивное развитие только потенциально капиталистической верхушки зажиточных крестьян, охватила все социальные группы сельских хозяев региона. Она опиралась на инновационный потенциал традиционной крестьянской культуры. Кооперативный путь являлся магистральным направлением крестьянской модернизации Сибири начала XX в. Он открыл широкие перспективы для эволюционного преобразования сельского хозяйства края в органическую часть индустриального народного хозяйства России и трансформации традиционного крестьянского общества сибирской деревни в сообщество современных ассоциированных товаропроизводителей и граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.
2. Степанин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.
3. Токавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.
4. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX. Новосибирск, 1967.

5. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976.
6. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. С. 22–24, 173–211, 300–327, 436–447.
7. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
8. Пронин В.И. Скотоводство в Сибири в XIX – начале XX в. // Из истории Сибири. Томск, 1978. С. 95–129.
9. Пронин В.И. Города Сибири как рынки сбыта сельскохозяйственной продукции в период капитализма // Город и деревня Сибири досоветского периода и их взаимосвязи. Новосибирск, 1988. С. 61–73.
10. Храмов А.А. О некоторых вопросах развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири в конце XIX – начале XX в. // Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С. 146–159.
11. Пронин В.И. Вывозная хлебная торговля в Сибири в конце XIX – начале XX в. Хозяйственное освоение Сибири: Вопросы истории XIX – первой трети XX в. Томск, 1994. С. 71–88.
12. Пронин В.И. Хлебная торговля в Сибири в конце XIX – начале XX в. // «Сибирь мой край»: Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 47–66.
13. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири. 1900–1928. Новосибирск, 1996.
14. Храмов А.А. Распределение железнодорожных перевозок хлеба в Сибири в 1896–1913 гг. и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1997. С. 132–147.
15. Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 г. М., 1993.
16. Ильных В.А. Крестьянское хозяйство Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): Тенденция и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33–76.
17. Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск, 2009.
18. Разгон В.Н., Храмов А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул, 2010.
19. Николаев В.А. Роль маслодельческой кооперации Сибири в процессе модернизационного перехода // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 232–244.
20. Ноздрин Г.А. Хозяйственное и социокультурное развитие русской сибирской деревни в начале XX в. // Российский этнос в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2004. С. 90–113.
21. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., 2000.
22. Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. М., 1923.
23. Статистический ежегодник России. Пг., 1915–1918.
24. Урожай 1901 г. в Европейской и Азиатской России. СПб., 1902.
25. Урожай хлебов в России в 1916 г. Пг., 1916.
26. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. СПб.; Пг., 1907–1917.
27. Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири : материалы статистико-экономического исследования. Томск, 1927.
28. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года: (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Пг., 1917. Вып. 3: Степной край, Сибирь и Дальний Восток.
29. Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 года. Томск, 1927.
30. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 44.
31. ГАТО. Ф. 239. Оп. 16.
32. Продовольственный вопрос в Сибири в 1915–1916 г. Пг., 1916.
33. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903.

Nikulin Peter F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: K1tat@yandex.ru

ON THE FACTORS OF ECONOMIC MODERNIZATION IN THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN SIBERIA IN THE EARLY 20TH CENTURY.

Keywords: Siberian peasants' household; agricultural modernization; agricultural production.

In the early XX century Siberia was the country's agricultural periphery which was undergoing a rapid development and colonization. The pivot of its historical evolution was the sociocultural and economic modernization of a peasant household. It became a decisive factor of the rapid growth of regional agriculture. The problem of the modernization and development of the agricultural production received a wide coverage in Siberian studies. Siberian historiography connected the growth of agriculture with the capitalist entrepreneurial activities of well-to-do peasantry. Its main objective is to define the origins, modernization factors and the development dynamics of agricultural production in Siberia in the early 20th century in the light of the sociocultural concept of economic modernization of the traditional regional peasant household. This paper relies on the published data of Russia's state and ministerial statistics as well as on the published and primary archive materials of the Tomsk Region's agricultural census of 1901 and 1916. In Siberia, annual average gross harvests of grain increased by 90% in 1901–1917. Cattle increased by 50%. Meat production increased by 45%. Sales of Siberian butter beyond the Urals increased from 50 thousand poods in 1897 to 5.7 million poods in 1913, including the 4.5 million poods exported abroad. The rapid growth of capitalist agricultural production made Siberia one of the country's leading bread-producing regions. Having 6% of population, Siberia provided 10% of Russia's gross grain harvests. The wide and dynamic development of agriculture was driven by the prevalence of the peasants' type of agricultural evolution in Siberia. The integration of Siberian family-based peasant's household into the system of the all-Russian market gave a strong impetus to its modernization. The economic modernization of the West Siberian countryside in the early XX century was reflected in the deepening of its market specialization, rationalization of its production and technical basis, greater capitals disposed by the peasant households and economic innovations. The traditional community-based nature of peasants' economic culture conditioned the dominance of the cooperative way of the economic evolution of Siberian peasantry. As of 1916, 55% of peasant households in Siberia were covered by various forms of cooperatives. Thus, the economic development of the Siberian countryside in the early XX century constituted mainly the community-cooperative type of peasant's agricultural evolution. In Siberia, cooperatives were the main vector of peasants' agricultural evolution.

REFERENCES

1. Sklyarov L.F. *Pereselenie i zemleustroystvo v Sibiri v gody stolypinskoj agrarnoy reformy* [Migration and land management in Siberia during the Stolypin agrarian reform]. Leningrad: Leningrad University Publ., 1962. 587 p.
2. Stepynin V.A. *Kolonizatsiya Eniseyskoy gubernii v epokhu kapitalizma* [The colonization of the Yenisei Guberniya in the era of capitalism]. Krasnoyarsk, 1962. 562 p.
3. Tyukavkin V.G. *Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya* [The Siberian village on the eve of the October Revolution]. Irkutsk: East-Siberian Book Publ., 1966. 471 p.

4. Goryushkin L.M. *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov. Konets XIX – nachalo XX vv.* [Siberian peasants at the turn of the century. The late 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1967. 412 p.
5. Goryushkin L.M. *Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917 gg.)* [Agrarian relations in the imperialistic Siberia (1900–1917)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1976. 341 p.
6. Okladnikov A.P., Shunkov V.P. (eds.) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney: Sibir' v epokhu kapitalizma* [The history of Siberia from ancient times to the present day. Siberia in the era of capitalism]. Leningrad: Nauka Publ., 1968, pp. 22–24, 173–211, 300–327, 436–447.
7. Goryushkin L.M. *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1983. 396 p.
8. Pronin V.I. *Skotovodstvo v Sibiri v XIX – nachale XX v.* [Cattle breeding in Siberia in the 19th – early 20th centuries]. In: *Iz istorii Altaiya* [From the history of Altai]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1978, pp. 95–129.
9. Pronin V.I. *Goroda Sibiri kak rynki sbyta sel'skokhozyaystvennoy produktsii v period kapitalizma* [Siberian cities as the markets for agricultural products in the period of capitalism]. In: *Gorod i derevnya Sibiri dosovetskogo perioda i ikh vzaimosvyazi* [The city and the village in the pre-Soviet Siberia and their relations]. Novosibirsk: NGPI Publ., 1988, pp. 61–73.
10. Khramkov A.A. *O nekotorykh voprosakh razvitiya kapitalizma v sel'skom khozyaystve Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.* [On some issues of the development of capitalism in Siberian agriculture in the late 19th – early 20th centuries]. In: *Osobennosti agrarnogo stroya Rossii v period imperializma* [The agrarian system of Russia in the period of imperialism]. Moscow: Institute of History of the USSR AS, 1962, pp. 146–159.
11. Pronin V.I. *Vyvoznaya khlebnaya trgovlya v Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.* [The export grain trade in Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. In: Zinoviev V.P. (ed.) *Khozyaystvennoe osvoenie Sibiri: Voprosy istorii XIX – pervoy trety XX v.* [The economic development of Siberia. The problems of history of the 19th – the first third of the 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1994, pp. 71–88.
12. Pronin V.I. *Khlebnaya trgovlya v Sibiri v kontse XIX – nachale KhKh v.* [The grain trade in Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. In: Zverev V.A. (ed.) *"Sibir' moy kray": Problemy regional'noy istorii i istoricheskogo obrazovaniya* ["Siberia my land": Problems of regional history and history education]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 1999, pp. 47–66.
13. Vinokurov M.A., Sukhodolov A.P. *Ekonomika Sibiri. 1900–1928* [The economy of Siberia. 1900–1928]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1996. 320 p.
14. Khramkov A.A. *Raspredelenie zheleznodorozhnykh perezovok khleba v Sibiri v 1896–1913 gg.* [The distribution of grain rail transportation in Siberia in 1896–1913]. In: *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri* [Entrepreneurs and entrepreneurship in Siberia]. Barnaul, 1997, pp. 132–147.
15. Ivantsova N.F. *Zapadnosibirskoe krest'yanstvo v 1917 – pervoy polovine 1918 gg.* [The West Siberian peasants in 1917 – the first half of 1918]. Moscow: Prometei Publ., 1993. 352 p.
16. Il'inykh V.A. *Krest'yanskoe khozyaystvo Sibiri (konets 1890-kh – nachalo 1940-kh godov): Tendentsiya i etapy razvitiya* [The peasant farm in Siberia (the late 1890 – early 1940): Trends and development stages]. In: Il'inykh V.A. (ed.) *Krest'yanskaya sem'ya i dvor v Sibiri v XX veke: problemy izucheniya* [The peasant household in Siberia in the twentieth century: problems of studying]. Novosibirsk: SB RAS Publ., 1999, pp. 33–76.
17. Nikulin P.F. *Ekonomicheskoy stroy krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri nachala XX v.* [The economic structure of the peasant household of Western Siberia in the early 20th century]. Tomsk: TML Press, 2009. 384 p.
18. Razgon V.N., Khramkov A.A., Pozharskaya K.A. *Stolypinskaya agrarnaya reforma i Altay* [The Stolypin agrarian reform and Altai]. Barnaul: Altai University Publ., 2010. 276 p.
19. Nikolaev A.A. *Rol' maslovel'cheskoy kooperatsii Sibiri v protsesse modernizatsionnogo perekhoda* [The role of butter production cooperation in Siberia during the modernization transition]. In: Lamin V.A. (ed.) *Sibirskoe obshchestvo v kontekste modernizatsii XVIII–XX vv.* [The Siberian society in the context of the modernization of the 18th – 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 2003, pp. 232–244.
20. Nozdrin G.A. *Khozyaystvennoe i sotsiokul'turnoe razvitie russkoy sibirskoy derevni v nachale XX v.* [Economic and socio-cultural development of the Russian Siberian village in the early twentieth century]. In: Lamin V.A. (ed.) *Rossiyskiy etnos v Sibiri v XX veke* [The Russian ethnos in Siberia in the twentieth century]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 2004, pp. 90–113.
21. Alekseev V.V. *Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII – XX vv.* [The experience of Russian modernizations in the 18th – 20th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 2000. 244 p.
22. Oganovskiy N.P., Kondrat'ev N.D. (eds.) *Sel'skoye khozyaystvo Rossii v XX veke: Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedeniy za 1901–1922 gg.* [Agriculture of Russia in the 20th century: The collection of statistical and economic information for 1901–1922]. Moscow: Novaya Derevnya Publ., 1923. 340 p.
23. *Statisticheskiy ezhegodnik Rossii* [The Russian Statistical Yearbook]. Petrograd, 1915–1918.
24. *Urozhay 1901 g. v Evropeyskoy i Aziatskoy Rossii* [The crop in 1901 in European and Asian Russia]. St. Petersburg, 1902.
25. *Urozhay khlebov v Rossii v 1916 g.* [The grain crop in Russia in 1916]. Petrograd, 1916.
26. *Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedeniy po sel'skomu khozyaystvu Rossii i inostrannykh gosudarstv* [The collection of statistical and economic information on agriculture of Russia and foreign countries]. St. Petersburg, Petrograd, 1907–1917.
27. Nagnibeda V.Ya. (ed.) *Pereselentsy, priselivshiesya k starozhilam i starozhily Altaysko-Tomskoy chasti Sibiri: Materialy statistiko-ekonomicheskogo issledovaniya* [The migrants who settled with the Old-Bimers and the Old-Believers of the Altai-Tomsk part of Siberia. Proceedings of statistical and economic research]. Tomsk, 1927.
28. *Predvaritel'nye itogi Vserossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy perepisi 1916 goda: (Po podschetam, proizvedennym mestnymi perepisnymi uchrezhdeniyami)* [The preliminary results of the All-Russian Agricultural Census of 1916 (according to the estimates by local agencies)]. Petrograd, 1917, issue 3.
29. *Altaysko-Tomskaya chast' Sibiri po dannym sel'skokhozyaystvennoy perepisi 1916 goda* [The Altai-Tomsk part of Siberia according to the Agricultural Census of 1916]. Tomsk, 1927.
30. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 44.
31. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 239. List 16.
32. *Prodovol'stvennyy vopros v Sibiri v 1915–1916 g.* [The food problem in Siberia in 1915–1916]. Petrograd, 1916.
33. *Sibirskaya zheleznaya doroga v ee proshlom i nastoyashchem* [Siberian Railway in its past and present]. St. Petersburg: The State Typography Publ., 1903. 451 p.

СБОРНИК «ВОПРОСЫ КОЛОНИЗАЦИИ» О ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Даётся общая характеристика сборника «Вопросы колонизации», выявляется специфика его дальневосточной тематики. Автор установлено, что редакторы и большинство авторов служили по ведомству Главного управления землеустройства и земледелия. Среди обсуждаемых вопросов – интенсивность переселения и состав переселенцев. Автор отмечает, что отдельную категорию переселенцев на Дальний Восток составляли рабочие, которые должны были вытеснить труд мигрантов из сопредельных азиатских государств. В публикациях сборника отчётливо прослеживается мысль, что переселение на Дальний Восток рассматривалось прежде всего в связи с необходимостью его укрепления русским населением и сохранения дальневосточной окраины в составе Российского государства.

Ключевые слова: колонизация; переселенческая политика; переселение на Дальний Восток; Комитет по заселению Дальнего Востока.

Сборник «Вопросы колонизации» считается важным источником для изучения истории переселения в отдалённые районы Российской империи, в числе которых был и Дальний Восток. В эпоху столыпинских реформ заселение дальневосточной окраины приобрело особую интенсивность.

Целью настоящей публикации является общая характеристика сборника «Вопросы колонизации» и определение специфики его дальневосточной тематики.

Сборник «Вопросы колонизации» издавался с 1907 по 1917 г. в Санкт-Петербурге с нерегулярной периодичностью. Номера 2–4 выходили без указания года, однако по содержанию статей можно установить, что второй номер увидел свет в 1907 г., а третий и четвёртый – в 1908 г. Всего было издано 20 номеров. Первый номер вышел под редакцией О.А. Шкапского, следующие – А.В. Успенского и Г.Ф. Чиркина (№ 2–3), Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова (№ 4–19), Г.Ф. Чиркина (№ 20). Как удалось выяснить по справочным изданиям, редакторы, как и большинство авторов, служили по ведомству Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) [1, 2].

В первом номере, вышедшем как сборник статей, по сути, была заявлена его цель: «Колонизационная работа нуждается в критике и постоянном идейном освещении её. Это нужно было всегда, но теперь особенно необходимо работать на виду общества и при свете идей. <...> Возможно полное освещение колонизации как государственно-народного дела безусловно необходимо» [3. С. 1]. Это и побудило работников переселенческого дела организовать специальный журнал для широкой общественной аудитории. Во втором номере подчёркивалось, что редакция «при участии непосредственных работников на местах стремится дать освещение всех сторон современной постановки колонизационного дела» [4. С. 4]. Кроме того, отмечалось, что первый выпуск «встретил весьма сочувственные отзывы периодической печати всех направлений», но редакторы не могут сделать сборник ежемесячным, поэтому он будет выходить по мере накопления материа-

ла [Там же. С. 3]. Начиная со второго номера «Вопросы колонизации» выходили как периодический сборник.

В «Вопросах колонизации» публиковались статьи, посвящённые общим и частным проблемам переселения (его задачам, организации, перевозке переселенцев и т.д.), всесторонней характеристике губерний и областей Азиатской России, вопросам землепользования и землеустройства, различным видам помощи со стороны правительства и работам, которые осуществляли ведомства, результатам научно-прикладных исследований (почвенных, ботанических, экономических и т.д.). Многие публикации содержали статистические сведения, взятые из отчётов заведующих переселенческим делом на местах; результатов обследований местностей; материалов, собранных Переселенческим управлением; данных переписи населения 1897 г. и Челябинской регистрации (на Челябинском переселенческом пункте осуществлялась регистрация переселенцев) и т.д. Встречаются статистические сведения без указания на их источник.

Весомое место в сборнике занимали ранее опубликованные материалы: отчёты о поездках в Сибирь (например, в восьмом номере была размещена «Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь в 1910 г.»); обзоры, составленные на основе отчётов Переселенческого управления; журналы совещаний; официальные документы (инструкции, правила, законопроекты); заметки из газет и т.д. Много места отводилось сметной документации: в сборнике регулярно перепечатывались объяснительные записки ГУЗиЗ к сметам расходов Переселенческого управления, стенограммы заседаний бюджетной и переселенческих комиссий, общего собрания Государственной думы, на которых обсуждались сметы.

Во всех номерах, за исключением последнего, есть рубрика «Хроника», в которой публиковались материалы, отражавшие текущее состояние переселенческого дела. Во втором и пятом номерах были представлены письма в редакцию, отличающиеся полемической направленностью. Рубрика «Библиография» знакомила

читателей с новыми изданиями по переселенческой тематике.

Проведённые подсчёты показали, что в 20 номерах «Вопросов колонизации» были опубликованы 377 различных материалов (исключая содержание рубрики «Библиография» и одного некролога), из них 37 публикаций (9,8%) были специально посвящены Дальнему Востоку (37 публикаций посвящены двум областям Дальнего Востока: Амурской и Приморской, а также острову Сахалину (ему посвящено всего две статьи). Сахалин с 1884 г. был определён как Сахалинский отдел, а в 1909 г. был выделен из состава Приморской области в самостоятельную Сахалинскую. Забайкальская область к моменту начала столыпинских реформ вошла в состав Иркутского генерал-губернаторства (1906 г.), покинув Приамурское генерал-губернаторство, поэтому мы её из расчёта исключили (но можно отметить, что отдельно Забайкалью посвящены четыре статьи). Этими материалами не исчерпывается дальневосточное содержание сборника, поскольку дальневосточная окраина упоминалась практически в каждом номере при обсуждении проблем, связанных с переселением в Азиатскую Россию.

Предметом постоянного внимания являлся вопрос об интенсивности переселения. Так, например, чиновник особых поручений при Переселенческом управлении Н. Минко в качестве одной из отличительных черт переселенческого движения 1907 г. назвал «усиленное движение на Дальний Восток, превысившее в отчётном году всякие ожидания» [5. С. 1]. Однако им была выявлена следующая тенденция: часть семей переселенцев отправлялись по проходным свидетельствам (но без предварительной отправки ходоков) в Амурскую и Приморскую области, но далеко не все, отмечаемые в Челябинске как идущие на Дальний Восток, добирались до этой окраины [Там же. С. 5]. Статья Н. Минко интересна тем, что информация о переселенческой кампании 1907 г. структурирована как по губерниям выхода, так и по губерниям водворения. Читатель узнаёт, например, что Приморская область в 1907 г. заняла второе место по числу принятых переселенцев. Движение в область «впервые достигло столь громадных размеров, что в 22,5 раза превысило среднее за 1897–1903 гг. и более чем в 8 раз движение предшествующего ему 1906 г.» [Там же. С. 38–39]. Движение в Амурскую же область «ранее не подымалось выше 6,5 тысяч», в 1907 г. она входила в число губерний, принявших более 10 000 семейных переселенцев [Там же. С. 43].

В публикации одиннадцатого номера сборника чиновником особых поручений при Переселенческом управлении Н. Турчаниновым рассмотрен вопрос о распределении выходцев из губерний Европейской России по территории Сибири и Степного края. Автор также отмечено, что население передвигалось и в пределах самой Сибири. Анализируя данные переписи 1897 г., он выяснил, что наибольшее число переселен-

цев в Амурскую область дали Полтавская (10 287) и Тамбовская (5 405) губернии. Лидерами заселения Приморской области были Черниговская (15 592) и Полтавская (8 025) губернии [6. С. 222–223]. В последующий период (1896–1910 г.) ситуация несколько изменилась. Большую часть переселенцев в Амурскую область, помимо Полтавской губернии (19 445), дали Могилёвская (13 118), Харьковская (7 004), Киевская (6 843), Черниговская (5 303) губернии и др. В Приморскую область по-прежнему активно переселялись выходцы из губерний: Черниговской (35 193), а также Киевской (27 901), Полтавской (16 417), Подольской (8 462), Могилёвской (8 149), Волынской (7 812) и других губерний [6. С. 234–235]. Н. Турчанинов пришёл к выводу о тяготении уроженцев отдельных губерний Европейской России к тем или иным районам Сибири и Дальнего Востока.

В десятом номере сборника был помещён «Обзор переселения и землеустройства за Уралом за 1906–1910 гг.», основанный на отчёте Переселенческого управления. В обзоре были приведены статистические данные, характеризующие размах переселенческого движения в рассматриваемый период в сравнении с предшествующим десятилетием. В частности, указывалось, что в 1896–1905 гг. на Дальний Восток проследовало переселенцев и ходоков 72 521 душа обоёго пола, а в 1906–1910 гг. – 260 721 душа [7. С. 223–224]. Вновь обращалось внимание на усиленное переселение в дальневосточные области, что объяснялось «рядом специальных мер, принятых Правительством, в целях облегчения условий переезда в эту отдалённую окраину, *скорейшее заселение коей является делом перво-степенной важности по общегосударственным соображениям*» [Там же. С. 224] (курсив мой. – Н.З.). Приводились цифры и обратного движения. Если за 1896–1905 гг. вернулось из областей Дальнего Востока 6 167 человек, то за 1906–1910 гг. – 23 268 [7. С. 226]. Подобные аналитические обзоры по широкому кругу вопросов появлялись и в последующих номерах сборника. Так, в двадцатом номере был помещён подготовленный В. Тресвятским обзор «Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 г.» [8].

В ряде публикаций затрагивался вопрос о составе переселенцев на Дальний Восток, основная масса которых была представлена крестьянами. С течением же времени отдельную категорию переселяющихся составили рабочие, которые должны были вытеснить труд мигрантов из сопредельных азиатских государств. Одним из авторов, изучавших этот вопрос, был чиновник особых поручений при Переселенческом управлении А. Панов. В двух номерах сборника (7 и 11) были опубликованы три его статьи. Если в первой работе он сетовал на то, что государство так и не определилось с политикой в решении вопроса о внедрении азиатских рабочих [9. С. 105], то спустя короткое время констатировал факт вступления правительства на верный путь в борьбе с их внедрением в российские пределы [10. С. 183].

Какие изменения произошли на государственном уровне в решении этого вопроса? В 1909 г. при Совете министров был образован Комитет по заселению Дальнего Востока «для объединения и общего направления правительственных мер по колонизации Приамурского края» [11. С. 344]; образовано межуведомственное совещание под председательством товарища главного управляющего землеустройством и земледелием Б.Е. Иваницкого для разработки предположений «о способах обеспечения Приамурья русскими рабочими» [12]; принят закон 21 июня 1910 г., устанавливающий ряд ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве, в частности запрещающий наём иностранных подданных на работы, производимые для надобностей казённого управления [13].

В состав Комитета по заселению Дальнего Востока, председателем которого был П.А. Столыпин, входили представители следующих министерств: императорского двора и уделов, иностранных дел, военного, морского, внутренних дел, юстиции, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, а также ГУЗиЗа и Государственного контроля, в необходимых случаях – Священного Синода и Министерства народного просвещения. На правах членов во время пребывания в Петербурге в заседаниях участвовали приамурский и иркутский генерал-губернаторы, военные губернаторы Амурской, Приморской и Забайкальской областей, а также иркутский, якутский и камчатский гражданские губернаторы [14. С. 202–203]. «Хроника» девятого номера «Вопросов колонизации» знакомила с результатами заседания Комитета по заселению Дальнего Востока в феврале 1911 г., на котором было отмечено, что борьба

с наплывом выходцев из сопредельных стран «составляет одну из главнейших задач Правительства на Дальнем Востоке» [15. С. 447] (курсив мой. – Н.З.).

В предпоследнем номере сборника появилась статья «Жёлтый труд на Дальнем Востоке по данным 1914 года». Её автор, обозначивший себя как «Л.Г.», основываясь на результатах обследования рынка занятости Амурской, Приморской и Забайкальской областей в 1911 и 1913 гг., попытался охарактеризовать изменения, имевшие место в 1914 г. Он писал, что, несмотря на неполноту фактических данных для формулировки окончательного вывода, нельзя «отрицать того факта, что, по сравнению с основным 1911 г. начала регистрации рабочих, русское дело в 1914 г. не пошло назад...» [16. С. 170].

В изученных материалах сборника отчётливо прослеживается мысль об особом положении дальневосточной окраины и значимости её прочной колонизации, что нашло отражение в публикациях не только дальневосточной тематики. Так, в справке «Современное положение переселенческого дела и его нужды» неоднократно указывалось: «Скорейшее же заселение обширных и богатых дальневосточных окраин – Приамурья и Уссурийского края, с развитием в них промышленной и культурной жизни, является единственно верным средством к сохранению их в наших руках, а следовательно, и одною из важнейших задач в деле государственной обороны» [17. С. 157] (курсив мой. – Н.З.). Тем самым переселение на Дальний Восток рассматривалось прежде всего в связи с необходимостью его укрепления русским населением и сохранения дальневосточной окраины в составе Российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Главное управление землеустройства и земледелия. Список лиц, служащих по ведомству Главного управления землеустройства и земледелия. 1909 г. СПб., 1909–1912.
2. Главное управление землеустройства и земледелия. Список личного состава. I. Центральные учреждения. II. Местные учреждения. Пг., 1915.
3. От редакции // Вопросы колонизации : сборник статей. СПб., 1907. № 1. С. 1–2.
4. От редакции // Вопросы колонизации : периодический сборник. СПб., 1907. № 2. С. III–IV.
5. Минко Н. Переселенческое движение в 1907 г. // Вопросы колонизации. СПб., 1908. № 3. С. 1–47.
6. Турчанинов Н. Характерные черты русского переселения до проведения Сибирской железной дороги и в последующий за её сооружением период // Вопросы колонизации. СПб., 1912. № 11. С. 208–240.
7. Обзор переселения и землеустройства за Уралом за 1906–1910 гг. // Вопросы колонизации. СПб., 1912. № 10. С. 219–288.
8. Тресвятский В. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 г. // Вопросы колонизации. Пг., 1917. № 20. С. 45–85.
9. Панов А. Жёлтый вопрос в Приамурье (Историко-статистический очерк) // Вопросы колонизации. СПб., 1910. № 7. С. 53–116.
10. Панов А. Жёлтый вопрос и меры борьбы с «жёлтым засильем» в Приамурье // Вопросы колонизации. СПб., 1912. № 11. С. 171–184.
11. Высочайше утверждённое положение Совета министров об образовании Комитета по заселению Дальнего Востока // Вопросы колонизации. СПб., 1910. № 6. С. 344–347.
12. Межуведомственное совещание по рабочему вопросу на Дальнем Востоке // Вопросы колонизации. СПб., 1912. № 10. С. 308–313.
13. Высочайше утверждённый одобренный Государственным советом и Государственною думою закон «Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства, некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве» (№ 33858) // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. СПб., 1913. Т. XXX. Отд. 1. С. 825.
14. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998.
15. Постановления Комитета по заселению Дальнего Востока о мерах привлечения русских рабочих на Дальний Восток // Вопросы колонизации. СПб., 1911. № 9. С. 446–456.
16. Л.Г. Жёлтый труд на Дальнем Востоке по данным 1914 г. // Вопросы колонизации. Пг., 1916. № 19. С. 140–171.
17. Современное положение переселенческого дела и его нужды // Вопросы колонизации. СПб., 1907. № 2. С. 147–238.

Zueva Nelly S. Moscow State Pedagogical University. E-mail: nellyserg@yandex.ru

THE COLLECTION “QUESTIONS OF COLONIZATION” ABOUT THE PROBLEMS OF RESETTLEMENT TO THE RUSSIAN FAR EAST.

Keywords: the colonization; the resettlement policy; the relocation to the Far East; The Committee for the settlement of the Far East.

The collection of articles "Questions of colonization" is considered to be an important source of studying the history of resettlement in remote areas of the Russian Empire. In the era of the Stolypin reforms the settling of the far Eastern suburbs became especially intensive. The aim of this article is a general description of the collection of articles and detection of its far Eastern theme. The collection of articles was published from 1907 to 1917 in St. Petersburg with irregular intervals. 20 issues of the collection were issued. The author found out that the editors and most of the authors have served in the Main Department of land management and agriculture. Articles on the variety of themes were published in the collection: its objectives, organization, transportation of displaced residents and so on), a comprehensive characterization of the provinces and regions of Asian Russia, issues of land use and land management, various types of government assistance and the work that was carried out by the Departments, the results of applied research (soil, botany, economic, etc). The previously published material such as trip reports from Siberia; reviews based on the report of the Resettlement management; official documents (regulations, rules, laws); notes from Newspapers etc., took an important place in the collection. Another important aspect was the estimate documentation. The materials, reflecting the current state of the resettlement case were published in all issues (except the last), in the section "Chronicle". вообще не так. In the Section "Bibliography" there was information (либо was put the information) about new publications on migration issues. The intensity of relocation and composition of settlers is one of the most discussed issues. The author of the article notes that a separate category of settlers to the Far East was comprised of workers, which are closely related to the problem of employment of the Asian population. In the publications of the collection there was the question about state measures of solving the problems of the "implementation" of Asian workers: in 1909, at the Council of Ministers was formed the Committee for the settlement of the Far East "for the Association and the General direction of government action colonization of the Amur region"; the interdepartmental meeting to develop assumptions "about the ways to ensure the Amur Russian workers" was established; the law of 21 June 1910, establishing a number of restrictions for persons of foreign citizenship, in particular, prohibiting the employment of foreign nationals on work done for the private use of state management was released. The clear idea about the special position of the Far Eastern suburbs is represented in publications of the collection. The author comes to the conclusion that the relocation to the Far East was discussed primarily in connection with the necessity of strengthening it with the Russian population and the maintenance of the Far Eastern margin as a part of the Russian state.

REFERENCES

1. *Glavnoe upravlenie zemleustroystva i zemledeliya. Spisok lits, sluzhashchikh po vedomstvu Glavnogo upravleniya zemleustroystva i zemledeliya. 1909 g.* [The General Agency of Planning and Agriculture. The list of persons serving in the General Agency of Land and Agriculture. 1909]. St. Petersburg, 1909–1912.
2. *Glavnoe upravlenie zemleustroystva i zemledeliya. Spisok lichnogo sostava. I. Tsentral'nye uchrezhdeniya. II. Mestnye uchrezhdeniya* [The General Agency of Planning and Agriculture. The list of personnel. I. Headquarters. II. Local institutions]. Petrograd, 1915.
3. Ot redaktsii [Editorial]. *Voprosy kolonizatsii*, 1907, no. 1, pp. 1-2.
4. Ot redaktsii [Editorial]. *Voprosy kolonizatsii*, 1907, no. 2, pp. 3-4.
5. Minko N. *Pereselencheskoe dvizhenie v 1907 g.* [The migration in 1907]. *Voprosy kolonizatsii*, 1908, no. 3, pp. 1-47.
6. Turchaninov N. *Kharakternye cherty russkogo pereseleniya do provedeniya Sibirskoy zheleznoy dorogi i v posleduyushchiy za ee sooruzheniem period* [Migration in Russian before and after the Siberian railway]. *Voprosy kolonizatsii*, 1912, no. 11, pp. 208-240.
7. *Obzor pereseleniya i zemleustroystva za Uralom za 1906–1910 gg.* [The review of migration and land management beyond the Urals in 1906–1910]. *Voprosy kolonizatsii*, 1912, no. 10, pp. 219-288.
8. Tresvyatskiy V. *Itogi pereselencheskogo dela za Uralom za desyatiletie s 1906 po 1916 g.* [The results of migration beyond the Urals in 1906 – 1916]. *Voprosy kolonizatsii*, 1917, no. 20, pp. 45-85.
9. Panov A. *Zheltyy vopros v Priamur'e (Istoriko-statisticheskiy ocherk)* [The "yellow" problem in Amur region (Historical and statistical review)]. *Voprosy kolonizatsii*, 1910, no. 7, pp. 53-116.
10. Panov A. *Zheltyy vopros i mery bor'by s "zheltyim zasil'em" v Priamur'e* [The "yellow" problem and the response to "yellow dominance" in Amur region]. *Voprosy kolonizatsii*, 1912, no. 11, pp. 171-184.
11. *Vysochayshe utverzhdennoe polozhenie Soveta ministrov ob obrazovanii Komiteta po zaseleniyu Dal'nego Vostoka* [The position of the Council of Ministers of Education of the Committee on the migration to the Far East by Imperial consolidation]. *Voprosy kolonizatsii*, 1910, no. 6, pp. 344-347.
12. *Mezhduvedomstvennoe soveshchanie po rabochemu voprosu na Dal'nem Vostoke* [The interagency meeting on the labor problem in the Far East]. *Voprosy kolonizatsii*, 1912, no. 10, pp. 308-313.
13. *Vysochayshe utverzhdennyy odobrennyy Gosudarstvennym Sovetom i Gosudarstvennoy Dumoy zakon «Ob ustanovlenii v predelakh Priamurskogo general-gubernatorstva i Zabaykal'skoy oblasti, Irkutskogo general-gubernatorstva, nekotorykh ogranicheniy dlya lits, sostoyashchikh v inostrannom poddanstve» (№ 33858)* [The law "On establishing certain restrictions for people with foreign citizenship within Priamursky Governor-General jurisdiction, the Trans-Baikal region and Irkutsk Governor-General jurisdiction" approved by the State Council and the State Duma by Imperial consolidation (№ 33858)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1913, vol. XXX, p. 825.
14. *Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917 gg.* [Higher and central government departments in Russia. 1801-1917]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1998, vol. 1.
15. *Postanovleniya Komiteta po zaseleniyu Dal'nego Vostoka o merakh privlecheniya russkikh rabochikh na Dal'niy Vostok* [Resolutions of the Committee on migration to the Far East and of the measures to attract Russian workers to the Far East]. *Voprosy kolonizatsii*, 1911, no. 9, pp. 446-456.
16. L.G. *Zheltyy trud na Dal'nem Vostoke po dannym 1914 g.* [The "yellow" workers in the Far East in 1914]. *Voprosy kolonizatsii*, 1916, no. 19, pp. 140-171.
17. *Sovremennoe polozhenie pereselencheskogo dela i ego nuzhdy* [The current situation in migration and it needs]. *Voprosy kolonizatsii*, 1907, no. 2, pp. 147-238.

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Православное духовенство в Томской губернии в XIX – начале XX в., как и по всей Российской империи, формировалось, как правило, из лиц, происходивших из духовного сословия. Вопросы реформирования системы духовного образования и привлечения к служению в церкви представителей разных слоев общества, для которых священство было бы призванием, а не просто проторенным поколением предков путем, нередко поднимались православной общественностью в последнее десятилетие бытия императорской России. Тем не менее священство до самой революции, несмотря на небольшой приток кандидатов извне, продолжало оставаться принадлежностью одного лишь духовного сословия.

Ключевые слова: духовенство; церковь; священнослужители; семинария.

Заметную роль в русской истории всегда играло духовное сословие. Формирование православного приходского духовенства в Российской империи в XIX – начале XX в., а именно социальное происхождение, образовательный уровень, вступление в клир, происходило под воздействием следующих факторов. Во-первых, православная церковь, в отличие от церкви римско-католической, не знала обязательного безбрачия приходского духовенства, отсюда в России постепенно сложилось довольно многочисленное духовное сословие. К середине XIX в. один священник приходился на 1 365 чел., а одно лицо духовного сословия – на 85 чел. [1. С. 93]. Духовное сословие состояло не только из священнослужителей и церковнослужителей, но включало и членов их семейств, учащихся духовных школ. Эта социальная группа была достаточно замкнутой (даже браки, как правило, заключались внутри этого сословия), сравнительно образованной (подавляющее большинство было, по крайней мере, грамотным, а проходившие курс духовной школы имели достаточно хорошее образование) и довольно консервативной, длительное время сохранявшей в своем менталитете и быту черты патриархального, допетровского уклада жизни.

Во-вторых, в XVIII в. для духовенства были введены «штаты», регламентировавшие его количество на приходах. По штатам 1778 г. один священник приходился на 100–150 дворов, два священника – на 250–300 дворов, три – на 300 дворов и более, что существенно ограничивало число священнических, диаконских и причетнических вакансий.

В третьих, «Духовный регламент» Петра I указывал на необходимость открытия в каждой епархии школ для детей духовенства. В 1723 г. указ Святейшего Синода за уклонение от обучения в духовной школе угрожал детям духовенства записью в подушный оклад, а их родителям – лишением должностей [2. С. 546]. Учиться в школе было трудно во многом потому, что почти до середины XIX в. все предметы преподавались на латинском языке, так что не все были способны окончить полный курс. Тем не менее образование, пусть и не полное, оставалось обязательным условием для посвящения в сан.

Еще в XVIII в. наказание родителей, не отпускавших сыновей в семинарию, было обычным делом. Например, в архиве Тобольской духовной консистории хранится дело 1764 г. «О наказании штрафом и плетью священника Спасской церкви Киргинской слободы Красноярского заказа Федора Арефьева за подстрекательство сына своего Василия в прекращении обучения в семинарии». Есть дело 1769 г. «Доношение Вятской провинциальной канцелярии о поимке учеников Тобольской семинарии Петра Павлова, Ивана Букова, Кудрявцева, сбежавших из семинарии из-за плохого питания» [3. Д. 860, Д. 1961]. В «Тобольских епархиальных ведомостях» за 1885 г. в одной из статей приведены безыскусные, но от души написанные стихи неизвестного пономаря в начале XIX в., отправившего детей в училище:

«О мои детушки сердечные,
Не на ученье вас везут,
А на мученье бесконечное.
О мои детушки, милые лебедушки!
Лучше было вам не родиться на сей свет,
А хотя и родиться,
Тот же час киселем задавится
И в воду утопится.
Лучше бы вас своими руками в землю закопал,
Чем в семинарию на муку отдал» [4. С. 18].

Результатом всего вышеперечисленного была, как уже говорилось, замкнутость духовного сословия, ставшего своего рода кастой. Такое положение продолжалось до «Великих реформ». Закон от 26 мая 1869 г. о принадлежности детей духовенства разрешил выпускникам духовных семинарий свободно поступать в светские высшие учебные заведения [1. С. 55]. В немалой степени старая русская интеллигенция вышла из этих бывших семинаристов. В Томском Императорском университете за первые два с половиной десятилетия его предреволюционной истории они составляли около 60% от общего числа студентов [5. С. 147]. В то же время появлялись соискатели священного сана, не принадлежавшие к духовному сословию. Несмотря на то что границы сословия стали постепенно размывать-

ся, священство в основном продолжало оставаться служением наследственным.

Такая ситуация была общей для всей России. Не были исключением и образованные в 1804 и 1834 гг. соответственно Томская губерния и епархия. В 1885 г. в губернии числились 3 574 представителя православного духовенства, что составляло 0,3% от всего ее населения [6. С. 9]. В Томске, согласно Первой всеобщей переписи 1897 г., к духовному сословию принадлежали 1 107 человек, составлявшие 2% от общего населения города. Из них 316 человек (0,6%) относились к клиру [7. С. 101–102]. Из 13 дореволюционных томских архиереев 5 происходили из священнических семей, двое были сыновьями дьяконов и шесть – церковнослужителей (пономарей и причетников) [8. С. 12–53].

Сведения о составе томского духовенства могут дать фамилии учащихся духовной семинарии. С XVIII в. до середины XIX в. учащимся духовных школ во время обучения давались новые фамилии иногда латинского, иногда русского происхождения. Например, выдающийся церковный историк профессор Московской духовной академии Е.Е. Голубинский приобрел свою фамилию по выбору его отца при поступлении в Солигаличское училище. (Отец его назывался Песковым, дед – Бельевым.) [9. С. 150]. Другого известного историка архиепископа Черниговского Филарета (Гумилевского) называли так в семинарии за скромность (*humilis* – «смиранный»). Фамилия писателя Н.П. Гилярова-Платонова была образована от лат. *hilaris* – «веселый». Использовались и русские варианты: Смиреннов, Веселовский и т.д. Часто фамилии связывались с церковными праздниками: Рождественский, Троицкий, Предтеченский, Крестовоздвиженский, Введенский, Богоявленский. Архиепископ Томский и Алтайский Макарий фамилию «Невский» получил в Тобольской семинарии, а по отцу он назывался «Парвицкий».

В списках учащихся Томской духовной семинарии часто встречаем такие священнические фамилии: Минералов, Россов, Мраморнов, Пальмин, Чистосердов, Дьяконов, Благоннадеждин, Завадовский, Никольский, Богословский, Покровский, Моцартов, Воскресенский, Коронатов [10. С. 14–19], Вышегородский, Попов, Субботин, Виноградов, Лавров, Бессонов, Ломовицкий, Миловзоров, Фигуровский, Добротворцев, Рождественский, Павский, Архангельский [11. С. 116–118].

Некоторые фамилии встречаются неоднократно, скорее всего, носившие их являлись родственниками. В духовных школах большинство учащихся происходили из семей священнослужителей и церковнослужителей. Многие из них по окончании семинарии принимали священный сан.

Важнейшим источником являются клировые ведомости Томской духовной консистории, в которых содержатся ежегодные сведения о церквях епархии, духовенстве и семьях духовенства, о составе приходов. Для примера рассмотрим сведения, поданные в конси-

сторию из 38 сел Томской губернии, уездов Томского, Барнаульского и Кузнецкого в 1900 и 1901 гг.

В клире состояли сорок два священника и десять дьяконов. Из них тридцать один происходил из семьи священнослужителя (священника, дьякона, реже – протоиерея). Тринадцать – из семьи церковнослужителя (причетника, пономаря, дьячка). И лишь у шести отцы не принадлежали к духовному сословию: два чиновника (коллежский ассессор и канцелярский служитель), три мещанина и один крестьянин. Образование получали в духовных семинариях: Томской, Тобольской, Пензенской, Новгородской, Самарской; в училищах: Томском, Барнаульском, Курском, Шацком. В семинарии обучались двадцать шесть человек, из которых полный курс окончили тринадцать. В духовном училище – двадцать один, тринадцать из которых окончили полный курс, один окончил причетнический класс Томского духовного училища, один – Бийское катехизаторское училище [12. Д. 2790. Л. 2. 112 об.; Д. 2903. Л. 4 об.–63 об.].

В Томске, как в городе губернском, ситуация отличалась лишь более высоким образовательным уровнем духовенства. Наряду с окончившими полный курс семинарии были и учившиеся в духовных академиях. Профессора Томского университета протоиереи Дмитрий Беликов, Яков Галахов, протоиерей Сергей Дмитриевский – наиболее известные выпускники Казанской духовной академии, подвизавшиеся в Томске.

В «Томских епархиальных ведомостях» существовал постоянный отдел, в котором публиковался список свободных священнических, диаконских и причетнических мест в приходах епархии.

С 1912 г., на основании указа Святейшего синода от 31 октября 1911 г. были составлены «Правила и программы для приема в Томскую духовную семинарию и обучения в V и VI классах оной вольнослушателей богословских предметов». На их основании предполагалось принимать в первые последние два класса семинарии «лиц, не получивших богословского образования и ищущих сан дьякона или священника в Томской епархии». Принимались, со сдачей экзамена, лица дьяконского сана и учителя церковно-приходских и духовных школ, имевшие образование не ниже духовного училища или второклассной духовной школы [13. С. 161].

В октябре 1915 г. епископ Томский и Алтайский Анатолий утвердил программу испытаний для кандидатов в священный сан и на должность псаломщика. В нее входили вопросы по богословию, богослужебной практике, обличению «раскола» и «рационалистических сект» [14. С. 14].

Одним из окончивших курсы при духовной семинарии был Петр Федорович Блинов, в 1914 г. рукоположенный в священники, будущий обновленческий митрополит. Интересные заметки о нем сделал известный христианский писатель и диссидент, участник правозащитного движения в СССР Анатолий Левитин. Бли-

нов был коренным сибиряком, уроженцем Томской губернии, сыном местного крестьянина-охотника. Два года был послушником в одном из сибирских монастырей, много путешествовал. В 1919 г. стал священником в Томской церкви Иоанна Лествичника. «Бога-тырь ростом, кряжистый и плечистый... пополнял недостаток систематического образования чтением, обильным запасом жизненных наблюдений... Впоследствии, будучи уже архиереем, он, благословляя народ, говорил каждому индивидуальное поучение; например: “Господь да благословит всю вашу жизнь; пусть она будет чистой, как родниковая вода, светлой, как день; ясной, как солнце», всегда все экспромтом и всегда умно и оригинально”» [15. С. 186–187].

В качестве примера священнослужителя, происшедшего не из духовного сословия, можно назвать и иеромонаха Игнатия (Дверницкого), заведующего Томской церковно-учительской школой и убитого революционно настроенными учащимися в 1909 г. Отец его

был чиновником, а сам Игнатий учился на историко-филологическом факультете Московского университета, откуда перевелся в Московскую духовную академию, в которой принял монашеский постриг.

Пастырские курсы создавались даже после Гражданской войны, при большевиках. В 1921 и 1924 гг. Томская епархия приглашала местных крестьян на курсы по подготовке сельских священников [16. С. 202–203].

Вопросы реформирования системы духовного образования и привлечения к служению в церкви представителей разных слоев общества, для которых священство было бы призванием, а не просто проторенным поколением предков путем, нередко поднимались православной общественностью в последнее десятилетие бытия императорской России. Тем не менее священство до самой революции 1917 г., несмотря на небольшой приток кандидатов извне, продолжало оставаться принадлежностью одного лишь духовного сословия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М., 1999.
2. Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. М., 1992. Т. 2.
3. Государственный архив Тюменской области. Ф. 156. Оп. 2.
4. Тобольские епархиальные ведомости. 1885. 1 янв.
5. Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1913.
6. Обзор Томской губернии за 1885 г. Томск, 1886.
7. Дмитриенко Н.М. Социально-экономическое развитие Сибирского города в эпоху капитализма 1861 – февраль 1917 г. (на материалах Томска) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984.
8. Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. Томские архиереи. Биографический словарь. 1834–2002. Томск, 2002.
9. Полунов А.Ю., Соловьев И.В. Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского. М., 1998.
10. Томские епархиальные ведомости. 1900. 15 июня.
11. Томские епархиальные ведомости. 1881. 15 июня.
12. Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 1.
13. Томские епархиальные ведомости. 1912. 1–15 апр.
14. Томские епархиальные ведомости. 1916. 1 янв.
15. Левитин-Краснов А.Э., Шауров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996.
16. Нерей Михаил Фаст. От старой семинарии – к новой. Духовное образование в Сибири. История и современность : материалы конф. Томск, 2009.

Smokotin Stanislav V. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smokwa@sibmail.com

SOURCES OF FORMATION OF THE ORTHODOX PARISH CLERGY IN TOMSK PROVINCE IN THE 19th – EARLY 20th CENTURIES.

Keywords: clergy; church; priesthood; seminary.

The formation of the Russian Orthodox clergy in the XIX – early XX centuries was influenced by several factors. Among them were: the existence of a large clerical order and limited parish staff introduced in late XVIII century. The clerical order was exclusive, and the priesthood usually was formed out of the families of the clergy. The Tomsk province and diocese, which were established in 1804 and 1834, were not an exception. In 1885 there were 3 574 representatives of the Orthodox clergy in Tomsk province, or 0.3% of its population. Out of thirteen Tomsk bishops five came of priest families, fathers of two were deacons, and six were sons of sextons. Surnames of students of theological seminaries are also an important source of information. In XVIII – early XIX centuries a tradition existed according to which students of theological seminaries in Russia were given new surnames mostly of Latin or Russian origin. Such surnames often originated from the names of Church holidays, for example Troizky, Predtechensky, Vvedensky, Bogoyavlensky. Archbishop of Tomsk and Altay Makarius obtained his surname “Nevsky” while studying in Tobolsk theological seminary. His father’s surname was Parvizky. The clergy lists of the Tomsk diocese are the most important source that contains annual information on the churches, clergy and its families, parishes. For an example, the information on 38 villages of Tomsk province in 1900 and 1901 was considered. The clergy consisted of forty two priests and ten deacons. Thirty one of them were from families of priesthood, thirteen – from families of sextons, and only six did not come of priesthood stock. They were educated in theological seminaries in Tomsk, Tobolsk, Penza, Novgorod, Samara, and in theological schools in Tomsk, Barnaul, Kursk, Shatsk. Twenty six of them studied in theological seminaries, thirteen were graduates, twenty one studied in theological schools, and thirteen were graduates. The newspaper “Tomskiye eparkhialnye vedomosti” had a section in which a list of vacant posts for priests, deacons and sextons was published. The problems of improving the system of theological education were often discussed by public and Church in the pre-revolutionary Russia. Nevertheless, priesthood mostly belonged to the ecclesiastical estate.

REFERENCES

1. Rimskiy S.V. *Rossiyskaya tserkov' v epokhu velikikh reform* [The Russian Church in the era of great reforms]. Moscow: Krutitskoe Patriarsh'e Podvor'e Publ., 1999. 567 p.
2. Kartashev A.V. *Ocherki po istorii Russkoy tserkvi* [Essays on the History of the Russian Church]. Moscow: Terra Publ., 1992, vol. 2. 589 p.
3. The State Archive of Tyumen Region. Fund 156. List 2. (In Russian).
4. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, 1885, 1st January.
5. *Kratkiy istoricheskiy ocherk Tomskogo universiteta za pervye 25 let ego sushchestvovaniya (1888-1913)* [A brief historical sketch of Tomsk State University for the first 25 years of its existence (1888-1913)]. Tomsk, 1913.
6. *Obzor Tomskoy gubernii za 1885 g.* [The overview of Tomsk Guberniya in 1885]. Tomsk, 1886.
7. Dmitrienko N.M. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Sibirskogo goroda v epokhu kapitalizma 1861 – fevral' 1917g. (na materialakh Tomskoy): dis. kand. ist. nauk* [The socio-economic development of the Siberian city in the era of capitalism in 1861 – February 1917 (as exemplified by Tomsk). History Cand. Dis.]. Tomsk, 1984.
8. Isakov S.A., Dmitrienko N.M. *Tomskie arkhiepi. Biograficheskiy slovar'. 1834–2002* [The Tomsk bishops. A Biographical Dictionary. 1834–2002]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2002. 111 p.
9. Polunov A.Yu. Solov'ev I.V. *Zhizn' i trudy akademika E.E. Golubinskogo* [The life and works of Academician E.E. Golubinsky]. Moscow: Krutitskoe Patriarsh'e Podvor'e Publ., 1998. 251 p.
10. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1900, 15th June.
11. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1881, 15th June.
12. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 1. (In Russian).
13. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1912, 1st–15th April.
14. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1916, 1st January.
15. Levitin-Krasnov A.E., Shavrov V.M. *Ocherki po istorii russkoy tserkovnoy smuty* [Essays on the history of Russian church turmoil]. Moscow: Krutitskoe Patriarsh'e Podvor'e Publ., 1996. 670 p.
16. Fast M. [From the old seminary to the new one]. *Dukhovnoe obrazovanie v Sibiri. Istoriya i sovremennost'*: mater. konf. [The theological education in Siberia. History and Modernity. Proc. of the conference]. Tomsk, 2009.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИЦИИ В 1867–1917 гг. (НА ПРИМЕРЕ г. ТЮМЕНИ)

Исследованы проблемы взаимоотношений городского самоуправления и полиции в системе управления г. Тюмени в 1867–1917 гг. Городскому управлению и полиции приходилось договариваться, искать компромисс, согласовывать вводимые меры. Периоды конфронтации сменялись тесным сотрудничеством. Избыточность функций полиции, отсутствие разграничения полномочий между органами приводили к частым служебным конфликтам, созданию административных барьеров, путанице и дублированию их деятельности. Найти оптимальный баланс взаимодействия в досоветский период так и не удалось.

Ключевые слова: органы городского самоуправления; полиция; городская реформа; местное хозяйство; Тюмень.

Реформы 1860–1870-х гг. предопределили дальнейшее развитие страны, объективно способствовали утверждению капиталистических отношений во всех сферах ее жизни. В этих условиях правительство стремилось разрешить проблемы с организацией новой системы местного самоуправления, переустройством деятельности органов полиции, а также урегулировать взаимоотношения между городским общественным управлением и административной властью.

По Временным правилам от 25 декабря 1862 г. сельская и городская полиция объединялись в централизованное уездное полицейское управление. На уровне городов были учреждены полицейские команды. МВД потребовало от всех городов отнести расходы по содержанию местных команд к общегородским или общеуездным, так как полицейские учреждения входили в структуру городского или (окружного) уездного управления. В ходе реформы Тюменская городская полиция, действовавшая по штатам, утвержденным МВД 15 июня 1853 г., была объединена с сельской, образовав окружное полицейское управление (с 1897 г. – уездное). Сформированная в 1867 г. городская полицейская команда подчинялась окружному управлению во главе с исправником. Команда состояла из 31 полицейского: 1 старший унтер-офицер, 2 младших унтер-офицера и 28 рядовых [1. Л. 1–9].

Городская реформа 1870 г. учреждала в городах новые органы самоуправления, что в свою очередь требовало преобразования составов и окладов полицейских команд. По постановлению Тюменской городской думы от 19 апреля 1873 г. штат местной команды составлял 33 человека; годовой оклад окружному исправнику был установлен в 300 руб. серебром, его помощнику – 200 руб., следственному приставу – 150 руб., надзирателю – 80 руб. Все пособия чинам полиции управа выплачивала ежемесячно. Кроме того, дума решила построить здания для участковых [2. Л. 101 об.–102].

Местная полиция во главе с исправником подчинялась непосредственно губернатору и губернскому управлению. Центром фактической полицейской деятельности являлся уезд, который делился на «станы» во главе со станowymi приставами, исполнителями прика-

зов которых служили пешие и конные полицейские урядники, сотские – в участках стана, десятские – в селениях. В Тюменском уезде были образованы 2 стана, которые подразделялись на 10 участков.

Город Тюмень в административно-полицейском отношении делился на части во главе с частными приставами, части – на участки (околотки) во главе с участковыми (околоточными) надзирателями под общим руководством окружного исправника. По закону от 14 апреля 1887 г. в многочисленных городах полагалось не более 1 городского на 500 жителей (население Тюмени – 16 473 человек). На каждых 4 городских полагался один старший. Содержание городских: старшему – 180 руб.; младшим – 150 руб. и 25 руб. ежегодно на обмундирование.

Расходы на содержание полицейской команды производились полностью из средств города, который отводил для нее квартиры с отоплением и освещением и выделял средства на вооружение. Помимо денежного, вещевого и квартирного довольствия, город нес расходы за лечение полицейских в больницах. Одной из обязанностей города являлось снабжение городских запасными патронами.

Быстрые темпы роста города потребовали усиления полицейского надзора. В частности, уездный исправник 23 сентября 1899 г. доложил думе, что штат полицейских служащих недостаточен: всего 78 городских (68 городских и 10 уездных), из них 14 содержатся за счет казны, другие – городом. Службу несут так: 45 человек на постах, считая дежурство по 2 человека по 12 часов в сутки, остальные при полиции, санитарном приставе и в полицейских участках, что недостаточно, поскольку в таких частях города, как «кирпичные сараи» («рассадники разврата»), нет ни одного полицейского поста. Начальник полиции предложил увеличить штат еще на 30 городских с ассигнованием до 5 500 руб. Однако дума ввиду бюджетного дефицита не поддержала его предложение [3. Л. 102–103].

По закону от 18 марта 1902 г. полицейская стража в городах подлежала расформированию. Тобольский губернатор 5 апреля 1902 г. предложил думе преобразовать местную полицейскую команду с учреждением вместо 6 полицейских надзирателей 3 городских при-

ставов (по частям города) и 8 околоточных надзирателей (по участкам). С 1 июля 1903 г. в Тюмени вводились конно-полицейские урядники, поэтому по решению думы 14 стражников должны были быть уволены. В первом полугодии 1914 г. в городе было 64 городовых, из них 12 получали добавочное жалование за выслугу лет (более 7 лет службы) [4. Л. 60 об.].

Органы городского самоуправления и полицейские структуры входили в систему МВД по разным департаментам. Однако их отношения складывались сложно и конфликтно, особенно в первые годы «притирки». Законодатель распространил права и обязанности чинов полиции на все сферы жизни общества и, естественно, не установил самого главного – пределов власти полиции. Она часто вторгалась в компетенцию городского управления. Обширность и расплывчатость задач полиции, отсутствие «единого полицейского устава» приводили к разного рода злоупотреблениям, административному произволу, что не позволяло полицейским сконцентрировать силы и средства на охране общественного порядка.

Избыточность и неурегулированность функций полиции, отсутствие четкого разграничения полномочий между полицией и органами местного самоуправления приводили к частым служебным конфликтам, созданию дополнительных административных барьеров, путанице и дублированию их деятельности. Необходимо было найти оптимальный баланс взаимоотношений.

Городовое положение 1870 г. предусматривало следующий порядок отношений муниципальных и других органов управления: «Правительственные установления, земские и сословные учреждения обязаны оказывать содействие к исполнению законных требований городского управления, на котором лежит такая же обязанность в отношении означенных установлений и учреждений. В случае неисполнения с той или другой стороны законных требований недовольная сторона обращается к губернатору» (ст. 6). Следовательно, полиции предписывалось взаимодействовать с городской управой, договариваться, искать компромисс, согласовывать вводимые меры. Например, местная управа и полиция вместе решали вопросы организации и проведения ежегодной тюменской ярмарки с 20 июня по 5 июля. Во время ярмарки штат местной команды увеличивался на 8 стражников. За службу во время ярмарки полицейские получали пособие. Кроме того, чины полиции и члены управы «по должности» входили в различные городские комиссии и комитеты. По данным источников, уездный исправник Т.Ф. Калугин совместно с заместителем главы города Д.В. Назаровым 12 августа 1904 г. произвели осмотр переселенческих барakov для расквартирования рот сибирского полка [5. Л. 380–380 об.].

Однако необходимость согласования действий разными органами часто приводила к недоразумениям и пререканиям, которые не всегда разрешались конструктивно. В частности, начальник полиции предло-

жил управе закрыть постоянный двор ссыльного крестьянина, который, по его данным, человек неodobрительного поведения, продает краденых лошадей, имеет сношения с конокрадами из других регионов. Управа по этому поводу ответила, что по закону лишить права вести торговлю и промысел можно лишь в случае, если лицо подвергнуто взысканию судебной властью, а он взысканию не подвергался, поэтому не может отказать ему в выдаче разрешения на содержание постоянного двора [6. Л. 7–9].

Большая часть столкновений административной власти с общественной была связана с неурегулированностью вопросов финансового обеспечения полицейского управления. Многоканальная система финансирования (из госказны, бюджета города, земских сборов) не позволяла обеспечить финансовую прозрачность деятельности полиции, а большие расходы города на ее содержание вызывали недовольство депутатов. В частности, дума 26 января 1900 г. заслушала доклад главы города относительно возбуждения ходатайства перед высшим правительством о принятии полностью на счет казны расходов по содержанию местной полиции. Он заявил: «...когда передо мной раскрылись подлежащие книги, мне пришлось ужаснуться тем цифрам, какие должны покрываться на содержание полиции» [7. Л. 17 об.].

Кроме того, конфликты возникали из-за слабой организации контроля со стороны полиции за исполнением жителями обязательных постановлений городской думы и обеспечения правопорядка. Многократные заявления жителей свидетельствуют о неправильном надзоре местной командой за исполнением думских постановлений, к примеру, по содержанию в исправности улиц, мостовых и тротуаров. Городская власть решила обратиться с просьбой к губернатору обязать чинов полиции составлять протоколы о нарушении жителями постановлений по ст. 1136 Устава Уголовного судопроизводства, т.е. в присутствии домовладельца и понятых, а также своевременно отсылать протоколы мировым судьям. В частности, жители заречной части города жаловались в управу по поводу купания и мытья лошадей в реке, в районе их проживания, что категорически запрещало постановление думы по санитарной части. Управа призвала полицию принять меры и обязать нарушителей выполнять санитарные нормы [8. Л. 149–151].

Торговцы с лотков обратились в управу по поводу того, что полицейские запрещают им вести продажу в праздничные дни, ссылаясь на обязательное постановление думы об обеспечении нормального отдыха служащих. Управа неоднократно разъясняла приставам, что это постановление касается торговли из постоянных помещений и не распространяется на торговлю в разнос. 11 декабря 1912 г. поступило заявление от домовладельцев-торговцев в связи с тем, что распоряжением полиции был запрещен въезд на Царскую улицу крестьянам «на дворнях» как с грузом, так и пустопорожним, кото-

рые являлись покупателями в магазинах заявителей, ввиду чего последние терпели большие убытки. Управа пришла в замешательство, не понимая, на основании каких законоположений полиция сделала такое распоряжение, и просила исправника незамедлительной его отмены [9. Л. 213–214, 217]. Очевидно, что недопонимание городскими требованиями нормативных актов свидетельствует о низком уровне их грамотности.

Жители часто жаловались и на уездного исправника, который, по их мнению, слабо наблюдал за их районом, облав и ночных объездов никогда не проводил, а большая часть его стражников постоянно находилась в нетрезвом виде. Они даже предлагали изменить штат местной полиции, а именно организовать полицию по назначению городской думы, чтобы последняя имела право несоответствующих чинов отстранять от должности и избирать других по своему усмотрению [10. Л. 1–3 об.].

Примечательно, что полицейские, несмотря на критику в их адрес, не оставались в стороне от организации местной жизни, вносили предложения на рассмотрение городской думы. Например, в 1895 г. окружной исправник препроводил в думу проект правил для производства извозного промысла в городе. Обязательные постановления по этому вопросу уже были приняты в 1881 и 1887 гг. Тем не менее управа посчитала их «устаревшими как по содержанию, так и по таксе». Гласные думы проект начальника полиции одобрили и направили его на утверждение губернатору. Уездный начальник Т.Ф. Калугин 29 октября 1900 г. обратился в управу с просьбой устранить неудобство, вызванное тем, что находящаяся на Царской площади чаша иногда не вмещает то количество воды, какое отпускается водокачкой, из-за чего вода изливается из чаши и замерзает, образуя на площади сплошную массу льда, что крайне неудобно для проезда [11. Л. 126 об.–127, 132 об.].

Как видно, полицейскому и городскому управлению удавалось сосуществовать и находить способы взаимодействия. Городская управа, например, периодически запрашивала в полиции отчеты о состоянии местной преступности. Полицейская статистика правонарушений имела большое значение для деятельности города, разработки различных мероприятий по общественной безопасности. Анализ криминальной статистики позволял органам власти принимать меры по борьбе с преступностью: утверждать новые правила; разбивать территорию города на отдельные участки; увеличивать штаты стражников; вводить ночные караулы, дружины и пр. [12. С. 143–146]. Так, за первое полугодие 1914 г. полиция зафиксировала в городе нарушений материального права 267 случаев; нанесений телесных повреждений – 19; задержала 1 380 человек; составила протоколов по разным нарушениям – 795 [13. Л. 5].

Тюменский уездный исправник периодически присылал городскому голове акты о неисправностях улиц в районах города с просьбой их возможного устране-

ния. В частности, согласно протоколу от 27 июля 1912 г., околоточный надзиратель III части города в присутствии понятых осмотрел улицу, находящуюся в плохом состоянии, а именно: имелись глубокие ямы и прорезы, которые в ненастное время наполнялись водой и делали проезд по улице недоступным [9. Л. 149–154].

Городская управа препровождала чинам полиции списки неплательщиков для взимания с них недоимок. Приставы по специальным спискам взыскивали недоимки по местным сборам с собак, лошадей и экипажей, представляли в управу взысканные деньги трактирного сбора за постоянные дворы. К сожалению, неплательщиков по сборам из года в год не становилось меньше, о чем, например, свидетельствует доставленный управой в окружное полицейское управление реестр лиц из 193 торговцев, за которыми числятся недоимки в доход города за места земли под торговыми лавками. Кроме того, полиция взыскивала деньги с лиц за лечение в городской больнице; участвовала в работах по межеванию; в ревизии объектов городской инфраструктуры; искала проституток, уклоняющихся от медицинских осмотров; препровождала сельским волостным правлениям различные документы, в частности объявления о проводимых городской управой торгах [14. Л. 1].

С помощью полиции городская власть закрывала незаконные торговые точки, привлекала к ответственности жителей за самовольные постройки. В частности, 16 февраля 1900 г. управа обратилась в полицию о немедленном закрытии заведений трактирного промысла, открытых лицами без разрешения думы. Другой пример: полицейский надзиратель 6-го участка доложил, что им составлен протокол о самовольной постройке крестьянкой и привлечении ее к ответственности [6. Л. 63–63 об., 239–239 об.]. Кроме того, полиция наблюдала за порядком на местных рынках, за «скудностью в съестных припасах, худобой или дороговизной», свежестью и чистотой продаваемых продуктов. Например, исправник 12 июля 1915 г. заявил управе о торговле на пристани съестными припасами по завышенным ценам. По его данным, продукты накрывались грязными тряпками, «стаканы грязные и немывые» [15. Л. 97–97 об.].

Уездный исправник неоднократно вносил предложения городскому управлению по организации жизни и обеспечению безопасности. Например, отношением от 9 января 1901 г. он предложил учредить полицейского чиновника в самом криминальном районе города – «кирпичных сараях». Управа «дозволила» ему установить здесь 3 полицейских поста с перемещением их из других участков города. Дума 22 марта согласилась с докладом управы [16. Л. 85–86 об.]. Полицейские посты были дневные, ночные и постоянные. Постоянные посты располагались на главных объектах инфраструктуры города: Царская улица, Госбанк, полицейское управление, базар, вокзальный мост, заречный мост и др. В предместьях города было учреждено 5 постов и 10 городовых с окладом по 150 руб. в год каждому.

Начальник полиции осуществлял свою обширную компетенцию посредством приказов. К сожалению, фонды полиции большей частью не сохранились, что не позволяет сделать полновесный вывод об эффективности деятельности уездного полицейского управления, а следовательно, его отношениях с городской властью. Тем не менее отдельные копии приказов можно обнаружить в фонде местной управы. Так, из приказа от 27 февраля 1915 г. следует, что в предупреждение того, чтобы собаки по городу не бегали и скот по городу не шлся, исправником назначались особые городовые для выгона скота и выяснения владельцев бегающих по улицам собак для привлечения их к ответственности. Он лично просил управу об организации ловли собак и устройстве для бродячего скота загона. Приказом от 26 октября 1915 г. исправник назначил осмотр местных извозчиков и экипажей. Для этого были приглашены ветеринарный врач, член управы, приставы. Приставу I части города поручалась проверка знаний извозчиками адресов; приставу II части – экипажей и сбруй; III части – состояние здоровья лошадей (совместно с врачом). Приставы обязаны были по фактам проверок сделать соответствующие отметки в ведомостях. Околоточному надзирателю поручалось составить список всех извозчиков с графами для упомянутых выше отметок [17. Л. 32, 179–179 об.].

Кроме постовой службы, совершения облав и обходов по городу, исполнения разных поручений (губернатора, городской управы, мировых судей, следователей), полицейские занимались переселенческим делом, охраной лесных угодий, участвовали в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций (пожаров, наводнений и т.п.). За оперативную помощь населению они получали денежные премии и повышение по службе. В частности, весной 1914 г. в заречной части города произошло наводнение. Исправник Н.Е. Скатов участвовал в собрании думы 27 апреля 1914 г., где рассматривался вопрос о принятии мер против причиненных бедствий. Он заявил, что заречье им разделено на 4 участка под особым надзором полицейских [18. Л. 70].

В целях упорядочения регистрации движения населения, облегчения работы местных извозчиков уездный исправник в рапорте губернатору от 31 октября 1912 г. возбудил ходатайство об учреждении в Тюмени адресного стола. Начальник полиции отмечал, что в настоящее время учет населения «пропиской видов на жительство в полицейских частях города далеко не соответствует своему назначению». Единовременные затраты на организацию адресного стола составят 500–600 руб.; в полицейском управлении имеется подходящее помещение [9. Л. 202]. Губернатор поддержал ходатайство начальника полиции, о чем сообщил управе в отношении от 1 июля 1913 г. и предложил городскому управлению участвовать в учреждении адресного стола. Управа со своей стороны посчитала его учреждение желательным [19. Л. 183 об.–184 об.].

В начале XX в. волна дерзких преступлений захлестнула г. Тюмень. Глава полиции сообщал управе: «за последнее время в городе Тюмени было несколько случаев убийства ночных караульных и вообще увеличилось число преступных покушений на личность и имущество граждан». Дума решила ассигновать на наем 10 конных городских 500 руб., чтобы они несли службу по охране города в ночное время [20. Л. 117].

После подавления революции 1905–1907 гг. центральная власть пыталась предпринять меры к урегулированию отношений органов местного самоуправления и полиции, а также усилению ее состава. Так, губернатор 27 апреля 1911 г. обратился к тюменскому голове в связи с тем, что штат местной команды, изданный в 1887 г., давно не отвечает потребностям времени, так как «жизнь за это время в городах значительно изменилась». Он признал совершенно необходимым возбудить перед высшей властью ходатайство о распространении на Тобольскую губернию действия пункта I отд. II Высочайше утвержденного 31 января 1906 г. мнения Госсовета, согласно которому численность команд в городах определяется из расчета 1 городской на 400 душ населения и устанавливается высший размер окладов содержания.

Городская управа, обсуждая этот вопрос, заявила думе, что со стороны города потребуется единовременный расход на постройку здания для полиции в сумме 25 000 руб. и текущий расход на содержание чинов полиции по 4 060 руб. в год. Дума пришла к выводу, что «учреждение в г. Тюмени отдельной городской полиции не вызывается никакой особой надобностью, может считаться несвоевременным... для городского управления представляется крайне затруднительным отпускать добавочные суммы на ее содержание» [19. Л. 219–221].

С началом Первой мировой войны на городскую власть и полицейских легли дополнительные обязанности по мобилизации запасных войск, размещению беженцев, борьбе со спекуляцией, что потребовало от них оперативных и согласованных общих действий. Так, срочным предписанием от 17 июля 1914 г. исправник поручил приставам Тюмени закрыть все места торговли алкоголем. Продажа допускалась только в клубах и ресторанах 1-го разряда. С июля по декабрь в городе было закрыто более 130 заведений продажи крепких напитков, виноградного вина и пива [21. Л. 4].

Острая ситуация на местном рынке выдвинула задачу регулирования торговли и обеспечения продовольствием со стороны государственной власти и органов городского управления. В связи с дороговизной и перебоями с продуктами питания управа и полиция начали совместные рейды по торговым точкам и складам промышленников в поисках продовольствия. В частности, уездный исправник 4 октября 1915 г. докладывал губернатору, что сахара в магазинах города крайне небольшие запасы. Отпуск сахара местным торговцам производится в небольшом количестве от 2 до

5 фунтов. Благодаря этому большинство лиц, располагающих средствами, опасаясь совершенно остаться без сахара, стараются запастись им из разных лавок через членов своих семейств, и, возможно, при этих условиях запас сахара будет раскуплен; многие, в особенности беднейшие массы, могут оказаться без сахара, это обстоятельство может привести к каким-нибудь серьезным нарушениям обычной городской жизни [22. Л. 21–21 об.].

В соответствии с циркуляром губернатора была сформирована специальная комиссия (из членов управы, полицейских и др.) для заготовки вещей снаряжения для нужд армии и реквизиции у торговцев и жителей предметов обмундирования воинским чинам [15. Л. 4–4 об., 12–12 об.]. Например, из протокола от 18 ноября 1915 г. следует, что околоточный надзиратель 1-го участка Б. Крапивин совместно с членом управы Д. Войновым произвели осмотр складов и магазинов с целью выяснения имеющихся запасов сахара. В торговых заведениях было обнаружено 740 пудов головного сахара и 512 пудов песка. Исправник 29 декабря 1915 г. сообщил городскому голове, что на станции Тюмень скопилось 4 вагона с сахаром на «предъявителя» и предложил, ввиду крайнего недостатка сахара в городе, его реквизировать [22. Л. 132, 233].

Таким образом, в 1867–1917 гг. периоды конфронтации городского управления и полиции сменялись

тесным сотрудничеством. Можно утверждать, что наиболее высокого уровня согласованности процесс взаимодействия города и полиции был достигнут в годы Первой мировой войны и социально-политических потрясений, благодаря чему в Тюмени не было зафиксировано крупных массовых выступлений и недовольств существующим правительством и государственным строем. Ситуация на потребительском рынке не была столь критичной, как в других поселениях. Полицию часто критиковали за бездействие и несвоевременность раскрытия преступлений, рост преступности и в целом слабое обеспечение общественного порядка. Основной причиной этого являлось то, что административно-полицейское управление ни в количественном, ни качественном отношении не отвечало потребностям времени. Расплывчатость, всеохватность его компетенции неизбежно отрицательно сказывалось на результатах работы. Тюменская управа так и не изыскала средств для организации отдельной городской полиции. Небольшое жалование полицейских способствовало росту текучести кадров, низкому профессионализму служащих и росту коррупции в их среде, чем можно объяснить неоднократные преобразования штатов и окладов чиновников. Поиск оптимальных форм взаимодействия органов местного самоуправления и государственной власти продолжался вплоть до 1917 г. Однако он так ничем и не увенчался.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1204.
2. ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 489 А.
3. ГАТО. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 3.
4. ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 531.
5. ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 50.
6. ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 37.
7. ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 529.
8. ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 45.
9. ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 580.
10. ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1210.
11. ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 523.
12. См.: *Шиловский Д.М.* Полицейская статистика как источник изучения преступности в Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Документ в контексте истории. Омск, 2006.
13. ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 321.
14. ГАТО. Ф. И-146. Оп. 1. Д. 13 А.
15. ГАТО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 6.
16. ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 38.
17. ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 584.
18. ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 547.
19. ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 546.
20. ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 537.
21. ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 551.
22. ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 326.

Khramtsov Aleksandr B. Tyumen State Architectural University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: khramtsov_ab@bk.ru

PROBLEMS OF INTERACTION OF CITY GOVERNMENT AND POLICE IN 1867–1917 YEARS (FOR EXAMPLE TYUMEN).

Keywords: municipal government agencies; police, urban reform; the local economy; Tyumen.

Municipal reform in 1870 established a new municipal governments, which in turn required the transformation of structures and salaries of police teams. By order of the Tyumen City Council on April 19, 1873, the staff of the local team was 33 people. All wages of policemen the council paid monthly. As for administrative and police division Tyumen was divided into parts, headed by private police officers, parts into the sites (police stations), headed by the precinct (police) inspectors, under the overall supervision of the district police officer. Expenses on the police team were made entirely from the city resources. Rapid growth of the city demanded the strengthening of police surveillance. The relationship of municipal government and the police evolved with difficulties and conflicts, especially in the early years of adaptation. The legislator extended rights and duties of police officers on all aspects of social life, and of course did not

set the main thing – the limits of power of the police. The police often encroach upon the competence of municipal authorities. Excess and unsettlement of police's functions, the lack of clear division of powers between the police and local authorities led to frequent professional conflicts, to the creation of additional administrative barriers, to confusion and duplication of their functions. It was necessary to find an optimal balance of relationships. Most of the clashes were associated with unresolved problems of financial support of the police department. In addition, the conflicts arose because of poor police control over the implementation of Duma mandatory decrees by the people and law enforcement. It is noteworthy that the police officers, despite the criticism against them, did not remain aloof from the organization of local life, and make proposals for consideration by the City Duma. Police and municipal government managed to coexist and to find ways of interaction. City government transmitted the lists of defaulters for the collecting the debts to police officers. Bailiffs collected arrears on local taxes from dogs, horses and carriages, presented to council the tax money, collected from tavern inns. With the help of police city authorities closed the illegal markets, brought to justice the citizens for unauthorized buildings. The county police captain repeatedly made proposals to city council about organization of city life and security. With the beginning of the First World War the city government and police went to the additional responsibilities on mobilizing reserve troops, dislocating the refugees, fighting with speculation. In 1867–1917 the periods of confrontation between municipal government and police were replaced by close cooperation. The highest level of consistency has been made during the war. The search for optimal forms of interaction lasted until 1917. However it had failed.

REFERENCES

1. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-2. List 1. File 1204. (In Russian).
2. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-2. List 1. File 489 A. (In Russian).
3. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-2. List 2. File 3. (In Russian).
4. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-2. List 1. File 531. (In Russian).
5. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-2. List 1. File 50. (In Russian).
6. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-2. List 1. File 37. (In Russian).
7. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-2. List 1. File 529. (In Russian).
8. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-2. List 1. File 45. (In Russian).
9. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-1. List 1. File 580. (In Russian).
10. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-2. List 1. File 1210. (In Russian).
11. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-2. List 1. File 523. (In Russian).
12. Shilovsky D.M. *Politseyskaya statistika kak istochnik izucheniya prestupnosti v Zapadnoy Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Police statistics as a source of study of crime in Western Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. In: Ermekbaev Zh.A., Tolochko A.P. (eds.) *Dokument v kontekste istorii* [The document in the context of history]. Omsk: Omsk State University Publ., 2006. 263 p.
13. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-1. List 1. File 321. (In Russian).
14. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-146. List 1. File 13 A. (In Russian).
15. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-1. List 2. File 6. (In Russian).
16. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-1. List 1. File 38. (In Russian).
17. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-1. List 1. File 584. (In Russian).
18. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-2. List 1. File 547. (In Russian).
19. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-2. List 1. File 546. (In Russian).
20. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-2. List 1. File 537. (In Russian).
21. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-1. List 1. File 551. (In Russian).
22. The State Archive of Tyumen Region (GATO). Fund I-1. List 1. File 326. (In Russian).

Е.В. Суверов

К ВОПРОСУ О РЕЖИМЕ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЁННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В военное время проводились различные мероприятия по ужесточению режима содержания подследственных и осужденных. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, встречались факты несоблюдения установленных правил содержания спецконтингента из-за халатного исполнения своего служебного долга некоторыми сотрудниками правоохранительных органов, увеличения численности заключенных в сибирских тюрьмах, лагерях, колониях, сильного влияния воровского контингента в ряде пенитенциарных учреждений Западной Сибири.

Ключевые слова: тюрьма; колония; заключенные; Великая Отечественная война; Западная Сибирь.

Режим содержания заключенных в советских исправительно-трудовых лагерях в годы войны основывался на еще довоенном приказе НКВД СССР № 00889 от 2 августа 1939 г., где предусматривались надежная изоляция преступников и организация порядка содержания заключенных в лагере [1. Л. 359–372 об.].

В западносибирских местах лишения свободы заключенным запрещалось иметь: оружие, все виды алкогольных напитков, наркотические средства, лекарства, острорежущие предметы (ножи, бритвы, ножницы, пилки и т.п.), игральные карты, одеколон, различные документы, деньги, облигации, военнотопографические карты, планы местности и карты районов.

Во избежание подготовки побегов, беспорядков, провоза запрещенных предметов вся корреспонденция заключенных должна была тщательно просматриваться цензором. Не реже двух раз в месяц предусматривались тщательные обыски в помещениях, где проживали заключенные.

За нарушение режима содержания осужденных могли отправить на более тяжелые работы, в штрафной лагерный пункт или штрафной изолятор, перевести на штрафной паек.

Во время войны активизировалась подрывная деятельность немецкой военной разведки среди советских заключенных. Немецкое командование планировало использовать многочисленную армию осужденных в организации беспорядков и диверсий в глубоком советском тылу. Среди заключенных, попавших к немцам в плен, велась активная вербовка с последующей заброской в различные районы Советского Союза.

В сибирские лагеря прибывали эшелоны с западных районов нашей страны, часто с прифронтовой линии. На сотрудников НКВД ложилась нелегкая задача противодействия подрывной деятельности противника, выявления шпионов, усиления режима содержания заключенных.

В годы Великой Отечественной войны происходило усиление охраны и изоляции заключенных. Надзирательскому составу поступил запрет выдавать газеты,

предоставлять свидания с родственниками, усилилась цензура за перепиской заключенных.

Лагерные пункты, командировки, участки и колонны, где находились заключенные, были обнесены забором с колючей проволокой, забором-частоколом, сплошным деревянным забором с целью предотвращения побегов.

Строже стали наказываться преступления, совершенные за колючей проволокой. За первые три года войны в местах лишения свободы к уголовной ответственности были привлечены 148 296 человек [2. С. 126].

В качестве репрессивной меры воздействия склонных к побегу и дважды судимых уголовников-рецидивистов отправляли в далекие северные лагеря на основании Директивы ГУЛАГа № 45/4586 от 24 апреля 1944 г.

Добровольному призыву в армию подлежали осужденные как за бытовые, так и за тяжкие преступления. В начале войны на фронт ушли около 6 000 бывших заключенных, отбывавших наказание в Алтайском крае [3. С. 19]. Заключенные, проявившие храбрость в боевых действиях, могли рассчитывать на полное снятие судимости.

Трудность поддержания предписанного порядка в местах лишения свободы в Западной Сибири заключалась в большом количестве объектов системы НКВД, разбросанных на огромной территории, не имеющей развитой инфраструктуры.

Тюремная система в Западной Сибири в начале войны состояла в Новосибирской области из:

- 1) Общей тюрьмы № 1 в г. Новосибирске;
- 2) Общей тюрьмы № 2 в г. Мариинске;
- 3) Общей тюрьмы № 3 в г. Томске;
- 4) Общей тюрьмы № 4 в г. Куйбышеве;
- 5) Общей тюрьмы № 5 в г. Сталинске;
- 6) Общей тюрьмы № 6 в г. Кемерове;
- 7) Общей тюрьмы № 7 в г. Колпашеве;
- 8) Внутренней тюрьмы в г. Новосибирске.

В Алтайском крае в тюремную группу входили:

- 1) Общая тюрьма № 1 в г. Барнауле;
- 2) Общая тюрьма № 2 в г. Бийске;
- 3) Общая тюрьма № 3 в г. Камне-на-Оби;

- 4) Общая тюрьма № 4 в г. Ойрот-Туре;
- 5) Общая тюрьма № 5 в г. Славгороде;
- 6) Пересыльная тюрьма № 6 в г. Барнауле.

В 1943 г. в Алтайском крае стало самостоятельно действовать (вышедшее из состава Сиблага) Чистюньское лагерное отделение УИТЛК по Алтайскому краю.

В данный период множество исправительно-трудовых колоний функционировали на Алтае:

- 1) Исправительно-трудовая колония № 1 в г. Барнауле;
- 2) Исправительно-трудовая колония № 2 в г. Барнауле;
- 3) Исправительно-трудовая колония № 3 в г. Барнауле;
- 4) Исправительно-трудовая колония № 4 в г. Барнауле;
- 5) Исправительно-трудовая колония № 5 в г. Ойрот-Тура;
- 6) Исправительно-трудовая колония № 6 в с. Чибит Кош-Агачском аймаке;
- 7) Исправительно-трудовая колония № 7 в г. Бийске;
- 8) Исправительно-трудовая колония № 8 в г. Барнауле;
- 9) Исправительно-трудовая колония № 9 в г. Чесноковке;
- 10) Исправительно-трудовая колония № 10 в г. Славгороде;
- 11) Исправительно-трудовая колония № 11 в г. Рубцовске;
- 12) Трудовая колония для несовершеннолетних в г. Бийске.

На Алтае в 1943 г. был создан Алтайский исправительно-трудовой лагерь для строительства завода по добыче и переработке соды.

Многочисленный Сибирский исправительно-трудовой лагерь в 1941 г. имел в своем составе:

- 1) Мариинский отдельный лагерный пункт;
- 2) Орлово-Розовское отделение;
- 3) Ново-Ивановское отделение;
- 4) Суловское отделение;
- 5) Чистюньское отделение;
- 6) Арлюкское отделение;
- 7) Юргинское отделение;
- 8) Берикульское отделение;
- 9) Антибесское отделение;
- 10) Кожуховский отдельный лагерный пункт;
- 11) Тайгинское отделение;
- 12) Яйское отделение;
- 13) Мариинское отделение;
- 14) Искитимский отдельный лагерный пункт;
- 15) Новосибирский отдельный лагерный пункт;
- 16) Бугринское отделение;
- 17) Ново-Кузнецкий отдельный лагерный пункт;
- 18) Новосибирское отделение;
- 19) Кемеровское отделение;
- 20) Асиновское отделение;

- 21) Ахпунское отделение;
- 22) Кривошековское отделение;
- 23) Исправительно-трудовую колонию № 7 в г. Томске;
- 24) Инвалидную колонию в г. Томске;
- 25) Бердскую исправительно-трудовую колонию;
- 26) пересыльные пункты в г. Мариинске и г. Ново-сибирске.

В ряде сибирских пенитенциарных учреждений в военное время наблюдалось грубое нарушение мер соблюдения режима содержания заключенных. Это происходило отчасти из-за тяжелейшего кадрового голода среди надзирательского состава, сильного влияния сплоченных групп воровского элемента в некоторых местах заключения.

Усугубляло ситуацию с соблюдением режима содержания в Западной Сибири резкое изменение численности заключенных из-за начала военных действий и эвакуации части спецконтингента на восток. К началу войны число заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа составило 2,3 млн человек. На 1 июня 1944 г. количество осужденных снизилось до 1,2 млн [4].

Если в стране наблюдалась общая тенденция сокращения численности спецконтингента в связи с оккупацией части территории нашей страны и мобилизации многих заключенных в ряды Красной армии, в Сибири вырисовывалась совершенно другая картина. Численность заключенных в сибирском регионе резко возросла в связи с эвакуацией промышленных предприятий и необходимостью обеспечения их деятельности бесперебойной работой.

Всего в тюрьмах, колониях, лагерях осенью 1943 г. в Алтайском крае находились около 33 000 заключенных, из них четверть приходилась на Алтайлаг. За годы войны заключенных только в Алтайском крае стало больше на 10 000 человек, чем в довоенный период [5. С. 30].

Не всегда администрация исправительно-трудовых учреждений принимала оперативные меры по нейтрализации деятельности уголовно-бандитского элемента в местах лишения свободы.

В октябре 1943 г. в Алтайский исправительно-трудовой лагерь в 44-ю колонну была направлена крупная группа воров-рецидивистов, собранная из других колонн, в связи с их постоянными нарушениями режима содержания. Прибывшие уголовники с первых дней стали саботировать распоряжение администрации, регулярно играли в азартные игры, грабили и избивали других заключенных. Издеваясь над некоторыми осужденными, воры заставляли возить их на себе к «параше» и обратно, а также из одного барака в другой. Под угрозой расправы, на потеху отпетым уголовникам несчастные часами маршировали в бараке, после избивания их силой загоняли под нары. Рецидивисты занимались мужеложством, периодически насиловали свои жертвы в ночное время. Члены банды регулярно не выходили на работу, оказывали вооруженное сопро-

тивление надзирателям, угрожали убийством командиру отделения Данилову, помощнику начальника колонны по труду Котельникову и вахтеру Строганову. В состав преступной группы входили 12 заключенных [6. Л. 28]. Позднее четверо самых активных членов этой группировки были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу, другие получили значительные сроки лишения свободы.

В докладе ответственного инструктора политотдела ГУЛАГа О.А. Разина начальнику ГУЛАГа В.Г. Наседкину о работе УИТЛК УНКВД Новосибирской области 18 декабря 1941 г. отмечалось неудовлетворительное состояние режима содержания заключенных. В докладе говорилось, что особо опасный контингент заключенных, который подлежал переводу в усиленно охраняемую зону, еще туда не переброшен. Контрреволюционеры, иностранцы и бандиты по-прежнему содержатся в общих с прочими заключенными зонах, тем самым создаются условия, благоприятствующие серьезному нарушению режима.

Состояние штрафных изоляторов и порядок водворения в них заключенных зачастую находится в резком несоответствии с указанием Наркомата и Прокуратуры Союза ССР. Водворение в ШИЗО заключенных происходит часто без соблюдения установленного порядка по запискам, без указания причины наложения взыскания, срока наказания и т.д. Жалобы и заявления заключенных своевременно не направляются, обыски в бараках производятся редко. Даже в центральном штрафном лагпункте обыски производятся только раз в месяц. В Кривошековском отделении обысков не было с мая 1941 г., в Новокузнецком отделении последний обыск был в августе 1941 г. В ряде мест заключения Новосибирской области наблюдаются многочисленные случаи краж, картежные игры, сожительства и другие нарушения.

На 8-м лагпункте Ахпунского отделения нарядчиком являлся бандит Иванов и, по существу, в течение 2–3 месяцев он был хозяином лагпункта, перемещая заключенных из одной бригады в другую, сажал в карцер и избивал их. Особенно безобразно он поступил с заключенным Д.М. Белокрыницким. Под предлогом, что им похищена у других заключенных телогрейка (чего в действительности не было), Иванов посадил его в карцер, продержал там 5 суток, затем вызвал к себе в кабинет и начал зверски избивать, заявляя: «Это тебе как бывшему работнику НКВД».

Приказы Управления лагеря по вопросам режима в второй же день после их выпуска забываются, их выполнение никем не контролируется и действенных мер по ним не принимается. Указанные выше факты о несоблюдении режима содержания заключенных свидетельствуют о крайне неблагоприятном положении в лагере.

Многие руководители относятся к поддержанию режима заключения в местах заключения формально, мероприятия производят наскоком, бессистемно. В ряде отделов нет необходимых обобщенных статисти-

ческих данных, связанных с нарушением режима содержания, анализ которых крайне важен для правильной постановки работы в отделе [7. Л. 30–50].

Количество побегов из мест заключений в годы войны было достаточно велико. Только в Алтайском крае из-за грубых нарушений режима содержания совершили побег в 1944 г. 60 заключенных, в 1945 г. – 67 заключенных [8. Л. 88].

Побеги из мест заключения становились возможными из-за несоблюдения мер надзора за заключенными со стороны администрации сибирских пенитенциарных учреждений. Часто рабочий инвентарь (ломы, лопаты, пилы, топоры) валялись в беспорядке в бараках, где проживали заключенные, что давало им возможность совершать подкопы и нападать на надзирателей.

В ночь с 19 на 20 июня 1943 г. с лагерного пункта на лесозаводе № 1–2 Новосибирской ОЛП совершили побег Блейменов, судимый за измену Родине на 8 лет, Тулин, осужденный за антисоветскую агитацию на 10 лет, Шахмотов, судимый на 5 лет за грабежи. Побег был совершен путем подкопа из барака под зону лагеря длиной в 5 метров в овраг [9. Л. 41].

В тюрьме № 1 г. Барнаула в ноябре 1941 г. из-за халатности надзирающего состава в нарушении инструкции замки тюремного типа на дверях камер закрывали только на два оборота, что давало возможность уголовникам легко открывать замки без ключа и общаться с другими арестантами, передавать им запрещенные предметы, записки, совершать побеги [10. Л. 214–216].

В некоторых пенитенциарных учреждениях заключенные совершали акты неповиновения, подстрекали других арестантов к беспорядкам и нападению на сотрудников НКВД.

Осенью 1942 г. в г. Сталинске в тюрьме № 5 заключенные, находящиеся в камере, подожгли вату и через окно бросили ее на ограду тюрьмы, намереваясь поджечь весь тюремный корпус [11].

В ряде исправительно-трудовых учреждений лица, склонные к побегу, а также воры-рецидивисты не находились полностью на особом контроле со стороны администрации колоний и лагерей.

7 января 1943 г. из Кривошековского отделения Сиблага бежали рецидивисты Фролов и Крючков, которые уже совершали ранее побег в сентябре 1942 г. из этого отделения, были пойманы и вновь отправлены в места лишения свободы. Вместо того чтобы включить их в режимную бригаду под усиленный контроль, начальник отделения направлял их на подконвойные работы. Опасные рецидивисты, оказавшись за зоной, воспользовались подходящим моментом и совершили очередной побег [12. Л. 4, 4 об., 5].

Способствовали нарушению режима содержания существовавшие тяжелейшие условия жизни заключенных в местах лишения свободы, приводившие к частым заболеваниям и высокой смертности среди спецконтингента.

Уже осенью 1941 г. в лагерях и колониях страны в отдельных ИТЛ за месяц умирали более 10% среднемесячного состава заключенных. В 1942 г. в ИТЛ умерли 248 817 человек при среднегодовой численности в 1 096 876 заключенных [13. Л. 1]. А всего во всей уголовно-исполнительной системе в 1941–1945 гг. ушли из жизни 351 360 человек [14. Л. 86].

При обследовании ИТК № 2 г. Барнаула 3 декабря 1941 г. было обнаружено, что в бараках грязь, ослабленные заключенные не выходили за водой, а водовоз, не дождавшись их, уезжал к другому барaku. Заключенные по 10 суток не мылись, свои постели не вытряхивали, вследствие чего в них разводились вши и блохи, постели не заправлялись. В деревянных кадках для питья обнаружена грязь. Истощенные заключенные не рубили дрова, а отщипывали от бревен по щепке [15. Л. 52].

Не улучшали ситуацию по осуществлению мер режима содержания заключенных случаи нарушения социалистической законности и со стороны сотрудников НКВД.

18 мая 1944 г. в Чистюньском лагерном отделении УИТЛК по Алтайскому краю проводник служебно-розыскных собак Кандауров проверял возвращавшихся с работы заключенных. У осужденного Джайнайлова он обнаружил в мешке запрещенные к проносу пред-

меты: картофель и металлический котелок. Кандауров достал котелок из мешка и сильно ударил им по голове заключенного [16. Л. 50].

В годы войны проводились различные плановые мероприятия по усилению режима содержания подследственных и осужденных в связи с тяжелейшей ситуацией в стране, вызванной чудовищными последствиями военных действий.

Несоблюдение режима содержания заключенных в местах лишения свободы Западной Сибири во время Великой Отечественной войны было вызвано халатным отношением к своим служебным обязанностям сотрудников НКВД, злостным нарушением рядом заключенных установленных правил поведения, увеличением численности спецконтингента, неразвитостью инфраструктуры, трудностями военного времени.

Толкали к нарушению режима содержания антисанитария, плохое питание, тяжелые условия труда и бытовая неустroенность в местах лишения свободы Западной Сибири.

Однако, несмотря на тяжелейшие условия службы, сотрудникам НКВД в целом удалось держать ситуацию под контролем в местах лишения свободы, нейтрализовать активных участников воровских групп, не допустить массовые беспорядки и побеги из пенитенциарных учреждений на территории Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 12. Д. 316.
2. Детков М.Г., Шамсунов С.Х., Алексушин Г.В., Яценко П.В., Селиверстов В.И. Уголовно-исполнительная система, 130 лет. М. : Юриспруденция, 2009. 302 с.
3. Кобелев А.И., Потапов Н.Д., Чернев А.С., Трусов А.Т. Государством призванные. Барнаул, 1999.
4. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 3–16.
5. Суверов Е.В., Малкова Ю.А. Система мест заключения в Алтайском крае (1937–1953 гг.). Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2012. 80 с.
6. Отдел реабилитации и архивной информации Информационного центра Главного управления МВД России по Алтайскому краю (ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю). Ф. 12. Оп. 2. Д. 407.
7. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 3. Д. 9.
8. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18.
9. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 313.
10. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 283.
11. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 221–224.
12. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 313.
13. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1179. Л. 1. Д. 1178.
14. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2784.
15. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 788.
16. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 190.

Suverov Eugenie V. Barnaul Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: suverovev69@mail.ru

TO THE QUESTION OF DETENTION REGIME OF PRISONERS IN IMPRISONMENT PLACES IN WEST SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.

Keywords: prison; colony; prisoners; Great Patriotic War; Western Siberia.

The regime for prisoners in Soviet labor camps during the war was based on the order of the NKVD of the USSR dated August 2, 1939. Prisoners were forbidden to have weapons, all types of alcoholic beverages, narcotic drugs, drugs, sharp objects (knives, razors, scissors, nail files, etc.), playing cards, Cologne, documents, money, bonds, military topographic maps, plans and location maps of areas. Preventive maintenance of regime detention was viewing of convicts' correspondence. At least twice a month narrow searches should have been provided in the premises where prisoners lived. If prisoners violated the detention regime they could be sent to do harder work to the penal camp point or punishment cell, or transfer to penal ration. During the Great Patriotic the demand for increased protection and isolation of prisoners was increased. Supervisors get the prohibition to issue newspapers, to provide family visits, censorship for correspondence prisoners increased. The situation with observance of the regime in Western Siberia worsened due to sharp increase in the number of prisoners in connection with the transfer of prisoners from the Western parts of the country. Often the violation of detention in places of deprivation of freedom was associated with the negligent performance of their duties by the employees of the penitentiary system. Punishment cell for violators of detention regime was in a bad condition. The incarceration in punitive confinement was often

without compliance of established procedure, on written messages, without giving any reason for recovery of penalty and term. Searches were rare there. The number of prison breaks was great in the war. 60 prisoners in 1944 and 67 prisoners in 1945 committed prison breaks due to gross breaches of discipline in Altai. Prison breaks were possible because there were non-compliance of measures of prisoners' supervision by the administration of Siberian prisons. Work tools (crowbars, shovels, saws, axes) lay around in the barracks where prisoners lived, and it gave them the opportunity to make a tunnel and attack the guards. Prisoners had committed disobedience acts, had encouraged other prisoners to riot and attack on the NKVD in some penal institutions. Addicted to breaks and thieves-recidivists were not fully monitored by the administration of the colonies and camps in a number of prisons. Existed hardest living conditions of prisoners in places of detention which led to frequent diseases and high mortality rates among inmates contributed to the regime violation too. Detention violations of socialist legality by the NKVD did not also improve the situation. There were various planned measures to strengthen the regime of remand prisoners and convicted in the years of the war in connection with the grave situation in the country caused terrible consequences of military actions.

REFERENCES

1. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9414. List 12. File 316. (In Russian).
2. Detkov M.G., Shamsunov S.Kh., Aleksushin G.V., Yatsenko P.V., Seliverstov V.I. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema, 130 let* [The penal system, 130 years]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 2009. 302 p.
3. Kobelev A.I., Potapov N.D., Chernev A.S., Trusov A.T. *Gosudarstvom prizvannye* [Called by the State]. Barnaul, 1999.
4. Zemskov V.N. GULAG (istoriko-sotsiologicheskii aspekt) [GULAG (the historical and sociological aspect)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1991, no. 7, pp. 3-16.
5. Suverov E.V., Malkova Yu.A. *Sistema mest zaklyucheniya v Altayskom krae (1937–1953 gg.)* [The system of jails in the Altai Territory (1937-1953)]. Barnaul: Barnaul Law Institute of the RF Ministry of Internal Affairs Publ., 2012. 80 p.
6. The Department of Rehabilitation and Archival Information of the Information Center of the Main Internal Affairs Directorate of the Russian Federation in the Altai Territory. Fund 12. List 2. File 407. (In Russian).
7. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9414. List 3. File 9. (In Russian).
8. The Department of Rehabilitation and Archival Information of the Information Center of the Main Internal Affairs Directorate of the Russian Federation in the Altai Territory. Fund 2. List 1. File 18. (In Russian).
9. The Department of Archival Information of the Information Center of the Main Internal Affairs Directorate of the Russian Federation in Novosibirsk Region. Fund 4. List 1. File 313. (In Russian).
10. The Department of Archival Information of the Information Center of the Main Internal Affairs Directorate of the Russian Federation in Novosibirsk Region. Fund 4. List 1. File 283. (In Russian).
11. The Department of Archival Information of the Information Center of the Main Internal Affairs Directorate of the Russian Federation in Novosibirsk Region. Fund 4. List 1. File 221-224. (In Russian).
12. The Department of Archival Information of the Information Center of the Main Internal Affairs Directorate of the Russian Federation in Novosibirsk Region. Fund 4. List 1. File 313. (In Russian).
13. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9414. List 1. File 1179. L. 1. File 1178. (In Russian).
14. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9414. List 1. File 2784. (In Russian).
15. The Department of Rehabilitation and Archival Information of the Information Center of the Main Internal Affairs Directorate of the Russian Federation in the Altai Territory. Fund 12. List 2. File 788. (In Russian).
16. The Department of Rehabilitation and Archival Information of the Information Center of the Main Internal Affairs Directorate of the Russian Federation in the Altai Territory. Fund 12. List 2. File 190. (In Russian).

РОЛЬ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТЮМЕНИ В СЕРЕДИНЕ 1950-х – СЕРЕДИНЕ 1960-х гг.

Изучается комплекс факторов, оказавших влияние на формирование взаимосвязи различных частей Тюмени и коммуникацию горожан в середине 1950-х – середине 1960-х гг. Уделяется внимание наиболее важному условию развития городского пространства – дорожно-транспортной системе. Анализируются условия формирования городского пространства, характеризуется ландшафт города. Дается характеристика «насыщенности» городского пространства личным транспортом, отмечается его влияние на процессы, происходившие в Тюмени в исследуемый период.

Ключевые слова: городское пространство; городская среда; автобусный транспорт; такси; личный транспорт.

Многочисленные аспекты жизни городского населения длительное время привлекают внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей, выступая традиционным предметом изучения большого числа научных дисциплин. Развитие городоведческой проблематики в трудах ученых повлекло за собой введение в научный оборот понятий «городская среда» и «городское пространство».

В работах исследователей они нередко предстают как близкие по значению, однако понятие «среда» несет в себе более личностную окраску, в то время как «пространство» выступает как своего рода «совместное бытие» – «то, что является общим всем переживаниям, возникающим благодаря органам чувств» [1. С. 76]. По всей видимости, такое понимание берет свои истоки в немецкой классической философии. «...Мир уже всегда такой, каким я делю его с другими. Мир наличного бытия – совместный мир. Внутримирное бытие в себе – это совместное бытие» [2. С. 118] (перевод мой. – А.С.).

Социальная философия выделяет категории социального пространства и времени. «Они постоянно действуют на уровне бытия социальных индивидов как условия связанности, организованности социального процесса...». В результате образуется «однородное социальное пространство, выражаемое в формах времени», которое выступает основой построения обыденного поведения людей и их повседневных взаимодействий [3].

В качестве такого социального пространства предстает и город. Пространство города формирует среду для жизнедеятельности горожан, которая осваивается каждым человеком, наделяется личностными смыслами и значениями. В 1970–1980-е гг. «городская среда» получает обоснование и интерпретацию в трудах отечественных исследователей. Так, в работах В.Л. Глазычева «городская среда» – более широкое и глубокое понятие, нежели город. Она включает в себя и «предметно-пространственный, и знаковый контекст, и межчеловеческие взаимодействия, т.е. культуру в целом». Понятие «город» наделяется абстрактностью, в то время как «среда» всегда конкретна, проявляясь исключительно «здесь и сейчас» в любое время и в любом месте [4. С. 128]. Теоретическая разработка город-

ской среды получила развитие и в современных исследованиях. Так, например, в трудах омских ученых «среда» охватывает не только сами материальные элементы и их пространственные связи, но и предполагает наличие в качестве основного субъекта – самого человека, его поведенческие ориентиры, способы жизнедеятельности [5. С. 22].

Таким образом, понятия «среды» и «пространства» предстают как тесно связанные между собой, обуславливающие друг друга категории. Формирование городского пространства находит проявление в трансформации многочисленных компонентов городского хозяйства. Характер жилищного и коммунального строительства, архитектурные особенности, уровень благоустройства города, работа транспорта и многие другие материальные составляющие повседневной жизни населения трансформируют жизненную среду горожан. В этой связи важную роль приобретает изучение каждой составляющей городского хозяйства.

Значимым компонентом, от которого зависит обеспечение важнейших функций городского пространства, является транспорт. Поддержание взаимосвязи различных частей города, преодоление изолированности отдельных городских районов, обеспечение коммуникации и повышение уровня мобильности горожан – выступают наиболее важными задачами его деятельности для населения.

Транспортная проблематика получила подробное отражение в трудах исследователей. В советский период эта тема активно разрабатывалась представителями различных научных дисциплин – географами, экономистами, архитекторами. Так, например, в работах Г.А. Гольца, С.А. Ваксмана, С.А. Тархова было подвергнуто изучению множество социально-экономических аспектов деятельности городского транспорта, проанализировано его влияние на развитие городов [6–8].

В последние годы городской транспорт все чаще становится предметом специального исторического исследования. Появляются работы, в которых он рассматривается как одна из неотъемлемых составляющих городской жизни, раскрывается его влияние на социально-культурные процессы в городе [9]. В отдельных публикациях изучается история городского

транспорта сибирского региона. Так, к их числу, например, можно отнести работу С.В. Зяблинцевой «Общественный транспорт Западной Сибири в 1930–1950-е гг.» [10]. На основе комплексного изучения транспортной системы городов региона автор прослеживает тенденцию постепенного сокращения отставания в развитии транспорта городов Западной Сибири от европейской части страны.

Однако, несмотря на возрастающее внимание исследователей к проблематике городского транспорта, количество работ, посвященных этой теме на материалах Сибирского региона, остается крайне ограниченным. Вплоть до настоящего времени отсутствуют и исследования, касающиеся городского транспорта Тюмени в середине 1950-х – середине 1960-х гг. Обращение к изучению транспортной проблематики в наиболее динамичный период истории города, отмеченный проникновением в повседневную жизнь горожан большого числа новых черт, представляется интересным и важным для понимания последующей истории центра крупнейшей области страны.

Прежде чем обратиться к истории городского транспорта, следует дать характеристику некоторым тенденциям развития городского пространства Тюмени. В исследуемый период оно заключало в себе немало противоречивых черт. Начало освоения Западносибирского нефтегазового комплекса, большие капиталовложения в городское хозяйство обусловили быстрое развитие областного центра. В 1956–1965 гг. происходил рост числа жителей города, основным источником которого была миграция жителей из сел и других городов. За исследуемый период количество горожан увеличилось на 87 600 человек и составило более 213 000 жителей [11. Д. 225. Л. 76а, 80; 11. Д. 345. Л. 82]. К середине 1960-х гг. по количеству горожан Тюмень по-прежнему отставала от крупных сибирских и уральских городов (Так, в Омске к этому времени проживали 721 тыс. чел., в Новосибирске – 1029, в Томске – 302, в Свердловске – 919 тыс.) [12. С. 22–31], однако существующие темпы прироста населения были весьма ощутимы и повлекли за собой необходимость изменений в структуре городского хозяйства.

Наряду с ростом численности горожан происходит расширение и территории города. С начала 1960-х гг. в областном центре начинает формироваться комплекс новых многоэтажных жилых зданий, появление которых привело к созданию микрорайонов, значительно упорядочивших городскую застройку. Так, если во второй половине 1950-х гг. объемы малоэтажного и многоэтажного строительства в городе были примерно сопоставимы, то уже к середине 1960-х гг. практически все городское строительство осуществлялось типовыми кирпичными и крупнопанельными зданиями в 4–5 этажей [13. Д. 332. Л. 1, 156, 175а, 195].

Однако объемы многоэтажного строительства не могли в короткий срок изменить характер городской

застройки. Так, в 1960 г. из 18 тыс. жилых зданий города 14 880 домов представляли собой одноэтажные строения, которые принадлежали индивидуальным владельцам [11. Д. 301. Л. 176–181]. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. такой жилой фонд ежегодно увеличивался на 20–30 тыс. кв. метров, что предопределило его преобладание на большей территории областного центра [Там же. Д. 265. Л. 9, 47, 208; 11. Д. 332. Л. 1, 156, 175а]. Одно-двухэтажные здания «растягивали» городское пространство, увеличивая для жителей радиус доступа к социальным и культурным учреждениям. Недостаточное количество социокультурных объектов вблизи от жилищ тюменцев способствовало частым перемещениям населения в пределах территории города. Возникла необходимость в создании условий для взаимосвязи различных частей областного центра, необходимой для удовлетворения социальных и духовных потребностей горожан.

Как известно, одним из главных факторов, обеспечивающих целостность городской территории, является отсутствие естественных и искусственных барьеров, разделяющих городское пространство на ряд обособленных районов. С первых лет существования Тюмени основной естественной преградой, оказавшей влияние на формирование города, стала река Тура. Разорвав городское пространство и отделив заречный район от основной части города, она вынудила местные власти сооружать искусственные коммуникации в виде мостов и переправ для восстановления целостности территории и обеспечения «включенности» в городскую жизнь населения заречной части Тюмени. К началу исследуемого периода заречный район соединялся с городом единственным деревянным мостом, который был построен еще в 1924–1926 гг. [14. С. 30]. Спустя более 30 лет, в 1956 г., началось создание нового моста через Туру. Он был завершен к началу 1960-х гг. Таким образом, до конца исследуемого периода заречная часть Тюмени соединялась с центром лишь двумя мостами. Водная преграда существенно замедлила развитие города в северном направлении, предопределив другие пути его роста.

К особенностям городского ландшафта следует отнести также расположение многих районов на низменных территориях, приводившее к их периодическим затоплениям. Так, наиболее часто затапливались заречная часть Тюмени, поселки лесобазы «Тура» и ДОКа «Красный Октябрь» в западной и восточной частях города. Один из жителей областного центра в середине 1950-х – середине 1960-х гг. вспоминает: «С той стороны реки дома плавали. Смотришь – плывет дом и сверху петух орет на крыше. Нас отправляли укреплять дамбу – с песком таскали мешки, и эвакуировали людей... Вода поднималась до половины домов, и мы помогали вытаскивать оттуда мебель. Куда расселять людей, потом решал горисполком» [15]. Затопление городских районов препятствовало качественному благоустройству и сбалансированному развитию областного

центра. Разрушение дорог приводило к тому, что жители отдельных районов даже после спада воды еще длительное время были отрезаны от основной части города. Такая ситуация усугубляла различия в условиях жизни населения различных городских районов.

Важную роль в разобщении территории города играли и искусственные барьеры, первые из которых начинают появляться в Тюмени еще в конце XIX в. В 1885 г., с окончанием строительства железной дороги Тюмень – Екатеринбург, небольшой участок которой проложили по территории города [14. С. 121], было создано препятствие для расширения Тюмени в южном направлении. В 1940–1950-х гг. активная застройка города и распространение жилищного строительства за железную дорогу привели к тому, что возникшие здесь поселки оказались обособлены от основной части областного центра.

Существенным препятствием для формирования единства городской среды стали и промышленные предприятия, комплекс которых в середине 1950-х гг. располагался на восточной окраине Тюмени. Постепенно став неотъемлемой частью жилых кварталов, они «разрывали» городскую застройку, а примыкавшие к ним железнодорожные пути затрудняли движение городского транспорта и сообщение жителей. Так, например, особенно серьезным препятствием в коммуникации населения стал железнодорожный переезд, проходивший вдоль одной из главных улиц города – Колымской (с 16.07.1964 – Мориса Тореза. – А.С.) [16]. Он отделил от центра Тюмени восточную часть города, развитие которой с начала 1960-х гг. приобрело наиболее интенсивный характер.

Таким образом, применительно к исследуемому периоду, можно говорить лишь об относительной, «внешней» целостности городского пространства. Естественные и искусственные препятствия разобщали территорию города на целый ряд обособленных районов. В создавшихся условиях возрастает значение некоторых компонентов городской среды, которые должны были способствовать преодолению негативных тенденций в развитии областного центра. Одним из таких компонентов стала дорожная сеть.

В исследуемый период в Тюмени происходит быстрое расширение сети городских улиц, общая протяженность которых с 1956 до 1965 г. возросла на одну треть. Увеличилась и площадь улиц с твердым покрытием. Так, если в середине 1950-х гг. она составляла лишь около 21,5% от общей протяженности всех городских дорог, то к 1965 г. этот показатель возрос до 38% [11. Д. 197. Л. 35, 35 об., 173, 173 об.].

До начала 1950-х гг. самым распространенным способом благоустройства городских улиц было мощение их камнями. Кроме того, некоторые городские дороги покрывала деревянная лежневка – поперек прокладывались скошенные бревна, а вдоль по ним – две дощатые колеи для проезда транспорта [17]. Первый асфальт на дорогах Тюмени появился в 1950 г. [18], а

общая протяженность асфальтированных улиц в городе начинает преобладать над протяженностью дорог, имеющих каменное покрытие лишь к началу 1960-х гг. Однако даже к этому времени большинство городских дорог по-прежнему оставались грунтовыми. В ненастную погоду они размывались и становились непроезжими для городского транспорта, что влекло за собой временную «изоляция» жителей некоторых районов от основной части города.

Другой характерной чертой облика областного центра в середине 1950-х – середине 1960-х гг. становятся деревянные тротуары. Если к началу исследуемого периода они составляли лишь около 1/3 от общей протяженности городских дорог, то к 1965 г. этот элемент благоустройства становится неотъемлемой частью большинства улиц города [11. Д. 197. Л. 92, 92 об., 227, 227 об.]. Для того чтобы вода не задерживалась на тротуарах и проезжей части, по обеим сторонам от дорог выкапывались сточные канавы. С распространением практики асфальтирования городских улиц сооружение сточных канав прекратилось, им на смену должна была прийти ливневая канализация. Однако в середине 1950-х – середине 1960-х гг. строительство ливневой канализации в Тюмени не производилось, в результате чего вода и грязь длительное время оставались на городских дорогах.

В целом следует отметить, что в исследуемый период благоустройство тюменских улиц несколько улучшается. Развитие дорожной сети создавало условия для объединения обособленных районов и преодоления как естественных, так и искусственных барьеров, разделяющих городское пространство. В то же время большое количество проблем, касающихся тюменских дорог, так и не было решено. Состояние дорожной сети окраин города существенно отличалось от качества дорог центральной части Тюмени, что свидетельствовало об отсутствии единства и «разрозненности» городского пространства. Загрязненность тюменских улиц негативно сказывалась на облике города.

Расширение дорожной сети создавало условия для налаживания эффективной транспортной коммуникации. Следует отметить, что в середине 1950-х гг. личный транспорт был удобством, доступным лишь очень ограниченному числу горожан, поэтому основная часть городского населения в качестве средства передвижения использовала общественный транспорт, представленный в Тюмени автобусами и такси.

В исследуемый период происходит значительный рост автобусного парка. В 1956–1965 гг. он возрастает более чем в 4,8 раза – с 54 до 260 автобусов. Существенно увеличивается и количество автобусных линий – с 7 до 29, а также их протяженность – с 35,3 до 236,8 км [19. Д. 10. Л. 74, 142; Д. 195. Л. 54]. Результаты сопоставления количества ежегодно курсировавших на городских линиях автобусов с числом самих маршрутов позволяют сказать, что если в 1956 г. на каждом городском маршруте, в среднем, курсировало 6–7 авто-

бусов, то к 1965 г. это число сократилось до 4–5 машин. Такая тенденция свидетельствовала о постепенном обострении транспортной проблемы в Тюмени. Расширение городской территории способствовало возрастанию потребности населения в автобусных перевозках. За 10 лет исследуемого периода число горожан, пользующихся услугами автобусного транспорта, значительно увеличилось, что повлекло за собой существенное повышение нагрузки на пассажирский автобусный транспорт [Там же. Д. 10. Л. 163 об.; Д. 195. Л. 106 об.].

Если в середине 1950-х гг. автобусными линиями были связаны лишь самые основные городские и пригородные районы, то к середине 1960-х гг. транспортная сеть города усложнилась. Разнообразие маршрутов позволило максимально приблизить автобусные линии к местам проживания людей, сократив расстояние от жилища горожан до ближайшей автобусной остановки. Такая ситуация повлекла за собой и некоторые перемены в сознании тюменцев. Расстояния, которые прежде казались горожанам небольшими и могли легко преодолеваться пешком, отныне стали восприниматься как весьма внушительные.

Росту популярности автобусного транспорта способствовало и упрощение системы оплаты за проезд. До начала 1960-х гг. стоимость проезда на городских автобусах рассчитывалась в зависимости от расстояния, которое необходимо было преодолеть пассажиру. «Билеты существовали разные, талончики у кондуктора были, как наградная лента», – вспоминает житель Тюмени Б.П. Трофимов [17]. Стоимость проезда в черте города варьировалась от 15 коп. на небольшие расстояния до 90 коп. на самые протяженные маршруты [20. Д. 718. Л. 163–169]. Однако вскоре такой принцип оплаты подвергся изменению. Вместо территориальной оплаты был установлен единый тариф на проезд в городских автобусах, который стал равняться 50 коп. (после реформы 1961 г. – 5 коп. – А.С.). Кроме того, с марта 1957 г. для пассажиров стали вводиться месячные проездные билеты, ставшие альтернативным способом оплаты проезда в черте города. Их стоимость для горожан составляла 30 руб., а для организаций, приобретающих билеты по безналичному расчету, она возрастала до 50 рублей. С 16-го числа каждого месяца стоимость проездных билетов снижалась на 50% [21].

При большой популярности и востребованности городских автобусов их работа в исследуемый период характеризовалась множеством недостатков. Проблемы автобусного сообщения традиционно находились в центре внимания городских властей, их обсуждение не сходило и со страниц местной прессы. В первую очередь, они касались нерегулярного автобусного движения, неудобных маршрутов и недостаточного количества машин на линиях. Отсутствие регулярного автобусного сообщения приводило к тому, что жители города, в особенности отдаленных районов, вынуждены

были длительное время простаивать на остановках в ожидании транспорта.

Руководство автобусного предприятия в исследуемый период предпринимало определенные шаги, направленные на повышение комфортабельности парка. Так, если в 1956 г. все городские автобусные перевозки осуществлялись 28-местными автобусами «ЗИС-155», максимальная вместимость которых составляла до 50 пассажиров, то уже к началу 1958 г. на линиях начинают курсировать первые автобусы «ЗИЛ-158», обладавшие большей вместимостью и мощностью [19. Д. 10. Л. 142; Д. 20. Л. 13 об.]. В них располагалось 32 места для сидения, а максимально они могли перевозить 70 пассажиров. За счет исправления целого ряда недостатков, которые были характерны для предыдущей модификации автобусов, таких, например, как плохое отопление салона, большая высота подножек над тротуаром, автобусы «ЗИЛ-158» стали более комфортабельны для пассажиров. В середине 1960-х гг. практически все городские автобусные перевозки осуществлялись автобусами «ЗИЛ-158» [Там же. Д. 106. Л. 207].

В то же время большое количество пассажиров, которое скапливалось на остановках и заполняло городской транспорт, минимизировало преимущества от новых машин. Практически весь автобусный транспорт в «часы пик» был переполнен, что сводило на «нет» комфорт от самой поездки. «А что делается в автобусных салонах? Примерно то же, что было в московском трамвае тридцатых годов. Помните, как об этом писали Ильф и Петров? «26 мест для сидения, 6 – для стояния, итого 375 человек», – иронизировали корреспонденты местной прессы [22]. Теснота в автобусах, соприкосновения с пассажирами в грязной, рабочей одежде, сопровождавшиеся «толкучкой» при посадке в транспорт и выходе из него, – все эти факторы не способствовали формированию у горожан благоприятного впечатления от пользования общественным транспортом.

В целом следует отметить, что в середине 1950-х – середине 1960-х гг. автобусный транспорт еще более упрочил свое положение в качестве основного средства передвижения. Его роль в городской среде значительно возросла. Автобусное сообщение, сокращая расстояния для горожан, выступало связующим компонентом для быстро возрастающего числа городских районов, объединяя их в общее пространство коммуникации населения. В то же время усложнение транспортной системы выявило большое количество проблем, связанных с обслуживанием пассажиров. Автобусный транспорт позволял горожанам лишь в некоторых случаях рассчитывать на быструю доставку от одной точки до другой, не решая при этом проблему комфорта от самой поездки.

Потребность в удовлетворении возрастающих запросов населения влекла за собой проникновение в повседневную жизнь тюменцев новых явлений. Одним из них стало появление городских такси, популярность

которых среди жителей областного центра в исследуемый период значительно возросла. В середине 1950-х – середине 1960-х гг. общее количество городских такси увеличилось в 7 раз – с 45 до 319 автомобилей. При этом если в 1956–1957 гг. весь таксопарк был задействован на обслуживании горожан, то на 1 января 1966 г. уже более трети автомобилей осуществляли перевозки по запросам тюменских предприятий и организаций [19. Д. 10. Л. 116, 142, 163 об.; Д. 195. Л. 54, 108 об.].

Первые такси появились в Тюмени еще в 1951 г. Проездной тариф на них до начала 1960-х гг. был установлен в размере 1,5 руб. за 1 км в городе и 2 руб. – за городской чертой. С 1 января 1961 г. в Тюмени, как и на всей территории РСФСР (за исключением некоторых районов Дальнего Востока и Крайнего Севера), тариф подвергся изменению: с этого времени как в городе, так и за его пределами стоимость проезда на автомобилях стала равняться 10 коп. за 1 км. Отдельно пассажиры должны были заплатить рубль за каждый час их ожидания водителем [23, 24].

С момента появления в Тюмени таксомоторного транспорта и вплоть до конца 1950-х гг. все горожане обслуживались автомобилями марки «Победа» [19. Д. 10. Л. 142]. В 1958 г. для обслуживания ведомств начали выделяться «Москвичи», количество которых в конце 1950-х – середине 1960-х гг. оставалось небольшим. Одновременно с «Москвичами» в тюменском таксопарке вскоре появились и первые «Волги». В ноябре 1953 г. их производство было запущено на Горьковском автозаводе, а к середине 1960-х гг. все перевозки горожан в Тюмени осуществлялись только «Волгами» [Там же. Д. 30. Л. 86; Д. 195. Л. 54]. Новая марка городских такси отличалась просторным салоном, панорамными стеклами, которые расширяли обзор из салона автомобиля, мощным двигателем, а также современным дизайном.

В то же время с возрастанием популярности таксомоторного транспорта все более отчетливо стали проявляться и многие недостатки в работе городских такси. Желая воспользоваться услугами таксомоторов, в первую очередь, столкнулись с нехваткой автомашин на улицах города. «Найти такси в Тюмени сейчас стало проблемой. На стоянках – большие очереди. Люди тщетно караулят «Волги» с шахматной полоской на дверке...», – отмечалось в «Тюменской правде» в июле 1962 г. [25]. Такая ситуация отчасти объяснялась тем, что большое количество машин, по причине низкой технической готовности парка, не выходило на улицы города. Так, к январю 1966 г. из 190 автомобилей, предназначенных для обслуживания населения, в город выпускалось лишь 115 [20. Д. 957. Л. 59].

Однако техническое состояние автомобилей было далеко не единственной причиной, снижавшей качество обслуживания тюменцев. Так, на многих стоянках машин часто не оказывалось. Водители, в целях получения максимальной прибыли, предпочитали выбирать

традиционные места стоянок, которые уже давно были известны среди населения. Часто шоферы отказывались везти пассажиров на близкие расстояния по городу, предпочитая поездки в отдаленные районы или междугородные рейсы, которые позволяли быстрее добиться выполнения плана [26].

Возрастание популярности городских такси свидетельствовало не только о расширении городского пространства, но и о быстрых переменах в сознании жителей. В середине 1950-х гг. услугами такси пользовались лишь отдельные категории населения, притом что основная часть тюменцев, в силу различных причин, воспринимала этот вид транспорта как недоступный. К середине 1960-х гг. ситуация изменилась. Увеличение расстояний между различными городскими объектами потребовало от тюменцев большего времени на их преодоление. В условиях расширения территории города фактор времени становится все более ценным для горожан. Такси, в немалой степени, способствовало его экономии. Кроме того, автомобили стали для тюменцев реальным средством уйти от автобусной «толкотни», позволив на короткое время ощутить совершенно другое качество жизни.

В середине 1960-х гг. для городских жителей появляется возможность и «индивидуального» решения транспортной проблемы. Обращаясь к истории распространения в стране личных автомобилей, необходимо упомянуть, что первые машины, доступные для покупки частными лицами, появились в продаже в 1946–1947 гг., первоначально лишь в Москве и Ленинграде. Ими стали автомобили марки «Победа» и «Москвич». При этом приоритетное право на покупку рекомендовалось предоставлять деятелям науки и искусства, передовым рабочим и инженерно-техническим работникам. Стоимость автомобилей была достаточно высока. Так, цена «Победы» в конце 1940-х – начале 1950-х гг. составляла около 16 тыс. руб., что для большинства граждан делало недостижимой покупку автомобиля. Чуть более реальным для рядовых жителей было приобретение «Москвича», покупка которого обходилась примерно в 9 тыс. руб. [27. С. 169, 170]. Однако сама возможность приобретения транспортного средства была позитивно встречена населением и стала быстро завоевывать популярность. В специализированных магазинах крупных городов очереди за машинами достигали нескольких тысяч человек, однако, в среднем, даже в Москве в середине 1950-х гг. продавалось не более 625 машин в месяц, что делало автомобиль достаточно редкой и ценной вещью для жителей столичных городов [27. С. 171].

В середине 1950-х гг. личный автомобиль на улицах провинциального города был еще более редким явлением. Свидетельства о том, какой транспорт преобладал на дорогах Тюмени, отражают воспоминания жителей города тех лет. Так, тюменка А.П. Журавлева рассказывает, что в середине 1950-х гг. на улицах областного центра «чаще всего можно было встретить гужевой транс-

порт. Даже хлеб развозили на лошадях. На втором месте шли велосипеды, мотоциклов было очень мало, а машин еще меньше, и они имелись только у представителей городских и областных властей» [28].

К середине 1960-х гг. транспортная ситуация в Тюмени существенно изменяется. Гужевой транспорт практически исчезает с центральных улиц и остается характерным явлением лишь для тюменских окраин. В то же время постепенно возрастает количество мотоциклов и автомобилей. Так, на 1 января 1967 г. в личном пользовании горожан было зарегистрировано 1 128 автомашин и 7 000 мотоциклов [11. Д. 373. Л. 74]. «К середине 1960-х гг. основным транспортом стали машины и автобусы. Лошади в городе стали большой редкостью. Их держали, как правило, те, кто имел свой собственный дом», – отмечает А.П. Журавлева [28].

В целом в середине 1950-х – середине 1960-х гг. постепенное возрастание насыщенности областного центра транспортом свидетельствовало о все более широ-

ком распространении так называемой «городской культуры». Одним из ее продуктов и стал личный транспорт. Увеличение транспортного разнообразия играло большую роль в объединении «разрозненных» частей Тюмени, придавало городскому пространству определенную целостность. С появлением такой категории населения, как автомобилисты, расширяется «видение» города, ранее транслировавшееся лишь сквозь призму его восприятия пешеходами. В свою очередь, это позволило местным властям обратить внимание на ряд проблем, решение которых прежде не представлялось столь актуальным. В то же время быстрое увеличение количества транспорта породило целый комплекс новых проблем. Именно к середине 1960-х гг. относится появление в Тюмени первых признаков дилеммы о городском пространстве, сочетающем в себе комфорт и безопасность для людей и удобство для автомобилей, поиск оптимального решения которой будет происходить в течение последующих десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Философский энциклопедический словарь* / ред.-сост. Е.Ф. Губский. М., 2006.
2. *Heidegger M. Sein und Zeit*. Tübingen, 2001.
3. *Комарова С.Л.* Оптимизация отношений субъектов политической деятельности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002. URL: <http://www.dslib.net/soc-psixologia/optimizacija-otnoshenij-subektov-politicheskoy-deyatelnosti.html>, свободный.
4. *Глазычев В.Л.* Социально-экологическая интерпретация городской среды. М., 1984.
5. *Горелова Ю.Р.* Роль архитектурной компоненты в формировании вещно-предметной среды города: исследовательские модели и парадигмы // *Социокультурное пространство сибирского города: история и современность* : сб. науч. ст. Ханты-Мансийск, 2008. Вып. 5.
6. *Гольц Г.А.* Транспорт и расселение. М., 1981.
7. *Ваксман С.А.* Исследование закономерностей автотранспортной загрузки сети магистральных улиц (на примере городов Урала и Казахстана) : автореф. дис. ... канд. техн. наук. Свердловск, 1970.
8. *Тархов С.А.* Типизация пространственных структур транспортных сетей : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1982.
9. *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008.
10. *Зяблинцева С.В.* Общественный транспорт Западной Сибири в 1930–1950-е гг. // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010. № 18.
11. *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области (ГБУТО ГАТО)*. Ф. 698. Оп. 1.
12. *Народное хозяйство СССР в 1965 г.* (статистический ежегодник). М. : Госстатиздат ЦСУ СССР, 1965.
13. *ГБУТО ГАТО*. Ф. 759. Оп. 1.
14. *Иваненко А.С.* Новые прогулки по Тюмени. Тюмень, 2008.
15. *Воспоминания Глушкова П.И.* (1947 г.р.), записаны автором.
16. *Тюменская правда*. 1959. 22 июля.
17. *Воспоминания Трофимова Б.П.* (1947 г.р.), записаны автором.
18. *Тюменская правда*. 1950. 21 мая.
19. *ГБУТО ГАТО*. Ф. 1792. Оп. 3.
20. *ГБУТО ГАТО*. Ф. 5. Оп. 1.
21. *Тюменская правда*. 1957. 20 фев.
22. *Тюменская правда*. 1964. 20 ноя.
23. *Тюменская правда*. 1960. 8 окт.
24. *Тюменская правда*. 1961. 26 янв.
25. *Тюменская правда*. 1962. 22 июля.
26. *Воспоминания Соболева В.Н.* (1930 г.р.), записаны автором.
27. *Твердюкова Е.Д.* Личный автомобиль как предмет потребления в СССР. 1930–1960-е гг. // *Новейшая история России*. 2012. № 1.
28. *Воспоминания Журавлевой А.П.* (1942 г.р.), записаны автором.

Skochin Artem V. The Institute Tyumen Higher Military Engineering Command School (Tyumen, Russian Federation). E-mail: Arskoch88@yandex.ru

THE ROLE OF THE TRAFFIC SYSTEM IN INTERCONNECTING THE URBAN SPACE OF TYUMEN IN MID 1950–1960-s.

Keywords: city area; urban space; buses; city taxi service; private transport.

In the mid 1950–60s a number of natural and artificial obstacles divided Tyumen into a few isolated parts. Thus, urban space just seemed to be relatively integral. Such a situation gave rise to the activities meant to improve the population's capabilities to move around and interact freely within the city borders. Unification of the disconnected city parts became possible due to the dynamic road construction. During the period of 1956–1965 the stretch of city roads grew by 1/3 (from 227 km to 331,5 km), the length of hard-surface streets also increased. The level of improvement of city streets significantly increased. The development of the road network created conditions for the unification of separate regions (districts) and overcome barriers, separating the urban space. At the same time, a large number of problems concerning the Tyumen roads, was never solved. The condition of the road network in the outskirts of the city differed significantly from the quality of the roads of the central part of Tyumen that testified about the lack of unity and fragmentation of urban space. The pollution of Tyumen streets had a negative impact on the image of the city. Road network development made

transport more important. Buses became even more habitual in the city. The number of bus routes grew from 7 to 26 in 1956–1965. They connected not only the main city districts and key industrial enterprises; bus network also covered almost all the territory of the city. However, the public transport system had a lot of drawbacks. Bus traffic was not regular, the routes were not convenient. Besides there was the lack of buses and they were not comfortable. Citizens could avoid these drawbacks using city taxi service. This kind of transport became more popular by the mid 60-s. This fact might be proved by the rapid increase of the number of taxi cabs (from 45 cars in 1956 to 319 cars in 1966). The taxi company, which consisted in the mid-1950s car «Pobeda», was completely replaced by a more comfortable «Volga». Such a situation was caused by the expansion of the city area, and it indicated the change in the citizens' mindset. Time became one of the priorities of the city life. There appeared more private transport in the streets of the regional center. A new category of citizens emerged in Tyumen, so called «motorists». This fact proved the spread of «urban culture». The spread of private cars caused a number of new problems within the urban space. In the mid 60-s Tyumen faced a new dilemma of the city area: comfort and safety for people vs. convenience for cars. The city tried to find the best solution of this problem during the subsequent decades. The rapid expansion of the city and the population growth was conserved the fragmentation of the urban space. Differences in the development of the central part of Tyumen and its suburbs gradually begin to fade only in subsequent years.

REFERENCES

1. Gubskiy E.F. (ed.) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: INFRA-M Publ., 2006. 574 p.
2. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2001.
3. Komarova S.L. *Optimizatsiya otnosheniy sub"ektiv politicheskoy deyatel'nosti*: avtoref. dis. kand psikh. nauk [Optimizing relations of the subjects of political activity. Abstract of Psychology Cand. Diss.]. Moscow, 2002. Available at: <http://www.dslib.net/soc-psixologia/optimizaciya-otnosheniy-subektiv-politicheskoy-deyatelnosti.html>.
4. Glazychev V.L. *Sotsial'no-ekologicheskaya interpretatsiya gorodskoy sredy* [Social and environmental interpretation of the urban environment]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 178 p.
5. Gorelova Yu.R. [The role of the architectural components in the formation of proprietary environment of the city: research models and paradigms of social and cultural space]. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo sibirskogo goroda: istoriya i sovremennost'* [The Siberian city: the past and present]. Khaty-Mansiysk, 2008, issue 5.
6. Gol'ts G.A. *Transport i rasselenie* [Transport and accommodation]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 248 p.
7. Vaksman S.A. *Issledovanie zakonornostey avtotransportnoy zagruzki seti magistral'nykh ulits (na primere gorodov Urala i Kazakhstana)*: avtoref. dis. kand. tekhn. nauk [The research of laws of road transport load of the main streets network (as exemplified by the cities in the Urals and Kazakhstan). Abstract of Engineering Cand. Diss.]. Sverdlovsk, 1970.
8. Tarkhov S.A. *Tipizatsiya prostranstvennykh struktur transportnykh setey*: avtoref. dis. kand. geogr. nauk [Typing spatial patterns of transport networks. Abstract of Geography Cand. Diss.]. Moscow, 1982.
9. Koshman L.V. *Gorod i gorodskaya zhizn' XIX stoletiya: sotsial'nye i kul'turnye aspekty* [The city and the city life of the 19th century: social and cultural aspects]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008. 446 p.
10. Ziablitseva S.V. Public transport of West Siberia in the 1930–1950s. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 18, pp. 109–117. (In Russian).
11. The State Budgetary Institution Tyumen Region State Archive of Tyumen Region (GBUTO GATO). Fund 698. List 1. (In Russian).
12. *Narodnoe khozyaystvo SSSR v 1965 g. (statisticheskiy ezhegodnik)* [The national economy of the USSR in 1965 (The Statistical Yearbook)]. Moscow: Gosstatizdat CSA USSR Publ., 1965.
13. The State Budgetary Institution Tyumen Region State Archive of Tyumen Region (GBUTO GATO). Fund 759. List 1. (In Russian).
14. Ivanenko A.S. *Novye progulki po Tyumeni* [New walks in Tyumen]. Tyumen: Raduga T Publ., 2008. 335 p.
15. Glushkov P.I. *Vospominaniya Glushkova P.I.* [Memoirs of P.I. Glushkov].
16. *Tyumenskaya Pravda*, 1959, 22nd July.
17. Trofimov B.P. *Vospominaniya Trofimova B.P.* [Memoirs of Trofimov B.P.].
18. *Tyumenskaya Pravda*, 1950, 21st May.
19. The State Budgetary Institution Tyumen Region State Archive of Tyumen Region (GBUTO GATO). Fund 1792. List 3. (In Russian).
20. The State Budgetary Institution Tyumen Region State Archive of Tyumen Region (GBUTO GATO). Fund 5. List 1. (In Russian).
21. *Tyumenskaya Pravda*, 1957, 20th February.
22. *Tyumenskaya Pravda*, 1964, 20th November.
23. *Tyumenskaya Pravda*, 1960, 8th October.
24. *Tyumenskaya Pravda*, 1961, 26th January.
25. *Tyumenskaya Pravda*, 1962, 22nd July.
26. Sobolev V.N. *Vospominaniya Soboleva V. N.* [Memoirs by V.N. Sobolev].
27. Tverdyukova E.D. The privately owned vehicle as a consumer good in the USSR. 1930–1960s. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*, 2012, no. 1, pp. 166–177. (In Russian).
28. Zhuravleva A.P. *Vospominaniya Zhuravlevoy A.P.* [Memoirs of A.P. Zhuravleva].

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА (1991–1993 гг.)

Исследуется процесс политической трансформации Челябинской области в 1991–1993 гг. Рассматривается процесс борьбы за власть администрации Челябинской области во главе с В.П. Соловьевым и Областным советом народных депутатов Челябинской области под руководством П.И. Сумина. Обосновывается вывод, что сложившаяся обстановка была во многом уникальна. Конфронтация шла между политическими лидерами, возглавлявшими два противостоящих лагеря: коммунистический и демократический. Стартовые позиции были равны, и кто победит, не ясно было до последнего момента. Решающую роль в выявлении лидера сыграли не личные качества политиков и их властный ресурс, а развитие политических событий в стране по пути демонтажа советской системы и «демократизации». Следствием борьбы стали разрушение прежней политической системы и окончательная ликвидация институтов советской власти. При этом стоит отметить, что чаще происходила не смена конкретных персоналий, а переориентация субъектов политической сферы на иные векторы развития.

Ключевые слова: двоевластие; администрация Челябинской области; Областной совет народных депутатов; П.И. Сумин; В.П. Соловьев.

1990-е гг. стали переломной вехой в историческом развитии российской государственности. После распада СССР российское общество было поставлено перед необходимостью поиска новой парадигмы собственного развития, адекватной общим закономерностям современной цивилизации. В отечественной историографии широко освещался данный этап развития страны. Большой интерес представляют труды, отличающиеся комплексным подходом к исследованию. К ним можно отнести монографию А.Н. Медушевского [1], в которой дан анализ всего конституционного процесса России, показаны роль и место представительных органов власти в политической системе страны. Ю.И. Игрицкий [2] одним из первых систематизировал взгляды и концепции на процесс общественно-политической трансформации. Значительный вклад в разработку проблемы внес историк В.В. Согрин [3, 4], работы которого отличались глубоким и объективным историческим анализом происходивших в стране преобразований. Проблемам политического строя в СССР посвящены работы М. Капустина, Ю. Игрицкого, К. Гаджиева, З.А. Станкевича, рассматривающие характерные особенности политического устройства [5–8].

Посвященных данной проблеме трудов большое количество, но их объединяет одно – слабое отражение особенностей политических трендов в субъектах федерации, несмотря на то что они обладали определенной спецификой. Например, политическая трансформация в Челябинской области затрагивалась в исследовании А.Д. Кирилова, но лишь в контексте общих изменений ситуации в уральском обществе.

Между тем в Челябинской области становление новой государственности связано с кризисом власти – противостояние двух взаимоисключающих институтов политической системы. Общественное мнение, юридические обоснования, даже решения суда, прокуратуры трактовались двояко, каждый участник политической борьбы интерпретировал события по-своему. При этом в Челябинской области сосредоточивались ведущие отрасли и предприятия промышленности, ядерного комплекса, которые играли

важную роль как в экономике региона, страны, так и на мировом рынке. От политического развития области фактически зависела эффективность работы значимых для государства отраслей народного хозяйства.

Анализ литературы по исследуемой проблеме показывает, что успешное реформирование российской государственности на современном этапе вызывает необходимость всестороннего изучения эволюции советской политической системы, объективной оценки роли определенных политических институтов, структур, деятельности политических лидеров эпохи.

Ликвидация Союза привела и к разрушению хозяйственных связей. Предприятия Челябинской области, в том числе военно-промышленного комплекса, прекратили взаимодействие с такими странами, как Украина, Армения, Литва, Латвия, Эстония, Казахстан. Результатом стало сокращение производства. Пострадали ПО «Полет» (г. Челябинск), завод «Пластмасс» (г. Копейск), Златоустовский металлургический завод. Не стало исключением конструкторское бюро «Ротор» – единственное на постсоветском пространстве, занимавшееся разработкой, изготовлением и экспортом электроавтоматики и электрооборудования для бронетанковой техники [9].

Вакуум, образовавшийся после распада СССР, необходимо было немедленно заполнить – приступить к государственному строительству. Были изданы указы, определившие последующий вектор развития страны. Одним из первых действий Б.Н. Ельцина по укреплению властных институтов было подписание указа № 13 «Об администрации Президента РСФСР» [10]. Эта структура была призвана заменить разветвленный и могущественный партийный аппарат.

Контроль над всеми органами власти, включая КГБ СССР, МВД СССР, передавался непосредственно Президенту РСФСР. Кроме того, Верховный Совет РСФСР предоставил Президенту исключительное право назначать на должность глав администраций, которые наделялись всей полнотой власти в регионе [11]. Съезду народных депутатов запрещалось принимать решения о проведении выборов в представительных и исполни-

тельных органах власти на всех уровнях до 1 декабря 1992 г. [12].

В субъектах федерации кадровый вопрос решался сложнее. Б.Н. Ельцин, воспользовавшись широкими полномочиями, во всех регионах провел череду назначений глав администрации. В Челябинской области главой стал В.П. Соловьев, председатель городского Совета народных депутатов. Он незамедлительно стал формировать администрации на местном уровне [13, 14]. Заметим, что данная кандидатура не была согласована с областным Советом, который поддерживал своего руководителя – П.И. Сумина. Сразу же началась конфронтация двух лидеров.

Несмотря на ликвидацию СССР, в стране сохранились органы советской власти: Верховный совет РСФСР, Совет народных депутатов. Между ними и вновь сформированной Администрацией Президента началась конфронтация. В Челябинской области это только усилило противостояние В.П. Соловьева и П.И. Сумина. Два политика, работавших ранее длительное время в рамках советской системы и поддерживавших друг друга, стали антиподами. Изменившиеся реалии не давали им возможности параллельного продвижения по иерархической лестнице. При этом, несмотря на политическую конфронтацию, они совместно пытались решать экономические проблемы региона, воздействуя на центральные органы власти. В 1993 г. Челябинская область столкнулась с недостаточным финансированием агропромышленного комплекса, а также с сокращением средств на социальные выплаты. В.П. Соловьев и П.И. Сумин совместно обращались к Министру финансов РФ, а также к Председателю ВС РФ с просьбой предоставить денежные средства [9. Л. 97]. Вполне вероятно, что такое взаимодействие было связано с пониманием, что если позволить дестабилизировать хозяйственную систему, то в регионе наступит хаос.

В рамках новой политической системы каждый начал искать свой путь к вершине регионального политического олимпа. В.П. Соловьев – через новые институты власти – демократические. П.И. Сумин – опираясь на бывший советский административный ресурс. Специфика текущего момента заключалась в том, что противоборствующие стороны пытались заручиться поддержкой всероссийских лидеров. В.П. Соловьев активно поддержал Б.Н. Ельцина в дни «путча», а П.И. Сумин встал на сторону коммунистов. У обоих не было на тот момент полного контроля над областью.

После указа Б.Н. Ельцина о назначении В.П. Соловьева главой администрации Челябинской области [15] П.И. Сумин, понимая, что события развиваются в направлении ликвидации советской системы, стал бороться за руководящие позиции в структуре законодательной ветви власти. При этом он опирался на поддержку ещё существующего в тот момент Верховного совета. Первым шагом было решение малого областного Совета народных депутатов провести вы-

боры главы администрации Челябинской области [11. Л. 122]. В таком случае у П.И. Сумина появлялся шанс сместить с поста В.П. Соловьева. Свои действия Петр Иванович согласовывал непосредственно с Р.И. Хасбулатовым, председателем Верховного совета Российской Федерации [16]. Условия политического развития требовали взаимодействия с федеральными органами власти. С таким положением дел не соглашался П.И. Сумин. Этот ресурс в полном объеме для П.И. Сумина тогда был недоступен. Он занял позицию, согласно которой у главы администрации Челябинской области должна быть личная ответственность перед населением региона, а значит, только жители области вправе решать, кому делегировать полномочия руководителя региона [Там же].

В.П. Соловьев, пытаясь сохранить свои властные полномочия, бойкотировал решение малого Совета о назначении выборов главы администрации Челябинской области. При принятии решения о проведении выборов и дне голосования малый Совет областного Совета народных депутатов руководствовался нормативно-правовыми актами Верховного совета Российской Федерации как первоисточника легитимной власти. Решения и указы Президента Российской Федерации рассматривались как антиконституционные, нарушающие основы политической системы страны [Там же. Л. 5]. Администрация Челябинской области в свою очередь проводила юридическую экспертизу принятых Малым советом решений, не признавая их законность [12. Л. 2]. На сторону местной администрации встал Б.Н. Ельцин, постановив считать выборы незаконными [17]. Несмотря на этот демарш со стороны Президента РФ, Совет не отступил от своих планов, подтвердив решение о проведении выборов. Первый тур состоялся 11 апреля 1993 г. На пост главы администрации выдвигалось 15 кандидатур [11. Л. 144; 12. Л. 29; 18; 19]. Основной соперник П.И. Сумина – назначенный глава администрации Челябинской области В.П. Соловьев – отказался от участия в выборах. Тем самым он продемонстрировал свое принципиальное отношение к происходящему как к незаконному акту.

Как видим, политическая конфронтация не утихла и накануне выборов. Областной суд удовлетворил жалобу главы администрации, постановив, что избирательная комиссия не имела правового статуса и не обладала правом регистрации кандидатов. Областной совет на это решение отреагировал обращением на имя председателя Верховного суда России В.М. Лебедева, в котором П.И. Сумин просил провести служебное расследование в отношении законности решений, вынесенных должностными лицами областного суда [11. Л. 81]. Пока шли судебные разбирательства и проверки, состоялись выборы. В них приняли участие 31,5% избирателей [20]. Столь низкая явка демонстрирует, что большая часть электората не возлагала ни на одну из кандидатур надежды на улучшение положения. В первом туре никто из кандидатов не набрал больше

50 %, и поэтому был объявлен второй тур, прошедший 25 апреля. Победу одержал П.И. Сумин [20]. С таким исходом выборов, как и с их легитимностью, не согласился В.П. Соловьев [21]. Он продолжил бороться против областного Совета.

Нарушение конституции по поводу создания администраций президента стало основанием для попытки объявления недоверия главе государства. По вопросу об импичменте был созван внеочередной IX съезд народных депутатов. Для отрешения Б.Н. Ельцина от должности не хватило 72 голоса. Верховный Совет РСФСР 29 марта 1993 г. назначил на 25 апреля 1993 г. референдум с четырьмя вопросами («Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину?»; «Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 г.?»; «Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?»; «Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?» [23]), который прошел и в Челябинской области. Однако он не разрешил конфликт.

В условиях жесткой конкуренции за властные позиции, при отсутствии каких-либо общепризнанных, внятных правил игры противоборство между В.П. Соловьевым и П.И. Суминым еще более обострилось. Конституционный суд установил, что по первым двум вопросам референдума, имеющим нравственно оценочный и политический характер, для принятия положительного решения требуется большинство голосов от числа проголосовавших. Положительное решение по третьему и четвертому вопросам носит конституционный характер и должно быть принято большинством от общего числа избирателей. Несмотря на юридическую неопределенность по третьему и четвертому вопросам, результаты голосования формально свидетельствовали о победе команды Б.Н. Ельцина. После победы на референдуме он отстранил от должности вице-президента А. Руцкого и начал готовить проект новой конституции.

В Челябинской области победа Б.Н. Ельцина означала сохранение поддержки В.П. Соловьеву. С одной стороны, П.И. Сумин легитимировал свое положение в глазах населения через выборы главы администрации. С другой стороны, В.П. Соловьев продолжал оставаться доверенным лицом Президента России.

«Демократически» избранный губернатор П.И. Сумин не мог приступить к работе. Назначенный сверху В.П. Соловьев не уходил с должности. Попутно и администрация, и областной Совет народных депутатов вели борьбу за влияние на районный уровень и города областного значения. 18 августа в областном Совете состоялась пресс-конференция 6 из 52 глав районных администраций. На сторону П.И. Сумина встали глава Ленинского района г. Челябинска В. Буравлев, мэр г. Копейска В. Уткин, мэр г. Миасса В. Григориади

и глава Брединского района Д. Петерс. 27 августа состоялся митинг в поддержку демократических реформ, где переход власти к П.И. Сумину был назван «государственным переворотом» [23]. Избранному главе администрации решили подчиняться только руководители некоторых банков Челябинской области и полтора десятка глав администраций городов и сел [25]. Таким образом, П.И. Сумину удалось не только сформировать дееспособный политико-административный корпус, но и подчинить себе финансовые потоки области.

20 сентября пресс-служба администрации В.П. Соловьева сообщила, что Б.Н. Ельцин на словах передал ему пожелание продолжать работать и в полной мере исполнять возложенные на него обязанности, а также в течение недели восстановить управляемость в тех сферах, где она была потеряна. Президент заверил, что им дано соответствующее указание ЦБ России для снятия «вето» с финансовых документов за подписями В.П. Соловьева и А. Прокина [25]. Не имея возможности договориться с Верховным Советом, и тем более подчинить его своей воле, Президент РСФСР принимает решение распустить высший законодательный орган и начать формировать альтернативные институты управления государством. 21 сентября 1993 г. Б.Н. Ельцин издал указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», предписывавший Верховному совету и Съезду народных депутатов Российской Федерации прекратить свою деятельность.

В.П. Соловьев незамедлительно приступил к реализации указа и ликвидации Советов [26–28]. В рамках конституционной реформы 22 октября был издан Указ Президента РФ «О подтверждении полномочий главы администрации Челябинской области В. Соловьева», что означало конец противостояния [29]. Хотя, с этим не согласились областные и городские Советы [30]. 22 сентября они приняли решение считать Указ Президента неконституционным и не подлежащим исполнению на территории области [31]. Руководство Советов не желало терять свои позиции. Конституционный суд Российской Федерации, собравшись на экстренное заседание, пришёл к заключению, что данный указ по двенадцати позициям нарушал Конституцию и может явиться основанием для отрешения Президента Б.Н. Ельцина от должности. Верховный Совет отказался подчиниться указу № 1400.

В г. Магнитогорске, г. Южноуральске, г. Троицке, г. Златоусте, г. Миассе, г. Коркино Советы охарактеризовали действия Б.Н. Ельцина как неконституционные [32]. Однако, несмотря на попытку сохранить власть, Советам это сделать не удалось. Многие представители номенклатуры стали искать пути к власти в рамках формирующейся российской политической системы. В том числе и сам П.И. Сумин, решивший баллотироваться в депутаты ГД РФ [33].

Высшей точкой конфликта стали силовые столкновения противоборствующих сторон, начавшиеся в сто-

лице. После расстрела Белого дома последовала ликвидация Советов всех уровней. 11 октября 1993 г. В.П. Соловьёв своим указом приостановил деятельность областного Совета и назначил выборы местной представительной власти на 12 декабря 1993 г. [33]. В этот же день в Челябинске прекратили свою деятельность все 7 районных Советов народных депутатов.

Сложившаяся обстановка была во многом уникальна. Конфронтация шла между политическими лидерами, возглавлявшими два противостоящих лагеря: коммунистический и демократический. Стартовые позиции были во многом равны, и, кто победит, было не ясно до последнего момента. Решающую роль в выявлении лидера сыграли не личные качества политиков и их властный ресурс, а развитие политических событий в стране по пути демонтажа советской системы и «демократизации». В других регионах России, за исключением кавказских республик, процесс смены власти проходил политически менее агрессивно, характеризовался относительным единством политических элит. Одной из особенностей становления новой политической системы в регионе было желание депутатов областного Совета объявить Челябинскую область республикой. Облсовет хотел добиться большей экономической и политической независимости от центра. Тем временем социологи Академэкономцентра Уральского отделения РАН провели исследование мнения жителей области. Мониторинг показал, что 28,8% опрошенных жителей Южного Урала поддерживали идею преобразования области в республику. Негативно оценили идею 30,9% респондентов [34]. По-другому данный вопрос решился в соседней области – Свердловской. Население поддерживало инициативу Э. Росселя (глава администрации

Свердловской области 16.10.1991 – 10.11.1993 гг.) по созданию Уральской республики, однако к ней резко негативно отнеслась администрация президента и Э. Россель был снят с должности за превышение полномочий [35. С. 269].

Таким образом, в конфронтации между П.И. Суминым и В.П. Соловьёвым особую роль сыграл Президент Б.Н. Ельцин. Несмотря на тенденцию суверенизации регионов, он продолжал оказывать сильное влияние на субъекты РФ и удерживал контроль над происходящими там политическими процессами. Это объяснялось и позицией ряда местных Советов, которые стремились сохранить власть, опираясь на кремлевские структуры. В результате победы Б.Н. Ельцина в Южно-Уральском регионе к власти пришла команда, поддерживаемая Москвой и возглавляемая В.П. Соловьёвым. Ею были созданы условия для политической трансформации. П.И. Сумин временно отступил.

Следствием политической борьбы стали разрушение прежней политической системы и окончательная ликвидация институтов советской власти. При этом стоит отметить, что чаще происходила не смена конкретных персоналий, а переориентация субъектов политической сферы на иные векторы развития. Сформировался новый слой должностных лиц. Конечно, это были выходцы из советской номенклатурной системы, но действовали они уже в рамках новых институтов власти и другой идеологии. После окончательной ликвидации коммунистической номенклатурной системы и Советов была проведена институционализация нового политического режима через формирование законодательных и исполнительных органов власти посредством использования демократических процедур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.
2. Игирский Ю.И. Общественная трансформация в СССР и России после 1985 г.: взгляды и концепции. М., 1998.
3. Согрин В.В. Политическая история современной России, 1985–1994: от Горбачева до Ельцина. М., 1994.
4. Согрин В.В. 1985–1995: Реалии и утопии новой России // Отечественная история. 1995. № 2.
5. Капустин М. Конец утопии? (Прошлое и будущее социализма). М., 1990.
6. Игирский Ю. Концепция тоталитаризма // История СССР. М., 1991.
7. Гаджиев К. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. М., 1992. № 2.
8. Станкевич З.А. История крушения СССР: Политико-правовые аспекты. М., 2001.
9. Письмо председателю Госкомимущества А. Чубайсу от В. Соловьёва // Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 85. Л. 32.
10. Указ Президента РСФСР «Об Администрации Президента РСФСР»: утв. указом Президента РСФСР от 19.07.1991 г. № 13 // Юридический интернет-портал «ЗонаЗакона». URL: <http://www.zonazakona.ru/law/ukaz/9589>, свободный.
11. Документы об имуществе Челябинского Совета народных депутатов, о выборах глав администрации области и др. // ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3712. Л. 106.
12. Документы о назначении и проведении выборов на пост главы администрации области Сумина П.И. и Соловьёва В.П. // ОГАЧО. Ф. 374. Оп. 1. Д. 28. Л. 7.
13. О законе об администрациях [Текст]: постановление главы администрации Челяб. обл. : от 18.11.1992 № 336 // Правовой информационный ресурс Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru>, свободный.
14. О порядке назначения и освобождения от должности глав администраций в Челябинской области [Текст]: постановление главы администрации Челяб. обл. от 11.10.1993 № 380 // Правовой информационный ресурс Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru>, свободный.
15. Личное дело В.П. Соловьёва // ОГАЧО. Ф. 288. О. 1. Д. 89. Л. 43.
16. Францева Е. Я не отказалась от борьбы за интересы области // Челябинский рабочий. 1993. № 4. С. 2.
17. Об Указе Президента № 440 от 09.04.1993 [Текст]: постановление главы администрации Челяб. обл. : от 28.04.1993 № 161 // Правовой информационный ресурс Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru>, свободный.
18. Стенограмма XV сессии областного Совета // ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3838. Л. 479.
19. Пресс-центр областного Совета народных депутатов. Выдвинуты в губернаторы // Челябинский рабочий. 1993. № 49. С. 1.
20. Сообщение окружной избирательной комиссии // Челябинский рабочий. 1993. № 70. С. 1.

21. О выборах в Челябинской области [Текст]: Постановление главы администрации Челяб. обл. от 22.05.1994 № 54 // Правовой информационный ресурс Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru>, свободный.
22. Всероссийский референдум 25 апреля 1993 г. Справка // Информационное агентство «РИА новости» URL: http://ria.ru/history_spravki/20110425/367914805.html
23. Газета «Народная дума» // ОГАЧО. Ф. 388. Оп. 3. Д. 111. Л. 25.
24. Болишаков П. Боливар двоих не вынесет // Народная Дума. 1993. № 64. С. 1.
25. Президент на словах подтвердил полномочия В. Соловьева // Вечерний Челябинск. 1993. № 181. С. 1.
26. О выполнении Указа Президента № 1400 [Текст]: Постановление главы администрации Челяб. обл. от 24.09.1993 № 347 // Правовой информационный ресурс Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru>, свободный.
27. О вопросах, связанных с ликвидацией совета депутатов [Текст]: Постановление главы администрации Челяб. обл. от 16.03.1994 № 191 // Правовой информационный ресурс Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru>, свободный.
28. О прекращении деятельности городских и районных СНД Челябинской области [Текст]: Постановление главы администрации Челяб. обл. от 20.10.1993 № 405 // Правовой информационный ресурс Правовой информационный ресурс Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru>, свободный.
29. Постановление Главы администрации Челябинской области «О мерах по выполнению Указа Президента РФ от 22.10.93 года № 1722. «О подтверждении полномочий главы администрации Челябинской области В. Соловьева»: утв. постановлением главы администрации Челябинской области от 27 октября 1993 г. № 423 // Информационный портал «Урал-регион». URL: <http://www.ural-region.net/bchel/positud/watchpkag5/index.htm>, свободный.
30. Переписка с Верховным Советом России, администрацией Президента России по вопросам основной деятельности за 1991–1993 гг. // ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3713. Л. 1.
31. Об указе Б.Н. Ельцина [Текст]: решение XIX сессии Совета 21-го созыва Челябинского областного СНД от 23.09.1993 // Правовой информационный ресурс Гарант. URL: <http://www.garant.ru>, свободный.
32. Арсенина И. Реакция местных властей // Челябинский рабочий. 1993. № 183. С. 1.
33. Документы избиркома по выборам в Государственную Думу РФ 17 декабря 1995 г. // ОГАЧО. Ф. 374. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.
34. Алябьева Е. Республика без границ // Челябинский рабочий. 1993. № 148. С. 1.
35. Кириллов А.Д. Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Екатеринбург. 2000.

Knyazev Vladimir V. MAOU Lyceum № 142 (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: v.v.knyazev@yandex.ru

CHELYABINSK REGION IN TIMES OF POLITICAL CRISIS (1991–1993).

Keywords: Dual power; the Administration of the Chelyabinsk region; the Regional Council of people's deputies; P.I. Sumin; V.P. Soloviev.

Article is devoted to the study to the political transformation of the Chelyabinsk region in the conditions of political crisis in 1991–1993. The article considers the problem of the process of the struggle of the legislative and Executive branches of government. In Russian historiography this stage was widely covered. Of great interest are the works, which have comprehensive approach to the study. For example monograph by A.N. Medushevsky. The author analysed of the entire constitutional process in Russia and the role, place of the representative authorities in the political system of the country. Y. Igritsky was one of the first scientists who systematized views and concepts on the process of social and political transformation. V.V. Sogrin made significant contribution to the development of the problem. His researches filled with deep and objective historical analysis about taking place in the country change. Scientific research of by M. Kapustin, Y. I. Igritsky, K. Hajiyeve H.A. Stankevich are devoted of the problems of the political system in the USSR. There are many works about this problems are many, but all of them poorly reflect political trends in the regions, despite the fact that it had a certain specificity. For example, A.D. Kirilova explores the political transformation in the Chelyabinsk region but only in the context of general developments in the Ural society. Meanwhile, the formation of a new state authorities in the Chelyabinsk region was depended on government crisis and confrontation between two mutually exclusive political institutions. An important article is to study this process at the regional level, as this aspect of the problem is poorly learning. Relying on extensive source base, the author has conducted an analysis of the political development of the southern Urals in the conditions of transformation of the Soviet nomenklatura system. It is concluded that the confrontation was between the two political leaders, who were leaders two opposing sides: the Communist party and their followers and democratic platform. Their starting positions were equal, and who wins was not clear until the last moment. A crucial role in identifying leader played political developments in the country on the path of dismantling the Soviet system and the democratization. The personal qualities of the politicians and their powerful resource were not had significance. The consequence of the struggle was the destruction of the former political system, and the final elimination of the institutions of Soviet power. It should be noted that often were transition of the subjects of the political sphere to the other vectors of development.

REFERENCES

1. Medushevskiy A.N. *Demokratiya i avtoritarizm: Rossiyskiy konstitutsionalizm v sravnitel'noy perspective* [Democracy and authoritarianism: Russian constitutionalism in a comparative perspective]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1998. 654 p.
2. Igritskiy Yu.I. *Obshchestvennaya transformatsiya v SSSR i Rossii posle 1985 g.: vzglyady i kontseptsii* [Social transformation in the USSR and Russia after 1985: views and concepts]. Moscow: the Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS Publ., 1998. 96 p.
3. Sogrin V.V. *Politicheskaya istoriya sovremennoy Rossii, 1985–1994: ot Gorbacheva do El'tsina* [The political history of modern Russia, 1985–1994: from Gorbachev to Yeltsin]. Moscow: Progress-Akademiya Publ., 1994. 192 p.
4. Sogrin V.V. 1985–1995: Realii i utopii novoy Rossii [1985–1995: Reality and utopia of the new Russia]. *Otechestvennaya istoriya*, 1995, no. 2.
5. Kapustin M. *Konets utopii? (Proshloe i budushchee sotsializma)* [The end of Utopia? (The past and the future of socialism)]. Moscow: Novosti Publ., 1990. 590 p.
6. Igritskiy Yu. *Kontseptsiya totalitarizma* [The concept of totalitarianism]. In: *Istoriya SSSR* [The History of the USSR]. Moscow, 1991.
7. Gadzhiev K. Totalitarizm kak fenomen XX veka [Totalitarianism as a phenomenon of the 20th century]. *Voprosy filosofii*, 1992, no. 2.
8. Stankevich Z.A. *Istoriya krusheniya SSSR: Politiko-pravovye aspekty* [The history of the USSR collapse: Political and legal aspects]. Moscow: Moscow State University Publ., 2001. 318 p.
9. The State Archive of Chelyabinsk Region (OGACHO). Fund R-700. List 1. File 85. L. 32. (In Russian).
10. *Ukaz Prezidenta RSFSR "Ob Administratsii Prezidenta RSFSR": utv. ukazom Prezidenta RSFSR ot 19.07.1991 g. № 13* [Decree of the President of the Russian Federation "On the Administration of the President of the Russian Federation": approved by Decree № 13 of the President of the RSFSR of 19th July 1991]. Available at: <http://www.zonazakona.ru/law/ukaz/9589>.
11. The State Archive of Chelyabinsk Region (OGACHO). Fund R-274. List 10. File 3712. L. 106. (In Russian).
12. The State Archive of Chelyabinsk Region (OGACHO). Fund 374. List 1. File 28. L. 7. (In Russian).

13. *O zakone ob administratsiyakh: postanovlenie glavy administratsii Chelyabinskoy oblasti ot 18.11.1992 № 336* [On the Law on the Administration: Resolution no. 336 by the Head of Administration of Chelyabinsk Region of 18th November 1992]. Available at: <http://www.consultant.ru>.
14. *O poryadke naznacheniya i osvobodzheniya ot dolzhnosti glav administratsiy v Chelyabinskoy oblasti: postanovlenie glavy administratsii Chelyabinskoy oblasti ot 11.10.1993 № 380* [On the procedure for the appointment and dismissal of the heads of administrations in Chelyabinsk Region: Resolution no. 380 by the Head of Administration of Chelyabinsk Region of 11th October 1993]. Available at: <http://www.consultant.ru>, svobodnyy.
15. The State Archive of Chelyabinsk Region (OGACHO). Fund 288. List 1. File 89. L.43. (In Russian).
16. Frantseva E. Ya ne otkazalas' ot bor'by za interesy oblasti [I did not give up the fight for the interests of the region]. *Chelyabinskiy rabochiy*, 1993, no. 4, p. 2.
17. *Ob Ukaze Prezidenta № 440 ot 09.04.1993: postanovlenie glavy administratsii Chelyabinskoy oblasti ot 28.04.1993 № 161* [On the Presidential Decree no. 440 of 9th April 1993: Resolution no. 161 by the Head of Administration of Chelyabinsk Region of 28th April 1993]. Available at: <http://www.consultant.ru>.
18. The State Archive of Chelyabinsk Region (OGACHO). Fund R-274. List 10. File 3838. L. 479. (In Russian).
19. Press-tsentr oblastnogo Soveta narodnykh deputatov. Vydvinuty v gubernatory [The press-centre of the Regional Council of People's Deputies. Nominated for Governor]. *Chelyabinskiy rabochiy*, 1993, no. 49, p. 1.
20. Soobshchenie okružnoy izbiratel'noy komissii [The report of the district election commission]. *Chelyabinskiy rabochiy*, 1993, no. 70, pp. 1.
21. *O vyborakh v Chelyabinskoy oblasti: postanovlenie glavy administratsii Chelyabinskoy oblasti ot 22.05.1994 № 54* [On elections in Chelyabinsk Region: Resolution no. 54 by the Head of Administration of Chelyabinsk Region of 22th May 1994]. Available at: <http://www.consultant.ru>.
22. *Vserossiyskiy referendum 25 aprelya 1993 g.* [The All-Russian Referendum of April 25, 1993]. Available at: http://ria.ru/history_spravki/20110425/367914805.html.
23. The State Archive of Chelyabinsk Region (OGACHO). Fund 388. List 3. File 111. L. 25. (In Russian).
24. Bol'shakov P. Bolivar dvoikh ne vyneset [Bolivar cannot carry double]. *Narodnaya Duma*, 1993, no. 64, p. 1.
25. Prezident na slovakh podtverdil polnomochiya V. Solov'eva [President verbally confirmed the authority of Vladimir Soloviev]. *Vecherniy Chelyabinsk*, 1993, no. 181, p. 1.
26. *O vypolnenii Ukaza Prezidenta № 1400: postanovlenie glavy administratsii Chelyabinskoy oblasti ot 24.09.1993 № 347* [On the implementation of the Presidential Decree number 1400: Resolution no. 347 by the Head of Administration of Chelyabinsk Region of 24th September 1993]. Available at: <http://www.consultant.ru>.
27. *O voprosakh, svyazannykh s likvidatsiyey soveta deputatov: postanovlenie glavy administratsii Chelyabinskoy oblasti ot 16.03.1994 № 191* [On issues related to the liquidation of the Board of Deputies: Resolution no. 191 by the Head of Administration of Chelyabinsk Region of 16th March 1994]. Available at: <http://www.consultant.ru>.
28. *O prekrashchenii deyatel'nosti gorodskikh i rayonnykh SND Chelyabinskoy oblasti: postanovlenie glavy administratsii Chelyabinskoy oblasti ot 20.10.1993 № 405* [Termination of the activities of city and regional UMP in Chelyabinsk Region: Resolution no. 405 by the Head of Administration of Chelyabinsk Region of 20th October 1993]. Available at: <http://www.consultant.ru>.
29. *Postanovlenie Glavy administratsii Chelyabinskoy oblasti "O merakh po vypolneniyu Ukaza Prezidenta RF ot 22.10.93 goda № 1722. "O podtverzhdenii polnomochiy glavy administratsii Chelyabinskoy oblasti V. Solov'eva"*: utv. postanovleniem Glavy administratsii Chelyabinskoy oblasti ot 27 oktyabrya 1993 g. № 423 [Resolution no. 423 of the Head of Administration of the Chelyabinsk Region "On measures to implement the Presidential Decree of 22/10/93, the № 1722 "On confirmation of powers of the head of administration of the Chelyabinsk region Vladimir Soloviev": approved by Decree no. 423 of the Head of Administration of Chelyabinsk Region of 27th October, 1993]. Available at: <http://www.ural-region.net/bchel/positud/watchpkag5/index.htm>.
30. The State Archive of Chelyabinsk Region (OGACHO). Fund R-274. List 10. File 3713. L. 1. (In Russian).
31. *Ob ukaze B.N. El'tsina: reshenie XIX sessii Soveta 21-go sozyva Chelyabinskogo oblastnogo SND ot 23.09.1993* [Decree by B.N. Yeltsin: Decision of the 19th session of the 21st Convocation of Chelyabinsk Regional Council of People's Deputies of 23rd September 1993]. Available at: <http://www.garant.ru>.
32. Arsenina I. Reaktsiya mestnykh vlastey [The reaction of local authorities]. *Chelyabinskiy rabochiy*, 1993, no. 183, p. 1.
33. The State Archive of Chelyabinsk Region (OGACHO). Fund 374. List 1. File 58. L.1. (In Russian).
34. Alyab'eva E. Respublika bez granits [Republic Without Borders]. *Chelyabinskiy rabochiy*, 1993, no. 148, pp. 1.
35. Kirillov A.D. *Ural: vek dvadtsatyy. Lyudi. Sobytiya. Zhizn'* [The Ural: the twentieth century. People. Events. Life]. Ekaterinburg: Ural'skiy Rabochiy Publ., 2000. 414 p.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94:392-055.2 (520) “1870–1910”

П.А. Бояринова

ЖИЗНЬ И ПОВСЕДНЕВНЫЙ БЫТ ЖЕНЩИНЫ В ЯПОНИИ (1870–1910-е гг.)

Рассматриваются изменения в женском мире эпохи Мэйдзи и предвоенного периода через призму гендерного анализа. Особый ракурс позволяет воспринимать женщину не только как угнетенный объект мужского мира (что характерно для феминистского дискурса), но как субъект собственной реальности. Жизнь женщины представляется через совокупность законов, общественных норм и культурных предписаний. Через правовые, социальные и бытовые практики можно понять, как изменяются границы женского мира и становится возможной дальнейшая модернизация в гендерных отношениях.

Ключевые слова: женский быт; Япония; модернизация.

Не подлежит сомнению тот факт, что открытие Японии и революция Мэйдзи изменили жизнь и облик Страны Восходящего Солнца. Однако когда мы говорим о традиционном обществе в гендерном контексте, то мы имеем в виду не один, а два мира, обладающих значительными различиями, – мужской и женский.

Мужчины изучали новый мир, активно осваивали новые знания, меняли свой облик. Они получили права граждан, закрепленные конституцией; новые возможности в сфере экономики и торговли; вынуждены были покидать деревни и осваивать новые занятия; обучались за рубежом и у европейских специалистов; в армии японцы впервые «распробовали мясо»; и, конечно же, горожане очень быстро «переоделись» в европейский костюм. Это значительные перемены, вызванные тем, что именно «мужской мир» Японии переживал прямое столкновение с европейской цивилизацией в первую очередь.

В Японии эпохи Мэйдзи по европейской традиции появились званые обеды – первый вызов бинарным оппозициям мужского (внешнего) и женского (внутреннего) миров. До этого времени японские мужчины и женщины никогда не встречались в одних социальных кругах, никогда не пересекались и были постоянно разделены [1. С. 95–96]. Присутствовавшие на этих обедах американцы отмечали, что женщины появлялись после мужчин, одетыми в традиционные костюмы (в отличие от мужчин), никогда не заговаривали первыми (ни с мужчинами, ни с другими женщинами) и никогда не вели бесед о политике, соответствуя традиционному образу гейши [Там же. С. 106–107].

Тем не менее происходящие перемены не могли обойти «женский мир». Более того, новые тенденции не просто влияли на мир женщин, но и приводили к сближению женского и мужского миров в Японии. Отражение этих процессов можно увидеть в зеркале повседневной жизни.

Отдельно тема быта и тема эмансипации женщин очень популярны среди исследователей. Из самых подробных и красочных исследований жизни и быта эпохи Мэйдзи стоит назвать монографии Л. Фредерика

«Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи» и А.Н. Мещерякова «Император Мэйдзи и его Япония». Однако в них происходящие изменения и женский быт не рассматриваются в ключе модернизации властных отношений, основанных по принципу гендерного неравенства, подразумевающих также наличие двух различных миров в одной культуре.

Исследований, посвященных изучению самых разных областей женской жизни в эпоху Мэйдзи, – не меньше. Среди них можно отметить работу Патриции Цуруми «Заводские девушки: женщины на прядильных фабриках в Японии эпохи Мэйдзи», коллективные монографии «Гендер и закон в Японской империи», «Нравы и зло: пол, власть, и этикет в Японии». Есть и другие работы более общего характера. В этих исследованиях внимание авторов неизбежно сосредоточено на раскрытии дискриминации, направленной против женщин. Особенно в политической и экономической сферах положение женщины оценивается как наиболее бесправное и тяжелое за всю историю Японии [2. С. 18]. Потому значительное количество работ в феминистском ключе посвящено второй половине XX в. как периоду наиболее осязаемых и значительных модернизационных процессов (в том числе в сфере политики, экономики и труда).

Конечно, невозможно отрицать такую оценку, но исторический подход позволяет исследовать и динамику развития определенных тенденций. Модернизационные процессы эпохи Мэйдзи хоть и привели к возникновению целого ряда трудностей в жизни человека (собственно, жить в эпоху перемен никогда не было легко), но также открыли новые возможности к изменению не только женского мира, но и гендерных отношений в Японии в целом. В это время зародились новые модели поведения и коммуникации в повседневной жизни.

Конституция 1889 г. не признавала женщину полноправной гражданкой, потому как была ориентирована на главных производителей общества того времени – отцов семейств, которые, в свою очередь, должны были организовывать производство внутри семьи и отвечали за

всех ее членов перед государством, что соответствовало патриархальной системе «иэ» (дом, семья), а также до сих пор существующей системе *косэки* (система регистрации и учета посемейно) [3. С. 83].

К начальному этапу периода Мэйдзи просто не было необходимости законодательно фиксировать социальное положение женщины, давать ей политические права и требовать выполнения каких-либо обязанностей (с этой задачей вполне справлялась семья). Женщина органично вписывалась в семейную ячейку в качестве жены или дочери, т.е. неизбежно принимала на себя традиционные женские гендерные роли, ограничивавшие и отделявшие женский, «внутренний», мир от мужского, «внешнего».

По Гражданскому кодексу женщина не могла подать на развод (только инициировать его «исподтишка»), кроме случаев, когда муж бросал семью или был крайне жесток по отношению к ее членам. Замужняя женщина не могла выступать в качестве свидетеля в суде или выдвигать иски без согласия мужа, а также самостоятельно заниматься бизнесом [Там же. С. 79–80].

С другой стороны, судить женщин за нарушение закона могли. В особенности под влиянием христианства наметился поворот в политике государства относительно сексуальных преступлений и аборт. С 1870-х гг. началось преследование абортов и инфантицида (политика проводилась до 1930-х гг.). До конца XIX в. тенденция к преследованию постоянно росла, как и тенденция к ужесточению наказаний [4. С. 81–82]. С 1876 по 1881 г. по преступлениям, связанным с аборт и инфантицидом, было арестовано в среднем в два раза больше женщин, чем мужчин. Во многом из-за традиции, по которой женщина была ответственна за свою беременность, а также по причине отсутствия возможности защищать себя в суде (это делал мужчина – муж, отец, брат) [Там же. С. 88].

В итоге мир женщины все так же ограничивал и определял мужчина. Абсолютно в его власти было то, насколько широкими могут быть возможности женщины.

Некоторые подвижки в защите прав женщин все же произошли. Юридически и практически глава семьи мог распоряжаться заработком женщины, но больше не имел права продавать ее (или свою дочь) в счет долгов. Было запрещено отдавать дочерей заниматься проституцией, только в ученики для овладения каким-либо искусством или мастерством [5. С. 368]. Правда, такие сдержанные реформы во многом отставали от реалий социальной и экономической жизни.

В первую очередь появились новые возможности коммуникации между разнополыми детьми и подростками, что значительно расширило сферы пересечения мужского и женского. В 1871 г. Министерство образования ввело систему школьного образования по американскому образцу, разрешив учиться в начальной школе всем детям независимо от пола и происхождения [6. С. 137]. Лучшее школьное образование, а также его высшие ступени оставались раздельными.

С 1880-х гг. появляются молодежные организации [7. С. 144–145], участвовать в жизни которых могли и девушки, создававшие свои женские коллективы или даже вступавшие в смешанные (например, по выполнению сельскохозяйственных работ). Между «мужскими» и «женскими» домами не было четкого разделения. Юноши и девушки часто работали вместе и встречались, чтобы провести досуг, но только группами. Девушке находиться наедине с мужчиной считалось непристойным (хотя для мужчины это не было предосудительным в соответствии с двойными стандартами патриархального общества) [Там же. С. 151].

Это выродилось в уникальную форму гендерной коммуникации – групповое свидание (гокон) [1. С. 238]. Юноши и девушки встречались группами (и встречаются по сей день), проводили вместе свободное время, имея возможность пообщаться и присмотреться друг к другу. Нередко на гоконы заготавливали приветствия или готовили небольшой рассказ о себе, что было новшеством, так как раньше женщина не могла говорить о себе самостоятельно (это считалось нескромным).

К началу эпохи Мэйдзи можно говорить о том, что женщины занимались всеми домашними делами во всех смыслах. Денежными сбережениями и расходами на хозяйство ведали они (и именно поэтому женская образованность поощрялась, умение писать и считать было востребовано). «В деревне женщины наравне с мужчинами участвовали в производстве. Нередко женщины занимались продажей излишков урожая и заключали сделки. Способность женщин к торговле признавалась всегда, и в этом деле мужчины предоставляли им полную свободу. Даже в городах владельцами лавок торговцев и ремесленников почти всегда были женщины» [7. С. 162].

Еще одна сфера производства исконно была в руках женщины – разведение шелковичных червей и ткачество. Это во многом помогло женщинам найти место в новых капиталистических отношениях в качестве рабочих (хотя и низкооплачиваемых), когда в Японии появились первые промышленные прядильные фабрики. Шелк стал одной из основных статей экспорта, а значит, важной составляющей японской экономики, но без женщин и их вековых секретов мастерства промышленникам было не обойтись.

Выходит, что развивающийся капитализм в Японии только подстегивал к развитию деятельности активных и деловых женщин. В эпоху Хэйан женское творчество стало двигателем литературы и языка, в эпоху Мэйдзи женщины не отставали по изобретательности и новаторству.

Многие женщины выказывали в торговле даже больше смелости, чем мужчины. Среди них особенно выделяется имя Кайфу Ханы (1831–1917 гг.) из Токусимы, «которая изобрела способ ткачества крепона, названный *авасидзира*. Он успешно продавался не только в Японии, но

экспортировался в Корею, Китай и азиатские страны юго-восточного региона» [Там же. С. 163].

Женщины все чаще приобретали заслуженную известность в обществе, их имена звучали на всю префектуру или даже всю Японию.

Конечно, не стоит забывать о сверхэксплуатации рабочих: а ведь на прядильных фабриках это были в основном женщины [2. С. 108]. Впрочем, в то время права рабочих в целом не были защищены, это касалось не только женщин.

В литературе все четче прослеживается новый мотив, отражавший реалистичный характер деятельной японки, а не прописанный конфуцианский канон: это образ сильной женщины, которая внутри семьи главенствовала над слабовольным мужем (Ояса Сацуки в романе Арисима Такэо «Женщина», Тосико в рассказе Акутагава Рюноскэ «Мать», мать клана в книге Эма Миэко «Женщины Хиды» и т.д.).

Женщины-домохозяйки из низших слоев города или из деревни заводят домашний бизнес, активно торгуют, а также пользуются правом получать образование, чтобы вести записи и расчеты.

Женский быт менялся очень медленно. Это особенно можно проследить по фотодокументам и в литературе тех лет.

Например, в автобиографичных рассказах Кадзии Мотодзиро (1901–1932 гг.) в провинции всюду снуют девушки, носящие традиционную одежду, чернящие зубы и сбрывающие брови после замужества. В рассказе «В городе у замка» Кадзии, где семейство Кадзии собирается в цирк, также присутствуют описания консервативного, традиционного женского туалета: они носят кимоно, помогают друг другу повязывать оби, выбирают веер под одежду, белят лица [8. С. 63–64].

В романе Арисима Такэо на главную героиню, представительницу нового прозападного мышления, Йоко люди смотрят косо, когда она покупает себе европейские платья и пьет шампанское. Многие расценивают это как непозволительное и распутное поведение [9]. И это уже 10-е гг. XX в.!

Фотоматериалы конца XIX в. также изображают традиционный, не тронутый модернизацией быт [10]. Несменное кимоно, закрученные по-японски волосы (хотя прически значительно упрощаются), деревянные ведра, старые методы стирки. В деревне и 30 лет спустя, в 1910-е гг., ничего не меняется: не только быт, но и семейный уклад, способы воспитания детей.

Здесь сложно винить одну только стабильность и статичность японской системы. Брачные и семейные фотографии 1910–1920-х гг. часто изображают женщину в традиционном наряде, а мужчину – в европейском [11]. В довоенное и военное время европейская мода не смогла широко распространиться в женском мире. Хотя в 1887 г. сам император в женском журнале «Тоя симбун» рекомендовал женщинам одеваться на западный манер, но эти указания были приняты к исполнению только среди элит и

учениц школ университетов (некоторое время школьная форма шилась по европейскому образцу, но в начале XX в. японцы опять вернули национальную одежду) [7. С. 213].

И пусть быт затронут медленными и постепенными изменениями, но участие женщин в социальной жизни растет. Они получают возможность выйти «в свет» не только за покупками, но и на работу, на учебу, принять участие в тематических сообществах.

С конца XIX в. появляются женские газеты и журналы, в основном, конечно, ориентированные на темы быта и моды [Там же. С. 164]. Самыми излюбленными темами были романтические рассказы и советы по домоводству, такие темы, как политика, женщин не интересовали вообще.

Появляются и женские журналы, издающиеся женщинами: первый из них «Сэкай Фуджин» («Женщины мира»), основанный Фукудой Хидэко в 1890-е гг. [12]. Такие журналы поднимают уже более серьезные «мужские» проблемы: социальные и экономические (отдельное внимание было уделено проблемам сверхэксплуатации рабочих). Вскоре после выпуска журнала Хидэко была обвинена в распространении опасных социалистических идей и провела 10 месяцев в тюрьме.

С 1901 г. снят запрет на высшее образование для женщин, а с 1905 г. были приняты меры по улучшению и повышению уровня женского образования. Власти сделали попытку решения ряда проблем: старшие девочки часто отвечали за младших детей, которых приходилось брать с собой в школу, что мешало образовательному процессу. Не было до этого времени и специальных программ для обучения девочек, включавших этикет и домоводство [13. С. 132–133]. Девочек обучали в целом по той же программе, что и мальчиков.

В итоге нельзя сказать, что эпоха Мэйдзи, время крупных перемен (в том числе и в социальной жизни), затронула женский мир в меньшей степени, нежели мужской. Просто происходящие перемены были специфичными в некоторой степени.

На законодательном уровне закреплялась семейная структура эпохи Токугава, а законы, защищавшие права женщин от произвола отцов и мужей, были явно недостаточными, чтобы расширить свободу действий женщины [14. С. 185]. Во времена Мэйдзи и Тайсё у японок еще не было возможности самостоятельно, без мужского согласия, реализоваться в общественной и экономической жизни, свободно получать высшее образование, даже передвигаться. И во многом это все был удел городских элит – чиновничества и буржуазии.

Тем не менее на практике новые обстоятельства жизни, новые социальные и экономические роли, а также столкновение с западным образцом жизни неизбежно вели к переосмыслению в первую очередь женщинами своих возможностей. В Японии появилось множество сфер пересечения мужского и женского.

Однако традиции, манеры, гендерная иерархия сохранились в жизни и быту, затормаживая проникновение европейских веяний в женский мир. Японцы всегда чувство-

вали превосходство своего социального (и в том числе гендерного) порядка, потому японки не стремились к приближению к американскому образцу ни внешне, ни внутренне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Manners and mischief: gender, power, and etiquette in Japan* / ed. by Bardsley J., Miller L., London : University of California Press, 2011. 284 p.
2. Tsurumi E.P. *Factory Girls: Women in the Thread Mills of Meiji Japan*. Princeton University Press, 1992. 228 p.
3. Ковальчук Ю.С. Япония и японцы. То, о чем умалчивают путеводители. М. : РИПОЛ классик, 2012. 288 с.
4. Назарова В.В. Гендерные отношения в японском обществе во второй половине XX века : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2002.
5. Fuess H. *Adultery and Gender Equality in Modern Japan, 1868–1948* // *Gender and law in the Japanese imperium* / ed. by Burns S.L. and Brooks B.J. Honolulu : University of Hawaii Press, 2014. 301 p.
6. Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М. : Наталис, 2009. 736 с.
7. Saito Y. Gender Equality in Education in Japan // *The Educational Science Journal of the Faculty of Education and Human Sciences*. Yokohama National University, 2004. Vol. 6, Issue 2. P. 145–162.
8. Фредерик Л. Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи / пер. с фр. А.Б. Овезовой. М. : Молодая гвардия, 2007. 310 с.
9. Кадзи Мотодзи. В городе у замка // Кадзи Мотодзи. Лимон / пер. с яп. Е.А. Рябовой. СПб. : Гиперион, 2004. 344 с.
10. Такэо Арисима. Женщина / пер. с яп. А. Рябкина. М. : Библиотека японской литературы: электронная библиотека «Книгосайт». URL : <http://knigosite.ru/library/read/1357>, свободный.
11. *Meiji Dzidaiteki Nihon giin* (яп.) / Женский образ эпохи Мэйдзи. URL : http://www.360doc.com/content/11/0422/18/6017453_111586217.shtml, свободный.
12. *Metadata Database Of Japanese Old Photographs in Bakumatsu-Meiji Period*: база фотодокументов по истории Японии в периоды Бакумацу-Мэйдзи, Nagasaki University Library Collection. URL : <http://oldphoto.lb.nagasaki-u.ac.jp/unive>, свободный.
13. *Progressive-Radical Women in Meiji & Taisho Japan*: фотодокументы и энциклопедические справки. URL : <http://core.ecu.edu/hist/tuckerjo/taishowomen.htm>, свободный.
14. *Japan 1868–1945: From Isolation to Occupation* / ed. by Benson J., Matsumura T. Pearson Education, 2001. 270 p.

Boyarinova Polina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sampoholder@ya.ru

DAILY LIFE OF WOMEN IN JAPAN (1870–1910s).

Keywords: women's daily life; Japan; modernization.

The forcible opening of Japan to Western trade and the Meiji Restoration led to the considerable changes of the Japanese patriarchal world under the influence of modernization processes. Gender-specific approach to the historical process points out that the traditional society has two different worlds into it – the male and female. Industrialization causes the paradigm shift of socio-economic and labor relations which leads to the merging of these worlds. In Japan, the beginning of this process falls on the Meiji era and pre-war period. Daily life of women is a mirror of this process, as it is the female world in the first place that expanding its borders. It is women who had to master the scope of activities that were previously considered masculine. In the first Japanese Constitution (1889) the state had tried to fortify patriarchal family foundations of the Tokugawa period. By law, women's status had almost no improvements. Women still remained at the disposal of men. However, the law is often at odds with the real situation (it is especially true for periods of active changes). Frequently the expansion of women's activities was beneficial for men who had traditionally viewed women to be more successful in the trade. In medieval Japan trade was not considered as the most prestigious occupation, but after opening of Japan it had started to bring a significant income. Housekeeping, trade, work on textile manufactures (activities that men approved for women) demanded at least the elementary level of education. Thus, women became at liberty to get the secondary (and, later, higher) education. Coming out from the internal to the external, the "male" world had increased communication with the opposite sex. The new specific forms of communication, such as group dating ("gokon") appeared. Women's participation in various public organizations has led to situation when some women's names became well known across the prefecture or even Japan. Most inert spheres were everyday practices and female etiquette. This can be seen in photo documents and literature, revealing differences between the rapid change and Europeanization of masculine image comparing to the traditional image of a woman. The fact that the novel "Woman" by Arisima Takeo (issued in 1913–1919) could not become popular, because people showed a negative reaction to the figure of westernized woman. It is clear that gender hierarchy persisted in Japanese life and slows the European influence. As a result, we can note a range of specific changes in the female world, reflected in the daily life. At that time the new forms and levels of perception of women had been created, and lasted out to the present.

REFERENCES

1. Bardsley J., Miller L. (eds.) *Manners and mischief: gender, power, and etiquette in Japan*. University of California Press, 2011. 284 p.
2. Tsurumi E.P. *Factory Girls: Women in the Thread Mills of Meiji Japan*. Princeton University Press, 1992. 228 p.
3. Koval'chuk Yu.S. *Yaponiya i yapontsy. To, o chem umalchivayut putevoditeli* [Japan and the Japanese. What do the guides not say?]. Moscow: RIPOL klassik Publ., 2012. 288 p..
4. Nazarova V.V. *Gendernye otnosheniya v yaponskom obshchestve vo vtoroy polovine XX veka*: dis. kand. ist. nauk [Gender relations in the Japanese society during the second half of the 20th century. History Cand. Diss.]. Krasnodar, 2002.
5. Fuess H. *Adultery and Gender Equality in Modern Japan, 1868–1948*. In: Burns S.L., Brooks B. J. (eds.) *Gender and law in the Japanese imperium*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2014. 301 p.
6. Meshcheryakov A.N. *Imperator Meydzi i ego Yaponiya* [Emperor Meiji and Japan]. Moscow: Natalis Publ., 2009. 736 p.
7. Saito Y. Gender Equality in Education in Japan. *The Educational Science Journal of the Faculty of Education and Human Sciences*, 2004, vol. 6, issue 2, pp. 145–162.
8. Frederick L. *Povsednevnyaya zhizn' Yaponii v epokhu Meydzi* [The everyday life in Japan in the Meiji period]. Translated from French by A.B. Ovezova. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2007. 310 p.
9. Motodziro K. *Limon* [Lemon]. Translated from Japan by E.A. Ryabova. St. Petersburg: Giperion Publ., 2004. 344 p.
10. Arishima T. *Zhenshchina* [Female]. Translated from Japan by A. Ryabkina. Available at: <http://knigosite.ru/library/read/1357>.
11. *Meiji Dzidaiteki Nihon giin*. Available at: http://www.360doc.com/content/11/0422/18/6017453_111586217.shtml.
12. *Metadata Database Of Japanese Old Photographs in Bakumatsu-Meiji Period*. Available at: <http://oldphoto.lb.nagasaki-u.ac.jp/unive>.
13. *Progressive-Radical Women in Meiji & Taisho Japan*. Available at: <http://core.ecu.edu/hist/tuckerjo/taishowomen.htm>.
14. Benson J., Matsumura T. (ed.) *Japan 1868–1945: From Isolation to Occupation*. Pearson Education, 2001. 270 p.

ВЛИЯНИЕ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА 2008–2012 гг. НА АМЕРИКАНО-ГЕРМАНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Рассматриваются причины мирового финансового кризиса 2008 г. Показано, как кризис, начавшись в США, очень быстро пришёл в Европу. Истоки кризиса в США и Германии были различны, как и методы его преодоления. Выявившиеся различия между торгово-экономической политикой США и ФРГ порождают противоречия в области реформирования мировой финансовой системы.

Ключевые слова: кризис; экономика; США; Германия.

В условиях стремительного технологического развития, ускоряющего процесс обмена информацией, передвижения людей и капиталов, кризисные явления приобретают черты, присущие современной эпохе: глобальность, скорость распространения, технологическую сложность, непредсказуемость. Кризис 2008 г. — серьёзное экономическое потрясение для мировой экономики. Для трансатлантических экономических взаимоотношений это, в первую очередь, может означать потерю доминирующего положения на мировых рынках и усиление тенденций, способных сместить центр мировой хозяйственной деятельности в Азию. Банковский кризис середины 2008 г. перерос в столкновение экономических систем и образов жизни во всем мире.

Экономические трудности в Евроне затормозили выход американской экономики из рецессии, и американское правительство настаивало на более решительных действиях для разрешения кризиса. С 2008 по 2012 г. Конгресс США многократно обсуждал экономическую ситуацию в Европе, и за четыре года прошло более 40 слушаний по этой проблеме. В результате США поддержали ЕС через механизмы Международного валютного фонда [1. Р. 80]. Кроме того, не давая доллару упасть по отношению к евро, американцы давали дополнительные преимущества производителям в Европе. У США нет механизмов прямого влияния на ситуацию в ЕС, однако механизмы косвенного воздействия запущены были. США не могли позволить себе серьёзные экономические проблемы в Европе. Экономика ЕС важна для США не только как неотъемлемая составляющая трансатлантических торговых отношений, огромный рынок сбыта, важнейшая часть финансовой системы, выстраиваемой американцами не одно десятилетие, но и из-за потенциальных последствий для международных отношений и собственной национальной безопасности. К примеру, сокращая свои военные расходы, европейцы вынуждали американцев их увеличивать. Научные разработки, обновление инфраструктуры, содержание армии становятся непосильной задачей для Европы, в том числе для ФРГ.

Ряд инициатив, направленных на укрепление двустороннего сотрудничества, прорабатывались парламентариями двух стран. К примеру, одна из самых масштабных инициатив направлена на увеличение ра-

бочих мест и поддержку трансатлантической экономики через устранение как можно большего числа преград для инвесторов и бизнесменов по обе стороны Атлантики [2]. Только устранение тарифов, препятствующих взаимной торговле, может принести дополнительные 50 млрд долл. экспортёрам из США [Там же. Р. 3].

Немецкие парламентарии со своей стороны не оспаривали необходимость устранения торговых барьеров, однако расставляют приоритеты мер борьбы с кризисом несколько иначе. Банки, действия которых, по мнению депутатов Бундестага, являлись причиной кризиса, должны были заплатить как за оказанную им помощь, так и за последствия кризиса [3]. Без перестройки финансовой системы Запада все другие меры могли лишь отложить вопрос. Без США перестройка мировой финансовой системы невозможна. Однако в США отношение к финансовому сектору и его роли в кризисе 2008 г. было весьма неоднозначно. С одной стороны, в расследовании, проведённом независимой федеральной комиссией, созданной по инициативе правительства США с целью выявить основные причины, приведшие к финансовому кризису 2008 г., четыре главы из пяти, по сути, посвящены роли финансовых институтов в случившемся кризисе [4]. С другой стороны, выводы, к которым пришла комиссия, не могли не огорчить немецкий политический истеблишмент. А именно: надзорный контроль за действиями финансовых институтов, его отсутствие или недостаточность не могли являться единственной или основной причиной кризиса [Там же. Р. 431].

В своем выступлении перед конгрессом США в 2009 г. А. Меркель настойчиво рекомендовала двум странам активнее работать над созданием чётких правил международной банковской деятельности [5]. При этом американские сенаторы утверждали, что как ни парадоксально, влияние банков на политическую ситуацию в США значительно меньше, чем в Европе [1. Р. 95]. В различных странах (в первую очередь имеются в виду европейские) контроль за банками и финансовыми корпорациями был и остаётся куда жёстче, чем в США, однако это не сказалось положительным образом на самочувствии этих учреждений. Более того, европейские банки оказались в более серьёзном кризисе,

чем американские [4. Р. 430]. И международное регулирование тут не играет главной роли – реформы необходимы внутри Германии или всего ЕС, что сделать гораздо сложнее, чем бесконечно призывать к неким международным нормам, по существу, не задевая интересов различных групп влияния.

В свою очередь, США сами затягивали сложный процесс внутреннего регулирования. Лишь 26 июня 2010 г. Конгресс принял Закон о восстановлении финансовой стабильности США. Тем самым американские законодатели одобрили самые масштабные изменения в финансовом секторе США со времён Великой депрессии. Суть реформы – создание новой структуры, которая будет осуществлять мониторинг финансовой системы, и наделение правительства новыми полномочиями, позволяющими ему активнее вмешиваться во внутренние дела частных компаний. В 2012 г. президент Обама подписал директивы № 13610 и 13609, ставящие своей целью привести финансовую систему в порядок: ввести относительно серьёзный контроль над финансовыми учреждениями, придать огласке большую информацию о состоянии дел в них, расставить приоритеты таким образом, чтобы обогащение корпораций не мешало органичному и стабильному развитию всей системы. Следует отметить, что основная суть финансовой реформы США в посткризисный период свелась к ограничению излишней свободы финансовых институтов.

Разрешить противоречия и подготовить компромиссный вариант экономических преобразований должен был Трансатлантический экономический совет, созданный для улучшения сотрудничества и ускорения процесса экономической интеграции между США и Европой. На слушаниях в американском Сенате в 2009 г. было предложено основной задачей Совета сделать устранение торговых барьеров между странами [6. Р. 10], в свою очередь в том же 2009 г. в немецком Бундесрате депутаты высказались за ужесточение международного финансового надзора и регулирования и предложили Совету заняться этим в первую очередь [7. Р. 13–15].

К 2010 г. некий компромиссный вариант трансатлантической экономической повестки дня был выработан и зафиксирован в Совместном заявлении Трансатлантического экономического совета. Как и предполагалось, в документе нашли отражение и планы американской стороны по созданию рабочих мест и устранению торговых барьеров, и намерения ужесточить контроль за деятельностью финансовых организаций, создание системы раннего предупреждения о финансовых опасностях и унификации стандартов отчётности [8].

Не по всем вопросам преодоления последствий кризиса у Берлина и Вашингтона наблюдались различные

подходы. В 2009 г. на совместной пресс-конференции в немецком Баден-Бадене А. Меркель поддержала намерение Обамы настойчиво добиваться открытия рынков быстрорастущих экономик для американских и европейских товаров [9]. В первую очередь, речь идёт о рынках Китая и Индии, где действуют как прямые, так и непрямые ограничения. По мнению Меркель, Германии есть с чем выйти на эти рынки, и её страна не боится конкуренции [Там же. Р. 427].

Кризис 2008 г., как и любой другой, подчёркивал недостатки сложившейся системы экономических взаимоотношений в мире. Трансатлантическая экономика небезупречна. Дефицит торгового баланса США и профицит баланса Германии создают диспропорции и разность приоритетов. Одинаково страдающим из-за кризиса странам трудно договориться о мерах спасения, поддержки, развития. При этом структурные изменения стали необходимостью, поскольку фундаментальные причины кризиса уже не лежат в плоскости какой-либо одной национальной экономики. Очевидно, что двусторонних отношений для спасения мировой финансовой системы и даже коллективного ЕС не хватит. В свою очередь, не обладал необходимыми полномочиями и формат G8, и создание механизма Большой Двадцатки выглядело органично.

Кроме того, серьёзным реформам могут быть подвергнуты и международные организации, которые должны были регулировать мировые экономические процессы и предотвращать появление кризисных явлений. При этом немцы не спешат вкладывать деньги в организации (например, МВФ), где США имеют полный контроль над ситуацией, а предпочитают создавать собственные фонды (такие, как Европейский стабилизационный фонд). Кризис также может подтолкнуть Берлин и Вашингтон к поискам компромиссов по Дохийскому раунду ВТО, который как раз и предполагал расширение полномочий этой организации по международной инвестиционной деятельности, международной конкуренции, защите окружающей среды и социальной защищённости участников экономических процессов.

Очевидно, что кризис можно и нужно рассматривать с точки зрения не только провала экономики, но и возможностей, которые он несёт. Инициативы правительств США и Германии по устранению торговых барьеров, стимулированию развития, созданию системы предупреждения кризиса на ранних его стадиях, обмен информацией и идеями, изменение формата сотрудничества и более глубокой интеграции помогли не только выйти из кризиса с меньшими потерями, но и заложили основу для взаимовыгодного двустороннего сотрудничества на десятилетия вперёд.

ЛИТЕРАТУРА

1. *U.S. Foreign Economic Policy in the Global Crisis* // Hearing before the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. 111-Congress. First Session. Wash. 2009.

2. *A Transatlantic Jobs and Growth Initiative* // Bruce Stokes Testimony before the House Committee on Foreign Affairs. October 27, 2011. URL: <http://archives.republicans.foreignaffairs.house.gov/112/sto102711.pdf>, free
3. *Die Banken sollen für die Krise zahlen. Drucksache 17/471, 2010* // Deutscher Bundestag. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/004/1700471.pdf>, free
4. *The Financial Crisis Inquiry Report* // Final Report of the National Commission on the Causes of the Financial and Economic Crisis in the United States. 2011.
5. *Speech by Federal Chancellor Angela Merkel before the US Congress*. Washington. November 3, 2009 // The Federal Government. URL: <http://www.bundesregierung.de/Content/EN/Reden/2009/2009-11-03-merkel-usa-kongress.html>, free
6. *Strengthening the Transatlantic Economy: Moving beyond the crisis*. Hearing before the Committee of Foreign Relations US Senate. 111-Congress. First Session. Wash. 2009.
7. *Entschließung des Europäischen Parlaments vom 26. März 2009 zu dem Stand der transatlantischen Beziehungen nach den Wahlen in den USA*. Drucksache 431/09. 2009. P. 13–15 // Bundesrat. URL: http://www.umwelt-online.de/PDFBR/2009/0431_2D09.pdf, free
8. *U.S.-EU Transatlantic Economic Council Joint Statement*. December 17, 2010 // White House. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/TEC_Joint_Statement_12-17-10.pdf, free
9. *The President's News Conference With Chancellor Angela Merkel of Germany in Baden-Baden, Germany*. April 3, 2009 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=86049#axzz2iKEAEhkb>, free

Gaevoy Gleb E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Email: gaevoyg@mail.ru

IMPACT OF THE GLOBAL FINANCIAL CRISIS 2008–2012 ON THE US–GERMAN ECONOMIC RELATIONS.

Keywords: crisis; economy; USA; Germany.

In the face of rapid technological development, accelerating the process of information exchange, people and capital movements the economic crisis acquires features characterizes its era: globalization, technological complexity, unpredictability. The crisis of 2008 is a major global economic shock over the past decades. For the transatlantic economic relationship this could mean the loss of the dominant position on the world markets and removal of the center of world economic activity to the East. The banking crisis in mid-2008 developed into a clash of economic systems and ways of life around the world. Economic difficulties in the Eurozone can slow output of the U.S. economy out of recession. The U.S. government insists on more decisive action to resolve the crisis. From 2008 to 2012, U.S. Congress repeatedly discussed the economic situation in Europe. During the four years, there has been more than 40 hearings tagged as "crisis in the Eurozone." As a result, the United States supported the EU through the mechanisms of the International Monetary Fund. Also, the US did not give the dollar fall against the European currency so as to give additional benefits to producers from Europe. The U.S. has no direct mechanism to influence the situation in the EU, but the indirect mechanisms were launched. The U.S. can not afford serious economic problems in Europe. The EU economy is important for the United States not only as an integral part of the transatlantic trade relations, a huge market and the most important part of the financial system which had been built by the America for several decades, but also because of the potential consequences for the international relations and its own national security. For example, reducing their military spending Europeans force Americans to increase theirs. Scientific development, infrastructure renewal, army maintenance became a daunting task for Europe. Number of initiatives aimed at strengthening bilateral cooperation were studied by parliamentarians. "The initiative to increase jobs and support the transatlantic economy" aims to eliminate as many as possible obstacles for investors and businessmen on both sides of the Atlantic - "only the elimination of tariffs in mutual trade can bring additional 50 billion to U.S. exporters". German MPs, for their part, do not dispute the need to eliminate trade barriers, but prioritize measures to combat the crisis differently. Banks, which, according to the Bundestag are the cause of the crisis have to pay for their rescue and for the crisis itself. Without restructuring the financial system all other measures can only postpone the matter. Without U.S. reforming the world financial system is not possible. However, in the U.S. there is no certain opinion about the role of financial sector in the 2008 crisis. On the one hand, the investigation conducted by an independent U.S. Federal Communications Commission at the highest level, focused on the role of financial institutions in the crisis. On the other, the conclusions reached by the Commission could disappoint the German political establishment. Namely: the supervisory control over the financial institutions actions, its absence or failure could not be the sole or main cause of the crisis.

REFERENCES

1. *U.S. Foreign Economic Policy in the Global Crisis. Hearing before the Committee on Foreign Affairs House of Representatives*. 111-Congress. First Session. Washington, 2009.
2. *A Transatlantic Jobs and Growth Initiative. Bruce Stokes Testimony before the House Committee on Foreign Affairs*. October 27, 2011. Available at: <http://archives.republicans.foreignaffairs.house.gov/112/sto102711.pdf>.
3. *Die Banken sollen für die Krise zahlen. Drucksache 17/471, 2010*. Available at: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/004/1700471.pdf>.
4. *Final Report of the National Commission on the Causes of the Financial and Economic Crisis in the United States*. 2011.
5. *Speech by Federal Chancellor Angela Merkel before the US Congress*. Washington. November 3, 2009. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/EN/Reden/2009/2009-11-03-merkel-usa-kongress.html>.
6. *Strengthening the Transatlantic Economy: Moving beyond the crisis. Hearing before the Committee of Foreign Relations US Senate*. 111-Congress. First Session. Washington, 2009.
7. *Entschließung des Europäischen Parlaments vom 26. März 2009 zu dem Stand der transatlantischen Beziehungen nach den Wahlen in den USA*. Drucksache 431/09, 2009, pp. 13–15. Available at: http://www.umwelt-online.de/PDFBR/2009/0431_2D09.pdf.
8. *U.S.-EU Transatlantic Economic Council Joint Statement*. December 17, 2010. Available at: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/TEC_Joint_Statement_12-17-10.pdf.
9. *The President's News Conference With Chancellor Angela Merkel of Germany in Baden-Baden, Germany*. April 3, 2009. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=86049#axzz2iKEAEhkb>.

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОББИЗМА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В США

Исследуются особенности регулирования лоббистской деятельности на уровне американских штатов. Несмотря на наличие федерального закона «О регулировании лоббизма», отдельные штаты руководствуются собственным законодательством. Проанализированы основные механизмы, позволяющие устанавливать контроль над лоббистской деятельностью в отдельных американских штатах на исполнительном и законодательном уровнях, а также деятельность различных органов местного самоуправления в контексте регулирования лоббизма; выявлены политические особенности, влияющие на лоббистскую активность на региональном уровне.

Ключевые слова: лоббизм; группы интересов; законодательные акты; прозрачная политика.

11 марта 1876 г. в штате Джорджия демократы, представляющие большинство в законодательных органах штата, созвали высший конституционный совет штата с целью аннулирования законов, которые были приняты республиканцами в период Реконструкции. 12 января 1877 г. была принята новая Конституция штата Джорджия, которая объявляла «лоббизм» незаконной деятельностью. «Лоббизм объявляется преступлением, и Генеральная ассамблея штата Джорджия должна принять постановление о соответствующих штрафах», – подчеркивалось в 5-м параграфе второго раздела Конституции [1. Р. 21]. Несмотря на то что Конституция объявила лоббизм вне закона, многие группы влияния продолжали эффективно действовать в штате. Это стало возможным ввиду того, что законодатели не дали четкого определения и критериев лоббистской деятельности.

Лишь 15 августа 1878 г. Генеральная Ассамблея штата Джорджия приняла официальную формулировку, в которой обозначалось следующее: «Любое личное ходатайство, адресованное члену Генеральной Ассамблеи с просьбой способствовать или препятствовать, предложением голосовать за или против какого-либо закона от лица, представляющего частный или корпоративный интерес в отношении закона. Такое лоббирование подвергается наказанию в виде тюремного заключения сроком от 1 до 5 лет» [2. Р. 5]. Примеру Джорджии последовали штаты Луизиана и Теннесси, где деятельность лоббистов запрещена по сегодняшний день. В 1890 г. Палата представителей штата Массачусетс приняла закон, согласно которому лоббисты должны были официально зарегистрироваться и представлять отчеты своих расходов. Закон также дал первую квалификацию лоббистов в соответствии с конкретной областью их действия [3. Р. 11]:

1) законодательные советники, нанятые организациями с целью «представления интересов на открытых слушаниях в комитетах легислатур»;

2) законодательные агенты, нанятые с целью «лоббирования законодательных актов, затрагивающих финансовые интересы частных лиц».

Таким образом, закон, принятый штатом Массачусетс, впервые вводил принцип открытости сведений о

деятельности как отдельных частных лоббистов, так и крупных лоббистских структур. Начало XX в. ознаменовало начало складывания совершенно иного типа взаимоотношений между государством и бизнесом, с одной стороны, и набиравшими мощь профсоюзами – с другой. Развитие экономики привело к формированию крупных предприятий, которые конкурировали между собой в борьбе за контракты на крупные государственные заказы. В данном контексте различные фирмы искали на различных уровнях власти лоббистов, способных защищать их интересы. Активизация лоббистской деятельности привела к ряду скандалов, заставивших правительство США задуматься о принятии единого федерального закона, регулирующего деятельность лоббистов. Так, активное изучение феномена лоббизма началось в период президентства демократа Вудро Вильсона. В 1913 г. администрация Вильсона выступила с предложением о принятии тарифного закона, направленного против деятельности монополий [4. С. 89]. Дело в том, что из средства защиты молодой американской промышленности от западноевропейской конкуренции высокие тарифы давно превратились в средство обогащения многих крупных предпринимателей за счет простых граждан.

В 49 из 50 штатов каждый лоббист должен быть зарегистрирован вне зависимости от его доходов и расходов. И лишь штат Пенсильвания является исключением. В 1998 г. Генеральная Ассамблея штата приняла закон о регулировании лоббизма, но Верховный суд штата признал данный закон не соответствующим как Конституции штата Пенсильвании, так и Конституции Соединенных Штатов Америки [5. Р. 6]. В марте 2006 г. губернатор Эдуард Джин Ренделл, подписав поправку к закону в Кодексе поведения губернатора, предпринял шаги для того, чтобы ввести в действие закон на уровне исполнительной власти, тем самым устанавливая новые формы регистрации и пользования информацией для тех, кто лоббирует на уровне исполнительной ветви государственной власти. Согласно поправке, внесенной губернатором, лица, лоббирующие интересы члена исполнительной власти, в основном лиц, принимающих решения, должны официально зарегистрироваться и представлять ежеквартальные

отчеты о расходах, связанных с их деятельностью [6. Р. 123]. Кодекс поведения губернатора устанавливает этические нормы для 78 000 сотрудников, находящихся под юрисдикцией губернатора. Висконсин и Монтана – единственные два штата, не считая Пенсильванию, которые не требуют финансовый отчет по проделанной работе от частных лоббистов. Вся ответственность за отчетность лежит на компании или организации, которая наняла лоббиста.

Из 49 штатов лишь в 25 существует высокоорганизованная система регулирования лоббизма. Штат Вашингтон занимает в этом списке первое место. «Право народа знать об источниках финансирования политических кампаний, избранных чиновников и кандидатов перевешивает любую необходимость и право сохранения этой информации в тайне», – отмечается в законе «О лоббистской деятельности», принятой штатом Вашингтон [7. Р. 19]. Цитата из положений закона открытого правительства Вашингтона наглядно демонстрирует политику штата в данном направлении. В штате Вашингтон лоббистами считаются те, кто лоббируют и исполнительную власть, и законодательную. Создание закона о гласности и открытости было спровоцировано выступлениями в 1970 г. граждан, требующих соблюдать их право знать о финансировании политической деятельности в штате. За этими собраниями последовала неудачная попытка принять соответствующие законодательные меры в 1971 г., затем небольшие успехи в 1972 г.

Эти граждане сейчас входят в Коалицию за Открытое Правительство (COG). Коалиция собрала около 163 000 подписей, чтобы выдвинуть Инициативу-276 на голосование в ноябре 1972 г. 72% голосовавших ее поддержали и 1 января 1973 г. появился закон [8. Р. 142]. В 1992 г. жители штата снова выступили за реформу по кампании в Вашингтоне. Более 72% избирателей инициативу поддержали, и в этот раз были утверждены лимиты взносов и другие ограничения кампании. Все же, несмотря на комплексный характер регулирования лоббизма в штате Вашингтон, Центр общественной целостности недавно сообщил, что образцовый закон об открытом правительстве подрывается лоббистами, которые докладывают о целях своих клиентов в смутной и не описательной форме. Штат Вашингтон является самым передовым штатом США в том, что касается открытости. Жители этого штата могут посмотреть поименный список зарегистрированных лоббистов, их заработок и траты в Интернете.

Этот список далее подразделяется на категории лоббистской деятельности и включает 41 сектор. Так, официальный сайт комиссии публичной открытости штата Вашингтон позволяет лоббистам размещать отчеты онлайн. Это делается скорее добровольно, чем по принуждению, хотя комиссия намерена в будущем перевести всю отчетность в электронный формат. Систему регулирования лоббистской деятельности в Висконсине также

можно назвать высокоорганизованной. Законодательство штата рассматривает открытую деятельность правительства только вкупе с беспрепятственной возможностью гражданина обратиться к своему правительству и отдельным чиновникам законодательной и исполнительной власти для высказывания своего мнения или жалоб. В 2005 г. законодательное собрание штата заявило, что правительству необходимо и дальше действовать открыто, чтобы сохранить целостность принятия правительственных решений [9. Р. 78].

Для этого необходимо регулировать и обнародовать информацию о личности, затратах и деятельности лиц, которые нанимают других или сами работают на кого-то, чтобы влиять на принятие решений законодательной и исполнительной власти. Цель открытости – предоставить публичный доступ к информации о финансировании политических кампаний, расходах лоббистских компаний, финансовых делах служащих и кандидатов на определенный пост. Все лоббисты штата Висконсин обязаны быть зарегистрированы независимо от того, сколько они зарабатывают и тратят. Флорида является штатом, имеющим законы о регулировании лоббизма как на уровне исполнительной, так и законодательной власти. Причем лоббистская деятельность регулируется под надзором комитета штата по этике, который также устанавливает и регулирует стандарты поведения чиновников [10. Р. 2].

В апреле 2005 г. сенат штата Флорида принял дополнительный закон о «Мерах по этике для политических лиц», требующий от лоббистов обязательной регистрации и предоставления отчетности своих доходов и расходов [11. Р. 5]. Во Флориде лоббистом может быть шериф или глава пожарной службы любого округа. Исходя из этого, закон от 2005 г. распространяется не только на политиков, но и на всех работников государственного сектора. Более того, для снижения рисков от спекуляций штат отменил формат онлайн-регистрации и ввел обязательное прохождение через слушание и предоставление документов комитету по этике, который в дальнейшем принимает решение о предоставлении статуса лоббиста. После введения вышеперечисленных мер лоббистская деятельность во Флориде стала более прозрачной. При этом Центр общественной целостности отмечает, что за период 2005–2013 гг. затраты на лоббистскую деятельность снизились на 49% [12. Р. 1].

Однако Флорида наряду с Иллинойсом и Огайо не требует, чтобы лоббисты раскрывали взносы в пользу избирательной кампании и предоставляли списки тех или иных лиц, интересы которых они представляют. Многие американские эксперты считают, что именно данный факт позволил республиканцу Джорджу Буш-мл., заручившемуся поддержкой лоббистов, одержать победу над демократом Альбертом Гором на президентских выборах в 2000 г.

Важно также отметить, что при сокращении затрат на лоббизм увеличивается количество лобби-агентов и

форм. Так, по состоянию на 2014 г., по данным Центра ответственной политики, во Флориде количество лоббистов превосходит численностью законодателей соотношением 13:1 [13. Р. 29].

Вайоминг, который является самым бедным штатом, признает лоббизм только на уровне законодательной власти. При этом Вайоминг – единственный штат, в котором для получения статуса лоббиста необходимо иметь юридическое образование и работать в этой сфере не менее десяти лет. Согласно закону «О регулировании лоббизма», принятому Сенатом штата Вайоминг от 18 мая 1998 г., лоббист обязан предоставлять не только доходы и расходы, но также сведения о кредитах, пособиях, специальных скидках и подарках, стоимость которых превышает 50 долл. [14. Р. 17].

Аналогичные законы о предоставлении строгой отчетности действуют также в штатах Небраска, Колорадо и Монтана.

Подводя итог, можно сказать, что институт лоббизма в США необходимо рассматривать как серьезную политическую деятельность различного рода групп давления, ставящих своей целью добиться от правительства страны принятия выгодных для себя законодательных актов по вопросам внутренней или внешней политики.

Результаты проведенного анализа позволяют констатировать, что политический лоббизм стал не только полноценным институтом, но и превратился в один из самых распространенных элементов в жизни американского общества. Сегодня в Америке созданы все условия, которые позволяют различным группам лоббировать собственные интересы и влиять на принятие политических решений в стране. Важным компонентом введения лоббистской деятельности является финансирование избирательных кампаний. Различные группы интересов учитывают то обстоятельство, что различного рода политические деятели вынуждены искать деньги на проведение своих избирательных кампаний. И чаще всего эти политики обращаются к частным лицам или группам лоббистских организаций.

Также очевидно, что в контексте регулирования лоббистской деятельности многие штаты руководствуются не только федеральными актами, но и вырабатывают собственные механизмы контроля над лоббистами. Учитывая специфику американского государства, законы о лоббизме на уровне штатов дополняют федеральные акты, что позволяет делать лоббистскую деятельность более прозрачной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *The Library of Congress*. Georgia Constitution of 1877, Section 2, §5.
2. *State of Georgia – the Digital Library of Georgia*. Georgia Code Annotated. § 28–7–1.
3. *Massachusetts Acts*, ch. 456, adopted in 1890. Massachusetts Annotated Laws. P. 527.
4. *Wilson W.* The New Democracy. Presidential Messages, Addresses and other Papers. New York, 1926. Vol. 1. P. 89.
5. *Eckert Seamans*. Pennsylvania Lobbying Registration and Reporting. Law for Change Press Centre. 21.07.13. P. 6.
6. *William V. Luneburg*. The Lobbying Manual: A Complete Guide to Federal Lobbying Law and Practice. August 2009 ISBN-10: 1604424648. P. 123.
7. *Public Disclosure Commission of Washington State Official web-site*. The Public Disclosure Law in Washington State. PDC, 11.02.1992. P. 19.
8. *Spinner J.* The Boundaries of Citizenship: Race, Ethnicity and Nationality in the Liberal State. Johns Hopkins University Press, 1994. P. 142.
9. *Ronald J. Hrebener, Bryson B. Morgan*. Lobbying in America. ABC-CLIO. Retrieved 2012-01-12. P. 78.
10. *Lobbying in Wisconsin: What Do Lobbyists Do and How Are They Regulated in Wisconsin?* Wisconsin State Legislature. 03.07.93. P. 2.
11. *Senterfitt Akerman*. Florida Lobbying Registration and Reporting. Law for Change Press Centre, 06.01.10. P. 5.
12. *Equality State Policy Center*. Why Wyoming needs complete Lobbyist Reporting. ESPC, 08.06.14. P. 1.
13. *Centre of Responsive Politics*. Lobbying in the State of Florida. CRP. 22.05.14. P. 29.
14. *Wyoming Secretary of State*. Lobbying Disclosure Act to 18.04.98. P. 17. Wyoming Secretary of State official web-site. URL: <http://state.wy.us>, free.

Galstyan Areg S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: galstyanareg@gmail.com

FEATURES OF REGULATION OF LOBBYISM AT THE REGIONAL LEVEL IN USA.

Keywords: lobbyism; groups of interests; acts; transparent policy.

The term "lobbyism" comes from the English word "lobby" meaning a narrow corridor in English Parliament (building) where deputies could communicate in an informal situation. The political shade got this term only at the end of the XVIII century in the United States of America. At the beginning of the 1820th years the term "lobbyism" was used for definition of local groups, influencing the authorities of the country for the purpose of advance of own interests. Nowadays the USA is the only state in the world that secures lobbying constitutionally and regulates it by means of various federal laws. At the same time each US state has its own regulations establishing the rules for lobbying activities. Despite the federal law lobbying is still banned in some states. This is not surprising since the USA has fifty governments, various political subcultures and levels of political and economic development, so in each state the experience of lobbying regulation has its own characteristics. It is also important to note that the state supervision of lobbying is limited by four fundamental functions: 1) establishing general requirements for registration; 2) establishing criteria for defining a professional lobbyist; 3) establishing of common reporting mechanisms. American states oversight of lobbying generally takes four forms. States establish registration requirements by defining what lobbying is and who is a lobbyist; they require lobbyists or the interests that hire them to periodically disclose their expenditures and earnings; they regulate the 'revolving door' between government and the private sector by establishing a cooling-off period during which ex-government officials are prohibited from lobbying the government they once served and they define the range of permissible lobbying activities, such as providing free gifts or meals. As we can see, there are substantial differences across the varying American States when it comes to regulating lobbyists and lobbying behavior. Moreover because of the importance of State government in the United States, regulations at the state level are in many ways equally if not more important than the federal regulations.

REFERENCES

1. *Georgia Constitution of 1877, Section 2§5*. The Library of Congress.
2. *Georgia Code Annotated § 28 - 7 – 1*. State of Georgia – the Digital Library of Georgia.
3. *Massachusetts Acts, Ch. 456, adopted in 1890*. Massachusetts Annotated Laws, p. 527.
4. Wilson W. *The New Democracy. Presidential Messages, Addresses and other Papers*. New York, 1926, vol. 1, p. 89.
5. *Pennsylvania Lobbying Registration and Reporting*. Law for Change Press Centre, 21.07.13, p. 6.
6. Luneburg W.V. *The Lobbying Manual: A Complete Guide to Federal Lobbying Law and Practice*. August 2009, p. 123.
7. *Public Disclosure Commission of Washington State Official web-site*. The Public Disclosure Law in Washington State. PDC, 11.02.1992, p. 19.
8. Spinner J. *The Boundaries of Citizenship: Race, Ethnicity and Nationality in the Liberal State*. Johns Hopkins University Press, 1994, p. 142.
9. Hrebennar R.J., Morgan B.B. *Lobbying in America*. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2009, p. 78.
10. *Lobbying in Wisconsin: What Do Lobbyists Do and How Are They Regulated in Wisconsin?* Wisconsin State Legislature, 03.07.93, p. 2.
11. Akerman S. *Florida Lobbying Registration and Reporting*. Law for Change Press Centre, 06.01.10, p. 5.
12. *Why Wyoming needs complete Lobbyist Reporting*. Equality State Policy Center, 08.06.14, p. 1.
13. *Lobbying in the State of Florida*. Centre of Responsive Politics, 22.05.14, p. 29.
14. *Lobbying Disclosure Act to 18.04.98*, p. 17. Available at: <http://state.wy.us>.

АМЕРИКАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ РЕШЕНИЯ «АФГАНСКОГО КОНФЛИКТА»: ТЕОРИЯ, РЕАЛИЗАЦИЯ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

В 2011 г. начался вывод американского воинского контингента и их союзников из Исламской Республики Афганистан, который должен завершиться к концу 2014 г. Руководство США уже приступило к выработке формата новой миссии в Афганистане. Одновременно США инициировали переговоры с правительством Афганистана о юридическом оформлении собственного военного присутствия на период с 2015 по 2024 г. путем заключения двусторонних соглашений. В сложившихся условиях все большее значение приобретает вопрос о соблюдении национальных интересов США. Под прикрытием решения «афганского конфликта» Вашингтон задействует весь спектр технологий политического влияния, среди которых целесообразно выделять две основные группы: методы «прямого действия» и технологии «косвенного влияния». Развитие ситуации в Афганистане в обозримой перспективе будет оказывать непосредственное влияние на обеспечение региональной и глобальной безопасности. Существующие и потенциальные угрозы, исходящие с афганской территории, в первую очередь, затрагивают интересы приграничных государств, а также России, Китая и Индии. При этом речь идет не только о деятельности террористических группировок, но и о сохранении в Афганистане долгосрочного военного присутствия США и их союзников.

Ключевые слова: США и Афганистан; стратегия США по Афганистану; Международные силы содействия безопасности; технологии политического влияния.

По инициативе США, поддержанной Великобританией и рядом других стран – членов НАТО, в том числе и в интересах решения «афганского конфликта», в декабре 2001 г. были созданы Международные силы содействия безопасности (МССБ). Данное решение получило одобрение Совета безопасности ООН (СБ ООН) – резолюция № 1386 от 20 декабря 2001 г. [1].

В соответствии с документом МССБ были сформированы на период шесть месяцев и должны были действовать только в Кабуле и его окрестностях. В дальнейшем по настоянию США и их союзников по НАТО мандат этих сил неоднократно продлевался, а зона ответственности была расширена на всю территорию Исламской Республики Афганистан (резолюции Совбеза ООН №№ 1413, 1444, 1471, 1510, 1536, 1563, 1589, 1623, 1659, 1662, 1707, 1746, 1776, 1805, 1817, 1833, 1868, 1890, 1917, 1943, 1974, 2011, 2041). На начальном этапе командование МССБ осуществлялось поочередно отдельными странами, в августе 2003 г. оно было передано НАТО, а с 2009 г. руководство воинскими контингентами США и их союзниками в Афганистане полностью перешло к американцам [2].

Необходимо понимать, что МССБ никогда не являлись частью миротворческой операции ООН. Стоящие перед ними задачи определены в резолюциях Совбеза ООН в весьма общем виде: «оказывать поддержку <...> в поддержании безопасности, <...> с тем чтобы афганские власти, а также персонал Организации Объединенных Наций и другой международный гражданский персонал, участвующий, в частности, в усилиях по реконструкции и гуманитарной деятельности, мог работать в безопасной обстановке и предоставлять помощь в обеспечении безопасности для выполнения других задач в поддержку Боннского соглашения» [1].

Несколько более четко задачи сформулированы в «Военно-техническом соглашении между МССБ и Переходным правительством Афганистана» 2002 г.:

– «...задача (миссия) МССБ заключается в содействии афганским властям в обеспечении безопасности»;

– «в число возможных задач, которые могут решаться совместно с силами Переходного правительства, будет включено патрулирование местности»;

– «содействовать Переходному правительству в формировании перспективных структур безопасности»;

– «оказывать содействие Переходному правительству в восстановлении страны»;

– «определить и сформировать систему подготовки и всестороннего обеспечения для будущих структур безопасности Афганистана».

При этом статус МССБ определен как «международные силы, уполномоченные резолюцией Совбеза ООН № 1386» [3].

Задачи МССБ были расширены в совместных декларациях НАТО и правительства Исламской Республики Афганистан (ИРА) по долгосрочному партнерству, подписанных в 2006 и 2010 гг. В соответствии с этими документами Североатлантический союз, в частности, обязуется «содействовать афганским силовым ведомствам в целях повышения их потенциала и готовности к отражению угроз безопасности, стабильности и целостности Афганистана, а также обеспечения региональной безопасности».

В декларации 2010 г. указаны следующие «возможные направления» сотрудничества НАТО с правительством ИРА:

– содействие в становлении и реформировании афганских силовых ведомств и других государственных институтов;

– помощь в повышении профессионализма личного состава силовых ведомств ИРА, в том числе в плане борьбы с терроризмом и наркотрафиком.

В совместных декларациях НАТО и правительства ИРА МССБ определены как «силы НАТО и стран-партнеров, действующие в соответствии с мандатом СБ ООН».

Таким образом, ни в резолюциях СБ ООН, ни в подписанных между НАТО и правительством ИРА документах конечные цели США и их союзников конкретно не сформулированы. В узком понимании их можно трактовать как «создание безопасных условий для работы афганских властей и персонала ООН», в широком – как формирование эффективных национальных силовых структур и органов государственной власти, а также восстановление инфраструктуры страны [1].

Расплывчатость формулировок позволяла США и их союзникам в любой момент заявить о выполнении МССБ мандата СБ ООН. С учетом того, что антитеррористическая кампания в Афганистане не является миротворческой операцией ООН, командование НАТО имеет возможность проигнорировать призывы Совета безопасности о предоставлении итогового отчета о результатах деятельности МССБ.

Условия пребывания входящих в МССБ иностранных воинских контингентов на территории ИРА определены в «Военно-техническом соглашении между МССБ и Переходным правительством Афганистана». Данный документ и в настоящее время наделяет командующего МССБ (американского генерала) неограниченными правами по применению войск, перемещению сил и средств, использованию воздушного пространства и наземной инфраструктуры. Все иностранные военнослужащие и гражданский персонал МССБ выведены из-под юрисдикции судебных органов ИРА. На МССБ не распространяется налоговое законодательство страны. Стремление афганского правительства изменить эту ситуацию путем подписания отдельного соглашения о статусе МССБ результата не принесло.

Таким образом, учитывая характеристики политической стратегии в отношении Афганистана с момента прихода к власти Дж. Буша-мл. и до сегодняшнего дня, нормативно-правовое регулирование является одной из приоритетных технологий влияния США на афганском направлении. При этом Вашингтон постоянно стремится добиться их легитимизации со стороны мирового сообщества.

Основным инструментом реализации положений подписанных документов стали воинские контингенты МССБ, численность которых первоначально составляла 5 000 чел. К 2009 г. группировка иностранных войск в Афганистане достигла 135 тыс. чел. (90 тыс. – американцы). К концу 2014 г. в стране находились около 44 тыс. иностранных военнослужащих, полный вывод которых предусматривается только по документам [4].

Примечательно, что содержание многочисленных соглашений (договоров), которые должны были определить основы мирного урегулирования в Афганистане, заключались в реализации концепта либерально-демократических преобразований афганской политической системы, осуществляемой на основе использования американского опыта и фактически под контролем

иностранного военного контингента при ведущей роли Вашингтона. Другими словами, несмотря на формально международный характер соглашений, фактически они являлись двусторонними и учитывали интересы преимущественно США.

С нашей точки зрения, игнорирование исторической специфики афганского общества, построенного на принципах исламского традиционализма и этнической специфики населения, изначально не позволяли рассматривать ряд соглашений в качестве действенного инструмента политического урегулирования ситуации в Афганистане. В этой связи их подписание преследовало лишь одну практическую цель – реализацию в Афганистане стратегических интересов США.

Вместе с тем указанная цель не могла быть достигнута, учитывая чрезвычайную остроту противоречий между основными афганскими региональными лидерами, которая не позволяла администрации президента страны Х. Карзаю, даже используя силы международного контингента, контролировать всю территорию страны. В условиях политической децентрализации деятельность специально созданных американцами групп по восстановлению провинций также оказалась малоэффективной.

Вашингтон продолжает уделять развитию сотрудничества с официальным Кабулом на основе двусторонних соглашений повышенное внимание. Своеобразной кульминацией такого рода деятельности стало «Соглашение о стратегическом партнерстве между США и Афганистаном», подписанное сторонами 2 мая 2012 г. [5]. По сути, с 2015 г. оно заменит «Военно-техническое соглашение» 2001 г. Однако подписанный в 2012 г. документ не определяет условия американского присутствия в Афганистане в период с 2015 по 2024 г. после вывода большей части войск НАТО в 2014 г. Его условия должны быть детально прописаны в очередном соглашении, текст которого до сих пор не утвержден. В тексте документа также нет каких-то конкретных цифр или упоминания программ, которые США собираются финансировать.

Вместе с тем Кабул уже принял обязательства под контролем Вашингтона осуществлять дальнейшие политические и социально-экономические преобразования, направленные на оформление в стране прозападной политической системы. Кроме того, США признаны основным стратегическим партнером Афганской республики, которая, в свою очередь, стала рассматриваться в качестве «основного союзника, не являющегося членом НАТО» [6].

Еще администрацией Дж. Буша-мл. был создан важный прецедент, в соответствии с которым практическая политика в отношении Афганистана впервые стала основываться на нормах американского национального законодательства. В частности, в 2002 г. Конгрессом был разработан целый «пакет» законов, касающихся политики в отношении Афганистана. Первым из них стал «Акт в поддержку свободы в Афгани-

стане» [7], в соответствии с которым предусматривалось оказание значительной финансовой помощи переходному правительству для осуществления «демократических преобразований». Принятые законы (поддержки «свободы» в Афганистане) четко определяли параметры политической системы, которая должна быть установлена в Афганистане: «Соединенные Штаты и международное сообщество должны поддерживать усилия по развитию демократических гражданских властей и институтов в Афганистане и становлению нового, опирающегося на широкие разновозрастные слои населения, многонационального и полностью представительного правительства» [8. С. 32].

Несмотря на то что Вашингтону удалось законодательно оформить основные параметры перспективного развития Республики Афганистан в соответствии с собственными интересами, стабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в стране так и не удалось. Более того, начиная с 2003 г. наметилась тенденция к ее осложнению.

В соответствии с официальными докладами американских военных, формирования Исламского движения талибов, вступив в союз с подразделениями «Аль-Каиды», последовательно усиливали свое влияние в пограничных с Пакистаном регионах. При этом единственным действенным инструментом обеспечения политической стабильности оставался воинский контингент, численность которого имела устойчивую тенденцию к увеличению, а после попытки покушения на Х. Карзая в 2004 г. именно американские военнослужащие стали исполнять функции его личной охраны.

Положения принятой в 2004 г. Конституции ИРА отнюдь не способствовали становлению системы демократической государственности, характерной для Запада. Напротив, указывалось, что «из содержания Конституции Афганистана вполне однозначно следовало, что основы, принципы и нормы ислама имели верховенство над традиционными стереотипами западной либеральной демократии. Ясно, что в случае возникновения противоречий афганцы будут следовать нормам ислама, а не подстраиваться под западные ценности» [Там же. С. 37].

В этих условиях усиливались меры непосредственного военного воздействия на внутривнутриполитическую обстановку в Афганистане. Впервые военные средства были применены еще в 2001 г. для ликвидации талибского режима. Впоследствии стратегическими целями американского вооруженного контингента являлось установление контроля над стратегически важными пунктами страны. К концу ноября 2001 г. эта задача, в общем и целом, была выполнена: американские войска контролировали все крупнейшие города Афганистана. С 2002 г. началось осуществление локальных военных операций с целью обеспечения «антиталибской санации» преимущественно пограничных с Пакистаном регионов.

После прихода к власти в США администрации Б. Обамы военные методы получили приоритетное значение. В частности, на первоначальном этапе своего президентства Б. Обама принял решение отправить в Афганистан дополнительный воинский контингент в количестве 30 тыс. чел.

Данный факт был обусловлен изменением целей использования воинского контингента. Новые приоритеты в этом вопросе были озвучены специальным представителем Б. Обамы в Пакистане и Афганистане Р. Холбруком. По его мнению, необходимо было «отойти от завышенных амбиций администрации Дж. Буша-мл. по превращению страны в действующую демократию, сосредоточиться на вопросах безопасности и противодействия терроризму» [9].

В марте 2009 г. Б. Обама конкретизировал указанное мнение, подчеркнув, что «мы имеем ясную, четкую цель: разбить, разоружить и нанести поражение Аль-Каиде в Пакистане и Афганистане и предотвратить ее возвращение в любых из этих стран в будущем» [10]. При этом Б. Обама декларировал использование военных, экономических и дипломатических средств при безусловном приоритете первых.

В соответствии с высказываниями высших официальных лиц Вашингтона количественное увеличение американского воинского контингента было обусловлено желанием добиться радикального перелома в борьбе с «мировым терроризмом». Другими словами, реализация задач «демократического переустройства» Афганистана была отложена на неопределенную перспективу.

Последовательное наращивание численности американского военного контингента в Афганистане означало активизацию деятельности по реализации концепции «доминирования во всем спектре», в соответствии с которой «Соединенные Штаты должны были иметь возможность, действуя в одиночку или с союзниками, нанести поражение любому противнику и управлять любой ситуацией с помощью военных операций» [11]. Это нашло свое практическое выражение в проведении масштабных военных операций в наиболее нестабильных с точки зрения деятельности талибов регионах Афганистана. Первой из них стали боевые действия в 2003 г. на юге страны в уезде Нади-Али (провинция Гильменд), в которых участвовали порядка 15 тыс. военнослужащих МССБ.

Имея ощутимое превосходство в живой силе и военных средствах, коалиционные военные смогли одержать быструю тактическую победу, оттеснив отряды талибов в горные районы. Вместе с тем физически уничтожить боевиков, нарушив их коммуникационные связи, а также инфраструктуру, предотвратив тем самым развитие партизанской войны, они не смогли.

Важное значение также стало приобретать дипломатическое давление, направленное на раскол единого фронта организаций талибов. При этом американские эксперты исходили из констатации существенных

идеологических различий между отдельными частями Исламского движения талибов, существенно осложняющих консолидацию движения. Официальные лица американской администрации констатировали насущную необходимость организации конструктивного диалога с отдельными талибскими представителями. Так, например, госсекретарь Х. Клинтон, представляя в 2011 г. бюджет на заседании Конгресса, объявила о необходимости финансирования программы «мероприятий по возвращению боевиков в гражданское общество» [8. С. 53].

Практическая реализация принципа «разделяй и властвуй» осуществлялась на нескольких уровнях. Во-первых, с привлечением представителей мирового сообщества. Первой «пробой пера» в этом отношении стала международная конференция, проведенная в Лондоне, в ходе которой президент Х. Карзай предложил создать «международный донорский фонд» с участием умеренных талибских организаций для проработки вопроса о коалиционном составе нового афганского правительства.

Еще одним практическим результатом указанной конференции стало принятие специальной декларации, которая была названа Соглашением по Афганистану [12]. В этом документе были сформулированы конкретные меры по оказанию помощи официальному Кабулу во всех значимых сферах на последующие пять лет. И хотя указанный документ изначально не предполагал действенных механизмов его практической реализации, сам факт его появления означал готовность мирового сообщества действовать в афганском направлении в рамках стратегии, определенной США, что означало крупную дипломатическую победу Вашингтона. Кроме того, по негласной инициативе американского правительства в начале января 2010 г. на Мальдивах была проведена встреча Х. Карзая с лидерами радикальных талибов.

Другим примером попыток решить «афганский вопрос» являлась интенсификация двусторонних переговоров с крупнейшими странами региона, в первую очередь, с Россией и Китаем с целью привлечения их ресурсов для восстановления экономики Афганистана и организации косвенной поддержки эффективным военным действиям коалиции. Определенных успехов такая стратегия достигла, о чем свидетельствует наличие договоренности с Российской Федерацией об ограниченном транзите военных грузов через ее территорию, а также привлечение России и Китая к практической реализации перспективных экономических проектов в Афганистане.

Хотя указанные мероприятия не имели значимых практических результатов, сопоставимых с военными победами, их осуществление являлось признаком смены баланса американских технологий влияния, применяемых в Афганистане. Это также нашло выражение в постепенном увеличении доли применения невоенных методов «косвенного воздействия». Тем не менее гово-

рить о радикальном пересмотре политики на афганском направлении не представляется возможным, учитывая проводимые до последнего времени крупномасштабные военные операции на всей территории Афганистана, а также существующие планы дальнейших боевых операций.

Решение администрации Б. Обамы о выводе войск из Афганистана в 2011 г. изначально имело нереалистичный характер, поскольку, во-первых, не были четко определены критерии, возможности вывода вооруженных сил; во-вторых, до времени вывода иностранных воинских контингентов правительство Х. Карзая объективно не смогло бы обеспечить внутрисударственную безопасность и ввиду неподготовленности полицейских сил и армии, о чем неоднократно заявлял и сам президент [13].

Следует отметить, что указанные обстоятельства, без сомнения, понимали и в Пентагоне. Так, уже в августе 2010 г. американские военные эксперты официально признали принципиальную нереалистичность вывода иностранной воинской группировки в указанные сроки, что объяснялось, в первую очередь, неготовностью сил афганской армии противодействовать талибам. В частности, глава Пентагона Р. Гейтс, уточняя заявление Б. Обамы о выводе войск в июле 2011 г., отметил, что «это не конец, а начало переходного периода» [12].

Таким образом, приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что использование вооруженных сил длительное время будет иметь приоритетное значение в контексте реализации афганской стратегии США.

Вместе с тем представляется, что использование вооруженных формирований США и их союзников в Афганистане связано с очевидными проблемами. Так, с одной стороны, очевидно, что активные действия военных представляют собой наиболее эффективное средство предотвращения талибской угрозы, стабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране, а следовательно – необходимым условием для обеспечения американских интересов.

Кроме того, представляется очевидным, что вывод иностранных войск может негативно отразиться на социально-экономической ситуации в Афганистане. Как отмечает американский исследователь К. Крэйн, данный факт повлечет определенную стагнацию в развитии, что будет обусловлено следующими факторами:

- сокращение численности войск приведет к снижению потребности в предоставляемых афганской стороной товаров и услуг;
- возможным уменьшением иностранной финансовой помощи (в 2011 г. составила около 50% ВВП);
- сокращением объемов капиталовложений в экономику ИРА, особенно со стороны США [14. С. 38].

Представляется, что в условиях тенденций развития современной афганской экономики указанные аспекты могут иметь фатальный характер, при том, что военные

действия, проводимые силами МССБ, способствовали усилению власти отдельных полевых командиров, неконтролируемому росту производства наркотиков, а следовательно – усилению криминализации обстановки внутри страны [15. С. 7].

Кроме того, специалисты отмечают, что нахождение войск международной коалиции в Афганистане приводит к возникновению новых проблем, приобретающих существенную актуальность в последнее время. В частности, в мае 2011 г. был опубликован доклад американского военного эксперта Д. Бордина «Кризис доверия и культурная несовместимость» [16], в центре которого находилась проблема взаимоотношений вооруженных сил афганской республики и сил международного контингента. Детально проанализировав данную проблему, эксперт указал, что «во взаимоотношениях МССБ и ВС ИРА сохраняется высокая степень напряженности и раздражения с обеих сторон. В случае игнорирования данной проблемы прогнозируется дальнейшая эскалация конфликта между западными и афганскими силовиками, что, несомненно, негативно скажется на ходе всей контртеррористической операции и процессе стабилизации обстановки в стране». Длительное нахождение иностранного контингента на территории Афганистана оформило новое противоречие, угрожающее не только внутривнутриполитической стабильности страны, но и самому факту существования как действующему режиму Х. Карзая, так и пришедшему ему на смену новому президенту страны А. Ахмадзаю. При этом предложенное решение указанной проблемы, связанное с активизацией деятельности по налаживанию всестороннего взаимодействия между воинскими контингентами, с нашей точки зрения, не может существенно изменить ситуацию. Единственным решением в данной связи может являться лишь последовательный вывод сил США и их союзников.

Существенное значение при практической реализации американской внешнеполитической стратегии на афганском направлении в начале XXI в. традиционно приобретали технологии экономического воздействия.

Во-первых, оказание безвозмездной финансовой помощи в виде дотаций официально Кабулу. По результатам официальной американской статистики, только за период с 2001 по 2006 г. Афганистан получил от американского правительства на безвозмездной основе более 10 млрд долл. [3]. По состоянию на 2013 г. объём помощи США составлял 18 млрд долл.

Во-вторых, военно-техническая поддержка. При непосредственном участии США были сформированы вооруженные силы страны, насчитывающие сегодня 350 тыс. чел., и обеспечено их техническое оснащение, инструктирование и организационное сопровождение. Для этой цели в составе американского воинского контингента было создано Командование по подготовке силовых структур Афганистана, чьей непосредственной задачей и сегодня остается реформирование афганских вооруженных сил [17]. Следует отметить, что де-

нежное содержание каждого афганского военнослужащего также финансируется Вашингтоном и составляет от 400 до 800 долл. США в месяц.

Также ведущим аспектом деятельности США в рамках реализации концепции психологической войны в Афганистане являлось стратегическое дезинформирование, сущность которого заключалась, во-первых, в убеждении мировой общественности в необходимости осуществляемых Вашингтоном мер для ликвидации глобальной террористической угрозы и, во-вторых, в формировании положительного имиджа представителей иностранного воинского контингента среди местного населения.

Исходя из опыта ведения войны против Ирака в Персидском заливе, для осуществления указанных мероприятий из состава американского контингента ВВС были выделены особые подразделения, имеющие специальное оборудование, позволяющее в разы увеличить длительность эфира теле- и особенно радиопередач и с помощью авиации распространить среди мирного населения более 150 тыс. дешевых портативных радиоприемников с фиксированными частотами [18. С. 10].

Радиопропаганда осуществлялась преимущественно посредством деятельности «Би Би Си» и «Голос Америки». Одновременно с нарастанием интенсивности радиотрансляций проводилась активная деятельность подразделений радиочастотной борьбы, направленная на подавление радиовещательной активности талибов. Американские войска активно применяли материалы видеопропаганды: среди мирного населения распространялись видеоролики, рекламирующие мощь американской армии и критиковавшие сущность талибского режима.

Среди традиционных пропагандистских методов существенное значение приобретало распространение печатных материалов в виде листовок. При этом текст листовок отличался лаконичностью и доходчивостью, а их техническое исполнение определяло устойчивость материального носителя к сложным погодным условиям Афганистана.

Оценивая результаты ведения психологической войны, абсолютное большинство исследователей и экспертов признают ее чрезвычайную эффективность. Красноречивым доказательством этого тезиса является тот факт, что, по данным статистики, более 70% талибов, попавших в плен или прекративших сопротивление, подтвердили, что главным стимулом совершения ими таких действий стало содержание американской пропаганды [18. С. 11].

В связи с этим необходимо согласиться с мнением о том, что «победа США в ноябре 2001 г. явилась результатом не столько физического уничтожения военной машины талибов, сколько умело организованного психологического воздействия, многократно усилившего военные успехи и приведшего к полной потере ими способности к сопротивлению» [19. С. 15].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. США и их союзникам за 13 лет нахождения в Афганистане не удалось добиться стабилизации обстановки, а также обеспечить создание эффективных национальных органов государственного управления и силовых структур. С территории страны продолжают исходить серьезные террористические и наркотические угрозы, которые затрагивают, в первую очередь, интересы национальной безопасности соседних и региональных государств.

2. Несмотря на негативные тенденции развития военно-политической обстановки в Афганистане, руководство США и их союзники по НАТО имеют формальные основания заявить о выполнении мандата МССБ. Это обусловлено отсутствием четких целей и задач как в резолюциях СБ ООН, так и в двусторонних документах, подписанных между Североатлантическим союзом и Афганистаном. Миссия МССБ не является миротворческой операцией ООН, поэтому руководство

НАТО имеет возможность проигнорировать призывы о предоставлении Совету безопасности отчета о результатах деятельности МССБ.

3. Афганистан используется Вашингтоном исключительно для реализации собственных интересов. Приоритет при этом отдается комплексу разнообразных технологий политического влияния и методам прямого военного вмешательства, преследовавшим конкретную цель, связанную с обеспечением моделирования параметров социально-экономического и политического развития кабульского режима в нужном США русле.

4. Нахождение войск американского контингента на территории Афганистана представляет собой важнейшую гарантию реализации американских интересов, поэтому перспективы его полного вывода, несмотря на заверения американской администрации и связанные с его нахождением в стране проблемы, являются малореалистичными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резолюция 1386 (2001) «Положение в Афганистане» // Протокол 4443-го заседания Совета Безопасности ООН. Нью-Йорк, 2001.
2. A to Z Guide to Afghanistan Assistance 2013 – Eleventh Edition // Afghanistan Research and Evaluation Unit. Kabul, 2013. P. 43–44.
3. Military Technical Agreement Between the International Security Assistance Force (ISAF) and the Interim Administration of Afghanistan ('Interim Administration'), HQ ISAF. 2002. 4 Jan.
4. URL: <http://www.isaf.nato.int/images/media/140804placemat.pdf>, free.
5. Enduring Partnership agreement between United States of America and Islamic Republic of Afghanistan, Kabul. 2002. 2 May.
6. URL: <http://afghanistan.ru/doc/22662.html>, free.
7. URL: http://www.ia-centr.ru/archive/public_details28cf.html?id=745, free.
8. Айдамиров А.Н. Афганское направление политики США в контексте глобальной антитеррористической стратегии : дис. ... канд. полит. наук. М., 2010.
9. Guardian. March 24, 2009. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2009/mar/24/richard-hoobrooke-taliban-afghanistan-hamid-karzai>
10. News Hour, PBS. 2009. 27 March. URL: http://www.pbs.org/newshour/bb/asia/janune09/afhanpak_03-27.html, free.
11. «Joint Vision 2020 Emphasizes Full-spectrum Dominance», DefenseLink. URL : <http://www.defenselink.mil/news/newsarticle.aspx?id=45289>, free.
12. URL: <http://afghanistan.ru/doc/5248.html>, free.
13. Снежанова Л.Н. Афганистан: политика «двойных стандартов» в действии. URL: attachment:1/88.htm
14. Crane K. The NATO Drawdown: Implications for Afghanistan and Pakistan // Sustainable Strategies for Afghanistan and the Region After 2014.
15. Платун В.Н. Новые тенденции развития ситуации в Центрально-Азиатском регионе к концу 2004 г. // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Бишкек, 2004.
16. Bordin J. A Crisis of Trust and cultural incompatibility. 2013. P. 14.
17. Afghanistan National Security Forces. 2006. 31 Jan. URL: <http://usinfo.state.gov>
18. «Стратегия сокрушения» в афганской операции Вашингтона // Центральная Азия и Кавказ. Стокгольм, 2002. № 5.
19. Лавров А. Афганистан без талибов // Азия и Африка сегодня. 2006. № 12.

Priymachuk Dmitry V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dimapriyma@yahoo.com

AMERICAN STRATEGY "AFGHAN CONFLICT" SOLUTION: THEORY, REALIZATION, PRELIMINARY RESULTS.

Keywords: United States and Afghanistan; American strategy for Afghanistan; International Security Assistance Force; the technologies of political influence.

International Security Assistance Force in the Islamic Republic of Afghanistan was formed on the initiative of the United States. Staying for 13 years in the country they have not been able to stabilize the situation and ensure the establishment of the effective national government bodies and law enforcement agencies. Religious-terrorist activities of international extremist organizations and radical movements tend to increase not only in Afghanistan but also in the neighboring countries. Serious drug threat that affects primarily the interests of the national security of neighboring and regional states continues to come from Afghan territory. Withdrawal of the American military contingent and its allies from the Islamic Republic of Afghanistan has started in 2011. It is considered to be completed by the end of 2014. The US government has already begun to develop a new format of the mission for Afghanistan. Simultaneously, the United States have initiated negotiations with the Afghan government on the legal registration of its own military presence for the period from 2015 to 2024 through the conclusion of bilateral agreements. In these circumstances the issue of the compliance of national interests of the USA is becoming more and more important. Using "Afghan conflict" as a cover Washington applies the entire range of technologies of political influence that can be allocated into two main groups: the "direct action" methods and "indirect effects" technologies. From May to August 2014 presidential elections in Afghanistan were held under the control of the Americans. Loyal to the White House official came to power in Afghanistan. Immediately after the elections the "Agreement on Security between the United States and Afghanistan" was signed. According to the document, the US military may remain on Afghan soil for another ten years. All the US military personnel will be deployed in nine military bases, with a total capacity of up to 30 thousand men each. Americans reserve the right to carry out military operations if necessary, without the consent of the Afghan side. Further situation in Afghanistan in the near future will have a direct impact on regional and global security. Existing and potential threats emanating from Afghanistan primarily affect the

interests of neighboring countries including Russia, China and India. At the same time it is not just about the activities of terrorist groups but also about enduring of the US and its allies military presence in Afghanistan in the long-term perspective.

REFERENCES

1. *Resolution 1386 (2001) "The situation in Afghanistan"*. Protocol of the 4443rd meeting of the UN Security Council. New York, 2001. (In Russian).
2. *A to Z Guide to Afghanistan Assistance 2013*. Kabul: Afghanistan Research and Evaluation Unit (AREU), 2013, pp. 43-44.
3. *Military Technical Agreement Between the International Security Assistance Force (ISAF) and the Interim Administration of Afghanistan ('Interim Administration')*, 4th January 2002.
4. *International Security Assistance Force (ISAF): Key Facts and Figures*. Available at: <http://www.isaf.nato.int/images/media/140804placemat.pdf>.
5. *Enduring Partnership agreement between United States of America and Islamic Republic of Afghanistan*. Kabul, 2nd May, 2002.
6. *Afghanistan i SShA podpisali soglasenie o strategicheskoy partnerstve* [Afghanistan and the United States signed an agreement on strategic partnership]. Available at: <http://afghanistan.ru/doc/22662.html>.
7. Vyazigina E. *SShA i Tsentral'naya Aziya* [The USA and Central Asia]. Available at: http://www.ia-centr.ru/archive/public_details28cf.html?id=745.
8. Aydamirov A.N. *Afganskoe napravlenie politiki SShA v kontekste global'noy antiterroristicheskoy strategii*: diss. polit. nauk [The Afghan direction of the US policy in the context of the global anti-terrorism strategy. Politology Cand. Diss.]. M., 2010.
9. *Guardian*, 2009, 24th March. Available at: <http://www.guardian.co.uk/world/2009/mar/24/richard-hoobrooke-taliban-afghanistan-hamid-karzai>.
10. *NewsHour, PBS*, 2009, 27th March. Available at: http://www.pbs.org/newshour/bb/asia/janune09/afhanpak_03-27.html.
11. *Joint Vision 2020 Emphasizes Full-spectrum Dominance*. Available at: www.defenselink.mil/news/newsarticle.aspx?id=45289.
12. Korgun V. *Konferentsiya po Afganistanu v Londone* [The Conference on Afghanistan in London]. Available at: <http://afghanistan.ru/doc/5248.html>.
13. Snezhanova L.N. *Afganistan: politika "dvoynnykh standartov" v deystvii* [Afghanistan: the policy of "double standards" in action]. Available at: attachment:1/88.htm
14. Crane K. *The NATO Drawdown: Implications for Afghanistan and Pakistan*. In: Mallory Ch., Krause J. (eds.) *Sustainable Strategies for Afghanistan and the Region After 2014*. Berlin: Aspen Institute, 2012.
15. Plastun V.N. *Novye tendentsii razvitiya situatsii v Tsentral'no-Aziatskom regione k kontsu 2004 g.* [New trends in the development of the situation in the Central Asian region by the end of 2004]. In: Knyazev A.A. (ed.) *Afganistan i bezopasnost' Tsentral'noy Azii* [Afghanistan and security of Central Asian]. Bishkek: Ilim Publ., 2004, pp. 6-20.
16. Bordin J. *A Crisis of Trust and Cultural Incompatibility*. 2013, p. 14.
17. *Afghanistan National Security Forces*. January 31, 2006. Available at: <http://usinfo.state.gov/>.
18. Fenenko A. "Strategiya sokrusheniya" v afganskoy operatsii Vashingtona ["Strategy of destruction" in Washington's Afghan operation]. *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz*, 2002, no. 5, pp. 7-21.
19. Lavrov A. *Afganistan bez talibov* [Afghanistan without the Taliban]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*, 2006, no. 12.

ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ В КИТАЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИХ ПРЕБЫВАНИЯ В СТРАНЕ

Исследуются иностранные студенты в Китае как одна из наиболее многочисленных групп иностранцев в данной стране, а также их численность, география выхода и пребывания, структура вовлеченности в китайских вузах. Рассматривается система регулирования въезда, выезда и пребывания иностранных студентов в Китае, проблемы и правонарушения, возникающие в этой связи. Исследуются причины и тенденции изменения численности иностранных студентов в Китае и влияния текущей политики правительства Китая на них.

Ключевые слова: Китай; иностранные студенты; миграционная политика.

За последние 20 лет Китай стал одной из ведущих стран, отправляющих студентов на обучение за рубеж. В 2012 г. из Китая за рубеж на обучение выехали более 400 тыс. человек, выведя страну на первую строчку рейтинга стран-доноров международных студентов [1]. Однако политика китайского правительства изменилась, и отправка студентов за рубеж не является в настоящее время единственным приоритетом. Во главу угла в процессе интернационализации китайского образования также поставлено привлечение иностранных студентов в страну. Согласно плану китайского правительства, принятому в 2010 г., численность иностранных студентов в Китае к 2020 г. должна достигнуть 500 тыс. человек, и все учреждения страны активно работают в данном направлении [2].

Для правительства Китая привлечение иностранных студентов на обучение в страну является не только инструментом увеличения доходов образовательных учреждений, но и механизмом популяризации страны за ее пределами, а также улучшения системы образования внутри страны, улучшения стандартов и качества китайского образования, а также интеграции страны в международное образовательное пространство.

Китай впервые принял иностранных студентов в 1950 г.: 33 иностранца из стран Восточной Европы приехали в Китай на обучение [3]. В период 1950–1979 гг. Китай принял на обучение около 10 тыс. человек из зарубежных стран. После запуска реформ открытости активизировались процессы взаимодействия с внешним миром, начали расти объемы культурного и образовательного обмена. Процесс привлечения иностранных студентов заметно активизировался после 1992 г. В 1992 г. Китай принял на обучение 14 тыс. иностранных студентов, а в 1996 г. их количество составило уже 41 тыс. человек [Там же]. Ежегодный прирост иностранных студентов в Китае составлял около 30% [Там же]. К 2000 г. Китай суммарно принял более 405 тыс. иностранных студентов, 88 тыс. из них – по стипендиям, выделяемым китайским правительством [Там же].

В 2000-е гг. численность иностранных студентов в Китае начала резко расти. В начале 2000-х гг. ежегодный прирост численности иностранных студентов в

Китае составлял 20–30% (за исключением 2003 г., когда наблюдалось падение) [4]. Во второй половине 2000-х гг. этот прирост снизился до 10–15% (за исключением 2009 г., когда он составил 6%) [Там же]. И хотя ежегодный прирост в этот период составлял меньше, чем в 1990-е гг., в среднем 10% в год, однако абсолютная численность иностранных студентов, ежегодно обучающихся в Китае, стала более внушительной. В 2012 г. в Китае обучались более 328 тыс. иностранных студентов [5].

В 2012 г. из 328 тыс. иностранных студентов 63,2% приходилось на выходцев из стран Азии, 16,5% – на европейцев, 10,6% – на студентов из Америки, 8,2% – на африканцев и 1,3% – на выходцев из Океании [Там же]. Несмотря на значительный прирост численности иностранных студентов в Китае на протяжении 2000-х гг., структура географии их происхождения изменилась незначительно. Среди иностранных студентов в Китае, по сравнению с 2000 г., на 11% снизилась доля выходцев из стран Азии (с 74,8% в 2000 г.), увеличилась доля европейцев на 5% (с 11,1% в 2000 г.) и африканцев – на 6% (с 2,6% в 2000 г.) [4].

Согласно официальной статистике, в 2012 г. наибольшее количество иностранных студентов приехали в Китай на обучение из Республики Корея – 68,5 тыс. человек, США – 23,5 тыс. человек и Японии – 21 тыс. человек. В первой десятке стран, отправляющих студентов в Китай, находятся Таиланд, Россия, Индонезия, Вьетнам, Индия, Пакистан, Казахстан. Россия по количеству обучающихся в Китае студентов располагается на 5-м месте, количество русских студентов в Китае в 2012 г. составляло 15 тыс. человек [5]. Кроме того, значительное количество иностранных студентов в Китае являются гражданами Франции, Монголии, Германии, Малайзии и Сингапура. Характерно, что в 2000 г. Россия не входила в первую пятерку стран, отправляющих студентов в Китай. Количество русских студентов в Китае в 2000 г. составляло 703 человека [3]. С 2000 г. значительно увеличилась численность студентов из Индии, Пакистана и Казахстана. Изменения в географии выхода иностранных студентов в Китае отражают текущие приоритеты внешней политики Китая. Так, активизация Китая на

африканском направлении привела к резкому росту численности африканских студентов в стране, а интенсификация отношений с Пакистаном – к увеличению притока студентов из этой страны.

Количество китайских вузов, принимающих иностранных студентов, также ежегодно увеличивается. В 2000 г. 346 китайских учебных заведений приняли иностранных студентов, в настоящее время количество таких вузов уже составляет 690 [5]. Иностранные студенты в основном обучаются в учебных заведениях Пекина, Шанхая, Гуандуна, Тяньцзина, Чжецзяна, Цзянсу, Ляонина, Шаньдуна, Хубея и Фуцзяня. По количеству обучающихся иностранцев лидируют Пекинский университет иностранных языков, Пекинский университет, Университет Фудань, Шанхайский транспортный университет, Университет Цинхуа, Чжецзянский университет, Пекинский педагогический университет. Несмотря на то что все регионы Китая принимают иностранных студентов, англоязычные программы обучения существуют только в 34 университетах. Обучение по китайскоязычным программам требует наличие сертификата на знание китайского языка, что серьезно ограничивает поток студентов из-за рубежа на неязыковые программы. Существует в Китае и проблема с качеством образования, особенно в провинциальных университетах, что объективно сдерживает наращивание численности иностранных студентов в Китае.

Структура выбранных иностранными гражданами образовательных программ является предметом пристального внимания правительства Китая. Обучение по специальностям в Китае в 2012 г. проходили 133,5 тыс. человек (40,7%), в том числе в магистратуре и аспирантуре обучалось 36 тыс. иностранных граждан, по программам дополнительного образования (в первую очередь языковые стажировки) – 194,8 тыс. человек (59,3%) [5]. Цифры наглядно демонстрируют, что, несмотря на значительную абсолютную численность иностранных студентов в Китае, основная масса из них все еще проходит краткосрочные, в первую очередь языковые, программы. Во многом это объясняется значительным количеством стипендий, выделяемых правительством Китая на изучение китайского языка, а также мер по популяризации китайского языка в мире. Одновременно доля иностранных студентов, обучающихся по стипендиям правительства Китая, год от года снижается. В 2012 г. только 9% студентов из-за рубежа обучались в Китае по стипендиям, выделяемым правительством Китая, в то время как 91% – за собственный счет [Там же].

Хотя необходимо отметить, что в некоторых вузах Китая доля краткосрочных программ не столь значительна. Например, в Университете Цинхуа на бакалавриат, магистратуру и аспирантуру приходится 75% иностранных студентов, а на краткосрочные программы – 25%, причем только 14% – на языковые стажировки [6]. Это объясняется рядом факторов: во-первых, в ведущих университетах шире спектр англоязычных

программ высшего образования, что позволяет иностранцам учиться без предварительного изучения китайского языка. Три ведущих китайских университета (Пекинский университет, Университет Цинхуа и Университет Фудань) входят в сотню лучших университетов мира, что повышает рейтинг их основных образовательных программ. Кроме того, если взять Университет Цинхуа, то определенная часть иностранцев, обучающихся в нем, – это зарубежные китайцы, а они целенаправленно приезжают получать степень бакалавра, магистра или доктора. Политика Университета Цинхуа во многом ориентирована на привлечение зарубежных китайцев на обучение.

Несмотря на то что на дополнительные программы приходится больше половины студентов, необходимо отметить, что доля студентов, обучающихся по специальности, значительно выросла за последние 10 лет, с 24,4% в 2002 г. до 40,7% в 2012 г. Согласно данным статистики, в 2009 г. 57,3% иностранных студентов в Китае изучали китайский язык, 8,9% – медицину, 7% – литературу, 6% – экономику, 5,1% – менеджмент, 4,9% – технические науки, 4,6% – китайскую медицину, 6,2% – другие специальности [7]. Таким образом, основная масса иностранных студентов предпочитает изучать в Китае гуманитарные науки.

Популярность Китая как места обучения растет, несмотря на ужесточение визового режима для въезда в страну. Основной причиной этому является бурное развитие Китая. Активный рост китайской экономики и ее интеграция в мировое хозяйство открывают возможности для развития бизнеса и налаживания всесторонних связей. Поэтому многие надеются после окончания обучения в Китае либо найти там работу, либо получить существенное конкурентное преимущество на трудовом рынке своей страны. Несомненно, важным фактором увеличения количества иностранных студентов в Китае стала не только политика популяризации Китая за рубежом, но и увеличение количества стипендий, выделяемых правительством Китая. Количество стипендий в 2000 г. составляло 5,3 тыс., а в 2012 г. – 28,7 тыс. [4]. Способствовали популяризации страны также организация и проведение ряда важных международных мероприятий в 2000-е гг., в первую очередь Олимпийских игр и выставки ЭКСПО. Важным фактором роста количества иностранных студентов на протяжении 2000-х гг. также являлся относительно низкий уровень цен на обучение и проживание. Однако по мере роста китайской экономики и уровня жизни в Китае происходит рост цен и постепенно значение данного фактора начинает снижаться. Некоторых студентов (прежде всего из стран Америки и Европы) привлекает восточная экзотика, возможность поближе познакомиться с китайской культурой и традициями и посетить близлежащие страны Азии за период своего обучения. Кроме того, нельзя забывать, что определенная часть иностранных студентов в Китае – это этниче-

ские китайцы – граждане других стран. Процесс возвышения Китая вызвал всплеск патриотизма среди зарубежных китайцев, который в свою очередь выразился либо в возвращении на историческую родину, либо в отправку детей на обучение в Китай.

Студенты въезжают в Китай по визам категории «Х» и «F». Виза категории «Х» выдается тем, кто въезжает в Китай на период более 6 месяцев, категории «F» – на период менее 6 месяцев. Кроме того, иностранные студенты должны получить разрешение на проживание в местных органах общественной безопасности. Согласно данным китайской статистики, 74% иностранных студентов приезжают в Китай на обучение на срок 6 месяцев и более и только 26% – на срок менее 6 месяцев [8].

Ответственность за регулирование пребывания иностранных студентов в Китае возложена на Министерство общественной безопасности КНР и Министерство образования КНР. Каждое из министерств в рамках своей компетенции отвечает за определенные вопросы пребывания иностранных студентов в Китае. В частности, местные органы общественной безопасности ответственны за регистрацию и контроль режима пребывания иностранных граждан в Китае. Пребывание иностранных студентов в Китае регулируется основными законодательными актами: «Законом о въезде и выезде из КНР» 2012 г., «Правилами регулирования въезда и выезда иностранных граждан из КНР» 2013 г. и «Правилами организации пребывания иностранных студентов». С начала периода реформ открытости в политике в отношении пребывания иностранных студентов в Китае произошли значительные перемены, однако законодательство, регулирующее данные вопросы, все еще находится в стадии становления. Новый закон о регулировании въезда и выезда из страны был принят только в 2012 г., а действующие «Правила организации пребывания иностранных студентов» были приняты еще в 1985 г. и во многом не отражают реалии текущего времени.

Специалисты отмечают, что ставка на увеличение численности иностранных студентов приводит к снижению качества иностранных студентов и попустительской политике вузов. Делая упор на привлечение иностранных студентов, вузы не проводят дальнейшей работы с иностранными студентами, что приводит зачастую к низкой посещаемости классов и занятию трудовой деятельностью. Многие студенты осуществляют трудовую деятельность в период своего обучения в Китае, что запрещено законом. Согласно Постановлению о регулировании принятия иностранных студентов высшими учебными заведениями Китая иностранные студенты не могут заниматься трудовой или предпринимательской деятельностью в период своего обучения. Как отмечают китайские официальные лица, про-

блема с большим количеством нарушений иностранными студентами связана с незнанием китайского законодательства.

Согласно данным Министерства общественной безопасности КНР, основная масса зафиксированных случаев нелегальной трудовой деятельности приходится на преподавание иностранного языка и выполнение представительских и посреднических операций для иностранных компаний. И именно на долю иностранных студентов приходится основная масса подобных нарушений.

Согласно официальным данным, 58% дел по преступлениям, совершенным иностранными гражданами, рассмотренных в одном из районных судов Пекина, приходится на иностранных студентов. Более того, количество правонарушений, совершенных иностранными студентами, в Китае имеет стабильную тенденцию роста. В 2008 г. рост составил 50%, в 2009 г. – 33% [9]. Наиболее часто встречаемая проблема – это нарушение сроков пребывания в Китае и невыезд из страны по окончании действия визы. В 2011 г. в Китае зафиксировано 20 тыс. нарушений иностранными гражданами режима въезда, пребывания и выезда из страны [10]. Не считая нелегальных мигрантов, именно среди студентов фиксируется наибольшее количество нарушений, связанных с невыездом из страны. Как правило, многие студенты остаются работать в Китае по окончании срока обучения.

Иностранные студенты в Китае достаточно активны в плане культурной и образовательной деятельности. В Китае существуют организации, объединяющие иностранных студентов, как правило, формирующиеся по национальному признаку (например, Сообщество корейских студентов, Организация африканских студентов и т.д.). Они проводят культурные мероприятия, способствуют популяризации своей культуры в Китае. Данные организации являются не только способом коммуникации студентов между собой, но и взаимодействия с китайским обществом, представления своей культуры и устранения возможной ксенофобии в их отношении. В последние годы в связи с ростом националистических тенденций в китайском обществе возникает все больше негативных проявлений в адрес иностранцев в Китае, и зачастую объектом нападок становятся именно иностранные студенты. Ассоциации не могут оградить, но помогают правильно представить иностранных студентов китайскому обществу.

В целом за последние 20 лет численность иностранных студентов в Китае значительно выросла. По мере ее роста меняется и политика Пекина в отношении зарубежных студентов, упорядочиваются миграционные формальности, усиливается контроль за нелегальной деятельностью, решаются бытовые вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wo guo 2012 nian chuguo liu xuesheng 40 wan ren minglie shijie shouwei* (В 2012 г. 400 тыс. китайских студентов выехали за рубеж на обучение, выведя Китай на первое место по численности студентов за рубежом) // Xinhua net. URL: http://news.xinhuanet.com/gangao/2013-09/12/c_125374719.htm, свободный (дата обращения: 24.06.2013).
2. *Jiaoyubu guanyu yinfa Liuxue Zhongguo jihua tongzhi* (Уведомление Министерства образования о Плате по иностранным студентам в Китае) // Jiaoyubu wang. URL: http://www.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_850/201009/108815.html, свободный (дата обращения: 22.06.2013).
3. *Lai hua liuxue gongzuo jianjie* (Краткая характеристика работы по привлечению иностранных студентов в Китай) // Zhongguo liuxue wang. URL: <http://www.cscse.edu.cn/publish/portal19/tab787/info6062.htm>, свободный (дата обращения: 07.07.2013).
4. *2000–2012 nian quanguo lai hua liuxuesheng jianming tongji* (Краткая статистика численности иностранных студентов в Китае в 2000–2012 гг.) // CAFSA website. URL: <http://www.cafsa.org.cn>, свободный (дата обращения: 03.07.2013).
5. *2012 nian quanguo lai hua liuxuesheng jianming tongji* (Краткая статистика численности иностранных студентов в Китае в 2012 г.) // CAFSA website. URL: <http://www.cafsa.org.cn>, свободный (дата обращения: 03.07.2013).
6. *Tsinghua University Overview* // Tsinghua University website. URL: <http://www.tsinghua.edu.cn/publish/then/5785>, свободный (дата обращения: 03.07.2013).
7. *2009 nian quanguo lai hua liuxuesheng jianming tongji* (Краткая статистика численности иностранных студентов в Китае в 2009 г.) // CAFSA website. URL: <http://www.cafsa.org.cn>, свободный (дата обращения: 03.07.2013).
8. *Zhongguo jiaoyu nianjian 2011* (Образовательный ежегодник Китая за 2011 г.) // Study in China website. URL: http://studyinchina.moe.edu.cn/1_1.aspx?id=200, свободный (дата обращения: 03.07.2013).
9. *Beijing waiguo liu xuesheng fanzui anjian* (Преступления, совершаемые иностранными гражданами в Пекине) // Fazhi ribao. 2009. 01/12.
10. *Guowuyuan guanyu waiguoren ru chu jing ji juliu, jiuye guanli gingzuo qingkuang de baogao* (Отчет Госсовета о работе по регулированию въезда/выезда, пребывания и трудовой деятельности иностранных граждан в Китае) // NPC website. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2012-08/21/content_1736409.htm, свободный (дата обращения: 18.06.2013).

Anokhina Elena S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anokhina.es@yandex.ru

INTERNATIONAL STUDENT IN CHINA AND THE PROBLEMS OF MANAGEMENT OF THEIR SOJOURN IN THE COUNTRY.

Keywords: China; international student; migration policy.

For the past 20 years China has become one of the leading sending students countries in the world. But nowadays Chinese policy has changed and outward student mobility is not the sole priority of the Chinese government. China takes measures in the field of internationalization of high education to become the largest destination for international students in the world. China's current five-year plan for the education sector adopted by Chinese government in 2010 aims for higher education institutes in the country to accommodate around 500 thousand international students by 2020. Chinese government considers growth of the number of international students in China either as the tool for the growth of the revenue of Chinese educational institutions and as the way for popularization of China abroad to foster a greater understanding of Chinese culture and language globally, as the tool for improvement of standards and quality of Chinese education, integration of Chinese educational system to the world educational community. First international students arrived to China in 1950. By 2000 China has attracted over 405 thousand foreign students. In 2000s number of international students in China has been growing by 20–30% steadily. In 2012 over 320 thousand foreign students came to China. 88 thousand scholarships were granted to international students by Chinese government in 2012. Structure of international students enrollment in Chinese universities is the center of attention of Chinese government's policy in the field of internationalization of high education. Despite of significant total number of international students in China majority of them are still enrolled in short-time programs, mostly presented by language courses. Despite of toughening of conditions of the Chinese visa system China is making a name as a place of studying for international students. Rapid development of China, significant growth of Chinese economy, China's integration into the world economy provides opportunities to establish business or interact with Chinese partners. It is the reason of the rapid rise in popularity of studying in China. Ministry of Public Security of the PRC and Ministry of Education of the PRC are in charge of control of international students stay and residence in China. Local authorities of public security are in charge of registration of foreign students and control of their stay in China. Commonly encountered problem handled by offices of public security is the breach of length of staying in China by international students.

REFERENCES

1. *Wo guo 2012 nian chuguo liu xuesheng 40 wan ren minglie shijie shouwei*. Available at: http://news.xinhuanet.com/gangao/2013-09/12/c_125374719.htm. (Accessed: 24th June 2013). (In Chinese).
2. *Jiaoyubu guanyu yinfa Liuxue Zhongguo jihua tongzhi*. Available at: http://www.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_850/201009/108815.html. (Accessed: 22th June 2013). (In Chinese).
3. *Lai hua liuxue gongzuo jianjie*. Available at: <http://www.cscse.edu.cn/publish/portal19/tab787/info6062.htm>. (Accessed: 7th July 2013). (In Chinese).
4. *2000–2012 nian quanguo lai hua liuxuesheng jianming tongji*. Available at: <http://www.cafsa.org.cn>. (Accessed: 3rd July 2013). (In Chinese).
5. *2012 nian quanguo lai hua liuxuesheng jianming tongji*. Available at: <http://www.cafsa.org.cn>. (Accessed: 3rd July 2013). (In Chinese).
6. *Tsinghua University Overview*. Available at: <http://www.tsinghua.edu.cn/publish/then/5785>. (Accessed: 3rd July 2013). (In Chinese).
7. *2009 nian quanguo lai hua liuxuesheng jianming tongji*. Available at: <http://www.cafsa.org.cn>. (Accessed: 3rd July 2013). (In Chinese).
8. *Zhongguo jiaoyu nianjian 2011*. Available at: http://studyinchina.moe.edu.cn/1_1.aspx?id=200. (Accessed: 3rd July 2013). (In Chinese).
9. *Beijing waiguo liu xuesheng fanzui anjian*. *Fazhi ribao*, 2009, 1st January 2012.
10. *Guowuyuan guanyu waiguoren ru chu jing ji juliu, jiuye guanli gingzuo qingkuang de baogao*. Available at: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2012-08/21/content_1736409.htm. (Accessed: 18th June 2013). (In Chinese).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

УДК 94(55/56)=512.3

И.И. Дрёмов

КАЛМАКИ ВОСТОЧНОГО ДЕШТ-И-КИПЧАКА В РУССКИХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ XV–XVI вв.

В настоящее время считается, что название «калмыки» относилось к ойратам, пришедшим на территорию современного Казахстана в начале XVII в. Однако, как показывает анализ русских и западноевропейских свидетельств, не позднее, чем с XV в., т.е. до начала продвижения на запад ойратов, в Московской Руси и в Западной Европе знали о калмаках, причем не только от татар и ногаев, но и в результате непосредственных контактов. Это свидетельствует, что калмаки были связаны с Русью. Калмаки играли значительную роль в политической жизни государственных образований на территории Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири задолго до прихода сюда ойратов. Можно предположить, что регион распространения ойрат-калмыков имел более широкую территорию, чем принято считать. Кроме Западной Монголии и Джунгарии, в XV–XVI вв. их кочевья охватывали также среднеазиатские, казахстанские и южносибирские степи.

Ключевые слова: калмаки; ойраты; Дешт-и-Кипчак; XV–XVI вв.; Южная Сибирь.

В настоящее время в калмыковедении не рассматривается проблема происхождения волжских калмыков, так как не возникает сомнений, что предками калмыков были ойраты, продвинувшиеся в конце XVI в. к южным рубежам Западной Сибири, а в начале XVII в. вступившие там в контакт с первыми русскими переселенцами. Эта версия событий о встрече на юге Западной Сибири двух встречных миграционных волн (русских – с запада и ойрат-калмыков – с востока) настолько основательно подтверждается многочисленными источниками, как русскими, так и ойрат-калмыцкими, что подвергать её проверке никогда не было необходимости.

В первых свидетельствах об ойратах русские документы начала XVII в. обычно называли их калмаками. Примерно с середины XVII в. и позднее появилась градация на чёрных, белых, жёлтых, горных, волжских калмыков. Иногда употреблялся и термин «ойраты». В русских источниках XVII в. нет стабильности в употреблении названий «калмаки», «калмыки» и «ойраты». В.Л. Котвич, например, констатируя неразбериху в содержании ойратских и калмыцких документов в архивах Москвы, предлагал принять за условную границу 1645 г., до которого следовало считать документы ойратскими, а более поздние – калмыцкими [1. С. 1211]. В данной работе термин «калмаки» относится к народности, фигурировавшей в нарративных источниках до XVII в. и проживавшей к западу от Алтая и Джунгарии; калмыки – этнос, сформировавшийся в XVII в. преимущественно на Волге; ойраты – западно-монгольские племена XIV–XVII вв. (вне зависимости от их связи с ойратами XII–XIII вв. ранних хроник Рашид ад-Дина).

Единичные упоминания о калмаках Дешт-и-Кипчака более раннего времени, чем рубеж XVI–XVII вв., объяснялись либо их эпизодическими продвижениями на запад [2. С. 39–40], либо наименованием так кочевых татар [3. С. 398–399]. И.Я. Златкин в

написанном им разделе «Очерков по истории Калмыцкой АССР» приводил три свидетельства из восточных источников, опубликованных В.Г. Тизенгаузеном, говорящие о калмаках Дешт-и-Кипчака до прихода сюда ойратов, т.е. до начала XVII в. [4. С. 55–65]. Он писал, что название «калмык» связано с процессом исламизации Золотой Орды в первой половине XIV в. По словам И.Я. Златкина, калмыками «стали именовать тех, кто отказался присоединиться к исламу, остался верным старым религиозным верованиям, не захотел переселяться в Среднюю Азию и остался кочевать в степях Нижней Волги и Дешт-и-Кипчака». И.Я. Златкин считал, что часть монголо- и тюркоязычного населения Золотой Орды, не принявшая мусульманство, получила у правоверных последователей ислама название «калмык» в смысле «обреченный оставаться», «оставшийся», «отступник» и т.п. «Но все это не может объяснить нам, почему указанное название было тюркоязычными соседями перенесено и на ойратов, обитавших в Западной Монголии и Джунгарии, не имевших никакого отношения к Золотой Орде, и, в частности, на ту часть ойратов, которая в XVI–XVII вв. переселилась в низовья Волги» [4. С. 56].

Однако данное высказывание И.Я. Златкина о происхождении калмыков (калмаков) в недрах Золотой Орды в Дешт-и-Кипчаке не получило развития и является исключением в историографии вопроса о генезисе калмыцкого этноса. Как в дальнейшей части «Очерков...», так и в других исследованиях, включая последнее обобщающее издание «История Калмыкии с древнейших времён до наших дней» (2009 г.), концепция об ойратской основе происхождения калмыцкого народа не ставится под сомнение и является аксиомой. Проблема заключается в том, что все калмыцкие и монгольские источники, несомненно, указывают на происхождение волжских калмыков от ойратов Монголии и Западного Китая, а название «калмаки» существовало в тюркоязычной среде далеко к

западу от места обитания ойратов и применялось к ним западными народами [5. С. 9].

До настоящего времени не существует обобщающего исследования, посвящённого сбору и анализу известий о калмаках Дешт-и-Кипчака до прихода сюда ойратов в начале XVII в., так как считается, что калмаками называли ойратов тюркоязычные народы, а вслед за ними и русские. Собственно калмакских письменных источников не сохранилось. Калмыцкий фольклор всегда рассматривается в ракурсе ойратской истории. Нет ни одного сколько-нибудь цельного повествования о калмаках Дешт-и-Кипчака, сделанного представителями окружающих народов. Отдельные упоминания о данных племенах кочевников рассеяны в многочисленных разноплановых источниках на тюркских, иранских, старых западноевропейских и русском языках. В.Г. Тизенгаузен писал, что недостаток письменных свидетельств, происходящих из самой Золотой Орды, в значительной мере восполняется данными источников, происходящих из окружающих стран. «Понятно, какие трудности для историков создает такое многообразие источников. Навряд ли может найти историк, который мог бы в подлиннике изучить и русские, и западные, и восточные источники примерно на 12 языках» [6. С. 2]. Однако расширение круга сведений, переведённых и опубликованных за последние десятилетия и ставших доступными для исследователей, позволяет рассматривать историю калмаков в Средней Азии и на северо-востоке Дешт-и-Кипчака до прихода сюда ойратских родов как историю самостоятельного этноса, а не историю эпизодических продвижений сюда западно-монгольских (ойратских) племён.

До последнего времени самым ранним упоминанием калмаков в русских источниках считался указ Ивана Грозного от 30 мая 1574 г., приведённый в Строгановской летописи по Толстовскому списку: «А когда станут в те крепости (уральские. – *И.Д.*) приходить к Якову и Григорию торговые люди бухарцы и калмыки и казанские орды и иных земель с какими товары, и у них торговати повольно беспоплино» [7. С. 54]. Этот документ требует некоторых комментариев. В летописи, как справедливо указано в примечаниях, ошибочно написано «казанские орды». В этой же летописи по Спасскому списку сказано: «...торговые люди Бухарцы и Казакские орды и иных земель...» [Там же. С. 7]. Здесь присутствует не случайный перечень народов, с которыми предписывается торговать, а давно сложившийся торговый путь от Бухары через казахские и калмацкие земли и далее через Сибирь (Южный Урал) в Московскую Русь. Возникает вопрос: каких калмаков имел в виду Иван Грозный? Если ойратов, о которых теоретически москвиты могли узнать от бухарцев или казахов, соприкасавшихся с ойрат-калмаками на юго-восточных рубежах, то какой же мог быть смысл в указе о торговле с народом, с которым русские ещё даже не встретились? Первая встреча с послами Хо-Урлюка произойдёт лишь через 32 года, и не на Урале, а далеко

на востоке – на Иртыше. Очевидно, в указе имелись в виду калмаки Дешт-и-Кипчака. С освоением Пермского края открывались новые торговые пути на Бухару через горы Мугоджары. Путь из Казани в Бухару через Мугоджары был освоен ещё во времена Казанского ханства или даже Великой Булгарии [8. С. 72]. Дорога эта проходила через земли калмаков и казахов, поэтому в указе казакская орда, калмыки и бухарцы связаны. Строгановы начинали осваивать новые для Московской Руси земли Пермского края в Предуралье, калмаки находились к югу от Уральских гор – на полпути от Пермского края до Бухары. Поэтому они и упоминаются вместе в одном документе.

После выхода в свет в 2002 г. грандиозной по объёму и материалу монографии В.В. Трепавлова «История Ногайской орды» в поле зрения исследователей попали многие не привлекавшиеся ранее документы, в том числе истории калмыков [9]. До недавнего времени самыми ранними упоминаниями о калмыках в русских источниках считались сведения 1570–1590-х гг. «Сибирских летописей». В них говорится о появлениях калмацких кочевий в верховьях рек Ишима и Оми, что, по мнению И.Я. Златкина, отражало факт начала отколёвки ойратов из Джунгарии [10. С. 75]. В 1556 г. ногайский бий Шейх-Мамай, основатель Алтыульской орды, которая занимала восточный форпост ногайских владений, извещал Ивана IV об отражении нападения калмаков. В 1560 г. уже астраханские стрельцы встретили и пленили «калматских людей многих» в районе Сарайчука, т.е. в низовьях Яика [11. С. 372]. По мнению В.И. Колесника, эти факты «свидетельствуют, что появление калмыков в России, если понимать его как первый шаг на пути, завершившемся на Волге, следует датировать, по крайней мере, серединой XVI в.» [2. С. 39–40]. Он отмечает, что «хотя обычной задачей детей Шейх-Мамая, которая была, в частности, подтверждена в 1578 г. на «коронационном» съезде ногайской знати бием Урусом, являлось «стояти против колмаков», ойраты во второй половине XVI в. только изредка, эпизодически появлялись в пределах ногайских кочевий. Постоянно же ойраты обитали к западу от Монгольского Алтая, т.е. в Западной Монголии и Джунгарии» [Там же].

Отметим, что ногайская Алтыульская орда кочевала к востоку от Яика в пределах р. Эмба, а ойрат-калмыки, по всем известным источникам, находились очень далеко к востоку. Возникает сомнение: были ли калмыки, угрожавшие Алтыульской орде ногаев, теми ойратами, которые впоследствии продвинулись на запад и стали поволжскими калмыками?

В 1535 г. до г. Сарайчук (в южном течении Яика) дошли известия, что калмаки «передались» казахам. Поэтому мирзы, которым было определено кочевать в левом (т.е. в восточном) крыле, всю зиму простояли «в заставе за Яиком, на реке на Еме» (Эмбе) в ожидании нападения [10. С. 326]. Отметим, что калмаки не просто вошли в союз с казахами, а «передались» им. До

конца XV в. калмаки находились в союзе с ногаями или даже в некоторой зависимости от них, затем были в союзе с Шейбанидами, а теперь переметнулись к казахам и тем самым предали прежних союзников. Поэтому с 1530-х гг. угроза со стороны казахов и калмаков становится для ногаев постоянной проблемой, а не ожидаемой угрозой будущего. При этом калмаки обладали самостоятельностью и представляли для ногаев определённую опасность.

В 1530-х гг. ойраты, которых, как принято считать, ногаи и татары, а от них и русские, называли калмаками, находились ещё далеко к востоку от Урала за пределами Казахстана. В это время они были заняты борьбой с восточными монголами, в которой решалась их дальнейшая судьба. Была ли у них возможность не только осуществлять, но и замысливать дальние походы на запад через территории далеко не родственных им народов? Ойраты до середины XVI в. ещё не перевалили через Алтай и находились в Монголии. Лишь после 1552 г. они оказались на Чёрном Иртыше и приблизились к озеру Зайсан и Средней Азии. Как они могли объединиться с казахами за 20 лет до того, как подошли к их границам? Как могли представлять угрозу ещё более западным ногаям? Причём речь в ногайском документе идёт, бесспорно, об опасности со стороны известного и организованного неприятеля, а не о набеге разбойников.

Тем не менее о калмаках на Руси знали не понаслышке от татар, казахов и ногаев задолго до личных встреч с ойратскими посольствами в начале XVII в. Имя Калмак или Колмак в русских землях издавна имело широкое распространение. В «Ономастиконе» академика С.Б. Веселовского значатся: «Калмак, поп, 1545 г., Новгород; Калмак Власьев, помещик, 1568 г., Ярославль; Федор Иванович Колмак Овцын, XVI в.; Петр и Исаак Колмаковы, 1564 г., Олонец; Колмак и Неустрой Борисовичи Обрютины, 1568 г., Ярославль; Колмак и Домачной (Домачний) Михайловичи Васьковы, 1568 г., Ярославль» [13. С. 123]. Из данного списка видно, что антропонимы «Калмак» и «Колмак» обычно являлись именами или прозвищами, указывающими на этническое происхождение. Это неканоническое имя встречалось даже среди помещиков, бояр и духовенства: «Иван Колмак Ондреев сын Хорламова, помещик в Черенчицком погосте, 1539; Колмак Иванов сын Старков, боярский сын в Твери, 1585 [14. С. 222]. О Колмаке Иванове сыне Старкова в писцовой книге конца XVI в. Тверской губернии говорится, что он никому не служит — ни царю, ни князю [15. С. 234]. В списке опричников Ивана Грозного 1573 г. имеется Иван Колмак [16. С. 321]. В русских дипломатических документах сохранились дела по освобождению из плена рязанских казаков *Колмака* и *Ширяя*, выполнявших царскую миссию в 1560-х гг. [17. С. 155]. На Рязанщине фамилия Калмаков и Колмаков сохранялась и в начале XVII в. до начала постоянного расселения ойратов на Волге: «Колмаков Мишка Микитин сд. Глубокое на речке Глубокой, крестьянин

1628/29; Калмаков Ивашка Филиппов с. Олешна, Ефаново на речке Олешне, бобыль 1628/29» [18. С. 76]. Очевидно, что антропонимы «Калмак», встречающиеся в документах русской глубинки начала XVII в., также относились не к ойратам, а к оказавшимся в русских землях потомкам калмаков, соседствовавших с Московией задолго до появления на её границах ойратов. В списках расходов Кирилло-Белозерского монастыря в 1603–1606 гг. упоминаются Колмак Колкацкий и Никифор Колмак [19. С. 78]. В грамоте кольского воеводы В.Т. Жемчужникова к варгавскому державцу Клаусу Гагге от 7 июля 1613 г. говорится о Микифоре Колмакове, выполнявшем правительственные поручения на территориях, смежных с датским королевством [20. С. 423].

В сборниках Софийской библиотеки находится текст, датируемый 1506 и 1523 гг., содержащий перечень «татарских» земель, окружающих Каспийское море: «Татарским землям имена: Самархант, Чагадаие, Хорусани, Голустани, Китай, Синяя орда, Шираз, Испаган, Орначь, Гилян, Сизь, Шарбан, Шамахи, Савас, Арзуноум, Телфизи, Тевриз, Гурзустан, Обези, Гоурзии, Багдат, Темиркабы, рекше Железная врата, Орда Большая, Крым, Васьторокан, Сарай, Азов, *Калмакы*, Ногаи, Шибаны, Казань» [21. С. 253–256]. До слов «Орда Большая» этот список полностью повторяет перечень завоёванных Тамерланом стран из «Повести о Тимур-Аксаке» начала XV в., в который земли «Большой Орды» не включались. Автор начала XVI в., как видно из списка, «Калмакы», т.е. территорию расселения калмаков, включил в перечень татарских земель Большой Орды наряду с Крымом, Астраханью (Астраханским ханством), Сараем, Азовом, Ногаями (Ногайской Ордой), Шибанами (территорией Узбекистана) и Казанью (Казанским ханством).

В «Книге Большому Чертежу», переписанной в 1627 г. с оригинала, который «сделан был давно, при прежних государях», указано, что «промеж реки Кендерлик и реки Сарысу, козатская кочевая орда, да колмыки» [22. С. 28, 217]. Здесь указывается точное место кочевий калмаков в Казахском мелкосопочнике к северу от Аральского моря и к югу от Западной Сибири, откуда калмаки могли реально угрожать Ногайской орде в XVI в.

На ещё более западное место обитания калмаков середины XVI в. указывал Антоний Дженкинсон, который в качестве агента английской Московской компании пытался в 1558 г. добраться из Москвы через Астрахань и Бухару в Китай: «21-го мы прошли мимо бухты в 6 лиг шириной и поравнялись с косой, на юго-восточной стороне которой было два острова, очень заметные с моря; за этой косой берег уклонялся к с.-в., образуя другую бухту, в которую впадает большая река Эмба (Уем), берущая начало в стране *калмыков*» [23. С. 175]. А. Дженкинсон рассказывает о кочевых татарах, туркменах, казахах и многих других встретившихся народах, не смешивая с ними калмыков. Следовательно, калмаки северо-западного Казахстана в его по-

нимании – это особый самостоятельный этнос [24. С. 215; 16. С. 52–54].

За 20 лет до А. Дженкинсона на карте, опубликованной в 1537 г., Антоний Вид разместил калмаков там же, к северо-востоку от дельты Волги. Он не оставил описания, но исследователи его наследия обратили внимание, что на карте А. Вида около подписи «Kalmucky» говорится, что они носят длинные волосы. Антоний Вид, как считается, тоже занимался не компиляцией при составлении карты, а пользовался своими источниками. Известно, например, его пояснение: «При этом труде оказал нам значительное содействие благородный господин Иоганнес Ятцкий (вероятно, боярин, окольничий Иван Ляцкий), который еще несколько лет тому назад был одним из Московских вельмож и бежал к королю польскому, когда, после смерти великого князя Василия, вспыхнуло восстание» (1534 г.) [25. С. 4].

Незадолго до этого в 1517 и 1526 гг. Московию посещал немецкий путешественник Сигизмунд Герберштейн. Он сообщал, что татары представляют собой множество племён, далеко отстоящих друг от друга, и «это (общее) имя они носят только по их вере» [26. С. 166]. Он показывал расстояния и направления до царя Ургенча, хана Моголистана, указывал, где живут тюменские татары и т.д. С. Герберштейн обстоятельно описал быт и обычаи татар разных территорий, одежду, внешний вид, утварь, обмундирование. После описания татар Пермского края он говорит, что «другие татары живут за рекой Ра; [так как] только они (среди татар) отращивают волосы, их называют *калмуками* (Kalmuchi)» [Там же. С. 182].

Н.Н. Пальмов, разбирая сообщение Герберштейна о калмаках, считал, что «из этого сочинения видно, что тот же термин «калмыки» издавна прилагался к татарам, кочевавшим за Волгой и такая кличка дана была им их сибирскими сородичами по манере носить длинные волосы, тогда как все прочие татары брили голову... Манера отращивать волосы служила, в глазах сибирских татар, признаком культурной отсталости, – такой, очевидно, смысл заключался в слове «калмыки», когда шла речь о завожских татарах». По мнению Н.Н. Пальмова, тем же прозвищем «калмыки», закрепившимся за завожскими татарами, впоследствии были названы и выходцы из Джунгарии – ойраты. После этого «термин “калмыки” получил официальное значение, имея определенный смысл: “калмыки” – это выходцы из западной Монголии, ойраты» [3. С. 398–399]. Однако, как видно из описаний А. Дженкинсона, «калмаки» и завожские татары – это разные народы, так как при описании кочевых татар англичанин не называет последних калмыками. Из сообщений европейских авторов становится понятно, что термин «татары» у русских имел самое широкое значение. Это отмечал В.В. Бартольд: «Русские всегда продолжали называть население Золотой Орды татарами, как в то время, когда государственным языком был монгольский, так и

после отуречивания всей страны» [24. С. 143]. Калмыцкими татарами продолжали называть и волжских калмыков в XVII–XVIII вв., например Эвлия Челеби, Адам Олеарий и др.

Обозначены калмаки и на других западноевропейских картах XVI в., например на карте С. Мюнстера, изданной в 1544 г. Здесь также калмаки нанесены на карту между Волгой и Иртышом ещё до 1552 г., когда они продолжали главенствовать в Монголии, и за полстолетия до начала продвижения ойратов к Западной Сибири [25. С. 7]. На карте Европы, составленной Г. Меркатором в 1544 г., калмыцкие татары (kalmucki tartari) нанесены северо-восточнее ногайских татар (nagai tartari), рядом с казаками татарами (kasakki tartari), к востоку от Волги и Яика, к северу от Каспия, на месте Мугоджар. На карте Йодокуса Хондиуса 1606 г. далеко на севере, близ океана, к востоку от Югории обозначены колмаки (Colmak), а к востоку от Волги и Яика в верховьях Эмбы показаны калмыцкие татары (Kalmucki Tartari) и они же ещё восточнее. На карте Г. Герритса 1613 г. калмаки (kalmucki) отмечены на северном побережье Каспийского моря, к востоку от р. Яик, рядом с туркменами [Там же. С. 2–56].

До публикации труда С. Герберштейна Матвей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях», изданном в 1521 г., разделял татар на перекопских, казанских, ногайских и завожских. О завожских он писал: «Каспийское море русские зовут Хваленское море... У этого моря и дальше к востоку, по словам русских, живут длинноволосые татары. Другие татары называют их калмуками, или язычниками, так как они не соблюдают обряда магометова и не бреют головы, как все татары, у которых только юноши не выбривают головы до конца, оставляя две пряди волос, спускающиеся от правого и от левого уха к плечу как признак неженатого или девственника» [27. С. 62]. Трактат М. Меховского был написан на основе рассказов поляков и других иностранцев, побывавших в Московии, а также русских людей, приезжавших в Польшу. Основными информаторами М. Меховскому послужили русские военнопленные около 1517 г. [28. С. 47–67]. Почти за 100 лет до первой встречи русских с ойратами москвиты были хорошо информированы о калмаках.

На карте Фра Мауро 1459 г. на р. Итиль в районе современных городов Камышин или Саратов имеется надпись «scalmuzi saga». Имеются варианты идентификации этого названия с Сараем или Камышиным [29. С. 311–318], но, возможно, это самое раннее отображение названия калмаков на картах и в европейских источниках («калмацкий дворец» или «калмаки жёлтые»?).

В 1474–1475 гг. в Астрахани побывал венецианский дипломат и писатель Амброджио Контарини, о чём оставил подробное описание. Рассказывая о татарах, он сообщил, что они бреют голову и оставляют две пряди волос. «Это племя кочует постоянно, как выше объяснено, между Волгою и Танаисом; но есть, говорят, ещё

другое племя, живущее за Волгою, далее к северо-востоку. Оно отличается длинными волосами, висящими до самого пояса, и носит название диких Татар. Племя это, переходя, как и все другие, с места на место и отыскивая свежих пажитей и воды, иногда, во время большой стужи и морозов, доходит до самой Цитрахани, но не причиняет жителям ни малейшего вреда» [30. С. 98–99]. Определение «дикие» может быть связано с тюркской этимологией названия «калмаки» в значении «отсталые». Их название не сообщается, но речь, очевидно, идёт о калмаках, которые, в отличие от бритых татар, носили длинные волосы.

Через 5 лет после посещения Контарини Астрахани калмаки принимали участие в знаменитом «стоянии» на р. Угра. В это время астраханскими землями ведал мангыт Тимур-бек, к которому могли приходить описываемые Контарини дикие татары с длинными волосами.

Фактически, в настоящее время самое раннее известное упоминание калмаков в русских летописях относится к 1480 г. Это почти на 100 лет древнее указа Ивана Грозного Строгановым, который до последнего времени считался самым ранним свидетельством русских документов, и на 126 лет раньше первой встречи русских с ойратами Хо-Урлюка. В «Лихачевском летописце» (ок. 1487 г.), рассказывающем о стоянии на реке Угре, о противнике русских хане Ахмате говорится: «...со царем братаничь его царь Касим, да 6 сынов царевых, и бесчисленное множество татар с ними, и *колмаки*, тогда бо бе той окаянный царь и тех за себе привел» [31. С. 45]. Лихачёвский летописец является автором одной из самых ранних Великокняжеских летописей. Она написана по свежим воспоминаниям о событии, поэтому здесь имеется деталь, которая в более поздних летописях опущена – наличие в составе татарского войска калмаков. Ойраты в 1480 г. попасть на Угру из Монголии или Китая, разумеется, не могли, но можно попытаться определить, как там оказались калмаки.

Хан Ахмед привёл с собой 6 сыновей и племянника (в летописи братанича) Касима с войсками. Как показывают исследования В.В. Вельяминова-Зернова, Касим происходил из джучидского рода. Он являлся внуком хана Золотой Орды Тимур-Кутлука, владел Астраханью и управлял ногайскими территориями. По сведениям автора начала XVII в. Кадырали-бека, Касим-хан скончался в г. Сарайчуке: «там и поныне находится его гробница» [6. С. 163]. В войске Касима, как установил В.В. Вельяминов-Зернов, видное место занимал полководец, которого Хондемир, иранский автор «Шейбани-намэ» начала XVI в., называл мангытом Тимур-беком. В.В. Вельяминов-Зернов отмечал: «По всей вероятности, этот Касим, владевший Астраханью, был тот самый Кайсым (Касым) солтан, который в 1466 г. под Астраханью ждал проезда нашего путешественника Афанасия Никитина с целью ограбить его, и тот самый Касим (Cassimi sun), которого Контарини в 1476 г. застал владельцем Астраханским» [11. Т. 2. С. 238–239].

Что касается Тимур-бека, Камал ад-Дин Али Винаи в «Книге Шайбани-намэ» начала XVI в. называл Тимур-бека эмиром эмиров Касим-хана [11. С. 100]. Махмуд бен Эмир-Вали говорил, что Тимур-бек «был [одним] из наиболее великих и уважаемых его [людей]» [Там же. С. 362]. В.В. Трепавлов писал, что обстоятельства начала карьеры Тимура неизвестны. Он выходец из Дешт-и Кипчака. В 1564 г. внук Тимур-бека вспоминал, что после каких-то невзгод, случившихся в кочевой орде, его дед поехал служить к астраханскому царю, т.е. к Касим бен Махмуду бен Кучук Мухаммеду. В 1660-х гг. шейбанидские хроники, действительно, фиксируют его местонахождение в Астрахани. В.В. Трепавлов предположил, что Тимур-бек принял участие в конфликте между сыновьями Шейбани и с сыном последнего Махмудом откочевал к Хаджи-Тархану (Астрахань). Таким образом, он оказался у истоков создания Астраханского ханства. Здесь он занял уже обычную для Едигеевича должность беклербека и являлся «одним из наиболее великих и уважаемых» (по Махмуд бен Эмир-Вали) [9. С. 120]. К концу 1470-х гг. Тимур стал самой высокопоставленной фигурой в окружении правителя Астрахани Касима. Через некоторое время Тимур-бек решил сменить юрт и, покинув Астрахань, обосновался при хане Золотой Орды Ахмеде, получив при этом титул «великого князя». В 1470 г. польско-литовский король Казимир IV направил в Орду посольство с планом удара по Руси с двух сторон. При этом король «многие дары принес к нему (хану Ахмеду. – В.Т.), тако же и ко князем его, к Темирю и к прочим, от короля» [Там же. С. 121].

Как отмечал В.В. Трепавлов, ордынский беклербек (улуг бек) и московские государи занимали приблизительно равное иерархическое положение. Племянник Тимур-бека Муса-бий напоминал впоследствии в грамоте к Ивану III, что «...дядя мой Темир князь с тобою друг и брат был». Из документов известно, что Тимур-бек называл великого князя Московского Ивана III младшим братом, а тот его старшим братом, а иногда и отцом. Возможно, что именно Тимур бен Мансур был инициатором похода на Русь в 1480 г. О дальнейшем напоминал В.В. Трепавлов: «Бесславный конец этого предприятия, как и неудача союза Орды с поляками, общеизвестны. Что происходило с Тимур-беком после отхода с Угры? Польский хронист М. Стрыйковский утверждает, что хан отступил от русской границы по совету своего беклербека; более того, Тимур же позднее и прикончил-де Ахмеда» [9. С. 123]. Это сообщение, правда, подвергается исследователями сомнению, но известно, что Тимур-бек в 1481 г., прихватив с собой детей Ахмеда, направился к хану Менгли-Гирею в Крым, где был принят с большим почётом. Через несколько лет он вернулся в Большую Орду и занял свой прежний высокий пост. После 1485 г. улус Тимура уже находился в Приднепровских степях, где он кочевал со своими мангытами. Там же находилась и его ставка беклербека.

Участие калмаков в стоянии на Угре и их связь с Тимур-беком, находившимся в 1475 г. в Астрахани, подтверждает, что слова Контарини о других – диких татарах-язычниках, которые носят длинные волосы, прикочёвывают к Астрахани, но никакого вреда местным жителям не причиняют, – относятся именно к калмакам. Им было к кому навещаться в Астрахань в это время. Они являлись ближайшими союзниками Тимур-бека и его мангытов, а тот являлся «эмир-ель-умерою» левого – восточного крыла армии и беклербеком – главнокомандующим всей армией Золотой Орды.

Следовательно, мангыт Тимур-бек привёл в 1480 г. на р. Угра, кроме соплеменников мангытов, также и подвластных ему калмаков. Мангыты к этому времени были тюркоязычными мусульманами, поэтому в глазах русских летописцев, очевидно, они были татарами. А калмаки отмечены как другой народ. Следовательно, на Угре стояли объединённые войска татар, естественной частью которых были мангыты-ногайцы, и калмаков, которых всех вместе взятых остальные русские летописи, повествующие об этом событии после Лихачёвской, равно как и Контарини, называли одним словом – «татары».

В связи с тем что территория кочевий калмаков по западноевропейским и русским источникам очерчивается с запада на восток, как минимум от верховий р. Эмба до центральной части Казахского мелкосопочника, можно иначе взглянуть на первые упоминания о них в сибирских летописях конца XVI – начала XVII в.

В Есиповской летописи, датируемой 1636 г., в описании Сибири времён её завоевания Ермаком перечисляются основные сибирские реки – Тура, Тагил, Ница, Иртыш и Обь. В перечне народов, проживающих на этих реках, говорится о татарах, калмыках, мугалах, пегой орде, остяках, самоедах и прочих язычниках [7. С. 60, 111, 179, 242, 261]. Калмыки объединены с этносами, постоянно проживающими здесь, а не упомянуты как вновь появившиеся или совершающие набеги. В более поздней Ремезовской летописи второй половины XVII в. также описание Сибири основано на ранних источниках. Здесь говорится о Ермаке, будто он «слышал от многих Чюсовлян», что «по степи Калмыки, Мунгалы и Казачья орда ездят на верблюдах, а кормятся скотом» [Там же. С. 316]. Ермак, потерпев поражение в схватке с татарами в устье р. Ишим, едет на окраину владений Кучума, где находится городок Кулары, выполняющий функции пограничной крепости от калмаков [Там же. С. 342]. И.Я. Златкин в главе, рассказывающей о начале передвижения ойратов на запад, обратил внимание на то, что эти калмыцкие «кочевья оказываются отделенными от основных районов Монголии территорией, на которой обитали племена и народы Южной Сибири и Алтая, что едва ли было бы возможным в нормальных условиях» [10. С. 118]. Очевидно, что низовья Ишима, расположенные в лесостепной зоне к западу от Иртыша и в сотнях километров к северу от Сары-Арки, не могли граничить с ойратами,

жившими в это время ещё в Монголии. Упомянутые укрепления Кулары и Ташаткан строились для защиты не от них, а от постоянно живших по соседству местных калмыков.

И.Я. Златкин, говоря о появлении первых ойратов в Сибири, приводит рассказ из летописи, рассказывающий о нападении в 1582 г. остяков и вогуличей на царя Кучума, который «не веде, где от них детися, и побеже в колмацкия улусы и бегая подсмотри тамо конские стада и отгна... калмаки же ощутиша его и погнаша в след его и кони свои отполониша; он же едва у них утече и оттоле бежав в Нагайскую землю» (цит. по: [10. С. 116]). К каким калмыкам бежал Кучум? Если на юг, тогда как он мог от них попасть в Ногайскую землю, минуя всю территорию современного Казахстана, на которой располагалось мощное Казахское ханство? Вероятно, что бежал он не на юг искать убежища в чужих землях, где вдруг занялся конокрадством, а на запад, по пограничным территориям своего Сибирского ханства и калмыков Дешт-и-Кипчака. Запав от быстрого бега своих лошадей, Кучум позаимствовал коней у калмаков, а далее он бежал в ногайские земли, которые в это время включали территорию современной Башкирии и часть Западной Сибири.

В 1591 г., как сообщает Ремезовская летопись, потерпев поражение от русских, Кучум действительно бежал на юг в степи близ Ишима, где воевода Масальский-Кольцов полонил его сына и двух жен. «Кучум же от убийства с прочими не со многими Татарами и з жёнами и з детьми своими от неначаяния рати русской утече на калмытской рубеж, на вершины рек Ишима и Нор-Ишима, Оши и Камышлова» [7. С. 351]. Сам Кучум спасся и пытался мстить, но в 1598 г. опять был разгромлен и «не со многими людьми убежа... к вершинам Иртышу реки на озеро Зайсан-Нор и похитил у калмыков коней многое число, и побежа на иное место со своими. Калмыки же гнаша во след его и достигоша на Нор-Ишиме у озера Кургальчина и ту многих кучюмлян побиша и коней свои стада отъяша... Кучум же убежа от них с малыми людьми в Нагайскую землю житии и кормитца нищетою». Ногаи же, посовещавшись, убили его [Там же. С. 352]. Характерно, что в последнем случае он опять бежит сначала на юг, потом на запад в сторону ногаев – противников калмыков.

В царской грамоте от 1 января 1597 г. рассказывается про бой «Кучюмовых людей с колматцкими людьми на оз. Иссык-Куль «за то, что колматцкие люди хотели от Кучюма царя отъехати прочь». При этом автор донесения оправдывается, что не может назвать имён участников описываемых событий: «...на том де их бою убили у Кучюма царя 3 человек, а кого именем убили и того сказать не ведает» [32. С. 298]. Даже на оз. Иссык-Куль, далеко к югу от оз. Зайсан и оз. Балхаш, у людей Кучума бой не с ойратами, а с теми 30 калмаками, которые составляли в его войске отряд, но хотели «отъехать». И здесь Кучуму не повезло. Его люди погибли, а калмаки уехали своей дорогой. Из

восточных источников известно, что калмаки с начала XVI в. по 1535 г. были в союзе с Шейбанидами. Как видно из документов, иногда они оказывались союзниками Кучума, а в дальнейшем калмаки не всегда представляли угрозу для сибирского хана, но служили в его войске и, как отмечал В.М. Витевский, «были постоянными союзниками детей и внуков Кучума» [33. С. 498]. Известно, что калмаки в 1570-х гг. были и в войске среднеазиатского Баба-султана. Надо полагать, что калмаки вели более свободный образ жизни, чем находившиеся в феодальной зависимости ойраты, которые не могли бы служить чужому правителю.

Представляется, что получает объяснение один загадочный факт из истории русско-казахской дипломатии: почему Иван IV называл казахского хана Тевекеля «царём казахским и калмацким»? В 1582 г. калмаки Сары-Арки (Казахский мелкосопочник) потерпели поражение от бухарского хана Абдуллы и казахского султана Тевекеля, после чего попали в зависимость от Тевекеля и стали его данниками. Об этом мы знаем из рукописи Хафиз-и-Таныша «Абдулла-намэ», опубликованной В.В. Вельяминовым-Зерновым [11. С. 302–304], из надписи на скале в Джизакском (Джиланутинском) ущелье, в горах Памира между Самаркандом и Ташкентом [24. С. 220], из труда Мухаммед Юсуф Монша, цитируемого Г.Е. Грумм-Гржимайло [34. С. 234]. Сражение, принесшее победу Тевекелю, происходило в горах Улуг-тау (Улутау), на реках Сыр-Дарья, Сарысу и Кендерлик близ «могилы Джучи-хана» и вплоть до притоков р. Ишим. Здесь же помещает калмаков и «Книга Большому Чертежу», созданная во второй половине XVI и не позже начала XVII в. Следовательно, 5 независимых источников свидетельствуют об одном и том же: на р. Сарысу, в горах Улутау и на прилегающих территориях во второй половине XVI в. проживали калмаки. Принято считать, что они являлись какой-то небольшой группой ойратов, временно проникшей сюда из Джунгарии [5. С. 254; 9. С. 109]. Однако источники не говорят о каком-либо продвижении ойратов в северо-западный Казахстан в 1570–1580-х гг. Если даже столь незначительное в рамках истории событие, как удачный грабительский поход против соседей – калмаков, было отмечено несколькими авторами, то появление здесь иноземцев ойратов из Джунгарии не могло бы остаться незамеченным. До 1582 г. калмаки имели независимость, и победа над ними выглядела в глазах современников таким значительным событием, что поход стал «знаменитым», и о нём не только написали разные авторы, но и выбили на скалах надпись о победе.

Тевекель в дипломатической переписке стал именоваться «ханом казахским и калмацким». О том, что зависимость была неполной, говорит тот факт, что в 1587 г. «воевать калмаков» собирался ногайский тайбуга Ураз-Мухаммед [9. С. 371–372]. После 1585 г. и до начала следующего столетия о калмаках становится известно из Сибирских летописей, так как продвиже-

ние русских на восток и на юг Сибири приводило ко всё более частым контактам с ними. Из-за этого у историков сложилось мнение, что в то время ойраты продвигались на запад, и на юге Сибири встретились две противоположно направленные миграционные волны. Когда русские действительно встретились с ойратами Монголии в 1606–1608 гг., кочевников стали называть калмыками, вероятно, из-за культурной, языковой близости и по традиции, сложившейся у соседних восточных народов. На остальной же территории Средней Азии, Южного Урала и Заволжья продолжают кочевать калмаки. Даже в 1636 г. А. Олеарий встречает у Левобережного Саратова и под Астраханью «булгарских татар» – калмаков, а ойраты находятся ещё за Яиком: «главные враги ногайцев – *калмыки*, не только рассеянные отсюда до Саратова и называемые в этих местах *булгарскими татарами*, но и живущие за Яиком» [35. С. 349].

Данные западных источников о размещении калмаков в Дешт-и-Кипчаке, т. е. далеко к западу от основной территории обитания ойратов, подтверждаются и многочисленными сочинениями арабских, тюрко- и персоязычных авторов XIV–XVI вв. Больше всего информации о калмаках содержится в среднеазиатских источниках у народов, живших по соседству с калмаками и имевших богатую письменную традицию. Приведём лишь те из них, которые позволяют сделать вывод, что калмаки размещались в Дешт-и-Кипчаке раньше, чем появилось общее самоназвание западно-монгольских кочевников «дэрбен-ойраты», и раньше, чем они впервые столкнулись со среднеазиатскими народами в начале XV в., после вытеснения монголов из Китая в 1368 г.

Иранский автор начала XV в. Шереф-ад-Дин Йезди в сочинении «Зафар-намэ» («Книга побед») рассказывает, что в 1397–1398 гг. к Тимуру (Тамерлану), находившемуся в это время на Кавказе, прибыло посольство Тайзи-оглана от калмыков из Дешта [6. Т. 2. С. 187, 188]. В Тарих-и-Рашиди, написанном Мирза Мухаммад Хайдаром в 1541–1546 гг., сказано, что будущий хан Семиречья и Мавераннахра Туглук-Тимур в 1329–1330 гг. был привезён от калмаков [36. С. 38–39]. О том же сообщается в Шараф-наме-йи шахи (Книге шахской славы), написанной Хафизом-и-Таныш Бухари в 1520-х гг. [37. С. 100]. В книге анонимного автора середины XV в. «Родословие Турок» («Шаджарат ал-атрах») говорится, что распространение в Средней Азии ислама при Узбеке в 1320-х гг. связано с уходом мусульман от язычников. За оставшимися якобы закрепилось название «калмаки» [6. С. 207]. Из произведения автора первой половины XVI в. Утемиш-хаджи «Чингиз-намэ» следует, что после смерти Токта-хана в 1313 г. трон Золотой Орды захватил Узбек-хан с калмаками. По официальной версии, Узбек являлся племянником Токты, для чего приведена история о его чудесном спасении в младенческом возрасте. Фактически же, вероятнее всего, Узбек являлся типичным

узурпатором, распространявшим версию о своём чудесном спасении для придания легитимности своей власти. В этом случае Узбек-хан тоже происходил из калмаков, так как из разных источников известно, что его молодость проходила в Дешт-и-Кипчаке, где, по словам Утемиш-хаджи, до сих пор (200 лет спустя. — *И.Д.*) сохраняются обычаи и язык калмаков [38. С. 105].

После XIV в. тюрко-, ирано- и арабоязычные авторы нередко называли калмаками всех язычников монгольского происхождения, но, тем не менее, известные источники свидетельствуют, что не позже чем с первой половины XIV в. и до конца XVI в. в Средней Азии и на северо-востоке современного Казахстана обитала монголоязычная этническая группа с обобщающим названием «калмаки», переносившимся среднеазиатскими народами на дербен-ойратов, а иногда и на монголов.

Таким образом, данные ономастики, свидетельства русских летописей, западноевропейских путешествен-

ников и картографов позволяют сделать вывод, что калмаки были известны в Московской Руси и Европе как минимум с XV в. О калмаках на Руси знали не от тюркоязычных народов, а в результате непосредственных контактов. Имя, фамилия и прозвище «Калмак» были распространены на всей русской территории среди всех сословий, включая помещиков и священнослужителей. Это свидетельствует, что калмаки контактировали с Русью задолго (как минимум более, чем за столетие) до начала продвижения на запад ойратов. Калмаки играли значительную роль в политической жизни государственных образований Средней Азии, Казахстана и Поволжья задолго до прихода сюда ойратов. Можно сделать вывод, что регион распространения ойрат-калмыков имел более широкую территорию, чем принято считать. Кроме Западной Монголии и Джунгарии, в XV–XVI вв. их кочевья охватывали также среднеазиатские, казахстанские и южносибирские степи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котвич В.Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. // Известия Российской академии наук. СПб., 1919. Вып. 1. Сер. 6. Т. 13.
2. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII вв. М., 2003.
3. Пальмов Н.Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста, 2007.
4. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967.
5. История Калмыкии с древнейших времён до наших дней : в 3 т. Элиста, 2009. Т. 2.
6. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сообщений, собранные В.Г. Тизенгаузен и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М. ; Л., 1941. Т. 2.
7. Сибирские летописи. Рязань, 2008.
8. Известия англичан о России XVI в. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. М., 1884. № 4.
9. Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М., 2002.
10. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964.
11. Вельяминов-Зернов В.В., Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Ч. 2.
12. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
13. Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии / под ред. В.И. Буганова, Б.В. Левшина. М., 1974.
14. Мосин А.Г. Словарь Уральских фамилий. Екатеринбург, 2000.
15. Писцовые книги Тизенгаузена / под ред Н.В. Калачова. СПб., 1877. Отделение II.
16. Список опричников Ивана IV. СПб., 2003.
17. Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. Приложение 1. «Речи» Семена Елизарьева сына Мальцева о походе татар и турок под Астрахань // Исторические записки. М., 1947. № 22. С. 154–160.
18. Писцовые книги Рязанского края / под ред. В. Сторожева. Рязань, 1997. Т. 1.
19. Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй половины XVII века (1397–1625). СПб., 1910. Т. 1, Вып. II.
20. Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлечённые Ю.Н. Щербачёвым. СПб., 1897.
21. Казакова Н. А. «Татарским землям имена» // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. Л., 1979. Т. XXXIV.
22. Макиев А.И. Географические сведения Книги Большому Чертежу о киргизских степях и Туркестанском крае // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1880. Т. 6.
23. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937.
24. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002.
25. Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии // Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1899. Вып. 1.
26. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
27. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М. ; Л., 1936.
28. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв.: Введение, тексты и комментарии М.П. Алексеева. Новосибирск, 2006.
29. Пачкалов А.В. К вопросу о локализации топонима Calmuzi Sara на карте Фра Мауро (1459 г.) // Annali di ca' Foscari. Rivista della facoltà di lingue e letterature straniere dell'università ca' Foscari di Venezia. Venezia, 2007. XLVI, 1.
30. Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1.
31. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2006.
32. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932. Ч. 1.
33. Витевский В.М. Н.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1897. Т. 1.
34. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 2.
35. Олгарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003.
36. Хайдар Мирза Мухаммад. Тарих-и-Рашиди / пер. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой. Ташкент, 1996.
37. Хафиз-и-Таньш Бухари. Шараф-наме-йи шахи (Книга шахской славы). М., 1983.
38. Чингиз-наме / пер. В.П. Юдина. Алма-Ата, 1992.

Dryomov Igor I. Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: iid57@yandex.ru

KALMAKS EAST DESHT-I-KIPCHAK IN RUSSIAN AND WESTERN EUROPEAN SOURCES XV–XVI CENTURIES.

Keywords: Kalmaks; Kalmyks; Oyrats; Desht-i Kipchak; XV–XVI centuries.

It is now believed that the name «Kalmyks» was concerned with Oyrats who came to the territory of Kazakhstan in the early 17th century. Russian and Western European documents write about Kalmaks since the fifteenth century. Ivan's IV Decree of 1574 directed the Stroganoffs to trade with Kazaks, Kalmaks and Bokharans. New data show that in Ancient Rus they knew about Kalmaks from personal contacts with them. The name «Kalmak» existed and was often used in Russia in the XVI century: Kalmak, priest, 1545, Novgorod; Kalmak Vlas'ev, Landowner, Yaroslavl, 1568; Fedor Ivanovich Kolmak Ovtzyn, 16th century; Peter and Isaac Kolmakovs, 1564, Olonets; Kolmak and Neustroy Borisoviches Obrutins, 1568, Yaroslavl; Kolmak and Domachnoy (Domachny) Mikhailovich Vaskovs, 1568, Yaroslavl; Ivan Kolmak, Ondreev Khorlamov's son, a Landowner in Cherenchitckoy church yard, 1539; Kolmak Ivanov Starkov's son, boyar's son in Tver, 1585; Ivan Kolmak – oprichnik of Ivan IV; Ambassador, Ryazan Kazak, Kolmak etc. In Sofia library there is a list of Tatar land surrounding the Caspian Sea in 1506 and 1523, which has the name «Kalmaks» along with the Crimea, Astrakhan (Astrakhan Khanate), Azov, Saray, Nogays (Nogay Horde), Shibans (Uzbekistan) and Kazan (Kazan Khanate), etc. Besides there are documents writing about the struggle between Nogays and Kalmaks to the East of the Volga River in 1535, 1556, 1560, 1578. West European travellers and geographers Jenkinson (1558), A. Vid (1537), S. Gerbersteen (1526), M. Mekhovskiy (1521), Fra-Mauro (1459), A. Contarini (1475) etc. wrote about Kalmaks and marked them on the maps. The earliest mention of Kalmaks in the Russian Chronicles refers not to 1574, as it is considered, but to 1486. «Likhachev's chronicler» says about Kalmaks on the Ugra River in 1480. The Siberia's Chronicles of the conquest of Siberia also write not about the Oyrats but about the Kalmaks who lived in the Desht-i Kipchak. The data of Russian and Western European sources are consistent with Arab, Persian and Turkic historical works of the 15th and 16th centuries. Kalmaks played a significant role in the political life of the State structures of Kazakhstan, Central Asia and Volga region long before the arrival of the Oyrats here. One can assume that the origin of Volga Kalmyks is due not only to the Oyrats from Mongolia and Djungaria, which is a clearly established fact, but also to the Kalmaks of Central Asia, Kazakhstan and South Siberia.

REFERENCES

1. Kotvich V.L. Russkie arkhivnye dokumenty po snosheniyam s oyratami v XVII i XVIII vv. [Russian archival documents on relations with Oirats in the 17th and 18th centuries]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk*, 1919, issue 1, vol. 13.
2. Kolesnik V.I. *Poslednee velikoe kochev'e: Perekhod kalmykov iz Tsentral'noy Azii v Vostochnuyu Evropu i obratno v XVII i XVIII vv.* [The last great nomads: the transition of Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17th and 18th centuries]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2003. 284 p.
3. Pal'mov N.N. *Materialy po istorii kalmytskogo naroda za period prebyvaniya v predelakh Rossii* [Materials on the history of the Kalmyk people within Russia]. Elista, 2007.
4. Ustyugov N.V. (ed.) *Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR. Dooktyabr'skiy period* [Essays on the the history of the Kalmyk ASSR. The Pre-October period]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 479 p.
5. Ilyumzhinov K., Maksimov K.N., Ochirova N.G. *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 3-kh t.* [The history of Kalmykia from ancient times to the present day. In 3 vols.]. Elista: Gereal Publ., 2009, vol. 2. 838 p.
6. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ord'y* [The collection of materials relating to the history of the Golden Horde]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1941, vol. 2.
7. Tsepkov A.I. *Sibirskie letopisi* [Siberian Chronicles]. Ryazan: Aleksandriya Publ., 2008. 643 p.
8. *Izvestiya anglichan o Rossii XVI v.* [Proceedings of the British about Russia of the 16th century]. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh*, 1884, no. 4.
9. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy ordy* [The history of the Nogai Horde]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2002. 751 p.
10. Zlatkin I.Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva (1635–1758)* [The history of Jungar khanate (1635–1758)]. Moscow, 1964.
11. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o Kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [The investigation on Kasimovskoye kings and princes]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1864.
12. Ibragimov S.K. (ed.) *Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv.* [Materials on the history of the Kazakh Khanate of the 15th – 18th centuries]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1969. 651 p.
13. Veselovskiy S. B. *Onomastikon: Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii* [Onomastikon: Old Russian names, nicknames and surnames]. Moscow, 1974.
14. Mosin A.G. *Slovar' Ural'skikh family* [The Dictionary of the Ural names]. Ekaterinburg, 2000.
15. Kalachov N.V. (ed.) *Pistsovyie knigi Tizengauzen* [The Cadastres by Tizengauzen]. St. Petersburg, 1877.
16. *Spisok oprichnikov Ivana IV* [The List of Oprichniki (guardsmen) of Ivan IV]. St. Petersburg., 2003.
17. Sadikov P.A. *Pokhod tatar i turok na Astrakhan' v 1569 g. Prilozhenie 1. "Rechi" Semena Elizar'eva syna Mal'tseva o pokhode tatar i turok pod Astrakhan'* [The Tatars and Turks march to Astrakhan in 1569. Supplement 1 to the "speech" by Semyon Maltsev about the campaign of the Tatars and Turks under Astrakhan]. *Istoricheskie zapiski*, 1947, no. 22, pp. 154–160.
18. Storozhev V. (ed.) *Pistsovyie knigi Ryazanskogo kraja* [The Cadastres of Ryazan Region]. Ryazan: Russkoye Slovo Publ., 1997, vol. 1.
19. Nikol'skiy N. *Kirillo-Belozerskiy monastyr' i ego ustroystvo do vtoroy poloviny XVII veka (1397–1625)* [St. Cyril of Beloozero's Monastery and its device until the second half of the 17th century (1397–1625)]. St. Petersburg: Directmedia Publ., 1910, vol. 1, issue II, 672 p.
20. *Russkie akty Kopengagenskogo gosudarstvennogo arkhiva* [The Russian Acts of the State Archive of Copenhagen]. St. Petersburg, 1897.
21. Kazakova N.A. [The names of Tatar lands]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury IRLI* [Proc. of the Division of Old Russian Literature by the Pushkin House]. Leningrad, 1979, vol. XXXIV. (In Russian).
22. Maksheev A.I. *Geograficheskie svedeniya Knigi Bol'shomu Chertezhu o kirgizskikh stepyakh i Turkestanskome krae* [The geographic information of the Big Book of Drawings of Kirghiz steppes and Turkestan]. In: *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii*. 1880, vol. 6.
23. *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [English travelers in Muscovy in the 16th century]. Translated by Yu.V. Gauthier. Moscow: OGIZ Publ., 1937. 306 p.
24. Bartold V.V. *Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov* [The work on the history and philology of the Turkic and Mongolian peoples]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2002. 757 p.
25. Kordt V.A. *Materialy po istorii russkoy kartografii* [Materials on the history of Russian cartography]. In: *Karty vseey Rossii i yuzhnykh ee oblastey do poloviny XVII veka* [Maps of Russia and its southern areas up middle of the 17th century]. Kiev, 1899, issue 1.
26. Gerberstein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Moscow: Ripol klassik Publ., 1988.
27. Mekhovskiy M. *Traktat o dvukh Sarmatiyakh* [The treatise on the two Sarmatia]. Moscow, Leningrad: The USSR Academy of Science Publ., 1936.

28. Alekseev M.P. *Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeyskikh puteshestvennikov i pisateley, XIII–XVII vv.* [Siberia in the notes by Western travelers and writers, the 13th – 17th centuries]. Novosibirsk, 2006.
29. Pachkalov A.V. K voprosu o lokalizatsii toponima Calmuzi Sara na karte Fra-Mauro (1459 g.) [On the localization of the toponym Calmuzi Sara on the map of Fra Mauro (1459)]. *Annali di ca' Foscari*, 2007, XLVI, 1.
30. *Biblioteka inostrannykh pisateley o Rossii* [Library of foreign writers about Russia]. St. Petersburg, 1836, vol. 1.
31. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2006. 301 p.
32. Samoylovich A.N. (ed.) *Materialy po istorii Uzbekskoy, Tadzhikskoy i Turkmenckoy SSR* [Materials on the history of the Uzbek, Tajik and Turkmen SSR]. Leningrad: The USSR Academy of Sciences Publ., 1932, part 1.
33. Vitevskiy V.M. *N.I. Neplyuev i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758 goda* [N.I. Neplyuev and Orenburg Region as it was until 1758]. Kazan: V. Klyuchnikov Publ., 1897, vol. 1.
34. Grumm-Grzhimaylo G.E. *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray* [Western Mongolia and Uryankhai territory]. Leningrad: Nevskaya Publ., 1926, vol. 2. 412 p.
35. Oleariy A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu* [The description of the trip to Muscovy]. Smolensk: Rusich Publ., 2003. 474 p.
36. Mirza Muhammad Haidar Dughlat Beg. *Tarikh-i Rashidi* [Tarikh-i Rashidi]. Translated by A. Urunbaev, R.P. Dzhaliylova. Tashkent, 1996.
37. Khafiz-i Tanysh Bukhari. *Sharaf-name-yi shakhi (Kniga shakhskoy slavy)* [Sharaf-name-yi Shahi (The Book of the Shah's fame)]. M., 1983.
38. Ötemish Hajji. *Chingiz-name*. Translated by V.P. Yudin. Alma-Ata: Gylym Publ., 1992. 243 p.

ВОСТОЧНАЯ ЭКСПАНСИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОЦЕНКЕ РУССКИХ ПУБЛИЦИСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14. В25.31.0009.

Рассматривается отражение в русской политической публицистике восточной экспансии Российской империи. Отмечается универсальная и, в целом, позитивная оценка итогов и перспектив продвижения России в Азию представителями различных направлений русской общественной мысли. Россия представлялась в большинстве работ второй половины XIX в. носителем прогресса, европейской государственности и культуры, к которым приобщались в ходе колонизации отсталые азиатские народы. Автор подчеркивает осознание русскими публицистами отличий русской колонизации от европейской в силу отсутствия пространственного разделения колоний и метрополий. Поэтому колонизация виделась ими как включение новых территорий в состав русского государства и постепенную ассимиляцию «иностранцев».

Ключевые слова: колонизация; территориальная экспансия; Европа; Азия; Кавказ.

Во второй половине XIX в. при сохранении стратегических интересов России на Балканах и в Восточной Европе наиболее успешно территориальная экспансия осуществлялась в восточном направлении. Включение в состав империи огромных территорий в Средней Азии, продвижение в Закавказье не могли не повлиять на осмысление национальных проблем представителями различных течений русской общественной мысли.

В славянофильском направлении господствовало представление о территориальном расширении России не только как государственной экспансии, но и как расселении русского народа в «естественных географических границах». Из контекста работ славянофилов следовал вывод, что успех русской колонизации и заселения все более значительных территорий – результат совпадения интересов народа и государства и их совместной деятельности [1. С. 788; 2. С. 22; 3. С. 281]. При этом границы экспансии И.С. Аксаков пытался обусловить естественными природными барьерами. Но логика действия данного фактора в его интерпретации очень любопытна. Например, Волга стала в XVI–XVII вв. восточным рубежом расселения русских, но, по мысли публициста, для вящей безопасности следовало контролировать оба берега. То же касалось и Кавказа: следовало установить контроль над всем горным массивом. В результате сам И.С. Аксаков подводит к выводу, но не озвучивает его, что границы русской экспансии ограничены способностью соседних народов противостоять ей [1. С. 788–789].

Н.Я. Данилевский стремился опровергнуть мнение европейцев об исключительно завоевательном характере формирования Российского государства. В его изложении Россия также расширялась в результате естественного и мирного расселения русского народа. Н.Я. Данилевский утверждал, что Россия не завоевала ни одного народа, достигшего стадии государственной организации, т.е. не совершила ни одного «политического убийства». Большинство присоединенных народов (сибирские, финно-угорские народы) находились на племенной стадии, не осознавали себя как нацио-

нальности, и по отношению к ним термин «завоевание» не подходил, ибо нельзя лишить того, чем они не обладали [2. С. 22–23]. Многие народы, находившиеся на достаточно высокой стадии развития, были уже завоеваны, и переход их под власть России (Грузия, Армения) был результатом, в том числе, взывания элит к покровительству христианской страны с целью избавления от мусульманского гнета. Даже для мусульманских народов Кавказа включение в состав России было возможностью приобщения к более развитой государственно-правовой системе [Там же. С. 37–38]. У всех народов Кавказа, как и туземных народов Прибалтики, не было шансов на самостоятельное государственное развитие. Здесь господствовали чужеземные элиты.

Таким образом, Н.Я. Данилевский использовал прием подмены понятий. Отрицание факта завоевания он доказывал отсутствием у народа государственной организации. Но это не могло отрицать насильственного характера присоединения народа как этнического сообщества. Например, в случае с горскими народами Кавказа ученый не мог игнорировать длительного и упорного сопротивления, оказанного ими Российской экспансии. Однако, в его представлении, агломерат не оформившихся как народы племен, зараженных радикальной формой ислама, не мог вести национально-освободительной борьбы, а сам был источником немотивированной агрессии. То есть и в данном случае причиной военных действий была защита Россией своих владений [Там же. С. 38].

Русская колонизация противопоставлялась западно-европейской по характеру и методам. Такое постепенное расселение определяло характер колонизации как расширение территории во все стороны от исторического центра с включением новых территорий, непосредственно граничивших со старыми. Не происходило нарушения единства территории и населения, свойственного классической европейской колонизации, когда колонии значительно удалены от метрополии и разделены значительными водными массивами [Там же. С. 531–533].

Схожего мнения придерживался Р.А. Фадеев, указывая, что особенности геополитического положения России предопределили вариант колонизации новых земель не морским путем, как у большинства европейских стран, а сухопутным, через постепенное освоение азиатских просторов. Колонизация носила характер завоевания, но одновременно была мирной. Данный процесс, по мнению генерала, определил историческую судьбу русского народа и будет определять ее в будущем. Он безальтернативен, так как «растущее тело» русского народа требовало новых пространств. Но в силу особенностей своей колонизации Россия не знала проблем, подобно немецким, когда растущее народонаселение вынуждено мигрировать в заморские колонии, создавая проблему взаимоотношения колоний и метрополий. Вновь колонизируемые русскими земли присоединялись к «старым» и составляли единое пространство [3. С. 281].

Восточное направление русской колонизации, по мнению славянофилов, было определено геополитическим расположением России. И.С. Аксаков писал об устойчивости западных границ России. Водоразделом здесь служил религиозный фактор. Европа исторически сложилась как преимущественно католический мир со своей духовной, общественной и государственной организацией. Движение России в западном направлении в силу этого было бесперспективно. Поэтому он считал главной задачей добиться от Европы признания за Россией статуса равнозначного субъекта международной жизни и сферы ее влияния [4. С. 803].

Движение России в восточном направлении не имело подобных препятствий, поэтому было весьма успешным. Колонизацию Сибири и Средней Азии И.С. Аксаков полностью одобрял, подчеркивая что движение в этом направлении «законно, естественно и неизбежно», восторженно оценивал ее эффективность с точки зрения соотношения затрат, обширности и богатства приобретенных территорий. При этом экспансия и в восточном, и в юго-восточном направлениях преподносилась им не как военный захват других государств, а как мирная колонизация. Также естественным видел публицист продолжение движения России в Закавказье с последующим захватом Малой Азии и установлением контроля над проливами [Там же. С. 790–791].

Р.А. Фадеев также считал восточное направление русской колонизации естественноисторическим процессом: «Вся русская история есть преимущественно один бесконечный азиатский вопрос с того давнего времени, когда первые славянские общины стали подаваться на восток, оттесняя или перерабатывая в своих недрах азиатские племена» [3. С. 281]. Выполняя свою историческую миссию, русские отодвинули границы Европы от Вислы и Дуная до Аракса, Сырдарьи и Амура.

Будучи по расположению территории государства частью Азии, а по характеру общественной и государственной организации европейской страной, Россия выполняла по отношению к азиатским народам цивили-

заторскую миссию. Но если для остальных европейских стран Азия была далеким, отделенным морями колониальным владением, то для России это были соседние земли, естественно прилегавшие к ее владениям. Поэтому ситуация в азиатских странах непосредственно влияла на Россию: «Азиатские дела для нас – не роскошь, не прихоть, происходящая от избытка сил, не удовлетворение той или другой исключительной цели, как торговля, политическое влияние и пр.; для нас они – дела русские, обойти которые нам нет никакой возможности. У России, как у Януса, два лица: одно обращено к Европе, другое – к Азии. Мы не создавали себе такого положения, мы родились государством, сросшимся одинаково с Европой и с Азией» [Там же. С. 281]. Для страны, имевшей 13-тысячеверстовую границу с Азией, данное направление являлось жизненно важным [3. С. 140].

Р.А. Фадеев повторял логику, использованную многими русскими публицистами для оправдания русской экспансии: «Сожительство с племенами, не сложившимися в твердо очерченные народности и не признающими иного права, кроме права силы, вынуждает для собственной безопасности подчинять своему влиянию ближайших соседей, а затем снова выдвигаться вперед для ограждения этих последних» [5. С. 474]. Получалось, что Россия, заботясь о безопасности своих подданных, вовлекала себя в бесконечную войну, которая могла закончиться только установлением полного контроля над Азией. В данном случае менялось представление не только о первопричине экспансии, но и о главной движущей силе. Ею становился не народ, а государство.

По мнению Р.А. Фадеева, Россия после завоевания Кавказа вышла на новые исторические рубежи экспансии, подобно тому, как после завоевания Казани и Астрахани открылся путь в Сибирь [3. С. 280]. Оговорив свое согласие с неисторичностью азиатских народов, бездеятельных и не имевших своих целей, публицист не видел в них субъекта исторического творчества, а только объект деятельности европейской и русской, в том числе политики: «Что касается до меня лично, я твердо убежден, по очевидной наглядности, что в нынешних мусульманских народах Азии нет больше никакого живого источника общественной силы, что они живут буквально как механическое собрание единиц, ничем между собой не связанных» [Там же. С. 282].

Поэтому дальнейшее движение России в Азию определялось способностями, энергией русского народа, адекватностью национальным интересам внешней политики государства и ограничивалось только конкуренцией других европейских стран. Каких-либо иных преград Р.А. Фадеев не видел: «С того времени, как Русская империя переступила свои естественные пределы со стороны Азии, она уже не может ограничить свое действие заранее очерченным кругом. Будущее теперь принадлежит судьбе. Стоя посреди разлагающегося азиатского мира, в каждой области которого могут

ежедневно произойти самые неожиданные события, надобно быть ко всему готовым. Наше владычество в Азии подвержено той же судьбе, как и всякое европейское владычество; мы не можем определить заранее границу, на которой оно остановится окончательно» [Там же. С. 298]. Мысленно публицист очертил сферу исключительных интересов России «в пределах древнего царства Чингисхана» и определил целью ее внешней политики исключить здесь какое-либо европейское влияние.

В.И. Ламанский попытался представить картину этнополитических процессов в рамках всей Евразии. Здесь он выделял три «историко-культурных характера»: западный германо-романский католическо-протестантской Европы, Азия и Средний мир – «ненастоящая Европа и ненастоящая Азия» [6. С. 3]. В Средний мир Ламанский включал территорию Российской империи, расположившуюся и в Азии, и в Европе. Он определял его как самостоятельный, отличный от других миров. Русский народ, распространяясь в пределах Евразии, не только сохранил свою самобытность, но и смог влиять на присоединенные территории и проживавшие там народы, включая их в зону своего ассимиляционного воздействия, расширяя собственно Русский мир [Там же. С. 17–19]. В рамках данного построения Ламанский попытался разрешить становившееся все более очевидным противоречие между провозглашавшейся славянофилами целью – созданием славянской общности и геополитическими реалиями – углубление российской экспансии в Азию.

Азиатский мир не смог выработать консолидирующие начала в силу разнородности этнической, религиозной. Последний фактор в отдельные периоды истории мог создавать крупные политико-религиозные образования азиатских народов, но такая консолидация была кратковременной по историческим меркам. Поэтому застывший в развитии мир Азии стал объектом агрессии Европы [Там же. С. 9, 11]. Будущее его В.И. Ламанский видел как продолжение утраты политической самостоятельности и окончательное подчинение Европе. При этом ведущая роль в экспансии отводилась России и Англии, противоборство которых в Азии было неизбежно [Там же. С. 15]. Ламанский не порицал колониальных захватов, воспринимая их как историческую реальность, где действует право сильного. Также он не пытался противопоставить характер российской экспансии европейской или оправдать ее. В любом случае продвижение России в Азию должно было продолжиться, но данный фактор не предполагал корректировки планов создания славянского объединения.

Однако территориальные владения России в Азии были уже столь значительны, а ее этнический состав столь разнородным, что вставал закономерный вопрос – насколько можно было продолжать позиционировать ее как центр славянского мира.

В.И. Ламанский считал неизменным и в новых условиях полное доминирование в России славянско-

православного элемента. Он доказывал изменение характера присоединенных к России азиатских территорий и ограничивал этим фактом их судьбу от остальной Азии, включая их в Средний мир. Обширные земли были слабо заселены, а проживавшие там народы слабо развиты. Поэтому ученый предполагал, что под цивилизующим воздействием они будут ассимилироваться, постепенно сливаясь с преобладающим русским большинством, так же, как это происходило с другими народами, включаемыми в состав России. Неславянские народы России, в его представлении, были разобщены этнически, культурно и даже расово. Поэтому, несмотря на рост их численности, они неспособны к консолидированному противостоянию с «господствующим в Европейской и Азиатской России восточному христианству и народности славянской» [Там же. С. 16].

И.С. Аксаков пытался рассеять тревогу русской общественности о возможности растворения России в Азии и ослаблении влияния русского народа в связи со все увеличивавшейся численностью азиатского населения России. Обращаясь к истории, И.С. Аксаков напомнил, что сам русский народ сложился из множества племен и потом в процессе формирования русского государства постепенно включал в свой состав инородные элементы, успешно ассимилируя их. В результате европейская часть России представляла собой достаточно однородное религиозно-этническое пространство [4. С. 798–799]. Проблему И.С. Аксаков видел в неверной политике государства, со времен Екатерины II изменившей национальному принципу Российской государственности и создавшей законодательные барьеры перехода в православие представителей других конфессий. Тем самым были существенно ограничены ассимиляционные возможности естественного народного обрусения колонизируемых территорий [Там же. С. 811–812].

Расширение территории России, по Н.Я. Данилевскому, происходило как расселение русского народа с включением в свой состав «инородческих племен». При этом Н.Я. Данилевский подчеркивал чрезвычайную толерантность русских к чужим обычаям, общественному устройству. Поэтому наряду с мягкой, естественной ассимиляцией инородцев происходило восприятие русскими элементов их культуры. Это, по мнению Н.Я. Данилевского, вместе с абсолютным преобладанием численности русского населения и в уровне его культуры обеспечивало этно-территориальную монолитность русского государства [2. С. 531–533].

М.Н. Катков с радостью воспринял заявление наместника Кавказа о «замирении Кавказа» и окончании Кавказской войны. Комментарии публициста по поводу происшедшего производят двойственное впечатление. С одной стороны, он воспринял присоединение Кавказа как завоевание новых территорий, богатых природными ресурсами и дающих России выгодное геополитическое положение. М.Н. Катков не скрывал

удовлетворения от выигрыша России в глобальном противостоянии с Англией, тем самым подтверждая колониальный характер экспансии России на Кавказе. В то же время публицист преподносил завоевательную политику России как историческую миссию по возвращению Кавказа в лоно христианского мира. Грузия была одним из древнейших очагов христианства, но окруженная исламскими странами, утратила независимость и стояла на грани гибели. Россия откликнулась на призывы грузинских царей и взяла Грузию под свое покровительство [7].

Тональность рассуждений М.Н. Каткова о судьбе Кавказа в составе России существенно отличалась от его статей, посвященных Польше или Прибалтике. Кавказ для него – территория, земли, которые подлежат колонизации. Фактор местного населения не учитывался. Горцы покорены, грузины – христианский народ, испытывающий благодарность спасителям от турецко-персидского геноцида. Поэтому главная задача – освоение богатств Кавказа, для чего необходимо переселение русских. Публицист приветствовал заинтересованность, проявленную русскими землевладельцами, поскольку дворянские владения станут опорой русской власти [8].

Однако в последующих статьях настроение М.Н. Каткова довольно резко меняется. Публицист с тревогой отмечал появление сепаратистских настроений среди народов Закавказья. Главной причиной этих негативных тенденций он называл утрату русскими статуса первенствующей и главенствующей нации в глазах туземного населения. Еще недавно русские воспринимались как освободители, как олицетворение власти, принесшей на Кавказ стабильность, законность и создавшей условия для процветания края. Именно русские занимали все административные должности, что, по словам М.Н. Каткова, воспринималось как должное. Но затем правительство заняло неверную позицию поощрения местных элит, передав им власть в национальных регионах. Многие представители русской политической элиты, увлекшись либеральными идеями, начали демонстрировать национальную и религиозную толерантность, забывая о национальных интересах русского народа. Это негативно отразилось на авторитете власти и пошатнуло положение русского населения [9].

Таким образом, М.Н. Катков обвинил правительство в фактическом отказе от опоры на русскую национальность, что абсолютно коррелирует с позицией славянофилов. Сложившейся ситуацией не преминули воспользоваться внешние и внутренние враги России. В формировании среди армянской и грузинской молодежи подпольных кружков, ставивших целью добиваться выхода из состава России, публицист видел «польский след». Поляки – извечные русофобы – активно вмешались в события на Кавказе, провозгласив себя союзниками борцов за независимость Грузии и Армении [Там же].

Подчеркивая важность Кавказа для России, М.Н. Катков отмечал необходимость использования вновь приобретенных территорий во благо народа России, отдавшего много сил для развития государства. Поэтому колонизация Кавказа должна носить русский характер. Столь важный регион должен заселяться по преимуществу русскими людьми [10].

Публицист, анализируя официальные документы, регламентировавшие переселенческую политику на Кавказе, с удивлением обнаруживал, что русские крестьяне имели едва ли не меньше прав участвовать в колонизации, чем иностранцы. В результате он предвидит, что в благодатный кавказский край хлынут немцы и армяне Анатолии, а русские продолжат осваивать Сибирь. Он настаивал на необходимости разработки программы, позволявшей всем русским губерниям включиться в колонизацию [11].

Главным уроком Кавказской войны М.Н. Катков считал недооценку ислама как консолидирующего фактора в борьбе горцев против России. Катков по существу признавал, что русским войскам противостояло национально-религиозное движение, против которого у России не нашлось эффективных методов противодействия. Неоднократно повторялась ситуация, когда после решительных военных побед русской армии, спустя небольшое время, казалось бы, усмиренные горцы вновь поднимались на борьбу. Публицист выражал сомнение в том, что эти уроки были усвоены и русская администрация на Кавказе смогла выработать адекватную политику, учитывавшую исламский фактор и глубокие различия в менталитете, психологии между русскими и горским населением. Попытки воздействовать на горскую молодежь посредством образования пока не привели к позитивному результату, поскольку даже выпускники военных училищ не становились верноподданными русского царя и не выходили из-под влияния исламских традиций [12].

В этом аспекте его мнение совпадало с выводами Р.А. Фадеева, которого полученный во время военных действий на Северном Кавказе опыт убедил в необходимости выстраивания дифференцированной политики по отношению к местному населению с учетом его религиозной, этнокультурной специфики. Игнорирование или непонимание данного принципа было одной из причин неспособности огромной Российской армии на Кавказе усмирить горские народы. Р.А. Фадеев показывал, как, не увидев в мюридизме главного фактора сопротивления своему господству, русская администрация ошибочными действиями фактически обеспечила стремительное его распространение среди горских народов [13. С. 67–68]. Только адекватная оценка всех условий, подвигавших местное население на борьбу с Россией, позволила выработать верную тактику усмирения Кавказа. Р.А. Фадеев не видел в этой борьбе национально-освободительного движения и не считал действия русской армии захватническими [Там же. С. 130–131]. Упрекая европейцев в двойных стандартах

при оценке национально-освободительных движений, Р.А. Фадеев сам шел по тому же пути.

Мысль о том, что горские народы Кавказа, несмотря на военное поражение, не покорены и в любой момент могут восстать, постоянно появлялась в статьях М.Н. Каткова [14]. По прошествии двух десятилетий после «замирения Кавказа» все ставившиеся тогда задачи остались актуальными. М.Н. Катков вновь возвращался к мысли о невозможности действительного превращения Кавказа в российский край без именно русской колонизации. Призывы заселять Кавказ армянами и греками, как более адаптированными к южной земледельческой культуре, полагал неверной с точки зрения стратегической. Лояльность местного населения к Российскому государству оставалась слабой, поэтому в условиях сохранявшейся напряженности в отношениях с Турцией оптимальным вариантом было бы расселение, особенно в приграничных районах, казаков. Качество показало свои способности адаптации к любым природным условиям и противостоянию враждебному окружению. Так же и с точки зрения исторической справедливости и сохранения ведущей роли русской национальности следовало обеспечить преимущественные условия для русских переселенцев [15].

М.П. Мещерский, обратившись к ситуации на Кавказе, уже в 1890-е гг. акцентировал внимание на пагубные последствия его обрусения, которое привело к проявлению тех же негативных тенденций, что и в остальной России. Формирование на Кавказе собственной интеллигенции привело к усилению в ее среде разрыва с культурной и духовной традицией народа и осознанному отказу от своей национальной идентичности. Данная черта, свойственная русской интеллигенции, быстро распространилась и на формировавшуюся национальную интеллигенцию окраин России. В качестве примера публицист описывал, как нивелировалось многоплеменное многообразие Кавказа в среде интеллигенции, демонстративно порывавшей со своими народами. В этом кавказские «неофиты» даже опережали русских, но так же, как и последние, отрываясь от народных корней, проникались идеями материализма и нигилизма. В итоге интеллигенция наполнялась ненавистью к своему народу, всему национальному и, опираясь на темные силы, стремилась к уничтожению всего светлого и чистого в своем народе [16. С. 3].

Русские либералы рассматривали события, происходившие на восточных рубежах империи, как колонизацию народов, неспособных к самостоятельному развитию. Б.Н. Чичерин определял колонии как «отдельные территории», заселенные отсталыми племенами, «стоявшими на низшей степени культуры», «куда переселяются граждане для постоянного жительства». Либерал здесь абстрагировался от того, что многие колонии на момент завоевания обладали государственностью и уникальными культурами, относясь к ним только как к объектам экспансии европейских стран [17. С. 76–77]. Соответственно, и его рассуждения име-

ли целью выявить соотношение потерь и приобретений от обладания колониями для страны метрополии при полном умолчании судеб народов колоний.

К.Д. Кавелин призывал дифференцировать внутреннюю политику империи. Если в отношении «развитых народностей», т.е. финнов, поляков, он выступал за сохранение традиционной религии и культуры, использование местных политических институтов, то «отсталые территории» азиатской части К.Д. Кавелин рассматривал как колонии, где следовало сохранять имперское административное управление, создавать условия для массового переселения из развитых областей и «свободной деятельности выходцев из империи» [18. Стб. 978].

Многие завоевания, произведенные Российской империей, становились в интерпретации публицистов вынужденными, так как были вызваны не прагматичными целями эксплуатации завоеванных земель, а лишь стремлением защитить свою территорию от соседних диких народов, «привыкших к независимой и воинственной жизни». По мнению Б.Н. Чичерина, «обуздать дикарей» можно было, только покорив их. Таким образом были завоеваны Туркестан и Кавказ [17. С. 77]. Но ученый забыл напомнить, что данные территории стали пограничными с Россией в силу ее внешней экспансии. Не народы Кавказа и Туркестана продвигались к границам России, а границы империи придвинулись к ним.

Активная колонизация Закавказья, начавшаяся в 1880-е гг., пробудила интерес либеральных журналов к данному региону.

Н.В. Шелгунов не предлагал оценки характера процессов, приведших к созданию Российской империи, хотя замечал, что это была экспансия и новые территории присоединялись в результате завоевания. Но данный процесс являлся проявлением общемировой тенденции экспансии запада (европейских стран) против Востока, ставшей реализацией превосходства европейской модели государственной, общественной организации и экономического устройства. Не оправдывая европейской колониальной политики, публицист, тем не менее, отмечает, что она сопровождалась экспортом в восточные страны более развитой модели экономики, современной промышленности, более справедливой правовой системы, эффективного государственного аппарата [19. Стб. 169].

Именно таким образом им интерпретируется роль России на Кавказе. Кавказ был завоеван и силой присоединен к России. Но Кавказ дороссийской эпохи был типичным восточным регионом, и его население страдало от межэтнических войн, деспотизма местных царьков, неспособности властей обеспечить элементарный порядок и защитить от набегов и грабежей. Поэтому завоевание Кавказа публицист трактует как «замирение Кавказа». То есть Россия пусть на штыках, но принесла на Кавказ элементы западного общества, что является благом для его населения. Отсюда следует

и своеобразная трактовка длительной борьбы северокавказских народов против российской экспансии. Н.В. Шелгунов высоко оценивает их героизм, но не видит в них сознательных патриотов «с точным идеалом гражданской свободы» как в борцах за свободу североамериканских колоний. Борясь за свою независимость, они лишь отстаивали старый и отсталый уклад, тем самым противодействуя прогрессу [20. Стб. 997–998].

Констатируя цивилизаторскую миссию России на Кавказе, публицист не скрывал сложности и неоднозначности взаимодействия элементов западной и восточной культуры. Сама Россия, по его мнению, еще была молодой европейской цивилизацией, относительно недавно вставшей на путь модернизации. Ее общественный строй, культура еще находятся в развитии и далеки от идеала: «Если в азиатский Восток мы и вносим цивилизацию более высокую, чем магометанская, то, однако, цивилизацию не такой высокой пробы, чтобы эта русская цивилизация не нуждалась и сама во многих и многих улучшениях». Кроме того, для еще не устоявшейся российской культуры существовала опасность самой попасть под влияние Востока [19. Стб. 172–173].

В своих работах Н.В. Шелгунов поднимает проблему актуальности налаживания межкультурного диалога. Движение русских колонистов на Кавказ приводит к взаимному культурному обогащению народов. Неся с собой культуру европейскую, переселенцы впитывают богатейшую культуру и традиции местных народов. Проводя переселенческую политику и колонизируя Кавказ, российские власти должны учитывать его поликонфессиональное и полиэтническое разнообразие, бывшее причиной множества серьезных и длительных конфликтов, и, тем более, отличия в культуре и обычаях переселенцев и местных жителей [19. Стб. 173].

С.Н. Кривенко, сетуя на отсутствие информации о Кавказе, предлагал читателям нечто схожее с путеводителем по региону, включавшее наброски об экономическом развитии, природно-климатических условиях, этнографические картинки и т.д. Тональность и манера изложения создают ассоциацию с изложением дорожных впечатлений европейца о путешествии по одной из колоний. Автор не задавался вопросом о том, что привело Россию на Кавказ, он не оценивал обоснованность российских притязаний на данные территории, воспринимая сам факт нахождения Кавказа в составе России как состоявшееся и не оспариваемое событие. Для С.Н. Кривенко не вызывало сомнения в целом положительное влияние присоединения Кавказа к России [21. С. 131–135]. Установление твердой власти прекратило межэтнические войны, продолжавшиеся столетиями и уносившие тысячи жизней. В лучшую сторону изменилась жизнь крестьян, теперь защищенных российскими законами от произвола и всевластия князей. Стабильность и порядок способствовали разви-

тию экономики Кавказа – торговли, ремесел. Вместе с тем публицист не скрывал традиционных для российской государственной системы недостатков, проявившихся и в управлении Кавказом, – бюрократизм, волокита, коррупция. Но эти негативные моменты не могли перечеркнуть очевидных достижений в развитии Кавказа, ставших результатом установления более эффективной европейской модели общественного и социально-экономического устройства, привнесенных сюда Россией [Там же. С. 136–140].

Либеральные народники не считали российскую экспансию завершенной и строили новые ее перспективы. С.Н. Южаков предполагал, что слабость Турецкой империи в ближайшее время вызовет обострение борьбы за ее «наследство», в которой примет участие и Россия. Он определил наиболее вероятным направлением русской экспансии Закавказье, а именно Курдистан (Великую Армению) [22. С. 148–149]. Для Армении подобное развитие событий будет безусловным благом, так как Россия, являясь более развитой страной, чем Турция, сможет дать толчок прогрессивному развитию вновь приобретенных земель. Сомнений в способности России решить столь сложную задачу у публициста не было.

Народник не ставил под сомнение справедливость подобного силового вмешательства европейских стран в дела и судьбы народов Востока. Последние, по его мнению, утратили способность к развитию, застыли в своем деспотизме и религиозном догматизме, став в результате жертвой собственной отсталости. Европейские страны, наоборот, нашли варианты эффективного государственного и общественного строя, сделавшие их лидерами эпохи. Колониальные захваты, конечно, преследовали цель обогащения стран-метрополий, но объективно способствовали распространению достижений западной цивилизации на отсталые народы востока. Это касается минимальных гарантий прав личности, которых раньше не было вообще, развития просвещения, борьбы с преступностью, упорядочения системы налогообложения и т.д. Подобную цивилизаторскую функцию Англия выполняет в Индии, Франция – в Алжире, Россия – в Средней Азии [Там же. С. 151–153]. Здесь очевиден резкий контраст с позицией Н.К. Михайловского, подчеркивавшего чуждость интересов и целей имперской внешней политики и русского народа, несшего на себе бремя экспансии и войн [23. Стб. 449–450].

Единственное, что вызывало сомнение у С.Н. Южакова в целесообразности новой Российской экспансии, – необходимость отвлечения сил и средств от множества еще не решенных экономических и социальных проблем в самой России. Выдвигая подобные опасения, народник возражал против утверждения А.С. Суворина о перекосе во внутренней политике России в сторону чрезмерного внимания правительства к национальным окраинам и удовлетворения их непомерных требований в ущерб великорусским землям.

С.Н. Южаков не видел каких-либо преимуществ окраин перед «коренною Россией», наоборот, в великорусских губерниях было введено «сословное, земское и городское самоуправление, суд присяжных, некоторое число органов бесцензурной прессы», что, по мнению народника, характеризует их больший прогресс. Публицист был убежден в необходимости соблюдения баланса интересов национальных окраин и русских областей как залога стабильности Российского государства [22. С. 158].

Таким образом, в российской публицистике сложилась универсальная и, в целом, позитивная оценка

итогов и перспектив продвижения России в Азию. Россия представлялась носителем прогресса, европейской государственности и культуры. Реализуя свою историческую миссию, она несла азиатским народам, якобы неспособным к самостоятельной исторической жизни, возможность приобщиться к ней в рамках единого развитого государства. При этом было осознание отличий русской колонизации от европейской в силу отсутствия пространственной разделенности колоний и метрополии. Поэтому колонизация виделась как традиционное обрусение и новые территории должны были стать частью русского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И.С. Где границы естественному росту России? // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 781–797.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб. : Н. Страхов, 1889. 610 с.
3. Фадеев Р.А. Письма с Кавказа. Письмо двенадцатое // Государственный порядок. Россия и Кавказ. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. С. 132–334.
4. Аксаков И.С. Всемирно-историческое призвание России // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 797–812.
5. Фадеев Р.А. Записка об управлении Азиатскими окраинами // Государственный порядок. Россия и Кавказ. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. С. 473–510.
6. Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб. : Тип. С.А. Суворина, 1916. 152 с.
7. Катков М.Н. Покорение Кавказа. Исторический обзор сношений России с Кавказом // Московские Ведомости. 1864. 27 мая.
8. Катков М.Н. Колонизация Кавказа: важность водворения русского дворянства на Кавказ // Московские Ведомости. 1864. 30 июня.
9. Катков М.Н. Сепаратизм на Кавказе и в Закавказье есть следствие слабости национального духа во внутренней политике России («Молодая Грузия» и «Молодая Армения») // Московские Ведомости. 1865. 4 сен.
10. Катков М.Н. Значение Кавказа для России и желательность заселения его переселенцами изнутри России // Московские Ведомости. 1867. 1 дек.
11. Богатства Кавказа и недоступность его русскому люду; колонисты немцы и армяне // Московские Ведомости. 1867. 23 дек.
12. Катков М.Н. Кавказские уроки. По поводу статьи Зиссермана «Материалы для истории Кавказской войны» // Московские Ведомости. 1872. 31 окт.
13. Фадеев Р.А. Шестдесят лет кавказской войны // Государственный порядок. Россия и Кавказ. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. С. 33–131.
14. Катков М.Н. Убийство полковника Петухова в Дагестане. Московские Ведомости. 1872. 9 авг.
15. Катков М.Н. Статья И.А. Дукмасова: «Казак о Казаках». (О заселении Кавказского побережья) // Московские Ведомости. 1886. 4 ноя.
16. Мецкерский В.П. Дневник // Гражданин. 1893. 14 янв. С. 3.
17. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М. : Тип. Кушнерев и К, 1896. Ч. 2. 437 с.
18. Кавелин К.Д. Политические призраки // Собрание сочинений. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. 2. Стб. 927–994.
19. Шелгунов Н.В. Колонизация Кавказа // Очерки русской жизни. СПб. : Тип. Н.Н. Скороходова, 1895. С. 169–191.
20. Шелгунов Н.В. Кавказские Минеральные воды // Сочинения. СПб. : Тип. Н.Н. Скороходова, 1895. Т. 3. Стб. 994–1018.
21. Кривенко С.Н. Как живет Закавказье // Русское богатство. 1894. № 11. Отд. 2-е. С. 142–153.
22. Южаков С.Н. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1894. № 12. Отд. 2. С. 148–167.
23. Михайловский Н.К. Десница и шуйца Льва Толстого. Записки профана // Полное собрание сочинений. СПб. : Русское богатство, 1909. Т. 3. Стб. 424–471.

Kudriashev Viatcheslav N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation) E-mail: kvn18011962@yandex.ru

EAST EXPANSION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE ASSESSMENT OF RUSSIAN PUBLICIST SECOND HALF XIX CENTURY.

Keywords: colonization; territorial expansion; civilization; Europe; Asia; Caucasus.

In the second half of the XIX century, while maintaining the strategic interests of Russia in the Balkans and Eastern Europe, the most successful territorial expansion was carried out in an easterly direction. Incorporation into the empire of vast territories in Central Asia, progress in the Caucasus could not affect the interpretation of national issues by representatives of various currents of Russian social thought. In Slavophile direction, the conception of the territorial expansion of Russia not only as a state of expansion, but also as the resettlement of the Russian people in the "natural geographical boundaries." From the context of the work of the Slavophiles followed the conclusion that the success of Russian colonization and settlement all the more significant areas - the result of coincidence of the interests of the people and the state, and their joint activities. N.Y. Danilevsky sought to refute the opinion of Europeans about the only conquering nature of the formation of the Russian state. He argued that Russia has not won any of the people reached the stage of state organization; has not made any "political assassination". Russian colonization contrasted Western European character and methods. I.S. Aksakov was trying to dispel anxiety about the possibility of Russian public dissolution of Russia in Asia and the weakening of the influence of the Russian people in connection with the increasing number of Asian population of Russia. Turning to history, Slavophile recalled that the Russian nation itself was formed from a variety of tribes and later in the formation of the Russian state gradually includes a foreign elements, successfully assimilating them. Russian liberals saw the developments that have taken place on the eastern borders of the empire as a colonizing people, incapable of independent development. This process is a manifestation of the global trend of expansion of the West (European countries) against the East, which has become the realization of the superiority of the European model of the state, social organization and economic structure. Stating the civilizing mission of Russia in the east, liberal publicists did not hide the complexity and ambiguity of the interaction of elements of Western and Eastern culture. Thus, in Russian journalism has developed a universal and, in general, a positive assessment of the results and prospects of Russia's advance into Asia. Russia presented the bearer of progress, European statehood and culture. Realizing its historic mission, she carried the Asian nations, supposedly incapa-

ble of independent historical life, the opportunity to join it in a single developed country. It was the awareness of differences of Russian colonization of European, due to the lack of spatial separation of the colonies and the mother country. Therefore, colonization was seen as a traditional Russification and new territories were to become part of the Russian state.

REFERENCES

1. Aksakov I.S. *Sobranie sochineniy*: v 7 t. [Collection of works. In 7 vols.]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova Publ., 1886, vol. 2, pp. 781-797.
2. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Evropa. Vzgl'yad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu* [Russia and Europe. A look at the cultural and political relations between the Slavic and the Germanic-Romance worlds]. St. Petersburg: N. Strakhov Publ., 1889. 610 p.
3. Fadeev R.A. *Gosudarstvennyy poryadok. Rossiya i Kavkaz* [The state order. Russia and the Caucasus]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2010, pp. 132-334.
4. Aksakov I.S. *Sobranie sochineniy*: v 7 t. [Collection of works. In 7 vols.]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova Publ., 1886, vol. 2, pp. 797-812.
5. Fadeev R.A. *Gosudarstvennyy poryadok. Rossiya i Kavkaz* [The state order. Russia and the Caucasus]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2010, pp. 473-510.
6. Lamanskiy V.I. *Tri mira Aziysko-Evropeyskogo materika* [The three worlds of Asian-European]. St. Petersburg: Tip. S.A. Suvorina Publ., 1916. 152 p.
7. Katkov M.N. Pokorenie Kavkaza. Istoricheskiy obzor snosheniy Rossii s Kavkazom [The conquest of the Caucasus. A historical overview of relations between Russia and the Caucasus]. *Moskovskie Vedomosti*, 1864, 27th May.
8. Katkov M.N. Kolonizatsiya Kavkaza: vazhnost' vodvoreniya russkogo dvoryanstva na Kavkaz [The colonization of the Caucasus: the importance of placement of the Russian nobility in the Caucasus]. *Moskovskie Vedomosti*, 1864, 30th June.
9. Katkov M.N. Separatizm na Kavkaze i v Zakavkaz'e est' posledstvie slabosti natsional'nogo dukha vo vnutrenney politik Rossii ("Molodaya Gruzziya" i "Molodaya Armeniya") [Separatism in the Caucasus and Transcaucasia is a consequence of the weakness of the national spirit in the Russian internal politics ("Young Georgia" and "Young Armenia")]. *Moskovskie Vedomosti*, 1865, 4th September.
10. Katkov M.N. Znachenie Kavkaza dlya Rossii i zhelatel'nost' zaseleniya ego pereselentsami iznutri Rossii [The importance of the Caucasus to Russia and how desirable it is to get it settled by people from inside Russia]. *Moskovskie Vedomosti*, 1867, 1st December.
11. Bogatstva Kavkaza i nedostupnost' ego russkomu lyudu; kolonisty nemtsy i armyane [The Caucasian wealth and its inaccessibility for the Russian common people; Germans and Armenian colonies]. *Moskovskie Vedomosti*, 1867, 23rd December.
12. Katkov M.N. Kavkazskie uroki. Po povodu stat'i Zissermana "Materialy dlya istorii Kavkazskoy voyny" [The Caucasian lessons. On the article "Materials for the history of the Caucasian War" by Zisserman]. *Moskovskie Vedomosti*, 1872, 31st October.
13. *Gosudarstvennyy poryadok. Rossiya i Kavkaz* [The state order. Russia and the Caucasus]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2010, pp. 33-131.
14. Katkov M.N. Ubiystvo polkovnika Petukhova v Dagestane [The assassination of Colonel Petukhov in Dagestan]. *Moskovskie Vedomosti*, 1872, 9th August.
15. Katkov M.N. Stat'ya I.A. Dukmasova: "Kazak o Kazakakh". (O zaselenii Kavkazskogo poberezh'ya) [The article: "A Cossack about the Cossacks" by I.A. Dukmasov (About the settlement of the Caucasian coast)]. *Moskovskie Vedomosti*, 1886, 4th November.
16. Meshcherskiy V.P. Dnevnik [The Diary]. *Grazhdanin*, 1893, 14th January, p. 3.
17. Chicherin B.N. *Kurs gosudarstvennoy nauki* [The State Science]. Moscow: Tip. Kushnerev i K Publ., 1896. Part 2, 437 p.
18. Kavelin K.D. *Sobranie sochineniy* [The Collection of Works]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha Publ., 1898, vol. 2, col. 927-994.
19. Shelgunov N.V. *Ocherki russkoy zhizni* [The sketches of Russian life]. St. Petersburg: Tip. N.N. Skorokhodova Publ., 1895, pp. 169-191.
20. Shelgunov N.V. *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg: Tip. N.N. Skorokhodova Publ., 1895, vol. 3, col. 994-1018.
21. Krivenko S.N. Kak zhivet Zakavkaz'e [How South Caucasus lives]. *Russkoe bogatstvo*, 1894, no. 11, pp. 142-153.
22. Yuzhakov S.N. Khronika vnutrenney zhizni [The Chronicle of the Inner Life]. *Russkoe bogatstvo*, 1894, no. 12, pp. 148-167.
23. Mikhaylovskiy N.K. *Polnoe sobranie sochineniy* [The Complete Works]. St. Petersburg: Russkoe bogatstvo Publ., 1909, vol. 3, col. 424-471.

А.Н. Петренко

КОНЦЕПЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА И ВКЛАД Л.И. МЕЧНИКОВА В ЕЁ СТАНОВЛЕНИЕ

Описывается генезис взглядов о влиянии географического фактора на общество. Рассматриваются воззрения мыслителей древности, эпох возрождения и нового времени. Особое внимание уделяется идеям Л.И. Мечникова, который творчески переосмыслил концепцию географического детерминизма. Основным новаторством в его работе был синтез географического детерминизма с теорией социального прогресса. Географическая среда в концепции Мечникова является сложным и многогранным фактором, значение которого может варьироваться от определяющего до значимого в зависимости от конкретных исторических условий.

Ключевые слова: Л.И. Мечников; географический детерминизм; цивилизационный подход.

Изучая проблему общественного развития, исследователь часто встречается с необходимостью ответить на вопрос: почему различные цивилизации зародились и развивались такими непохожими друг на друга, и какие факторы стали тому причиной? Поскольку это волновало многих мыслителей еще в древности, представляется целесообразным рассмотреть один из подходов к его решению, начав с представлений о влиянии географической среды на общество, позднее оформленных в виде концепции географического детерминизма.

Впервые эта проблема была сформулирована в Древней Греции, что, на наш взгляд, закономерно. К этому суждению приводит концепция Л.И. Мечникова, который считал, что все цивилизации можно условно разделить на три группы: речные, морские и океанические. Первые из них, наиболее ранние цивилизации, образовались вдоль великих рек и были в значительной степени изолированы. Цивилизацию Эллинов он относил к более прогрессивной группе морских цивилизаций, перед которыми, в свою очередь, возникла необходимость вести диалог с другими цивилизациями, уже менее отстраненными друг от друга. Поэтому не кажется удивительным факт, что вопрос о причинах различий между цивилизациями возник именно в эту эпоху.

Одним из первых, кто изучал влияние климата на народы, был Гиппократ. В трактате «О воздухах, водах и местностях» он рассматривал влияние климата на здоровье людей и подробно описывал наиболее распространенные болезни жителей прибрежных городов, горных поселений, а также живущих в низменных районах. Его исследование оказалось гораздо шире первоначальных рамок. Развивая свои наблюдения, он описывал характерные черты жителей, населявших соседние с Элладой регионы: Египта, Европы и Восточной Азии: «По моему мнению, Азия весьма много отличается от Европы как природою всего того, что производится из земли, так и природою людей, ибо все в Азии рождается более красивым и более великим, и самая страна мягче другой, и нравы людей приветливее и спокойнее. И причиной всего этого служит умеренность времен года <...> Что же касается вялости духа и трусости, то наибольшей причиной, почему азиаты

менее воинственны, чем европейцы, и отличаются более тихими нравами, суть времена года, которые не производят больших перемен ни к теплу, ни к холоду, но всегда приблизительно одинаковы, ибо тогда ни ум не испытывает потрясений, ни тело не подвергается сильным переменам, от которых нравы естественно грубеют и делаются участниками безрассудства и отваги в большей степени, чем когда все остается в одном и том же состоянии. В самом деле, перемены всего сильнее возбуждают ум человека и не позволяют оставаться в покое» [1. С. 292–296].

Крайне любопытно еще одно его наблюдение: «Большая часть Азии управляется властью царей. А там, где люди сами над собой не властны и не автономны, а подчинены владыке, забота у них не о том, чтобы упражняться в военных делах, а чтобы казаться неспособными к войне» [Там же. С. 296]. Гиппократ не случайно отметил деспотический характер отношений власти и населения в Азии, полагая, что такая форма отношений в значительной степени обусловлена иной формой ведения хозяйства, нежели в Европе. Первопричиной этого являлись различия в среде обитания народов этих частей света, что отмечал и сам Гиппократ.

Аристотель также не обошел вниманием данный вопрос в труде «Политика», посвященном вопросам государственного устройства. Однако далеко не все его суждения можно назвать верными. Так, он писал: «Природа определила образ жизни животных с таким расчетом, чтобы каждому из них можно было с большей легкостью добывать себе подходящую пищу <...> То же самое и среди людей. Образ их жизни бывает весьма различным. Наиболее ленивые из них ведут образ жизни кочевников, которые питаются, не прилагая ни труда, ни заботы, мясом домашних животных» [2. С. 388]. Конечно, не природа определила подходящий способ пропитания для каждого биологического вида, но каждый вид в бесконечной борьбе за существование приспособлялся к среде обитания. Кочевой образ жизни не был следствием врожденной лени, но являлся единственным способом выжить в бедных степных районах земли. Это, конечно, не было столь очевидно в эпоху Аристотеля, как в наше время.

Несмотря на то что его исходная точка зрения вряд ли являлась верной, дальнейшие рассуждения весьма интересны. Аристотель подверг сомнению наличие универсального типа государства, подходящего всем народам во все времена. Он полагал, что суждение о правильности выбора государственного устройства следует делать, исходя из конкретных условий, в которых это государство находится. «Ведь следует иметь в виду не только наилучший вид государственного устройства, но и возможный при данных обстоятельствах, <...> следует постараться ввести такой государственный строй, который при данных обстоятельствах оказался бы легче всего приемлемым» [Там же. С. 487]. Одним из таких обстоятельств, несомненно, является географическая среда. Далее он рассматривал влияние на государственное устройство и благополучие таких условий, как близость к морю, холодный климат и т.д. [Там же. С. 599–601].

Другим античным ученым, обратившим внимание на данную проблему, был историк и географ Страбон. Его труд «География» был крупнейшим для своего времени исследованием в этой области и включал 17 томов, посвященных всем известным частям света. Как и предшественники, Страбон не стремился выдвинуть какую-либо концепцию, которая могла бы объяснить влияние природной среды на этнос, в ней обитающий, однако вполне очевидно, что он видел непосредственную связь между ними. Свидетельством этого являются его замечания о различных частях света и населяющих их народах: «Начинать описание следует с Европы, потому что она не только являет разнообразие формы, но и удивительно приспособлена природой для усовершенствования людей и государственных форм, а также потому, что она передала и другим частям света большую часть своих собственных благ и целиком удобна для обитания» [3. С. 126]. Страбон считал, что европейские народы обязаны своим развитием удивительному сочетанию равнинных плодородных и гористых местностей, при котором различные по своей культуре, характеру, преобладающему виду хозяйственной деятельности народы все же вынуждены взаимодействовать друг с другом из-за близкого соседства: «В силу этого среди других стран в отношении войны и мира Европа является наиболее независимой; ведь в ней много воинственного населения, а также земледельцев и стражей городов» [Там же. С. 127].

С наступлением «темных» веков вопрос о географическом факторе утратил свое значение. В это время происходило укрепление провиденциализма, и события истории стали рассматриваться с точки зрения влияния Провидения, или Высшего Промысла. Вполне очевидно, что вопрос о влиянии среды в то время воспринимался как несущественный.

Все переменялось с началом эпохи Возрождения. В науке этот период связан с освобождением от господства теологии и ростом интереса к культурному и научному наследию Античности. Естественно, что в

эту эпоху вновь возник интерес к роли природной обусловленности.

Одним из первых был написанный в 1566 г. труд французского философа и историка Жана Бодена «Метод, облегчающий познание истории». Он отмечал, что климатические различия обладают большим влиянием на историю народов; он также анализировал влияние рельефа, рек и т.п. В то же время он писал о влиянии планет на человечество, что, конечно, было заблуждением: «В силу необходимости понять космографию, историк должен посвятить ряд исследований представлениям о мире в целом, включая малую карту. Затем он должен написать о соотношении небесных тел и элементарных стихий, особенно об уранографии, основанной на знаниях о соотношении элементов – воздуха, воды, земли. Из этого он должен сделать заключение об анемографии, гидрографии и географии, рассматривая последнюю на основе разделения поверхности Земли на десять областей и столько же климатических поясов. Полезным для наблюдений будет учет направления ветров, особенностей климата, влияния морей и расположения земель» [4. С. 27].

Проблему влияния географической среды рассматривали в своих трудах также Ф. Бэкон, У. Темпл, Б. Фонтенель [5. С. 268], Т. Мор, Т. Гоббс [6. С. 10].

В это время произошло еще одно событие, которое нельзя обойти стороной. Итальянский философ и историк Д. Вико представил труд «Основания новой науки». Несмотря на то что в данной работе не было уделено особого внимания вопросу взаимодействия среды и человека, он, тем не менее, произвел определенный переворот в данной области. Причиной послужила предложенная им цивилизационная теория, а также концепция циклического развития цивилизаций, которая в трудах более поздних исследователей, в частности Л.И. Мечникова, рассматривалась неразрывно с географическим фактором.

С началом эпохи Просвещения интерес к влиянию географической среды на общество заметно возрос. Так, Монтескье посвятил вопросу влияния климата на государственное устройство целый раздел в труде «О духе законов». Рассуждения он начал с тезиса: «Если справедливо, что характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах, то законы должны соответствовать и различию этих страстей, и различию этого характера» [7. С. 198]. Основную идею относительно особенностей законодательства в странах с различным климатом он сформулировал следующим образом: «Дурные законодатели – те, которые поощряли пороки, порожденные климатом, а хорошие – те, которые боролись с этими пороками» [Там же. С. 202]. В восточном контексте, по мнению Монтескье, положительными можно назвать законы, побуждающие к труду, в то время как принципы религии индуизма с ее стремлением к небытию или нирване он считал негативными.

Как и многие предшественники, Монтескье не избежал отдельных заблуждений, очевидных в наше вре-

мя: «Холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу. Он вызывает сокращение этих мышц и таким образом еще более увеличивает их силу. Наоборот, теплый воздух ослабляет наружные волокна, растягивает их и, следовательно, уменьшает их силу и упругость. Поэтому в холодных климатах люди крепче...» [Там же. С. 202]. Таким нехитрым способом он объяснял различия в характере между европейцами и азиатами, указывая на не слишком смелый характер последних. Удивительно, но рассмотренные выше взгляды Гиппократов относительно данного вопроса смотрятся современнее.

Развивая гипотезу о слабости духа южан, Монтескье пришел к противоречию с известным ему фактом: «Индийцы от природы лишены мужества. <...> Но как совместить с этим их жестокость, их обычаи и варварские наказания? Мужчины там подвергают себя невероятным мукам, а женщины сами себя сжигают» [Там же. С. 201]. Предложенное им решение едва ли можно назвать удовлетворительным: «Природа, которая дала людям слабость, делающую их робкими, наделила их вместе с тем столь живым воображением, что все поражает их сверх меры. Та же самая чувствительность органов, которая заставляет их бояться смерти, заставляет их страшиться многого более смерти. И та же самая чувствительность, которая заставляет их избегать опасностей, даст им силу презирать эти опасности» [Там же].

Однако наряду с обыкновенными заблуждениями в его работе есть и такие идеи, с которыми мы решительно не можем согласиться. Монтескье писал о своем отрицательном отношении к рабству, но почему-то в отношении темнокожих рабов он сделал исключение: «Если бы мне пришлось защищать право, в силу которого мы сделали негров рабами, то я сказал бы следующее. <...> Люди, о которых идет речь, черны от головы до пят, и нос у них до такой степени приплюснут, что жалеть их почти невозможно. Нельзя себе представить, чтобы Бог – существо очень мудрое – вложил душу, и притом хорошую, в совсем черное тело. Мысль, что сущность человека заключается в цвете его кожи, так естественна, что народы Азии, кастрирующие чернокожих с целью пополнить число своих евнухов, прибегают тем самым к наиболее наглядному средству, чтобы лишить негров сходства с нами. <...> Что негры лишены здравого смысла, доказывается тем, что они предпочитают ожерелья из стеклышек золоту, которое в таком великом почете у народов просвещенных» [Там же. С. 212–213]. И эта эпоха носит название «Просвещения»? Увы, несмотря на отдельные интересные идеи и замечания, Монтескье едва ли внес много нового в вопрос о влиянии климата на общество.

Совсем иной подход можно встретить в трудах Иоганна Готфрида Гердера. Наибольший интерес для

нас представляет его работа «Идеи к философии истории». Она заметно отличается по своему стилю от ранее рассмотренных трудов, оставляя ощущение научной работы в современном ее понимании.

Он не разделял взгляды мыслителей эпохи Просвещения, веривших в то, что лишь искусство периодов максимального расцвета культуры заслуживает одобрения, а также то, что культура в ее высших проявлениях должна быть одинакова для всех народов.

Он считал, что культура каждого народа уникальна, является отражением истории и реальности этих этносов, а потому ее нельзя судить по единым правилам. Гердер был сторонником того, что народы, подобно индивидам, переживают в своем развитии периоды молодости и старости, т.е. каждый этнос имеет свой собственный срок жизни, ограниченный во времени. Он полагал, что человечество является частью Земли, оно вместе с Землей сотворено и неразрывно связано, и был уверен, что в этой великой мастерской человеку отведена главная роль. Вся предшествующая история Земли воспринималась им лишь как подготовка к рождению человека.

Гердер решительно отверг расистские взгляды своих предшественников: «Ты, человек, чти себя. Не понго и не лонгиман – брат твой, а брат твой – американец, негр. И, значит, его не должен ты угнетать, его не должен убивать, у него не должен красть, ибо он человек, как и ты <...> Ибо каждый народ – это народ, и у него есть и язык, и особое, присущее только ему, строение. <...> Цвет кожи постепенно переходит один в другой и в целом каждый – лишь оттенок великой картины, одной и той же, простирающейся через все страны и времена земли» [8. С. 172].

Вопрос влияния климата в работе Гердера также был поднят на новый уровень. Многие его замечания по данному вопросу сохраняют актуальность. Свое повествование он начал с рассказа о положении Земли и ее орбиты относительно Солнца и соответствующих различий в распределении солнечного тепла. Далее он рассмотрел положение основных горных хребтов и связанных с ними особенностей. Он не упустил из виду и влияние флоры и фауны на человечество: «...односторонней и неполной будет история человека, если рассматривать его вне связи с животным миром» [Там же. С. 45]. Он также дал общую характеристику народам, живущим в различных типах климата: вблизи полярного круга, близ горных хребтов Азии, в Африке. Его комментарии относительно характерной внешности этих народов просты, но не банальны. Так, малый рост эскимосов он объясняет тем, что плотному коренастому человеку намного проще переживать морозы. А их самих Гердер описывал с заметной долей уважения: «В браке и во всем их образе жизни царит какой-то кроткий нрав, аффекты они упорно сдерживают. Не чувствуя тех раздражений, что более подвижные и энергичные, рождаемые теплым климатом существа, они живут и умирают кротко и мирно; равнодуш-

но-довольные всем, они и трудятся, чтобы только-только удовлетворить малые потребности» [Там же. С. 141].

Резюмируя написанное о влиянии климата на человечество, Гердер все же признавался, что какого-либо единого закона, который мог бы описать его воздействия, нет, и он его также не предлагает: «Чем более систематично продумывали и формулировали подобные выводы, тем рискованнее были они. Их шаг за шагом опровергают примеры, взятые из истории, даже физиологические аргументы, потому что одновременно действует много сил, даже много противоречивых сил. Даже великого Монтескье упрекали в том, что климатический дух законов он основал на обманчивом опыте с “бараньим языком”. Конечно, люди – это податливая глина в руках климата, но пальцы создают такие разнообразные формы, а противодействующие законы столь многообразны, что, быть может, лишь сам Гений человечества может составить уравнение всех этих сил» [Там же. С. 178].

Вслед за Гердером многие ученые конца XVIII, а затем и XIX в. так или иначе исследовали этот вопрос. Отметим лишь некоторых из них: И. Кант; И.Р. Форстер; П.С. Паллас; Э.А. Циммерман; И. Тэн; Ж.Б. Ламарк; К. Риттер [6. С. 12]; Э. Рэклю; Ф. Ратцель и многие другие. Итак, к концу XIX в. уже имелся широкий спектр взглядов о влиянии географической среды на общество. Некоторые мыслители, как Монтескье, явно абсолютизировали значение этого фактора, иные, как Карл Маркс, лишь указывали на его наличие, отдавая решающую роль в историческом процессе иным силам. Но само существование географического фактора уже никто не подвергал сомнению. Между тем отдельные белые пятна в данном вопросе сохранялись. К примеру, не было вполне ясно, почему в регионах, более удобных для проживания человека, будь то, например, Океания или Южная Америка, социальный прогресс был меньшим, чем в странах умеренного пояса, где людям, несомненно, было сложнее выжить. Ответить на этот вопрос помогает работа «Цивилизация и великие исторические реки» Л.И. Мечникова, который представил нетипичный взгляд на роль географического фактора.

Оригинальный подход, продемонстрированный Мечниковым, является прямым следствием его многогранной личности, интересного жизненного опыта и широты научных взглядов. Будучи совсем юным, он покинул Родину, сражался за свободу итальянцев, был активным деятелем русской эмиграции 60–70-х гг. XIX в. Среди его знакомых были Н.Г. Чернышевский, М.А. Бакунин, А.И. Герцен, Н.П. Огарев и другие известные мыслители. Он интересовался работами П. Прудона, вел переписку с П.А. Кропоткиным и Г.В. Плехановым, являлся соратником другого упомянутого исследователя Э. Реклю. Мечников знал множество языков, был географом и путешественником, этнографом и социологом.

Этот удивительный человек создавал новую концепцию о зарождении и развитии цивилизаций и роли географической среды в данном процессе. Основным же новаторством его работ был синтез географического детерминизма и теории социального прогресса.

Он писал: «Мы далеки от географического фатализма, в котором нередко упрекают теорию о влиянии среды. По моему мнению, причину возникновения и характер первобытных учреждений и их последующей эволюции следует искать не в самой среде, а в соотношениях между средой и способностью населяющих данную среду людей к кооперации и солидарности» [9. С. 262]. В данной цитате, по нашему мнению, отражена основная идея географического детерминизма в концепции Мечникова. Рассмотрим ее подробнее.

Ф. Энгельс, указывая на неоспоримую роль труда в процессе антропогенеза, писал: «Труд создал самого человека» [10. С. 486]. По его мнению, важнейшие преобразования в жизни предков человека начались с того, что они перешли к прямоходящему способу передвижения. Освободившиеся кисти стали использоваться для более сложных операций, чем прежде. Так как умелые руки стали преимуществом в конкурентной борьбе с другими видами, то особи, ими обладающие, получали дополнительный шанс выжить и дать потомство. Со временем предки человека научились изготавливать примитивные орудия труда, что стало своего рода поворотным моментом в эволюции. Теперь в борьбе за выживание выигрывал не только сильный и выносливый, но умелый и трудолюбивый, способный восполнить собственный недостаток в длинных когтях каменным ножом, а в цепких лапах – копьём.

Так и облик первых цивилизаций, по мнению Мечникова, сформировал совместный труд. В некоторых природных условиях древнему человеку приходилось кооперировать свои усилия с другими людьми, к примеру для орошения полей. В таком случае структура общества становилась сложнее, появлялась основа для разделения труда и дальнейшей социальной дифференциации. В иных природных условиях каждый индивид мог сам получить все необходимое для жизни. В такой среде цивилизация как бы замирала в своем развитии, едва родившись [9. С. 273]. Разумеется, механизм воздействия географического фактора не был линейным. Выше описано влияние среды на зарождение и первоначальное развитие цивилизаций, по Мечникову, речных [Там же. С. 333], так как все они зародились вдоль великих рек (Евфрат и Тигр, Нил, Хуанхэ и др.)

Море в эти ранние периоды не играло для человека почти никакой роли, разве что представляло собой природный барьер. Однако уже в эллинистическую эпоху оно превратилось из разделителя в естественный и удобный путь для плаваний. Он писал: «Цивилизации, возникшие на берегах великих исторических рек, могли быть только первобытными, изолированными и отличными друг от друга, и наоборот, когда цивилиза-

ции распространялись с берегов рек на побережья морей, они становились способными к распространению, к дальнейшему развитию и постепенно охватывали целый ряд народов, приобретая международный характер» [Там же. С. 334]. Таким образом, средиземноморские народы получили новую возможность для торговли, культурного обмена и даже ведения войны, что не преминуло отразиться на их развитии.

Новейший период, по мнению Мечникова, можно назвать периодом океаническим, который начался с открытия Нового Света Христофором Колумбом. Основным же результатом этого процесса являлось сближение народов и постепенное стирание различий между цивилизациями.

Увы, лишь эпоха речных цивилизаций была рассмотрена в его работе достаточно подробно. Судьба не дала ему возможности завершить начатое. Черновик рукописи «Цивилизаций» был подготовлен к печати после его смерти и издан его товарищем Элизе Реклю, с которым Мечников роднили не только дружба, но и общность научных и политических взглядов.

Кроме предложенных им концепций о роли кооперации и классификации цивилизаций, в работе Мечникова можно обнаружить интересные размышления о влиянии изменения климата, в частности завершения ледникового периода, на процесс перемещения культурных центров на север, в Европу [Там же. С. 315], весьма передовые для своего времени. Следует отметить, что огромный вклад в изучение ледников в мировую науку внес друг Мечникова – известный русский анархист П.А. Кропоткин, который по роду научной деятельности был профессиональным географом.

В своем исследовании Мечников также рассматривал влияние растительного и животного мира на народы. В конце концов, преобладающая флора и фауна привязана к определенным климатическим условиям, следовательно, ее можно назвать частью географической среды, чего не скажешь о человеке, который засе-

лил все части света, где вообще возможна жизнь. Он отмечал несомненное влияние на культуру народов хозяйственной деятельности: рыбной ловли; китобойного промысла; охоты; кочевничества; сельского хозяйства и преобладающей возделываемой культуры.

Иногда, писал он, воздействие географической среды бывает случайным и на первый взгляд непредсказуемым. Например, цепь плоскогорий, отделяющих Центральную и Южную Африку от ее северной части, на века скрыло сердце «Черного материка» от влияния извне. Схожую роль в формировании своеобразия островной культуры Японии сыграли течение Куро-Сиво и цепь подводных рифов, «делающих доступ к берегам японских островов весьма опасным» [Там же. С. 279]. Схожим образом Альпы сыграли важную роль в сохранении Швейцарской общины.

Таким образом, географическая среда в концепции Мечникова является сложным и многогранным фактором, значение которого может варьироваться от определяющего до значимого в зависимости от конкретных исторических условий. В отличие от многих других сторонников географического детерминизма, он ничуть не умалял значение иных факторов в историческом процессе, оставляя пространство для новых многофакторных теорий: «Говоря вообще, надлежит помнить, что историческое значение очертаний и рельефа страны – это главный факт, на который надлежит обращать внимание при изучении истории... Изучая пространство, необходимо, конечно, отдавать себе отчет и о действии другого равносильного элемента – времени.

Здесь, однако, следует добавить, что мы отнюдь не являемся защитниками теории «географического фатализма», провозглашающего, наперекор фактам, что данная совокупность физико-географических условий играет и должна всюду играть одну и ту же неизменную роль. Нет, дело идет только о том, чтобы установить историческую ценность этих условий и изменчивость этой ценности в течение веков и на разных ступенях цивилизации» [Там же. С. 323].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиппократ. Избранные книги. М., 1936. 736 с.
2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
3. Страбон. География. Л. : Наука, 1964. 944 с.
4. Жан Боден. Метод легкого познания истории. М. : Наука, 2000. 412 с.
5. Семенов Ю.И. Философия истории. М. : Современные тетради, 2003. 776 с.
6. Ratzel F. Anthropogeographie. Stuttgart: Verlag von J. Engelhorn. 1909. 400 с.
7. Шарль Луи Монтескье. О духе законов. М. : Мысль, 1999. 672 с.
8. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977. 703 с.
9. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М. : Пангея, 1995. 464 с.
10. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. Т. 20. 828 с.

Petrenko Alexandr N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexandr__n@mail.ru

ENVIRONMENTAL DETERMINISM IN METCHNIKOFF'S CONCEPTION.

Keywords: Leo Metchnikoff; environmental determinism; civilizational approach.

Article describes genesis of views about affect of geographical environment on society. Description is separated to four parts which relate to different stages of doctrines formation. Greek philosophers like a Hippocrates, Aristotle, Strabo are aggregated into first group, their works contain only unsystematic notes about influence of natural conditions to the local population. Second period is related to The Renaissance which is represented by science's renewal and returning of interest to the legacy of antiquity and problem of geographical factor. Different notes about this issue could be found in works of Jean Bodin, Francis Bacon, etc. Next group contains scientists of Age of Enlightenment. In this time, accent to the influence of geographical environment to society increased. Montesquieu devoted part of

his work "The Spirit of the Laws" to the problem of climate's impact to the state structure. It is significant to mention other philosophers of this age such as Voltaire and Buffon which also contribute evolution for this issue. Philosophers of end of XVIII – XIX centuries are joined into the last group. This time's doctrine, about "role of geographical factor", is very popular. Johann Herder was one of the first who offer full concept of geographical determinism. He criticizes ideas of Age of Enlightenment philosophers and well-known opinion, which tells that culture in its highest demonstration should be equal for all nations. He thinks that each nation has its own culture and culture is reflection of history and reality of these ethnoses therefore it can not be judged by general rulers. Herder was a follower of idea which tells that nations as an individual experiences young and old periods in its evolution. Many scientists like a Jean-Baptiste Lamarck, Carl Ritter, Élisée Reclus investigate this trend. Special attention in this article was given to Leo Metchnikoff's ideas. He constructively re-thought conception of geographic determinism and gave a critic to tendency of absolutization of role of geographic environment which was popular in earlier years. Metchnikoff wrote: "In my opinion, it would be well to search cause of rise and disposition of primitive institutions and its evolution not in environment but in relations between environment and ability of peoples which populate this environment to cooperation and solidarity". Main innovation of his works was synthesis of theory of social progress and geographical determinism. Geographical environment in Metchnikoff's concept is complex many-sided factor, whose consequence can change from deterministic to main in dependence of concrete historical conditions. In the same time, the main difference from other followers of geographical determinism that he does not depreciate significance of other factors in historical process and it allows to have a place for new multifactorial theories.

REFERENCES

1. Hippocrates. *Izbrannye knigi* [Selected books]. Translated by V.I. Rudnev. Moscow: State Publishing House of Biological and Medical literature, 1936. 736 p.
2. Aristotle. *Sochineniya*: v 4 t. [Works. In 4 vols.]. Translated from Ancient Greek by A.I. Dovatur. Moscow: Mysl' Publ., 1983, vol. 4. 830 p.
3. Strabo. *Geografiya* [Geography]. Translated by G.A. Stratanovskiy. Leningrad: Nauka Publ., 1964. 944 p.
4. Bodin J. *Metod legkogo poznaniya istorii* [An easy method of learning history]. Translated from French by M.S. Bobkova. Moscow: Nauka Publ., 2000. 412 p.
5. Semenov Yu.I. *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. Moscow: Sovremennye tetrady Publ., 2003. 776 p.
6. Ratzel F. *Anthropogeographie*. Stuttgart: Verlag von J. Engelhorn, 1909. 400 p.
7. Montesquieu Ch.L. *O dukhe zakonov* [The Spirit of Laws]. Translated from French by A.V. Matshuk. Moscow: Mysl' Publ., 1999. 672 p.
8. Herder I.G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas to the philosophy of history of Mankind]. Translated from German by A.V. Mikhailov. Moscow: Nauka Publ., 1977. 703 p.
9. Mechnikov L.I. *Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki* [The civilization and the great historical rivers]. Moscow: Pangeya Publ., 1995. 464 p.
10. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Translated from German. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1961, vol. 20, 828 p.

**С.В. ЮШКОВ И ДИСКУССИИ О СУЩНОСТИ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В КАЗАХСКОМ КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ**

Исследуются жизнь и научная деятельность профессора С.В. Юшкова, который занимался проблемами истории государства и права Казахстана в 1942–1952 гг. В ходе изучения личного фонда С.В. Юшкова, хранящегося в Центральном архиве Академии наук Республики Казахстан, была обнаружена неопубликованная рукопись его работы «Очерки по истории казахского государства и права» (примерное время написания – 1951–1952 гг.). В данной статье на основе архивных материалов личного фонда С.В. Юшкова, а также опубликованных трудов ученого по истории Казахстана предпринята попытка проанализировать его взгляды на проблему специфики общественного строя кочевых народов. В частности рассматривается полемика С.В. Юшкова по этой проблеме с другим советским историком С.Л. Фуксом. В статье также анализируются дискуссии советских историков по проблеме общественного строя кочевых народов и теории «кочевого феодализма» 1947–1952 гг. в Академии наук Казахской ССР, организованных по инициативе С.В. Юшкова.

Ключевые слова: С.В. Юшков; историография; феодальная собственность; кочевой феодализм; история государства и права Казахстана.

В 1992 г. в Центральный архив Академии наук Республики Казахстан (ныне – Объединенный ведомственный архив Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ОВА КН МОН РК. – *Н.Д.*), г. Алматы) поступил на хранение личный фонд С.В. Юшкова (Ф. 106). Документы Серафима Владимировича Юшкова (1888–1952) были переданы в дар его дочерью Евгенией (1915–2003). Они содержат материал, касающийся научной и педагогической деятельности С.В. Юшкова в Казахстане в 1942–1952 гг. Основную часть архивных документов Е.С. Юшкова передала в Центральный государственный архив-музей литературы и искусств Украины [1. С. 75].

В октябре 1992 г. В. Наурузбаева в предисловии к описи личного фонда С.В. Юшкова отметила: «В результате научно-технической обработки отложилось 32 дела. Научных трудов в фонде нет, в основном хранятся биографические материалы, небольшая переписка, две фотографии» [2]. В апреле 2013 г. было получено разрешение Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК о доступе к личному фонду С.В. Юшкова. Изучение фонда проводилось путем полистного просмотра. Выяснилось, что документы составляли 5 связок, в то время как в описи указана только меньшая его часть. До настоящего времени значительная часть архивного материала не разобрана и не описана, что затрудняет работу исследователей.

В составе фонда находятся: рецензии и отзывы С.В. Юшкова на монографии и диссертации, документы общественной и служебной деятельности, рабочие тетради с записями, письма, фотографии. Важную часть составляют рукописи С.В. Юшкова, в том числе его неопубликованная рукопись книги под названием «Очерки по истории казахского государства и права» (далее – «Очерки»). Анализ первого параграфа (§ 1. «Историографический обзор». – *Н.Д.*) первой главы «Очерков» позволяет установить примерное время написания рукописи – 1951–1952 гг. Нижней границей служит упоминание в тексте уже опубликованной в марте 1951 г. в Известиях Академии наук Казахской

ССР статьи С.Л. Фука «Некоторые вопросы истории казахского государства» [3]; верхней границей – дата смерти ученого – 14 августа 1952 г. О том, что в 1951 г. С.В. Юшков вел работу над своими «Очерками» и готовился их издать, было сказано в кратком сообщении Ш.В. Тлепиной [4. С. 15]. Собственно, это едва ли не единственное документальное упоминание об «Очерках» С.В. Юшкова. В действительности, до настоящего времени отсутствовала полная и достоверная информация о существовании и местонахождении рукописи С.В. Юшкова. Исследователям еще предстоит работа по ее изучению, изданию и вводу в научный оборот. Научную значимость данной рукописи невозможно переоценить.

Научное творчество профессора С.В. Юшкова занимает видное место в советской историографии 30–50-х гг. XX в. С.В. Юшков опубликовал более 100 научных работ – статей, монографий, рецензий. Среди этих работ особенно значимыми являются его монографии: «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» (1939 г.), «Общественно-политический строй и право Киевского государства» (1949 г.), «Русская Правда: происхождение, источники, ее значение» (1950 г.). С.В. Юшков, наряду с такими учеными, как Б.Д. Греков и др., считается «одним из основоположников науки истории государства и права СССР» [5. С. 92]. Предложенная С.В. Юшковым периодизация истории государства и права России до революции 1917 г. была официально признана в советской историографии [6. С. 39].

А.В. Журавель на основе проведенного им анализа работ по истории общественного строя Древней Руси 30–80-х гг. XX в. пришел к выводу, что специальных исследований, посвященных научному творчеству С.В. Юшкова, практически нет. Он писал: «... почти не делалось попыток определить своеобразие концепции С.В. Юшкова, а стало быть, ее место в отечественной историографии. Взгляды историка (С.В. Юшкова. – *Н.Д.*) (не концепция, а именно взгляды) в лучшем случае описывались, но не анализировались, а признание заслуг его в

этом случае оставалось не чем иным, как общей фразой, ни к чему не обязывающей декларацией» [7. С. 326].

Состояние историографической литературы 1990-х – начала 2000-х гг. по этому вопросу главным образом не изменилось. В 90-х гг. XX в. вышли в свет книги И.Я. Фроянова «Киевская Русь: Очерки отечественной историографии» (1990 г.), Л.В. Даниловой «Сельская община в средневековой Руси» (1994 г.), М.Б. Свердлов «Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков» (1996 г.). В них трудам С.В. Юшкова уделено много внимания. Однако, по словам А.В. Журавеля, нет исчерпывающей характеристики концепции С.В. Юшкова об общественном строе Древней Руси в целом [Там же. С. 341].

Позднее появились исследования, раскрывающие значение работ С.В. Юшкова преимущественно по вопросам историко-правовой науки. П.А. Кострюков в 2009 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Государственно-правовые воззрения Серафима Владимировича Юшкова». В 2012 г. А.И. Кривенький издал монографию под названием «Становление концепции истории государства и права России (на примере трудов профессора С.В. Юшкова)».

Таким образом, можно утверждать, что концепция формирования феодального общества в Древней Руси, разработанная в трудах С.В. Юшкова, остается малоизученной. Между тем она занимала важное место в научном творчестве этого ученого.

Еще в меньшей степени исследован и обобщен материал, отразивший деятельность С.В. Юшкова по изучению проблем истории казахского народа. Во время пребывания в Казахстане он вел большую научно-организаторскую и педагогическую деятельность. В советской и современной отечественной историографии отсутствуют специальные работы, посвященные научному наследию ученого по вопросам казахского кочевого общества. В данной статье на основе архивных материалов из личного фонда С.В. Юшкова, а также опубликованных трудов ученого по истории Казахстана предпринята попытка систематизировать взгляды С.В. Юшкова на проблему специфики общественного строя у кочевых народов.

В годы Великой Отечественной войны в Алма-Ату был эвакуирован Московский юридический институт. В соответствии с Постановлением ЦК КП (б) Казахстана и СНК Казахской ССР от 29 декабря 1941 г. Московский и Алма-Атинский юридический институты были временно объединены и им присвоено наименование «Первый государственный юридический институт Народного комиссариата юстиции СССР» (далее – I ГЮИ) [8. С. 34]. В 1941–1943 гг. С.В. Юшков работал профессором в I ГЮИ. В 1946 г. он был избран действительным членом Академии наук Казахской ССР и назначен директором Института истории, археологии и этнографии. В этой должности он проработал до лета

1948 г. Позже Юшков принимал самое деятельное участие в работах Института и сектора права в качестве главного научного консультанта.

В Алма-Ату был эвакуирован и Савелий Львович Фукс (1900–1976), профессор Харьковского юридического института. В 1941–1943 гг. С.Л. Фукс – профессор I ГЮИ. В 1943–1945 гг., в связи с эвакуацией Московского юридического института, он был переведен в Алма-Атинский юридический институт. С.Л. Фукс одновременно работал в Казахском филиале АН Казахской ССР (далее – КазФАН СССР). После отъезда из Казахстана летом 1945 г. он по-прежнему состоял (по совместительству) в штате сектора права КазФАН СССР. Сотрудничество продолжалось до 1947 г. [9. С. 51]. В 1945 г. С.В. Юшков и С.Л. Фукс были награждены орденами «Знак Почета» и медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

С.В. Юшков и С.Л. Фукс сыграли большую роль в становлении истории государства и права Казахстана как науки и учебной дисциплины. Именно Юшков был инициатором создания секции государства и права в структуре КазФАН СССР. В сентябре 1942 г. секция государства и права при секторе истории Института языка, литературы и истории КазФАН СССР начала свою работу. Секцией руководил С.В. Юшков [10. С. 23].

С.В. Юшков и С.Л. Фукс, вместе с другими эвакуированными учеными из Москвы и Ленинграда, приняли участие в подготовке коллективного труда «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (далее – «История Казахской ССР») под редакцией М. Абдыкалыкова и А.М. Панкратовой. Книга была издана в 1943 г. и явилась заметным событием в советской историографии. Это был первый опыт написания в СССР обобщающего труда по истории национальной республики. А.М. Панкратова писала: «Для редактирования и написания отдельных глав, посвященных истории развития государства и права в Казахстане, были привлечены профессора (Первого. – Н.Д.) Государственного юридического института, работающего ныне в Алма-Ата: товарищи Фукс (С.Л. – Н.Д.), Юшков (С.В. – Н.Д.) и другие» [11. С. 18]. В процессе создания книги неоднократно имело место бурное обсуждение, споры порой принимали острый характер. При характеристиках и оценках прошлого сталкивались различные мнения, но всех объединяла общая методологическая основа, сформулированная А.М. Панкратовой [12. С. 255]. Н.М. Дружинин писал: «...среди ученых, активно содействовавших разрешению спорных вопросов, был крупный правовед С.В. Юшков» [Там же. С. 244]. С.В. Юшков как ученый, руководитель научного коллектива внес большой вклад и в «подготовку второго издания (1949 г. – Н.Д.) “Истории Казахской ССР”» [2]. Он также был автором ряда глав в экспериментальном издании (1952 г.) «Истории Казахской ССР» и одним из редакторов этой книги. С.Л. Фукс

написал главу для первого (1943 г.) и второго (1949 г.) изданий «Истории Казахской ССР».

За годы работы в I ГЮИ, а затем в Алма-Атинском юридическом институте С.Л. Фукс «серьезно увлекся вопросами истории государства и права дореволюционного (1917 г. – *Н.Д.*) Казахстана» [13. С. 3]. Накопленный исследовательский материал стал основой для докторской диссертации на тему «Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половины XIX в.». В 1948 г. С.Л. Фукс успешно защитил ее в Ученом совете Института государства и права Академии наук СССР. Позднее он неоднократно планировал издать ее в виде монографии. Впервые попытка была предпринята в ноябре 1950 г., когда С.В. Юшков представил рукопись С.Л. Фукса для обсуждения в сектор права АН Казахской ССР [9. С. 56]. В 1971 и 1972 гг. он в последний раз «поднимал вопрос о возможности издания в Казахстане части его работы» [13. С. 4]. Однако все старания ученого оказались безрезультатными. С.З. Зиманов писал: «По разным причинам работа С.Л. Фукса в то время так и не была издана» [Там же]. Из четырех глав рукописи С.Л. Фукса, поступивших С.З. Зиманову в 1977–1978 гг., были подготовлены к печати только две. В таком виде книга была издана в 1981 г., правда, уже после смерти ученого [13]. Находящаяся в распоряжении редактора книги С.З. Зиманова глава рукописи под названием «Патриархально-феодальные отношения в Казахстане» была сокращена и не вошла в книгу.

Долгое время рукопись докторской диссертации С.Л. Фукса не могли обнаружить. Экземпляр рукописи отсутствовал и в Государственной библиотеке имени В.И. Ленина [Там же]. Работу С.Л. Фукса с пометкой «Секретно» обнаружили лишь в 2003 г. в архиве Научной библиотеки Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации [14. С. 7]. И только в 2008 г. труд ученого был издан в полном виде [15. С. 64]. Таким образом, только теперь исследователям представилась возможность ознакомиться с трудами С.Л. Фукса в полном объеме.

С.В. Юшков и С.Л. Фукс при жизни не успели издать свои главные работы по истории Казахстана. Если бы их труды были опубликованы в свое время, т.е. в 1948–1952 гг., то, несомненно, С.В. Юшков и С.Л. Фукс заняли бы достойное место в советской историографии по проблеме общественного строя кочевых народов. В советской историографии 1960-х – 1980-х гг. в этом вопросе взглядам С.В. Юшкова и С.Л. Фукса не уделялось почти никакого внимания. Это было связано со складывавшимися новыми традициями в советской историографии. По этому поводу А.В. Попов писал: «С начала 60-х годов (XX в. – *Н.Д.*) и до сего времени (1986 г. – *Н.Д.*) кочевниковедческие дискуссии историков-марксистов приобрели новые, не свойственные им в 50-е годы (XX в. – *Н.Д.*) черты: содержание современных научных обсуждений главным

образом определяется уже не выступлением в форме устных сообщений и статей, а публикацией специальных монографических трудов, обобщающих и систематизирующих громадный фактический материал, накопленный наукой о кочевниках» [16. С. 185]. Не приходится сомневаться в том, что в первую очередь с именами С.В. Юшкова и С.Л. Фукса следует связывать возобновившиеся в первые послевоенные годы (1947–1952 гг.) дискуссии о сущности феодальных отношений у кочевых народов. В личном архиве С.В. Юшкова сохранился отрывок стенограммы выступления ученого (далее – стенограмма) последней из этих дискуссий. Дискуссия явилась показателем того, насколько эта тема волновала советских исследователей.

На стенограмме не указана дата ее проведения. Приблизительную дату удалось установить, опираясь на упоминание С.В. Юшковым в тексте своего выступления предыдущей дискуссии, которая «была организована секторами экономики и права» [2]. Объединенная научная сессия секторов экономики и права АН Казахской ССР состоялась 21–23 апреля 1951 г. Одним из основных вопросов, поднимавшихся на сессии, был вопрос о феодальной собственности. С основным докладом по данному вопросу выступил С.В. Юшков [4. С. 13]. 10 мая 1951 г. Президиум АН Казахской ССР утвердил план проведения дискуссии на тему «Возникновение и характер феодальных отношений в Казахстане». Прежде всего должны были быть опубликованы доклады С.В. Юшкова и В.Ф. Шахматова, прочитанные ими на научной сессии в апреле 1951 г. В 1951 г. в № 7–11 (июль–ноябрь) журнала «Вестник АН Казахской ССР» были опубликованы доклады С.В. Юшкова, В.Ф. Шахматова, С.Е. Толыбекова, С.З. Зиманова, Ф. Жеребятьева. Г.Ф. Дахшлейгер писал: «В двадцатых числах января с.г. (1952 г. – *Н.Д.*) институт (истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. – *Н.Д.*) проводит дискуссию по вопросу о характере национальных движений в дореволюционном (1917 г. – *Н.Д.*) Казахстане» [17. С. 71].

В стенограмме затрагивался и вопрос о национальных восстаниях. В частности, С.В. Юшков отметил: «Последний вопрос – это вопрос о вождях и движущей силе восстания» [2]. Из вышесказанного следует, что последняя дискуссия историков (четвертая по счету. – *Н.Д.*), в которой принимал участие С.В. Юшков, вероятнее всего, была проведена в январе–феврале 1952 г. На этот счет С.В. Юшков заметил: «Мне приходилось организовывать первую дискуссию на историческом фронте в Казахстане в 1947 г. Сейчас (предположительно январь–февраль 1952 г. – *Н.Д.*) я уже принимаю участие в четвертой дискуссии» [2].

Суть спора участников этой дискуссии сводилась к следующему: что являлось основным средством производства в кочевом обществе – скот или земля. С.В. Юшков отстаивал мнение, что основу феодальных отношений в кочевом обществе составляла феодальная собственность на землю в виде распоряжения пастби-

щами. В частности, он отметил: «...в Казахстане господствующий класс – феодалы, султаны, а затем бии, осваивали пастбища и эксплуатировали рядовых кочевников путем предоставления им пастбищ, т.е. по земле» [Там же]. Эту точку зрения поддержали большинство участников обсуждения. Противоположную точку зрения высказал В.Ф. Шахматов, взгляды которого «до известной степени совпадают со взглядами С.Л. Фукса» [18. С. 59]. Согласно ему, в условиях кочевого скотоводческого хозяйства основой феодализма являлась частная собственность на скот.

С.Л. Фукс стал обосновывать и развивать эту мысль при написании докторской диссертации. Об этом С.В. Юшков писал в «Очерках»: «С.Л. Фукс создал особую теорию о сущности казахского государства, которую он положил в основу своей докторской диссертации, а затем популяризировал в докладе “Некоторые вопросы истории казахского государства”. <...> В основу своей теории он кладет взгляд о том, что основанием эксплуатации казахскими феодалами кочевников является не земля, не пастбища. <...> С.Л. Фукс считает, что в XVI–XVII вв. базой феодальной эксплуатации была, главным образом, концентрация в руках знати скота» [2]. Сам С.Л. Фукс в дискуссии не принимал участия, поэтому в роли главного выразителя его мнения выступил В.Ф. Шахматов. В своем выступлении Юшков отметил: «Но здесь вы, товарищи, слышали сегодня выступление Виктора Федоровича Шахматова, который говорит, что <...> якобы в Казахстане перешли ко взгляду о том, что в Казахстане основанием эксплуатации был скот» [Там же].

Содержание стенограммы позволяет сделать один немаловажный вывод. Именно эта дискуссия историков впервые показала, что проблема феодализма у кочевых народов содержит множество спорных вопросов. Впервые в советской исторической науке исследователи стали открыто подвергать критическому пересмотру устоявшиеся, как это казалось тогда, представления о феодализме в кочевом обществе. Высказанная в ходе дискуссии С.В. Юшковым критика в адрес В.Ф. Шахматова оказалась пророческой. В частности, Юшков сказал: «...учение В.Ф. Шахматова о скоте, как основании для эксплуатации, в конце концов грозит привести к таким трудностям, что понадобится не одна дискуссия, а, может быть, целый десяток дискуссий; может быть все нужно начать заново, все нужно дискутировать» [Там же].

Опасения Юшкова сбылись. Актуальность этого вопроса вызвала длительную дискуссию среди советских историков. Сложившаяся непростая ситуация побудила сначала Академию наук СССР провести в январе–феврале 1954 г. в Ташкенте объединенную научную сессию, на повестку обсуждения которой был вынесен вопрос о сущности феодальных отношений у кочевых народов. Затем дискуссия была продолжена в 1954–1956 гг. на страницах журнала «Вопросы истории». Выводы ученых получили дальней-

шее развитие в советской историографии 1960-х – 1980-х гг.

Вопрос о сущности феодальных отношений у кочевых народов был поднят в ноябре 1949 г. на научной сессии сектора права АН Казахской ССР. Большая роль в этом принадлежит С.В. Юшкову и С.Л. Фукусу. Их доклады вызвали оживленную дискуссию, в которой приняли участие В.Ф. Шахматов и др. С.В. Юшков писал: «...некоторые историки, например проф[ессор] С.Л. Фукс, стремятся доказать, что основанием для эксплуатации казахскими феодалами зависимых от них кочевников-скотоводов является владение скотом, а не землей, как это наблюдается у сельскохозяйственных народов. Но с таким положением нельзя согласиться» [19. С. 83]. Рассматривая казахское кочевое общество как феодальное, С.В. Юшков строго следовал учению о феодальной ренте, которое составляло основу научного понимания феодализма в марксистско-ленинской методологии. С.В. Юшков писал: «...Ленин, характеризуя четыре условия для существования феодализма, указывает, что вторым из этих условий является то, что непосредственный производитель “...был наделен средствами производства вообще и землей в частности; мало того – чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки”. Ленин нигде не говорит об исключениях из этого положения для основания феодальной эксплуатации у кочевых народов» [Там же]. Таким образом, С.В. Юшков отрицал какие-либо особенности феодальных отношений в кочевом обществе. Он придерживался мнения об универсальности теории феодализма по отношению как к оседлым, так и к кочевым народам.

Дискуссия по проблеме феодализма у кочевых народов была начата в советской исторической науке еще в начале 1930-х гг. В этот период многие советские историки, так же как и большинство русских ученых конца XIX – начала XX в., считали, что общественный строй кочевых народов находился на стадии родовых отношений. А.М. Панкратова писала: «В свое время в исторической литературе Казахстана происходила длительная дискуссия по вопросу о казахском колониальном ауле, в ходе которой выявилась буржуазно-националистическая концепция, пытавшаяся доказать, что в дореволюционном казахском ауле господствующими отношениями были не классовые, а патриархально-родовые» [11. С. 24]. Примером может служить и специальное совещание советских историков, состоявшееся в июне 1934 г. в Государственном научно-исследовательском институте культуры Бурято-Монгольской АССР (г. Улан-Удэ). Совещание выдвинуло ряд вопросов исторического прошлого бурято-монголов, центральным из которых была проблема феодализма в Бурятии. Во вступительном слове Радна Базарон обозначил назревшие проблемы: «Споры эти идут главным образом по двум линиям. Одни считают, что феодализм являлся главной и ведущей системой в бурятском улусе вплоть до Октябрьской революции

(1917 г. – *Н.Д.*). Другие, наоборот, считают, что начиная с конца XIX в. докапиталистические отношения не являлись ведущими в общественно-экономической жизни Бурятии. Есть еще точка зрения, которая отрицает прохождение Бурятии через стадию феодализма. Таким образом, речь идет о различном понимании общественно-экономической формации Бурятии» [20. С. 13].

Сложившуюся историографическую ситуацию ярко иллюстрирует статья Н.В. Кюнера «Буряты», опубликованная в «Большой советской энциклопедии» (Т. 8, 1927 г.). В частности, он писал: «До революции 1917 г. родовой строй среди бурят господствовал повсеместно и всемерно поддерживался царским правительством (по уставу Сперанского 1822 г. на родовом строе утверждалась вся общественная жизнь бурят, управление и суд)» (цит. по: [20. С. 4]). Уже само помещение статьи профессора Н.В. Кюнера в одной из крупнейших и наиболее авторитетных универсальных энциклопедий в мире, какой была «Большая советская энциклопедия», говорило о том, что так называемая «родовая» теория имела широкое практическое распространение в советской историографии 1920-х – начала 1930-х гг.

Таким образом, в 1920-х – начале 1930-х гг. при характеристике общественного строя кочевых народов многие советские историки все еще находились под сильным влиянием «родовой» теории. Однако советская идеология, исходя из марксистско-ленинской теории классовой борьбы, стремилась направить исследователей на создание универсальной модели общества. Согласно ей, кочевые народы, так же как и оседлые, достигли стадии развития классового общества. Для достижения этой цели в советской исторической науке постепенно вводился термин «патриархально-феодальные отношения».

Впервые этот термин прозвучал на X съезде РКП(б) в докладе И.В. Сталина «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» (1921 г.). Он общественные отношения народов, «по преимуществу тюркского населения... сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт», определил как патриархально-феодальные [21. С. 25]. В советской исторической науке термин «патриархально-феодальные отношения» стал применяться по отношению к кочевым народам, которые в своем развитии миновали рабовладельческую стадию. Но при этом подразумевалось, что эти народы еще не достигли развитых феодальных отношений, характерны для средневековых стран Западной Европы. С.В. Юшков писал: «...в Казахстане (до XVIII в. – *Н.Д.*) господствовали не просто феодальные отношения, а патриархально-феодальные отношения. Словом, многие черты казахского феодального государства и права имели патриархальную оболочку» [19. С. 85]. Термин «патриархально-феодальные отношения» начал активно вводиться в научный оборот в конце 1930-х гг. Так, в кратком

очерке «20 лет Казахской ССР» (1940 г.) уже говорилось, что до 1917 г. в казахском «ауле преобладали патриархально-феодальные отношения» [22. С. 21]. Но только на рубеже 1940-х – 1950-х гг. этому понятию стали придавать большое значение. Л.П. Потапов писал: «Этот термин (патриархально-феодальные отношения. – *Н.Д.*) хорошо передает специфику феодальных отношений, еще не освободившихся от патриархальной родовой оболочки, а иногда и переплетающихся с остатками или пережитками патриархальных отношений, с патриархальным укладом. Патриархально-феодальные отношения – это отношения феодальные, выросшие у кочевников, как и у земледельческих народов, под воздействием общей закономерности феодализма, на основе развития и упрочения феодальной собственности на главное средство производства – землю» [23. С. 35–36].

Вплоть до 20-х гг. XX в. основу хозяйства казахов составляло пастбищно-кочевое скотоводство, «по-прежнему определявшее смысл жизни, обычаи, уклад существования многомиллионного кочевничества» [24. С. 484]. В хозяйстве у казахов земледелие не получило большого развития. Причина этого заключалась во влиянии географической среды и природно-климатических условий. Поэтому в советской историографии конца 1920-х – начала 1930-х гг. появляются труды, в которых обращалось много внимания на особенности развития общественного строя в казахском кочевом обществе. Некоторые исследователи писали о том, что у казахов, так же как и у других кочевых народов, основным средством производства является скот. Земля, по их мнению, находилась в общинном пользовании. Г. Тогжанов первым из историков Казахстана стал обосновывать такую точку зрения. Взгляды Г. Тогжанова о казахском кочевом феодализме были изложены им в книге «Казахский колониальный аул» (1934 г.). По этой проблеме между Г. Тогжановым и другим советским историком Т. Рыскуловым даже развернулась достаточно острая полемика. В частности, Т. Рыскулов писал: «...путанными являются рассуждения тов[арища] Тогжанова о казахском феодализме. <...> Казахский феодализм обосновывается автором (Тогжановым. – *Н.Д.*) впервые на новом признаке – признаке владения скотом при чисто кочевом образе жизни казахов и отсутствии у них земледельческого быта, в то время как в классическом понимании марксизма основным признаком является владение землей и прикрепление к этой земле крепостных при оседлой форме хозяйства и в сочетании домашнего хозяйства с кустарной промышленностью» [25. С. 116].

Советские историки стали выделять своеобразные формы эксплуатации у кочевых народов: например, «саун». Авторы книги «Экономика кочевого аула Киргизстана» (1930 г.) П. Погорельский и В. Батраков так описали этот вид хозяйственных отношений у киргизов: «...распространенными отношениями (у киргизов. – *Н.Д.*) являются отношения саун, при посредстве

которых в основном идет присвоение прибавочного труда, через которые привлекается основная масса труда для целей эксплуатации. Заключается саун (буквально значит доить) в том, что обеспеченное скотоводческое хозяйство дает малоскотному или совсем бесскотному хозяйству продукты питания в виде дойного скота, молоком которого и живет такое хозяйство, выполняя за него различные работы по предварительной обусловленности. Причем перечень работ, долженствующий, служит эквивалентом за скот, или предварительно оговаривается, или получившее на удой скот хозяйство обязуется помогать, исполнять всю работу по поручению хозяина» [26. С. 75]. Такой взгляд исследователей на особенности общественного строя у кочевых народов был общепринятым в советской исторической науке начала 1930-х гг.

До 1934 г. среди советских историков все еще сохранялась относительная свобода выражения своего мнения. Именно 1934 г. стал тем рубежом, когда начала формироваться новая политика советской власти «по отношению к исторической науке и историкам, преподаванию истории, формированию исторического сознания у населения СССР» [27. С. 205]. В 1934 г. были опубликованы работы С.П. Толстова, Б.Я. Владимирцова, в которых впервые были даны различные трактовки феодализма у кочевых народов.

В советской исторической науке теория рабовладения как первая форма существования классового общества не нашла надлежащего практического применения по отношению к кочевым народам. По этому поводу С.В. Юшков, участвуя в дискуссии, высказал свою точку зрения: «Вопрос о начале классового общества на территории Казахстана до сих пор (предположительно январь–февраль 1952 г. – Н.Д.) не является решенным. В начале советские историки при решении вопроса об общественно-экономическом развитии народов СССР исходили из схемы, установленной для истории народов Европы, где рабовладельческий строй сменялся в V–VI вв. феодальным строем. Подобную универсальную схему исторического строя создал проф[ессор] К.В. Базилович. Применил же эту схему в отношении народов Средней Азии проф[ессор] С.П. Толстов. Он доказывал существование т[ак] наз[ываемого] патриархально-рабовладельческого строя у этих народов: у усуней, канглы, гуннов, тюрок эпохи Тюркского каганата. Однако эта схема подверглась справедливой критике. Рабство, как основу эксплуатации, у этих народов, доказать не удалось» [2].

В июне 1933 г. на пленуме Государственной академии истории материальной культуры обсуждались вопросы генезиса и развития феодализма. С докладом «Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах» выступил С.П. Толстов. Согласно его точке зрения, кочевые народы в своем развитии прошли стадию рабовладения. Однако мнение С.П. Толстова на этот счет не было поддержано (цит. по: [28. С. 20]).

В 1934 г. была издана книга Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм». Взгляды Б.Я. Владимирцова на проблему феодальных отношений у кочевых народов, позже оформленные как теория «кочевого феодализма», были официально признаны в советской историографии. Б.Я. Владимирцов определил общественные отношения в кочевом обществе монголов как феодальные, во многом похожие на феодальные отношения средневековых народов Западной Европы. Он писал: «Владение землей монгольского кочевого сеньора выражалось по отношению своих вассалов совсем не так, как это обычно наблюдается у оседлых земледельческих народов; почему эти отношения часто не улавливались, и нередко повторялось утверждение, что будто бы кочевники не знали и не знают форм земельной собственности, владения землей. В древнемонгольском обществе, в период империи, у кочевников владение землей выражалось в том, что <...> феодальный сеньор, царевич, или “тысячник”, руководил кочеванием зависящих от него людей, направляя их по своему усмотрению, распределяя лучшие пастбищные угодья <...> и указывая стоянки в определенных местах предоставленного ему нутука-юрта. Феодальный сеньор был действительно господином, <...> распорядителем пастбищных территорий» [29. С. 111–112].

Наряду с этим Б.Я. Владимирцов утверждал о том, что монгольский феодал был по сути собственником скота. В данном случае скот, как и земля (пастбища), выступал в качестве средства производства. При этом Владимирцов отметил: «...можно сделать вывод, что феодальные владельцы, царевичи и нояны не были хозяевами стад, находившихся в распоряжении их людей. Тем не менее приходится сделать ряд очень существенных оговорок, значительно меняющих картину. Прежде всего, раз простой монгол должен был кочевать согласно распоряжениям своего сеньора, обязан был останавливаться там, где ему укажут и переходить на новые пастбища тоже в зависимости от воли своего господина, то можно сказать, что он более походил на пастуха чужих стад, чем на самостоятельного хозяина» [Там же. С. 113].

Таким образом, Владимирцов фактически признавал скот, равно как и землю (пастбища), одним из главных средств производства. В этом он видел специфическую особенность феодальных отношений монгольского кочевого общества. Далее Владимирцов приходит к следующему выводу: «Из всего приведенного выше вытекает, таким образом, что в XIII в., в эпоху монгольской империи, монгольские “вожди”, ханы, царевичи и нояны держали в своих руках все орудия производства (и землю, и скот. – Н.Д.) кочевого натурального хозяйства и имели в своем распоряжении “своих людей”, к ним прикрепленных, но обладавших известной собственностью и личной свободой, которые могли вести индивидуальное хозяйство, предоставляя прибавочную стоимость своим господам» [Там же. С. 114]. Утверждения о том,

что и земля (пастбища), и скот одновременно являются основными средствами производства у кочевых народов, явились причиной дальнейшего спора между советскими историками. Именно на это обстоятельство обратил внимание С.В. Юшков. В частности, он писал: «Б.Я. Владимирцов установил, что основанием для эксплуатации феодальной Монголии были пастбища монгольских феодалов – ноянов и богатуров, которые передавались зависимым кочевникам – харачу. Но академик Б.Я. Владимирцов не ставил вопроса о природе феодальной собственности в Монголии» [18. С. 65].

Действительно, в советской историографии на рубеже 1930-х – 1940-х гг. распространенным было мнение, что у кочевых народов существовала феодальная собственность как на землю (пастбища), так и на скот. В.И. Пичета писал: «Кочевой феодал – собственник средств производства – скота и пастбищ» [30. С. 133]. Эта мысль была высказана и авторами «Истории Казахской ССР» (1943 г.). По мнению А.М. Панкратовой, несмотря на наличие частной собственности на скот и на землю, различных по социальному положению групп, буржуазные националисты пытались доказать, что в основном в Казахстане существовало бесклассовое родовое общество [11. С. 24].

Однако тезис, что в кочевом обществе и земля, (пастбища) и скот одновременно являются основными средствами производства, мог в дальнейшем привести к противоречивым результатам, поскольку чаша весов всегда могла склониться как в одну, так и в другую сторону, что неминуемо подтолкнуло бы исследователей к полемике. Именно это и произошло в случае с С.Л. Фуксом, а затем и с В.Ф. Шахматовым.

Заслуга С.В. Юшкова в том, что он первым в советской исторической науке поставил вопрос о природе феодальной собственности у кочевых народов, что

представляло собой один из трудных теоретических вопросов. Для советских историков он оказался исключительно дискуссионным. Дискуссии начались еще в конце 1940-х гг. и продолжены в 1954–1956 гг. В дискуссиях 1960-х – 1990-х гг. в той или иной мере были отражены уже высказывавшиеся ранее точки зрения по вопросу о наличии либо отсутствии феодальной собственности на землю (пастбища) или скота у кочевых народов. Решение этого вопроса имело большое значение, так как он затрагивал многие проблемы истории кочевого общества.

В 1976 г. Г.Е. Марков в монографии «Кочевники Азии» высказал свое мнение о дискуссиях 1954–1956 гг. Он писал: «Обширный фактический материал о кочевничестве и знание проблематики скотоводства не только по литературе, но и по 25-летней полевой экспедиционной работе позволяют утверждать, что сама постановка вопроса в дискуссии (1954–1956 гг. – Н.Д.) надумана и схоластична, причем последнее замечено и другими исследователями» [31. С. 289].

Однако, несмотря на такую оценку, можно утверждать, что развернувшийся в ходе дискуссии обмен мнениями оказался весьма полезным. Он дал стимул более глубокому теоретическому осмыслению специфики общественного строя кочевого общества. В итоге появились труды С.Е. Толыбекова, А.Е. Еренова, В.Ф. Шахматова, С.З. Зиманова и др. Длительный спор между историками позволил лучше понять различные подходы при решении обсуждавшихся проблем. В научной литературе была высказана и другая мысль о том, что так называемый «надуманный и схоластичный» вопрос о сущности феодализма в кочевом обществе наряду с теорией «кочевого феодализма» стал «смысловым стержнем», вокруг которого велись оживленные дискуссии (цит. по: [16. С. 185, 192]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Блауцк С.Н. Работа над изданием «Русской Правды» в период становления советской науки (конец 20-х – первая половина 30-х гг. XX в.) // Вестник Удмуртского университета. 2005. Вып. 7. История. С. 74–82.
2. Объединенный ведомственный архив Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ОВА КН МОН РК). Ф. 106. Оп. 1.
3. Фукс С.Л. Некоторые вопросы истории казахского государства // Известия Академии наук Казахской ССР. Сер. юрид. Вып. 3. 1951. № 102. С. 91–107.
4. Тлепина Ш.В. Первые историко-правовые исследования в Казахстане: постановка проблем обычного права // Вестник Казахского национального университета. Сер. юрид. 2012. № 4 (64). С. 10–23.
5. Кострюков П.А. С.В. Юшков – основоположник советской историко-правовой науки // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Вып. 2 (46). С. 92–97.
6. Кривенький А.И. Развитие концептуальных основ учебной дисциплины «История государства и права России» (на примере трудов профессора С.В. Юшкова) // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Юрид. науки. 2012. № 1 (9). С. 32–43.
7. Журавель А.В. С.В. Юшков – наш современник // Сборник Русского исторического общества. Том 6 (154). К истории горного дела / под ред. В.В. Грицкова. М.: Русская панорама, 2003. С. 326–344.
8. Тлепина Ш.В. Первый государственный юридический институт НКЮ СССР (1941–1943) // Юридическое образование и наука. 2004. № 1. С. 34–39.
9. Тлепина Ш.В. С.Л. Фукс и его докторская диссертация «Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в.» // Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. / С.Л. Фукс; под ред. С.Ф. Ударцева. Астана / СПб.: ТОО Юридическая книга Республики Казахстан / ООО Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2008. С. 40–80.
10. Тлепина Ш.В. Эпизоды становления государственно-правовой науки Казахстана (1940-е гг.) // История государства и права. 2005. № 2. С. 23–26.
11. Панкратова А. Основные вопросы истории Казахской ССР // Большевик Казахстана. 1943. № 10. С. 17–25.
12. Дружинин Н.М. Избранные труды: воспоминания, мысли, опыт историка. М.: Наука, 1990. 512 с.
13. Фукс С.Л. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века / под ред. С.З. Зиманова. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1981. 224 с.

14. Ударцев С.В. С.Л. Фукс о кочевом обществе, государстве и праве казахов // Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. / С.Л. Фукс. Астана / СПб. : ТОО Юридическая книга Республики Казахстан / ООО Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2008. С. 5–23.
15. Фукс С.Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. / под ред. С.Ф. Ударцева. Астана ; СПб. : ТОО Юридическая книга Республики Казахстан ; ООО Университетский издательский консорциум Юридическая книга, 2008. 816 с.
16. Попов А.В. Теория «кочевого феодализма» академика Б.Я. Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников // Mongolia. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. 1884–1931 / отв. ред. А.Н. Кононов. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. С. 183–193.
17. Дахилейсер Г.Ф. О некоторых итогах обсуждения проспекта нового издания первого тома «Истории Казахской ССР» // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1952. № 1 (82). С. 66–72.
18. Юшков С.В. К вопросу о феодальной собственности в досоветском Казахстане // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1951. № 9 (78). С. 59–69.
19. Юшков С.В. Основные вопросы истории казахского государства // Известия Академии наук Казахской ССР. Сер. юрид. Вып. 3. 1951. № 102. С. 77–90.
20. К истории Бурято-Монголии. Материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. в Улан-Удэ / под ред. А.В. Шестакова. М. ; Л. : ОГИЗ. Соц.-эконом. изд-во, 1935. 184 с.
21. Сталин И.В. Сочинения : в 13 т. Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП (б). М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. Т. 5: 1921–1923. 446 с.
22. 20 лет Казахской ССР: 1920–1940 / под ред. Я. Важника; Институт истории партии при ЦК КП (б) Казахстана – Филиал Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП (б). Алма-Ата : Казахское государственное издательство политической литературы, 1940. 226 с.
23. Потапов Л.П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период / под ред. С.П. Толстова. Ташкент : Изд-во АН Узбекской ССР, 1955. С. 17–42.
24. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) : в 5 т. / гл. ред. М.К. Козыбаев. Алматы : Атамұра, 2000. Т. 3: Казахстан в новое время. 768 с.
25. Рыскулов Т. Против извращения истории казахского народа // Большевик Казахстана. 1936. № 1–2. С. 110–129.
26. Погорельский П. Экономика кочевого аула Киргизстана / П. Погорельский, В. Батраков. М. : Издание Совнаркома КАССР, 1930. 384 с.
27. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск : Изд-во Брян. гос. ун-та, 2005. 800 с.
28. Крадин Н.Н. Империя Чингис-хана / Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. М. : Восточ. лит-ра РАН, 2006. 557 с.
29. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л. : Изд-во АН СССР, 1934. 223 с.
30. Пичета В. О «кочевом феодализме» // Исторический журнал. 1940. № 1. С. 130–133.
31. Марков Г.Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. 320 с.

Dyussebayev Nurzhan K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bazarsamal@mail.ru

S.V. YUSHKOV AND CONTROVERSIES OVER THE ESSENCE OF FEUDAL RELATIONS IN THE KAZAKH NOMADIC SOCIETY.

Keywords: S.V. Yushkov; historiography; feudal property; nomadic feudalism; history of State and Law of Kazakhstan.

The article is dedicated to professor S.V. Yushkov who in 1942–1952 studied the problems of the history of the state and law of Kazakhstan. In the course of researching Yushkov's manuscript personal fund in the Central Archive of the Kazakhstan Republic Academy of Sciences his unpublished manuscript «Essays on the History of the Kazakh State and Law» (roughly written in 1951–1952) was found out. The article affirms that up to date there has been no complete and authentic information about the existence and location of Yushkov's manuscript. In the article there is an attempt to analyze Yushkov's views on the problem of specificity of nomadic peoples' social structure on the basis of archive materials from his personal fund. In particular the article examines S.V. Yushkov's polemics on the same problem with another Soviet historian S.L. Fooks, who in 1948 defended his doctorate dissertation «Essays on the history of the state and rights of Kazakhs in XVIII and in the first half of XIX». His dissertation was found in 2003 and published in 2008. The scientific importance of the works by S.V. Yushkov and S.L. Fooks on the Kazakh nomadic society history can scarcely be exaggerated. The article contains the analysis of the controversies (in which Soviet historians took part) on the problem of nomadic peoples' social structure and the article presents the historians' analysis of the theory of «nomadic feudalism» in 1947–1952. The discussions were held at the Academy of Sciences of Kazakh Soviet Republic and were organized by S.V. Yushkov's initiative. The last discussion was held probably in January–February 1952 is the most interesting to study. The essence of the controversy was concerned with the next question. What was the main means of production: the cattle or land S.V. Yushkov persisted in his opinion that the feudal land property in the form of the disposal of pasture constituted the basis of the feudal relations in the nomadic society. V.F. Shakhmatov expressed an opposite viewpoint. His views corresponded to S.L. Fooks's views. According to Shakhmatov, the basis of feudalism was private cattle property in the conditions of nomadic cattle breeding. The actuality of the problem caused a long discussion in the Soviet historical science in 1950–1980. In January–February, 1954 in Tashkent there was held a united scientific session of Soviet historians. The problem of the specificity of nomadic peoples' social structure was on the session agenda. Later the discussion was continued on the pages of the journal «Problems of History». The scientists' conclusions were further developed by the Soviet historiography in 1960–1980. Besides the article explains the essence of the notion of «patriarchal-feudal relations» concerning nomadic peoples, later widely used in the Soviet historiography. In conclusion the article shows the role of S.V. Yushkov in the statement of the problem relating to the nature of nomadic peoples' feudal property. The discussion of the problem was considered to be one of the most complicated theoretical problems for the Soviet historians.

REFERENCES

1. Blashchuk S.N. The work on the edition of “Russkaya Pravda” in the period of Soviet science formation (the end of 20s – 30s of the 20th century). *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University*, 2005, issue 7, pp. 74–82. (In Russian).
2. The Joint Departmental Archives of the Committee of Science, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (OVA KN MON RK). Fund 106. List 1.
3. Fuks S.L. Nekotorye voprosy istorii kazakhskogo gosudarstva [Some questions in the history of the Kazakh State]. *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoy SSR*, 1951, no. 102, pp. 91–107.

4. Tlepina Sh.V. Pervye istoriko-pravovye issledovaniya v Kazakhstane: postanovka problem obychnogo prava [J. Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya yuridicheskaya – The KazNU Journal. Law Edition, 2012, no. 4 (64), pp. 10-23.
5. Kostyukov P.A. S.V. Yushkov is the founder of the Soviet historical and legal science. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Reports. Humanities*, 2007, no. 2 (46), pp. 92-97. (In Russian).
6. Kriven'kiy A.I. The Development of the Conceptual Foundations of the Discipline "History of State and Law of Russia (on the example of the works of professor S. Yushkov). *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki – Vestnik of Moscow City Teacher's Training University. Legal Sciences*, 2012, no. 1(9), pp. 32–43. (In Russian).
7. Zhuravel' A.V. S.V. Yushkov – nash sovremennik [S.V. Yushkov – our contemporary]. In: Gritskov V.V. (ed.) *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. Tom 6 [Collection of the Russian Historical Society. Vol. 6]. Moscow: Russkaya panorama Publ., 2003, pp. 326-344.
8. Tlepina Sh.V. Pervyy gosudarstvennyy yuridicheskiy institut NKYu SSSR (1941–1943) [The First State Law Institute of the People's Commissariat of Justice of the USSR (1941–1943)]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, 2004, no. 1, pp. 34-39.
9. Tlepina Sh.V. S.L. Fuks i ego doktorskaya dissertatsiya "Ocherki istorii gosudarstva i prava kazakhov v XVIII i pervoy polovine XIX v." [S.L. Fuks and his doctoral thesis "Essays on the History of State and Law of the Kazakhs in the 18th century and the first half of the 19th century"]. In: Fuks S.L. *Ocherki istorii gosudarstva i prava kazakhov v XVIII i pervoy polovine XIX v.* [Essays on the History of State and Law of the Kazakhs in the 18th century and the first half of the 19th century]. Astana, St. Petersburg: Yuridicheskaya kniga Respubliki Kazakhstan Publ., Yuridicheskaya kniga Publ., 2008, pp. 40-80.
10. Tlepina Sh.V. Epizody stanovleniya gosudarstvenno-pravovoy nauki Kazakhstana (1940-e gg.) [On formation of the state-legal science of Kazakhstan (1940-ies.)]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2005, no. 2, pp. 23-26.
11. Pankratova A. Osnovnye voprosy istorii Kazakhskoy SSR [The key questions in the history of the Kazakh SSR]. *Bol'shevik Kazakhstana*, 1943, no. 10, pp. 17-25.
12. Druzhinin N.M. *Izbrannye trudy: vospominaniya, mysli, opyt istorika* [Selected Works: memories, thoughts, experiences of a historian]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 512 p.
13. Fuks S.L. *Obychnoe pravo kazakhov v XVIII – pervoy polovine XIX veka* [The customary law of the Kazakhs in the 18th - first half of the 19th century]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1981. 224 p.
14. Udartsev S.V. S.L. Fuks o kochevom obshchestve, gosudarstve i prave kazakhov [S.L. Fuks of the nomadic society, state and law of the Kazakh]. In: Fuks S.L. *Ocherki istorii gosudarstva i prava kazakhov v XVIII i pervoy polovine XIX v.* [Essays on the History of State and Law of the Kazakhs in the 18th century and the first half of the 19th century]. Astana, St. Petersburg: Yuridicheskaya kniga Respubliki Kazakhstan Publ., Yuridicheskaya kniga Publ., 2008, pp. 5-23.
15. Fuks S.L. *Ocherki istorii gosudarstva i prava kazakhov v XVIII i pervoy polovine XIX v.* [Essays on the History of State and Law of the Kazakhs in the 18th century and the first half of the 19th century]. Astana, St. Petersburg: Yuridicheskaya kniga Respubliki Kazakhstan Publ., Yuridicheskaya kniga Publ., 2008. 816 p.
16. Popov A.V. *Teoriya "kochevogo feodalizma" akademika B.Ya. Vladimirtsova i sovremennaya diskussiya ob obshchestvennom stroe kochevnikov* [The theory of "nomadic feudalism" of Academician B.Ya. Vladimirtsov and the contemporary debate about the social structure of the nomads]. In: Kononov A.N. (ed.) *Mongolica. Pamyati akademika Borisa Yakovlevicha Vladimirtsova. 1884–1931* [Mongolica. To the memory of Academician Boris Yakovlevich Vladimirtsov. 1884–1931]. Moscow: Nauka Publ., 1986, pp. 183-193.
17. Dahshleiger G.F. O nekotorykh itogakh obsuzhdeniya prospekta novogo izdaniya pervogo toma "Istorii Kazakhskoy SSR" [Some results of the discussion about a new edition of the first volume of "History of the Kazakh SSR"]. *Vestnik Akademii nauk Kazakhskoy SSR*, 1952, no. 1 (82), pp. 66-72.
18. Yushkov S.V. K voprosu o feodal'noy sobstvennosti v dosovetskom Kazakhstane [On the question of feudal property in pre-Soviet Kazakhstan]. *Vestnik Akademii nauk Kazakhskoy SSR*, 1951, no. 9 (78), pp. 59-69.
19. Yushkov S.V. Osnovnye voprosy istorii kazakhskogo gosudarstva [Key questions in the history of the Kazakh State]. *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoy SSR. Seriya yuridicheskaya*, 1951, no. 102, pp. 77-90.
20. Shestakov A.V. (ed.) *K istorii Buryato-Mongolii. Materialy diskussii, sostoyavsheysya v iyune 1934 g. v Ulan-Ude* [On the history of Buryat-Mongolia. Proceedings of the discussion held in June 1934 in Ulan-Ude]. Moscow, Leningrad: OGIZ Publ., 1935. 184 p.
21. Stalin I.V. *Sochineniya: v 13 t.* [Works. In 13 vols.]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1952, vol. 5: 1921–1923, 446 p.
22. Vazhnik Ya. (ed.) *20 let Kazakhskoy SSR: 1920–1940* [20 years of the Kazakh SSR: 1920-1940]. Alma-Ata: Kazakh izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1940. 226 p.
23. Potapov L.P. *O sushchnosti patriarkhal'no-feodal'nykh otnosheniy u kochevykh narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [On the patriarchal-feudal relations among the nomadic peoples of Central Asia and Kazakhstan]. In: Tolstov S.P. (ed.) *Materialy ob "edinennoy nauchnoy sessii, posvyashchennoy istorii Sredney Azii i Kazakhstana v dooktyabr'skiy period* [Proc. of Joint Scientific Session devoted to the history of Central Asia and Kazakhstan in the pre-October period]. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR Publ., 1955, pp. 17-42.
24. Kozybaev M.K. (ed.) *Istoriya Kazakhstana (s drevneyshikh vremen do nashikh dney): v 5 t.* [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day). In 5 vols.]. Almaty: Atamura Publ., 2000, vol. 3, 768 p.
25. Ryskulov T. Protiv izvrashcheniya istorii kazakhskogo naroda [Against the perversions of the history of the Kazakh people]. *Bol'shevik Kazakhstana*, 1936, no. 1–2, pp. 110-129.
26. Pogorelskiy P. *Ekonomika kochevogo aula Kirgizstana* [The economy of the nomadic Kyrgyz village]. Moscow: Sovnarkom KASSR Publ., 1930. 384 p.
27. Dubrovskiy A.M. *Istoriya i vlast': istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal'noy Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.)* [The historian and power: the historical science in the USSR and the concept of the history of feudal Russia in the context of politics and ideology (1930-1950)]. Bryansk: Bryansk State University Publ., 2005. 800 p.
28. Kradin N.N. *Imperiya Chingis-khana* [The Empire of Genghis Khan]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2006. 557 p.
29. Vladimirtsov B.Ya. *Obshchestvennyy stroy mongolov. Mongol'skiy kochevoy feodalizm* [The social system of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism]. Leningrad: the USSR Academy of Sciences Publ., 1934. 223 p.
30. Picheta V. O "kochevom feodalizme" [On the "nomadic feudalism"]. *Istoricheskiy zhurnal*, 1940, no. 1, pp. 130-133.
31. Markov G.E. *Kochevniki Azii: struktura khozyaystva i obshchestvennoy organizatsii* [The nomads of Asia: economic structure and social organization]. Moscow: Moscow State University Publ., 1976. 320 p.

ИСПАНСКАЯ КНИГА В СИБИРИ: К ИЗУЧЕНИЮ КНИЖНОГО СОБРАНИЯ СТРОГАНОВЫХ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-04-00337.

Рассматриваются испанские издания из книжного собрания Строгановых, хранящегося в Томске. Читательский интерес показан как отражение культурных ориентиров эпохи и одновременно профессиональной деятельности владельца библиотеки. Показывается, что наличие в родовой библиотеке значительного количества европейских изданий испанской тематики, а также книг, изданных в самой Испании, связано, помимо общекультурных интересов владельцев библиотеки, и с «испанским периодом» дипломатической карьеры Г.А. Строганова, к которому родовое книжное собрание перешло в конце XVIII в.

Ключевые слова: Г.А. Строганов; библиотека Строгановых; Сибирь; Испания; испанские книжные издания.

Интерес к мировой, и в первую очередь европейской, культуре, свойственный образованным кругам русского общества XVIII–XIX вв., самым наглядным образом нашел свое отражение в составе фондов дворянских библиотек. В книжных коллекциях русских аристократов, как правило, была широко представлена литература, изданная в Европе – Франции, Нидерландах, Германии, Италии, Англии, Польше. Испанские издания не относились к числу распространенных в России, хотя испанская тема привлекала западноевропейских авторов [1] и встречала интерес читательской публики, включая русскую.

Одним из наиболее ценных библиотечных собраний в России XVIII–XIX вв. является библиотека графов Строгановых. Это собрание книг представляло собой комплекс отдельных библиотек, принадлежавших представителям знаменитого рода. В конце XVIII в. оно перешло к Григорию Александровичу Строганову, который значительно пополнил его иностранными изданиями. Его старший сын, Александр Григорьевич Строганов, унаследовавший богатейшую библиотеку отца, в 1875 г., по совету В.М. Флоринского, решил подарить ее будущему Сибирскому университету. Доставленные в Томск в 1880 г. книги родового собрания Строгановых составили основу первоначального фонда его Научной библиотеки [2]. Так, Строгановское книжное собрание, состоящее главным образом из иностранных изданий, стало достоянием старейшего сибирского университета и фактом сибирской культуры в целом.

Раскрытие этого феномена на основании изучения внутренних коллекций книжного фонда знаменитой библиотеки представляется важной исследовательской задачей, позволяющей ставить вопрос как о диапазоне духовных запросов выдающихся отечественных библиофилов прошлого, так и о содержательной характеристике тех книжных сокровищ, которые, будучи собранными их стараниями, волею судьбы оказались достоянием сибирского университетского читателя. Обращение к испанской составляющей Строгановской библиотеки является логичным в плане необходимости последовательного рассмотрения представленных в

этом книжном собрании изданий различных европейских стран. Есть здесь и особый нюанс, связанный с любопытным фактом из жизни Г.А. Строганова – его дипломатической службой в Испании.

Степень изученности темы. Испанская проблематика в целом в отечественной книговедческой литературе не относится к разряду достаточно разработанных. Укажем статью Е.В. Журавлевой, посвященную испанским книжным памятникам в фонде Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы в Москве [3]. Испанские издания изучаются на Украине, в Одесском университете. Имеющиеся в фондах его библиотеки произведения испанских просветителей XVIII в., документы и исследования по испанскому праву из собрания польского ученого Р. Губе рассмотрены М.В. Алексеенко [4, 5]. Характеристика хранящейся здесь личной библиотеки упомянутого выше Александра Григорьевича Строганова представлена в статье И.С. Фельдмана, но говорить определенно о наличии или отсутствии испанских изданий в этой Строгановской библиотеке трудно; в таком ракурсе данная коллекция не освещается [6].

Другой аспект рассматриваемого нами вопроса – соприкосновение владельца библиотеки с испанской действительностью как возможный побудительный мотив собирания испанской книжной коллекции, усиление испанского компонента в ориентации на постижение европейских духовных ценностей – может быть существенно прояснен благодаря исследованиям историков по ряду проблем испанистики. В первую очередь это вопросы русско-испанских отношений, рассмотренные в трудах С.П. Пожарской [7, 8] и подкрепленные изданием документов и материалов, касающихся этой сферы [9]. Пример опыта непосредственного соприкосновения с Европой отдельных библиофилов строгановского рода рассмотрен А.В. Чудиновым [10]. В статьях А.И. Саплина и Е.П. Кудрявцевой обстоятельно раскрывается деятельность Г.А. Строганова в качестве русского посланника в Мадриде [11, 12].

Задача выявления испанской коллекции в Строгановском книжном собрании Научной библиотеки Том-

ского государственного университета впервые была поставлена автором настоящей статьи. Были опубликованы результаты изучения отдельных книжных памятников, в частности уникального мадридского академического издания «Дон Кихота» Сервантеса 1780 г. [13]. В свете отмеченной важности изучения внутренних коллекций Строгановской библиотеки представляется актуальным рассмотрение корпуса ее испанских книг, более столетия пребывающих в фондах Научной библиотеки старейшего в Сибири университета.

Источники и методы исследования. Источниковой базой проводимого исследования служат каталоги библиотеки Томского университета, составленные и опубликованные после разбора и описания прибывшего в Томск Строгановского собрания и ряда других книжных коллекций. В первую очередь это каталог иностранных книг, содержащий записи о 20 тыс. единицах хранения [14]. Выявленные книги, графические коллекции, карты, изданные в XVIII–XIX вв. в Испании, представляют, по сравнению с изданиями на французском языке, относительно небольшой массив источников для изучения испанской коллекции в родовой библиотеке Строгановых. Вместе с тем тематика и содержание имеющихся испанских изданий вполне соотносится с универсальным по своей сути характером Строгановской библиотеки в целом.

Упомянутый Каталог, все выявленные и описываемые издания были просмотрены автором *de visu*. Выявление и изучение массива указанных документов проводилось с использованием библиографического метода, предполагающего их отбор; различных способов группировки, включая языковую, хронологическую, тематическую, алфавитную, описание документов, характеристику содержания. Автором использовался также биографический метод, позволяющий продвинуться в понимании феномена родовой библиотеки как отражения духовной жизни ее владельцев. За основу при этом брались свидетельства, позволяющие осмыслить влияние окружения, жизненных обстоятельств на формирование интересов и действий конкретного исторического лица – Григория Александровича Строганова.

Результаты исследования. Вряд ли можно с уверенностью сказать, что все испанские издания были приобретены Г.А. Строгановым, в течение нескольких десятилетий XIX в. являвшимся владельцем родовой библиотеки и активно пополнявшим ее иностранной литературой. Книги последней четверти XVIII в., если покупались как новинки литературы, могли быть приобретены кем-то из его старших родственников. Вместе с тем кульминационный этап формирования фонда родовой библиотеки в целом можно связывать именно с ее последним крупным в библиофильском отношении владельцем – Г.А. Строгановым.

Граф Григорий Александрович Строганов (1770–1857) был известным государственным деятелем, од-

ним из самых ярких дипломатов Александровской эпохи. Он был весьма образованным человеком. В юности он учился в Швейцарии, Франции. Вместе с троюродным братом Павлом слушал лекции профессоров в Женеве, затем в Париже изучал естественные и точные науки. Получив известие о смерти отца, Г.А. Строганов в 1789 г. вернулся в Россию, а П.А. Строганову суждено было стать очевидцем революционных событий во Франции [10].

В 1805 г. Г.А. Строганов начинает дипломатическую карьеру. Он был посланником России в трех европейских государствах – Испании, Швеции и Османской империи [11. С. 78–79]. На дипломатическом поприще Григорий Строганов выгодно выделялся среди своих соотечественников как глубокая, самобытная натура и умный политик. Он был направлен Александром I в Мадрид с тем, чтобы содействовать перемирию между Испанией и Англией, но события в Европе внесли коррективы в эти планы.

После отречения испанского короля Карла IV от престола в 1808 г. новым королем был провозглашен брат Наполеона Жозеф Бонапарт. Александр I намеревался поручить своему посланнику поздравить его, однако Г.А. Строганов уклонился от выполнения предписания. С большой симпатией относясь к антинаполеоновскому движению испанцев, законным наследником Строганов признавал принца Астурийского Фердинанда VII, вокруг которого группировались противники Наполеона. Русский посланник вступил в переписку с главой Центральной верховной хунты, взявшей на себя функции правительства.

В октябре 1808 г. Строганов покидает Мадрид в связи с приближением наполеоновских войск. Император не одобрял поступка русского посланника, однако Строганову удалось убедить Александра I в обоснованности своих действий. Будучи послом России при Карле IV, объяснял Строганов, он уже не мог представлять интересы российского императора при Жозефе Бонапарте. Строганов писал Александру I, что считает невозможным «представлять Россию при поработленном народе, сам, будучи в окружении его тиранов и угнетателей» [12].

Были и другие вехи в дипломатической карьере Г.А. Строганова. В сентябре 1812 г. Григорий Александрович был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Швеции.

В июле 1816 г. Строганов получил назначение возглавить миссию в Константинополе. Будучи послом в Турции, он прославился как защитник ее славянских подданных. Его деятельность по поддержке греческого национально-освободительного движения противоречила взглядам Александра I, и он ушел в отставку, уехал путешествовать и по возвращении в Россию в 1827 г. был назначен членом Государственного совета, в котором и прослужил до своей смерти в 1857 г.

Библиотека Григория Александровича Строганова, собираемая на протяжении его долгой и насыщенной

событиями жизни, отражает разносторонние интересы своего владельца. Достаточно отметить круг его интересов, связанных с изучением стран и народов, с которыми ему приходилось иметь дело на дипломатической службе. В поле зрения нашего интереса – лишь один сюжет, связанный с этой проблемной областью, а именно соприкосновение Г.А. Строганова с Испанией. Очевидно, что его интерес к Испании не мог не отразиться на формировании фонда личной библиотеки.

Значительная часть библиотеки Г.А. Строганова представлена иностранными изданиями на французском, английском, немецком, итальянском, польском, шведском, испанском и других языках. Выделим в этом массиве испанские издания, наличие которых в библиотеке Г.А. Строганова, как представляется, явилось отражением широких историко-культурных интересов известного библиофила, а также результатом влияния его профессиональной деятельности.

Испанская тема в книжном собрании Строгановых представлена в целом весьма интересно изданиями (в первую очередь на французском языке) довольно широкого видового диапазона – от трудов по истории страны, мемуаров, исторических документов, литературных произведений до описаний достопримечательностей Испании, графических работ и географических карт.

Самую большую из предметных групп составляют описания путешествий в Испанию французских, английских и прочих авторов. Достаточно широко представлена политическая проблематика. Среди вопросов, освещаемых в преимущественно французских изданиях, наибольший интерес уделяется революции в Испании, а также принятию Конституции в Кадисе.

Целый ряд книг библиотеки посвящен проблемам испанской истории, таким как: Испания под властью мавров, история царствования и последние годы жизни Карла V, история испанской инквизиции, история взаимоотношений Испании и Португалии. Заметную часть книжного собрания занимают публикации по истории культуры и быта Испании.

Всего в «испанской коллекции» Строганова насчитывается около сотни работ. Подавляющее их большинство издано в Париже и Амстердаме. Есть книги, изданные в Брюсселе, Санкт-Петербурге, Лондоне, Гамбурге, Лионе.

Собственно испанских изданий в книжном собрании Строгановых насчитывается не более десяти. Среди них отметим четырехтомное мадридское издание 1780 г. «Дон Кихота» Сервантеса (Cervantes de Saavedra, Miguel. *El ingenioso hidalgo don Quixote de la Mancha*. 4 vols Madrid: J. Ibarra, 1780); работу Л. Солера, посвященную Картахене (Solera, Leandro. *Cartagena ilustrada*. Parte II: Fundación de la iglesia de Cartagena...); барселонское издание франко-португальского словаря (Dictionnaire françois et portugais. Barcelone, Perez, 1772); календарь на 1817 г. и путеводитель по Мадриду (Kalendario manual y guía de

forasteros en Madrid, para el año de 1817. Madrid, Imprenta real.); барселонское издание 1820 г. Испанской Конституции, принятой в Кадисе (Constitución política de la monarquía española, promulgada en Cádiz el 19 marzo de 1812. Barcelona: Piferrer. 1820).

Большой интерес представляет коллекция гравированных портретов знаменитых испанцев, издававшаяся в Мадриде с 1791 г. и дополненная краткими жизнеописаниями изображенных лиц. (Retratos de los españoles ilustres con un epitome de sus vidas. En la imprenta real de Madrid. 1791. 19 quadernos (cachiers). Avec 108 portraits) [15].

Имеется в библиотеке Строганова и собрание географических карт Испании, Португалии и ряда стран Южной Америки. Работа выполнена первоклассным испанским картографом XVIII – начала XIX в. Томасом Лопесом, а также его сыном Хуаном. (Lopez, don Tomas y don Juan. *Mapa general del reyno del España e de Portugal: comprehende sus provincias, corregimientos, oidorias, proveedurias, consejos, cotos etc.* – Madrid, año de 1761–1790) [16].

Все эти столь разные по жанру работы, несомненно, являются украшением знаменитого книжного собрания, и вряд ли их отбор для библиотеки выдающимся библиофилом и, подчеркнем, человеком, напрямую связанным с Испанией дипломатической службой, мог производиться случайно. Реконструкция истории пополнения строгановского книжного фонда, индивидуальная судьба каждого издания в нем, безусловно, представляет огромный исследовательский интерес. Очевидны и трудности, объективно ограничивающие возможности достижения положительных результатов в разрешении такого рода задач.

Вместе с тем само содержание, как и особенности формы, практически любого отдельного экземпляра родовой библиотеки способно рассказать нам о личности ее владельца и владельцев, духовных традициях их семейной и социальной среды и об эпохе, в которую они жили. Помимо всего прочего, перед нами (и это происходит уже в плане выстраивания интеллектуальных и нравственных связей или преодоления их прерывности в историко-культурном контексте диалога поколений) предстают новые горизонты познания. При этом ретроспектива открывает неожиданные грани, казалось бы, известного; и внимательно рассмотренный источник позволяет прикоснуться к живым мыслям и чувствам давно ушедших людей.

Из перечисленных испанских изданий, условно составляющих одну из внутренних коллекций библиотеки Строгановых, «Дон Кихот» Сервантеса, конечно, наиболее известен и узнаваем. Уже в начале XIX в. наличие в домашней библиотеке «Дон Кихота» в русском переводе становится явлением, довольно распространенным в России. Любопытно свидетельство М.А. Дмитриева, племянника одного из видных деятелей культуры этого времени Ивана Ивановича Дмитриева, русского поэта, баснописца, государственного дея-

теля, друга Карамзина. В качестве заметного явления в русской культуре, обозначившегося со второй половины XVIII в., М.А. Дмитриев отмечает распространение большого числа переводов произведений мировой литературы. «Тогда не было еще огромных журналов, в которых ныне печатаются целые романы: и потому переводы больших и многотомных книг имели много читателей, — пишет он. — ...Кто любил чтение, и кто только мог, заводился не большой, но полной библиотекой. Были некоторые книги, которые как будто почитались необходимыми для этих библиотек и находились в каждой». Подчеркнем, что среди таких книг в ряду первых М.А. Дмитриев называет «Дон Кихота» Сервантеса [17. С. 46–47].

В дворянских библиотеках, комплектовавшихся по большей части литературой на иностранных языках и, в первую очередь, на французском, роман Сервантеса был представлен также иностранными изданиями. Убедительное подтверждение этому можно найти в частных книжных собраниях, хранящихся в фонде Научной библиотеки Томского университета. Так, в библиотеке Голицына имеется пятитомное авиньонское издание «Дон Кихота» 1786–1787 гг. на французском языке [18]; в библиотеке Жуковского — берлинское четырехтомное издание романа 1810 г. на немецком [19]; в строгановской библиотеке — мадридское издание «Дон Кихота» в четырех томах 1780 г. на испанском языке [20].

Испанские издания были большой редкостью даже у тех, кто относился к культуре Испании с особым интересом. Известно, что А.С. Пушкин в своей библиотеке имел французское издание «Дон Кихота» на испанском языке.

Дон Кихот, изданный в Мадриде в 1780 г., несомненно, стал украшением родовой библиотеки Строгановых и олицетворением процесса соприкосновения далеких друг от друга географически и родственных по духу культур.

Примечательна судьба этого издания, неразрывно связанная как с историей самоидентификации испанской культуры в целом, так и с историческими реалиями Испании эпохи Просвещения. Так случилось, что восприятие знаменитого романа, постижение его смыслов и осознание его значения для образованных испанцев XVIII в. оказалось сопряженным с процессом самопознания и самоутверждения национальной культуры в рамках культуры европейской и мировой. Дон Кихот, ставший стремительно популярным, едва родившись неустранимым безумцем из-под пера гениального испанца, среди соотечественников на протяжении полутора столетий был в большей степени известен, нежели понят и тем более по достоинству оценен.

После выхода в свет в Испании первой (1605 г.) и второй (1615 г.) частей «Дон Кихота» Сервантеса на протяжении XVII и XVIII вв. в мире было осуществлено более двухсот изданий романа. Как в переводах, так и на языке оригинала его текст многократно печатался

во Франции, Англии, Португалии, Фландрии и других странах [21. С. 29–61]. Длительное время Испания не лидировала в этом процессе. Не на родине Сервантеса появились и первые иллюстрированные издания его романа. Причиной тому можно назвать более скромный — по сравнению, например, с французским или английским, — уровень развития испанского издательского дела. Однако очевидно, что это лишь отчасти раскрывает суть сложившейся ситуации. Испания определенно запаздывала воздать должное Сервантесу и его великому творению.

Классикой этот роман уже стал во Франции и Англии. Испанский писатель Х. Кадальсо в своих «Марокканских письмах», охватывая панораму современной ему Испании эпохи Просвещения, устами вымышленного героя-иностранца делает примечательное признание: «У этого народа есть книга, которой восхищаются все остальные... В ней можно прочесть про серию экстравагантных поступков некоего безумца, который верит в существование гигантов, волшебников и прочее... однако то, что стоит за этой видимостью, есть, по моему разумению, совокупность глубоких и важных вещей» [22. С. 143].

Осмысление этой «совокупности» и зримая презентация его результатов происходят в Испании во второй половине XVIII в. в период правления короля Карла III (1759–1788), отличавшегося приверженностью идеям Просвещения, широким кругозором и способностью с энергией воплощать в жизнь прогрессивные преобразования. В кругах испанской интеллектуальной элиты, воспитанной в атмосфере реформ Карла III, отставание от зарубежного опыта серьезного отношения к Сервантесу рассматривалось, по выражению канадской исследовательницы Р. Шмидт, как бесчестье, ибо на карту была поставлена не только литературная честь Испании, но и значимость ее культуры для самой страны и остальной Европы [23. С. 126–127].

Во второй половине XVIII в. активно предпринимаемые правительственными кругами Испании реформы по модернизации сферы просвещения, университетского образования, науки, искусства приводят к заметным позитивным изменениям в культурной жизни страны, делают возможным осуществление серьезных просветительских проектов, в том числе и в сфере издательской деятельности.

Среди других творческих начинаний поддержку просвещенного монарха получила инициатива Королевской академии Испании подготовить издание «Дон Кихота», которое должно было превзойти все, до тех пор осуществленные.

Лучшим из известных к тому времени было лондонское издание Д. Тонсона, вышедшее в 1738 г. с прекрасными гравюрами Джона Вандербанка и Герарда ван дер Гухта. Именно это английское издание, по выражению известного испанского филолога, академика Ф. Рико, «первым вознесло роман Сервантеса на вершину литературного Парнаса», и оно же «стало колю-

чим шипом для чувствительных душ» испанских интеллектуалов [24].

Однако даже это издание изобиловало ошибками – от орфографических до искажений в тексте и даже в названии романа, который вышел в свет как «Жизнь и деяния хитроумного идальго Дон Кихота Ламанчско-го» [25. С. II].

Приступив к подготовке нового издания, в Академии в первую очередь занялись очищением текста от искажений, которые на протяжении почти двух столетий в нем появлялись начиная с названия. Девизом этой работы стал девиз самой Академии, который гласил: «Очищает, укрепляет и придает совершенство». Исходя из этого принципа, название книги должно было быть таким, каким его задумал Сервантес, – «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский».

Изданию, которое Академия хотела видеть как можно более совершенным, должна была соответствовать безупречность иллюстраций и печати. С этой целью была выбрана типография Хоакина Ибарры, издателя Академии, уже имевшего прочную репутацию в искусстве книгопечатания. Он был очень требователен к своим работникам, лично экзаменовал печатников и наборщиков; учеников брал с обязательным знанием латыни и вопросов культуры в целом [26. С. 27–30].

Столь же серьезно, как в вопросе о выборе типографии и книгоиздателя, Академия подошла и к отбору художников и гравиров для работы над иллюстрациями к изданию.

Ко времени возникновения проекта академического издания «Дон Кихота» Сервантеса испанское искусство гравюры, как и печатное дело, переживает эпоху расцвета. Средоточие развития художественной культуры страны – Академия св. Фердинанда – Карлом III рассматривалось как важное звено в осуществлении просветительских реформ и развития культуры. В 1768 г. была создана Королевская гравировальная мастерская, которая со временем начинает работать не только для королевского двора, но и выполнять заказы известных книгоиздателей. Именно тогда в Испании появляются возможности печатать превосходные иллюстрированные издания, украшенные гравюрами высокого художественного уровня.

Академия пригласила уже известных и зарекомендовавших себя, а также подающих надежды талантливых художников и гравиров к работе над осуществлением издания. Был организован конкурс, состоявшийся в 1777 г., на который несколько его участников должны были представить работы на предложенные им сюжеты из «Дон Кихота». Интересно, что в конкурсе участвовал молодой Франсиско Гойя, но выполненные им два рисунка не стали основанием для включения будущей знаменитости в данный проект.

В целом над иллюстрациями к роману «Дон Кихот» издания 1780 г. работали более двадцати художников и гравиров, выполнивших рисунки, гравюры по ним, два фронтисписа, виньетки, заставки, концовки, инициалы

для издания. Большая часть рисунков была выполнена Антонио Карнисеро и Хосе дель Кастильо.

Большая работа была проведена Академией в отношении портрета Сервантеса, который должен был основываться на изображении, максимально приближенном к эпохе автора великого романа. Для нового издания «Дон Кихота» портрет Сервантеса было поручено написать Хосе де Кастильо, гравюра была выполнена Мануэлем Сальвадором Кармоной.

По поручению Академии известным испанским картографом Томасом Лопесом была изготовлена карта территории, по которой пролегали маршруты странствий Дон Кихота.

Следует отметить, что Академия, вовлекая в работу художников и гравиров, тщательно отбирала сюжеты для изображений, а также определяла основные творческие принципы создания последних. Была поставлена задача воссоздать эпоху Сервантеса с характерными для нее чертами быта и общей атмосферой.

В результате активной деятельности членов Королевской академии, Академии св. Фердинанда, работников типографии Ибарры и самого книгоиздателя новое издание романа «Дон Кихот» стало, по признанию многих современников и потомков, настоящим шедевром книжной культуры. Грандиозный академический проект завершился в 1780 г., когда были напечатаны четыре тома романа. Издание изначально готовилось как роскошное, таковым оно и получилось – и по содержанию, и по оформлению.

Самому роману был предпослан целый ряд текстов, подготовленных испанскими академиками. «Пролог Академии» был написан Мануэлем де Лардисабалем-и-Урибе. Висенте де Лос Риос подготовил для этого издания биографию Мигеля де Сервантеса и анализ его труда. Им же был составлен текст, содержащий ссылки на документы и свидетельства, положенные в основу жизнеописания автора «Дон Кихота». Лос Риосом был написан также «Хронологический план романа». С его участием была подготовлена упомянутая выше карта странствий главного героя романа.

Академическое издание «Дон Кихота» 27 февраля 1781 г. было представлено Карлу III и его двору. Король продемонстрировал его также иностранным послам, которые, как и испанские придворные, были восхищены этим шедевром, что было зафиксировано в документах Академии [27. С. 27].

С этого времени текст романа испанского издания превращается в классический и пользуется большим успехом во всей Европе. Подчеркнем при этом, что мадридское издание 1780 г., в отличие от многих предшествующих ему, было предназначено не для широкой публики, ищущей развлекательного чтения и имеющей возможность оплатить недорогой экземпляр. Это издание Ибарры попадало в библиотеки аристократии, ученых, библиофилов. Вполне закономерным было его появление в родовой библиотеке знаменитых русских ценителей зарубежной литературы, где оно по

сути и по форме обрело для себя наиболее органичную среду бытования.

В отношении строгановского экземпляра отметим прекрасную сохранность тисненого орнамента, золотой отделки; прекрасное качество бумаги и печати. Издание обладает несомненной художественной целостностью и красотой. К сожалению, в Томск оно было доставлено уже не в лучшем состоянии, будучи подвергнутым пагубному воздействию сырости, о чем есть отметка в каталоге, составленном вскоре после поступления Строгановского собрания в университетскую библиотеку Томского университета [14. С. 240].

Интересно, что у Строгановых, помимо этого ценного испанского издания, имелись еще, по меньшей мере, четыре иностранных издания «Дон Кихота». Вместе с библиотекой, подаренной Томскому университету А.Г. Строгановым, они оказались в 1880 г. в Томске. Среди этих книг были иностранные издания «Дон Кихота» 1746 и 1774 гг. на французском языке, амстердамское издание 1768 г., французское шеститомное издание в переводе Флориана [Там же. С. 40, 83, 302, 258]. Перечисленные книги в 1930 г. в числе изъятых библиотечных ценностей для нужд экспорта были увезены из Томска. Мадридское издание «Дон Кихота» Строгановых спасло от этой участи, скорее всего, его неидеальное состояние. Остается поражаться при этом высокому качеству гравюр, мерцанию золотого обреза, красоте кожаного переплета.

Совсем по-иному выглядит другое испанское издание из библиотеки Строгановых – книга Леандра Солера в лишенном каких-либо украшений переплете из светлого пергамена цвета слоновой кости.

Картахена Л. Солера в ее испанском фонетическом облике может и не пробудить ассоциаций с древним Карфагеном, хотя представленный здесь объект рассмотрения генетически с ним связан. Заметим, что и сравнительно скромное оформление данной книги не предвещает, на поверхностный взгляд, сюжета глубокого и контекста всемирно-исторического. Тем более интересным представляется изучение этого издания из Строгановской библиотеки, раскрывающего широту познаний и интересов ее владельцев.

Итак, в печатном каталоге библиотеки Императорского Томского университета (Томск, 1889) под номером 10841 [Там же. С. 354] числится изданная в 1778 г. в Мурсии вторая часть работы Леандра Солера «Cartagena ilustrada» [28], посвященная истории города Картахены, расположенного на средиземноморском побережье Испании. Книга была напечатана в типографии известного в свое время издателя Франсиско Бенедито и стала заметным явлением в духовной жизни региона. Годом раньше там же вышла ее первая часть.

Это издание, как отмечает Х.М. Рубио Паредес, имеет немалую ценность, так как со времени появления в 1598 г. работы Каскалеса «Повествование о городе Картахене» оно явилось первым монографическим трудом на эту тему [29. С. 101].

Подчеркнем, что речь идет об основанном карфагенянами – пунийцами, как называли их римляне, – в III в. до н.э. городе, предназначенном играть роль важного стратегического пункта в борьбе с Римом. С этим городом связаны два поворотных события древней истории: именно из Картахены в 218 г. до н.э. Ганнибал со своим войском отправился в легендарный поход, угрожавший безопасности самого Рима. А в 211 г. до н.э. Публий Корнелий Сципион атаковал этот бастион карфагенян и захватил его. О Картахене, или Новом Карфагене, упоминают многие античные авторы. Под властью римлян город пережил эпоху своего наивысшего расцвета в I–II вв. Здесь были построены форум, термы, театр и амфитеатр, храмы; чеканилась монета. Город пережил нашествие вандалов, власть византийцев. При вестготах он становится одним из важных центров христианской церкви. История становления и укрепления последней, роль ее выдающихся деятелей и рассматриваются в книге.

Автором данного труда является уроженец Картахены, ученый францисканец, в 15-летнем возрасте принявший монашеский обет. Л. Солер (1709–1780) получил образование в Коллегии Пресвятой Девы в Мурсии, большую часть жизни посвятил обучению клира, служил монахом монастыря св. Франциска в Картахене, где и был похоронен. Его могила, как и сам монастырь, не сохранилась; в наши дни на этом месте – городская площадь с подземной стоянкой. Тем не менее он не забыт; в Мурсии именем Л. Солера названа улица. Двухсотлетие выхода в свет его труда было отмечено в научной литературе [29, 30].

Ученый был патриотом своего родного города, что отразилось как в самом факте обращения к написанию труда, прославляющего его малую родину, так и в интерпретации и оценке ряда событий, связанных с ее историей. По его убеждению, например, явление Испании св. Иакова (Сантьяго) произошло именно через порт Картахены. Логика Солера, находившая, как он считал, подтверждение своей безупречности в конкретных исторических событиях, выстраивала следующий подход: «Если Сципион считал, что захват Картахены был равносильным завоеванию всего Пиренейского полуострова, – почему бы и апостолу Иакову не поступать так же?» [29. С. 109–110].

В первой части сочинения Солера рассматривалась древняя и средневековая история Картахены, особое место отводилось здесь четырем картанским святым. Во второй части автор фокусирует внимание на фигуре одного из них – епископа Картахены и ученого богослова Святого Фулгенция. Побуждаемый церковными иерархами Картахены и по своему искреннему желанию Л. Солер вступает в полемику с некоторыми учеными богословами, отрицавшими факт пребывания Фулгенция в сане епископа и не признававшими его ученых заслуг.

В прологе ко второму тому автор открыто заявляет о своей цели. Главное – «не повествовать... но защи-

щать достоинство церкви Картахены, защищать ее величие, которое она обрела, имея в качестве своего прелата, пастыря и отца – святого Фулгенция» [28. С. 13].

Как и в случае с идентификацией, казалось бы, малоизвестной Картахены, опять же следует подчеркнуть, что центральной фигурой второй части труда Солера выступает отнюдь не скромный церковный иерарх местного значения. Фулгенций (ок. 540 – ок. 630 гг.) родился Картахене, в семье, в которой четверо из пяти детей стали выдающимися церковными деятелями и были причислены к лику святых. Братьями Фулгенция были епископы Севильи Леандр и Исидор, известный в истории как выдающийся средневековый энциклопедист Исидор Севильский. Сестрой трех епископов, также причисленной к лику святых, была Флорентина, принявшая аскетический образ жизни и основавшая монастырь близ Эсихи.

Спустя тысячелетие, как оказалось, не все достойные деятели вестготского периода остались защищенными своими заслугами и даже саном святых. Л. Солер, путем многолетнего изучения обширного круга источников, которыми располагал XVIII в., предпринимает попытку восстановить истину, о приверженности которой он говорит неоднократно на страницах своего ученого труда («Я люблю истину и люблю свою родину, но это чувство подчиняется любви к истине»).

Трудно не заметить, что полемика Солера по своей форме раскрывает его как истинного последователя св. Франциска. Солер сознательно стремится не нанести обиды своим оппонентам, которых называет умнейшими, достойнейшими учеными. Д. Карбахо Лопес отмечает особую деликатность, проявляемую Солером на страницах его книги. «Читая внимательно его уче-

ный труд, осознаешь те прекрасные природные качества и данные, которые украшали этого человека, – пишет он. – Зачастую они более значимы, нежели красота и культура; эти свойства души не разрушает время, они не подвергаются воздействию капризов зрения. Эти качества – искренность, простота, доброта, смирение, постоянное стремление подчинять все истине, как он подчиняет ей свою любовь и безграничную преданность своей малой родине Картахене. Такая доброта поистине восхищает» [30. С. 72–73]. «Этот выдающийся францисканец, сын юго-восточной испанской провинции, падре Леандро Солер, – по убеждению современного ученого, – навсегда останется славой, честью и гордостью Картахены, Мурсии и Испании» [Там же. С. 73].

Отметим, что испанские издания в Строгановской библиотеке разнообразны по видам и жанрам. На левом форзаце испанских книг имеются, за некоторым исключением, знаки владельческой принадлежности – экслибрисы Г.А. Строганова. Количественный состав коллекции требует уточнения; очевидно, что он может быть увеличен за счет отдельных графических работ испанских мастеров на испанские же темы.

Дальнейшее изучение «испанской составляющей» книжного собрания Строгановых, хранящегося в Научной библиотеке Томского государственного университета, представляется интересным и необходимым с точки зрения осуществления ее описания, воссоздания картины формирования книжного фонда и процесса его читательского использования. Разрешение этих задач помогло бы раскрыть вопрос о путях развития знаменитого книжного собрания, отражения в нем эпохи, а также масштаба личности его владельца, с его интересами, вкусами, областью деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Chacón Manuel Moreno*. Visión historiográfica de los viajes por España en la Edad Moderna // *Manuscripts*. 7 (1988): 189–212.
2. *Филимонов М.Р.* Книжная сокровищница Сибири. 2-е изд., доп. / под ред. Л.И. Боженко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 194 с.
3. *Журавлева Е.В.* Испанские книги XVI века в фондах НИО редкой книги ВГБИЛ // *Книга в России* / под ред. В.П. Леонова. М. : Наука, 2006. Сб. 1. С. 301–309.
4. *Алексеев М.В.* Произведения испанских просветителей XVIII в. в фондах Научной библиотеки Одесского национального университета им. И.И. Мечникова // *Вестник Одесского национального университета* : Сер. «Библиотековедение, библиографоведение, книговедение». 2008. Т. 13. Вып. 8. С. 190–207.
5. *Алексеев М.В.* Испанские издания XVI–XVIII вв. из коллекции Ромуальда Губе в фондах Научной библиотеки Одесского национального университета им. И.И. Мечникова // *Вестник Одесского национального университета* : Сер. «Библиотековедение, библиографоведение, книговедение». 2007. Т. 12. Вып. 4. С. 169–189.
6. *Фельдман В.С.* Фонд А.Г. Строганова в Научной библиотеке Одесского национального университета им. И.И. Мечникова // *Вестник Одесского национального университета* : Сер. «Библиотековедение, библиографоведение, книговедение». 2007. Т. 12. Вып. 4. С. 144–152.
7. *Пожарская С.П.* Русско-испанские отношения в конце XVII – первой четверти XIX вв. (факторы интереса) // *Россия и Испания: историческая ретроспектива*. М. : ИВИ АН СССР, 1987. С. 48–63.
8. *Пожарская С.П.* Образы России и Испании глазами испанских и российских послов // *Россия и Европа: Дипломатия и культура*. М. : Наука, 2004. Вып. 3. С. 75–85.
9. *Россия и Испания. Документы и материалы. 1667–1917* / сост. С.П. Пожарская, А.И. Саплин ; Рос. АН, Ин-т всеобщей истории. М. : Памятники исторической мысли, 1997. Т. 2: 1800–1917. 344 с.
10. *Чудинов А.В.* «Русский яковинец» Павел Строганов. Легенда и действительность // *Новая и новейшая история*. 2001. № 4. С. 42–70.
11. *Саплин А.И.* Российский посол в Испании (1805–1809 гг.) // *Вопросы истории*. 1987. № 3. С. 178–184.
12. *Кудрявцева Е.П.* Российский дипломат Г.А. Строганов (1770–1857) // *Новая и новейшая история*. 2001. № 4. С. 153–165.
13. *Жеравина О.А.* Мадридское издание «Дон Кихота» 1780 г. Из книжного собрания Строгановых Научной библиотеки Томского государственного университета // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2012. № 3. С. 55–66.
14. *Каталог* главной библиотеки Императорского Томского университета. Томск : Тип.-Лит. В.В. Михайлова и П.И. Макушина. 1889. Т. I (Иностранное отделение). 256 с.
15. *Retratos de los españoles ilustres con un epitome de sus vidas*. Madrid: En la Imprenta Real de Madrid. 1791. 19 quadernos (cachiers). Avec 108 portraits.

16. *Lopez don Tomas y don Juan*. Mapa general del reyno de España e de Portugal: comprehende sus provincias, corregimientos, oidorias, proveedurias, consejos, cotos etc. Madrid, año de 1761–90.
17. Думпиев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. 2-е изд. Издание Русского Архива. М. : Тип. Грачева и комп., 1869. 297 с.
18. *Cervantes Michel de*. Histoire de l'admirable Don Quichotte de la Manche. Nouv. édit. Tomes I. III–VI. Avignon, Seguin. 1786–87. 5 vols gr. 16°. Avec figures.
19. *Cervantes Saavedra Miguel de*. Leden und Thaten des scharfsinnigen Edlen don Quixote von la Mancha. Ausdem Spanischenübersetzt von L. Tieck. 1 u 2 Ausgabe. Berlin, Unger. 1810. 4 Bde gr.
20. *Cervantes de Saavedra Miguel*. El ingenioso hidalgo don Quixote de la Mancha. Nueva edic., con 31 tavol. Madrid, Ibarra, 1780. 4 vols.
21. *Alvarez Barrientos J.* Don Quijote in Europe and the Americas in the Eighteenth and Nineteenth centuries // *Don Quijote: tapices españoles del siglo XVIII – 18th century Spanish tapestries*. M. : Sociedad Estatal para la Acción Cultural Exterior: El Viso, 2005. 254 p.
22. *Cadalso J.* Cartas Marruecas del coronel D. Joseph Cadahalso. Barcelona : Imprenta de Piferrer, 1796. 224 p.
23. *Rachel Schmidt*. Critical Images: The Canonization of Don Quixote through Illustrated Editions of the Eighteenth Century. Montreal : McGill-Queens University Press, 1999. 248 p.
24. *Rico F.* De cómo el 'Quijote' llegó a ser un 'clásico' también en España / Reportaje: IV Centenario del Quijote // *El País*. 23 de abril de 2005.
25. *Cervantes de Saavedra Miguel*. El ingenioso hidalgo don Quixote de la Mancha. Nueva edic., con 31 tavol. Madrid, Ibarra, 1780. Tomo I. XIV, ccxxiv, 199 p.
26. *Historia de la Tipografía III*. Grandes tipógrafos. Madrid ; Soria : The New Nonesuch Press, S. a. 84 p.
27. *Homenaje a Joaquín Ibarra*. Madrid : Imprenta Municipal, 1923. 47 p.
28. *Soler Leandro*. Cartagena ilustrada. Parte II: Fundación de la iglesia de Cartagena, y su dignidad metropolitana. Murcia : Francisco Benedito, 1778. [14]. 541 p.
29. *Rubio Paredes J.M.* «Cartagena ilustrada» de Leandro Soler: homenaje en su bicentenario // *Margetana*. 1978. № 54. P. 101–116.
30. *Carbajo López D.* Leandro Soler Rocel, franciscano, gloria de Cartagena y de Murcia // *Margetana*. 1979. № 56. P. 59–73.

Zheravina Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: toledo@mail.tomsknet.ru

SPANISH BOOK IN SIBERIA: TO STUDYING STROGANOV BOOK COLLECTION OF TOMSK STATE UNIVERSITY SCIENTIFIC LIBRARY.

Keywords: G.A. Stroganov; Stroganov' library; Siberia; Spain; Spanish book editions.

Interest to the European culture, peculiar to educated circles of the Russian society of the XVIII–XIX centuries, found its reflection in the collections of noble libraries. Stroganovs' book collection which is storing in Scientific library of Tomsk State University is an example of that. Studying of patrimonial library of Stroganov, assumes identification of its internal collections from which it is possible to distinguish the Spanish editions of the XVIII–XIX centuries. Research of this book massif, small on the number, is represented as important task, allowing to open the spiritual needs range of outstanding domestic bibliophiles of our country, to give the substantial characteristic of those book treasures which, collected by their diligence, became property of the Siberian university reader. The Spanish book problems are not enough developed in the science of our country. There are researches of Ukrainian scientists connected with identification and the description of the Spanish books in Odessa State University library. Works of the Russian specialists in the Spanish researches studying questions of the Russian-Spanish relations give a valuable material. The articles of A.I. Saplin and E.P. Kudryavtseva reveal G.A. Stroganov's activity as the Russian envoy in Madrid that allows considering the fact of connection of the library owner with the Spanish reality as possible incentive motive of collecting the Spanish books. The problem of identification of Spanish books in Stroganov' collection of the Tomsk State University Scientific library for the first time was formulated by the author of the present article. For the solution of the objective the foreign books catalog of Imperial Tomsk University was studied; all revealed editions were seen by de visu. Identification and studying of the array of the specified documents was carried out with use of bibliographic method by means of which their selection; various ways of their grouping, including language, chronological, thematic were used; and also the description by a standard technique was carried out. As a result of the conducted research it was revealed in Stroganov collection about one hundred documents revealing Spanish subject. These are works on country history, memoirs, historical documents, literary works, descriptions of sights of Spain, graphic works, maps. The vast majority of these works was published in Paris, Amsterdam and other European cities. Spanish editions proper in Stroganov' book collection are revealed as no more than ten. Among them – the French-Portuguese dictionary published in 1772 in Barcelona; calendar for 1817 and Madrid guide; Spanish Constitution of Barcelona edition of 1820; collection of the engraved portraits of the well-known Spaniards, published in Madrid from 1791; collection of maps made by Thomas Lopez, Spanish cartographer of XVIII – the beginning of the XIX century. The four-volume Madrid edition of "Don Quixote" of Cervantes (1780) and the work of the XVIII century author L. Soler "Glorified Cartagena" are considered in detail.

REFERENCES

1. Chacón M.M. Visión historiográfica de los viajes por España en la Edad Moderna. *Manuscripts*, 1988, no. 7, pp. 189–212.
2. Filimonov M.R. *Knizhnaya sokrovishchnitsa Sibiri* [The book treasure of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1988. 194 p.
3. Zhuravleva E.V. *Ispanskie knigi XVI veka v fondakh NIO redkoy knigi VGBIL* [Spanish books of the 16th century in the collections of the Research Department of Rare Books of the Library for Foreign Literature]. In: Leonov V.P. (ed.) *Kniga v Rossii* [The book in Russia]. Moscow: Nauka Publ., 2006, vol. 1, pp. 301–309.
4. Alekseenko M.V. Proizvedeniya ispanskikh prosvetiteley XVIII v. v fondakh Nauchnoy biblioteki Odesskogo natsional'nogo universiteta im. I.I. Mechnikova [The works by the Spanish Enlighteners of the 18th century in the collections of the Research Library of Odessa National University]. *Vestnik Odesskogo natsional'nogo universiteta – Bulletin of the Odessa National University*, 2008, vol. 13. Issue 8, pp. 190–207.
5. Alekseenko M.V. Ispanskije izdaniya XVI–XVIII vv. iz kollektsii Romual'da Gube v fondakh Nauchnoy biblioteki Odesskogo natsional'nogo universiteta im. I.I. Mechnikova [The Spanish editions of the 16th – 18th centuries from the collection of Romuald Gube in the Scientific Library of Odessa National University]. *Vestnik Odesskogo natsional'nogo universiteta – Bulletin of the Odessa National University*, 2007, vol. 12. Issue 4, pp. 169–189.
6. Feldman V.S. Fond A.G. Stroganova v Nauchnoy biblioteke Odesskogo natsional'nogo universiteta im. I.I. Mechnikova [The fund of A.G. Stroganoff in the Research Library of Odessa National University]. *Vestnik Odesskogo natsional'nogo universiteta – Bulletin of the Odessa National University*, 2007, vol. 12. Issue 4, pp. 144–152.
7. Pozharskaya S.P. *Russko-ispanskije otnosheniya v kontse XVII – pervoy chetverti XIX vv. (faktory interes)* [The Russian-Spanish relations at the late 17th – early 19th centuries (factors of interest)]. In: Udaltsova Z.V. (ed.) *Rossiya i Ispaniya: istoricheskaya retrospektiva* [Russia and Spain: a historical retrospective]. Moscow: The USSR Academy of Sciences Publ., 1987, pp. 48–63.

8. Pozharskaya S.P. *Obrazy Rossii i Ispanii glazami ispanskikh i rossiyskikh poslov* [The images of Russia and Spain through the eyes of Spanish and Russian ambassadors]. In: *Rossiya i Evropa: Diplomatika i kul'tura* [Russia and Europe: Diplomacy and culture]. Moscow: Nauka Publ., 2004. Issue 3, pp. 75-85.
9. Pozharskaya S.P., Saplin A.I. *Rossiya i Ispaniya. Dokumenty i materialy. 1667–1917* [Russia and Spain. Documents and materials. 1667-1917]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 1997, vol. 2, 344 p.
10. Chudinov A.V. "Russkiy yakobinets" Pavel Stroganov. Legenda i deystvitel'nost' [The "Russian Jacobin" Pavel Stroganov. The Legend and Reality]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2001, no. 4, pp. 42-70.
11. Saplin A.I. Rossiyskiy posol v Ispanii (1805–1809 gg.) [The Russia's ambassador to Spain (1805-1809)]. *Voprosy istorii*, 1987, no. 3, pp. 178-184.
12. Kudryavtseva E.P. Rossiyskiy diplomat G.A. Stroganov (1770–1857) [The Russian diplomat G.A. Stroganov (1770-1857)]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2001, no. 4, pp. 153-165.
13. Zheravina O.A. The Madrid Edition of Don Quixote of 1780 from the Stroganoff bookcollection of the Scientific library of Tomsk State University. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2012, no. 3, pp. 55-66. (In Russian).
14. *Katalog glavnoy biblioteki Imperatorskogo Tomskogo universiteta* [The catalog of the main library of the Imperial Tomsk University]. Tomsk: V.V. Mikhaylov i P.I. Makushin Publ., 1889, vol. I, 256 p.
15. *Retratos de los españoles ilustres con un epitome de sus vidas*. Madrid: En la Imprenta Real de Madrid, 1791.
16. Lopez T.J. *Mapa general del reyno de España e de Portugal: comprehende sus provincias, corregimientos, oidorias, proveedurias, consejos, cotos etc.* Madrid, año de 1761–90.
17. Dmitriev M.A. *Melochi iz zapasa moey pamyati* [The trifles from from the stock of my memory]. Moscow: Grachev i komp. Publ., 1869. 297 p.
18. Cervantes, Michel de. *Histoire de l'admirable Don Quichotte de la Manche*. Nouv.édit. Tomes I. III-VI. Avignon, Seguin. 1786-87. 5 vols gr. 16°. Avec figures.
19. Cervantes M.S. *Leden und Thaten des scharfsinnigen Edlen don Quixote von la Mancha*. Translated from Spanish by von L. Tieck. Berlin: Unger, 1810.
20. Cervantes M.S. *El ingenioso hidalgo don Quixote de la Mancha*. Madrid: Ibarra, 1780.
21. Alvarez Barrientos J. *Don Quijote in Europe and the Americas in the Eighteenth and Nineteenth centuries*. In: *Don Quijote: tapices españoles del siglo XVIII*. Moscow: Sociedad Estatal para la Acción Cultural Exterior: El Viso, 2005. 254 p.
22. Cadalso J. *Cartas Marruecas del coronel D. Joseph Cadahalso*. Barcelona: Imprenta de Piferrer, 1796. 224 p.
23. Schmidt R. *Critical Images: The Canonization of Don Quixote through Illustrated Editions of the Eighteenth Century*. Montreal: McGill-Queens University Press, 1999. 248 p.
24. Rico F. *De cómo el 'Quijote' llegó a ser un 'clásico' también en España. Reportaje: IV Centenario del Quijote*. El País, 2005, 23rd April.
25. Cervantes M.S. *El ingenioso hidalgo don Quixote de la Mancha*. Madrid: Ibarra, 1780, vol I. XIV, ccxxiv, 199 p.
26. *Historia de la Tipografía III. Grandes tipógrafos*. Madrid–Soria: The New Nonesuch Press. 84 p.
27. *Homenaje a Joaquín Ibarra*. Madrid: Imprenta Municipal, 1923. 47 p.
28. Soler L. *Cartagena ilustrada. Parte II: Fundación de la iglesia de Cartagena, y su dignidad metropolitana*. Murcia: Francisco Benedito, 1778. 541 p.
29. Rubio Paredes J.M. "Cartagena ilustrada" de Leandro Soler: homenaje en su bicentenario. *Margetana*, 1978, no. 54, pp. 101-116.
30. Carbajo López D. *Leandro Soler Rocel, franciscano, gloria de Cartagena y de Murcia*. *Margetana*, 1979, no. 56, pp. 59-73.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902

Н.Н. Головченко

ПОИСК ПАРАЛЛЕЛЕЙ ПРЕДМЕТНОМУ КОМПЛЕКСУ ОДЕЖДЫ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ГИМНАХ РИГВЕДЫ

Выявляются параллели между содержанием религиозных гимнов Ригvedы и археологическим материалом, происходящим из погребальных комплексов эпохи железа Верхнего Приобья. В работе отражены некоторые вопросы методики такого рода исследований. Установлены соответствия между содержанием текстов Ригvedы и археологическими находками. Определены историко-этнографические возможности применения гимнов Ригvedы в археологических исследованиях. В ходе исследования автор приходит к выводу о возможности экстраполяции сведений гимнов Ригvedы на культуры скифо-сакского мира.

Ключевые слова: предметный комплекс одежды; ранний железный век; Верхнее Приобье; индоевропейцы; Ригvedы.

В погребальных памятниках эпохи раннего железа на территории Верхнего Приобья не являются редкостью находки, происходящие из Индии, к их числу относятся бусы и зеркала [1, 2]. Как известно, в ходе торгового взаимодействия между вовлеченными в него сторонами осуществляется обмен не только предметами материального обихода, но и идеями. Особенно ярко этот процесс проявляется при включении в него близких по облику культур.

Во второй половине I тыс. до н.э. на территории степного пояса Евразии существовали и развивались культуры, объединенные схожим предметным комплексом вооружения, конской упряжи, костюма и общим художественным «звериным стилем». Это культурное образование, известное нам как скифо-сакский мир, просуществовало почти восемь веков, оставив колоссальный след в истории Евразии. Неудивительно, что богатая память о нем нашла отражение в письменной исторической традиции ряда античных народов.

В настоящее время досконально исследован комплекс греческих источников о скифах, а имеющиеся в них сведения надежно сопоставлены с археологическим материалом степей Причерноморья и экстраполированы на такие значимые «скифские» археологические находки Сибири, как погребения пазырыкской и уюкской культур [3, 4], Сибирскую коллекцию Петра I [5]. Однако, по нашему мнению, культурно и территориально население юга Западной Сибири и Верхнего Приобья в частности более тяготеет к сакской традиции. Конечно, нет оснований говорить обо всех носителях культур скифского мира как об индоевропейцах, наоборот, скорее он представлял собой поликультурное, полиязыковое и полиэтническое образование [6]. Однако это не делает менее важными для нас сведения письменных источников «азиатского»: иранского и индийского происхождения. К их числу относятся Авеста, Ригvedы и Упанишады. И если Авеста уже имеет традицию интенсивно привлекаться исследователями при поиске параллелей в предметных комплексах археологических культур Сибири [6, 7], то Ригvedы и

Упанишады используются гораздо реже. Это, как нам представляется, связано со значительным хронологическим разрывом между исследуемыми памятниками и временем написания текстов, а также со сложностью самих религиозных текстов. Однако именно в этих сложных для восприятия гимнах попадают бесценные крохи столь необходимой нам информации о бесписьменных народах древней Азии.

Настоящая работа посвящена поиску параллелей предметному комплексу одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железного века в гимнах Ригvedы. Источниками для написания работы послужили опубликованные материалы погребальных комплексов скифского времени территории Верхнего Приобья и религиозные тексты Ригvedы в переводах Т.Я. Елизаренковой [8–10].

«Золотые люди» Ригvedы. Многим религиозным системам свойственна гиперболизация божественных образов путем присвоения им всевозможных эпитетов. Не является исключением в этом отношении и Ригvedы, восхваления о «золотом», «сияющем», «светлом», «милом» и «чудном» облачении божеств которой можно встретить в каждом третьем гимне мандал I–VIII, реже IX–X. Естественно, что подобные жесты почтения были обращены к различным божествам, но наиболее часто авторы гимнов описывали ими одежды Агни, Рудры, его сыновей Марут и Ушас. Для начала попробуем ответить на вопрос: почему одежда именно этих богов была воспета древними в их гимнах?

Одним из основных божеств Ригvedы является *Агни* – божество жертвенного огня¹, медиатор между миром вечных богов и смертных людей, переносчик просьб гимнопевцев и их жертвы из профанного мира в мир сакральный. Важность этого бога в религиозной системе Ригvedы очевидна, Агни отвечает за взаимодействие человека со всем пантеоном богов. Вся значимость этого бога как нельзя лучше охарактеризована строкой из гимна V мандалы: «Ты, о Агни, – Варуна, когда рождаешься, ты становишься Митрой, когда зажжен. В тебе, о сын силы, – все боги. Ты – Индра для почитающего тебя смертного» [9. С. 8].

Не менее важным в жизни рядовых адептов ведической религии был *Рудра* – грозный бог, персонифицирующий гнев и ярость, часто отождествляемый с ненастью в целом. Погодные катаклизмы, подвластные Рудре, такие как ветер, буря и гроза, олицетворяли его дети – *Маруты*. Маруты, в отличие от других богов Ригведы, имели аватарами не животных (коней – Ашвины, баранов – Сурья, Агни, Индра), а рядовых воинов.

Еще одним божеством Ригведы, наряды которой неоднократно описываются в молитвенных гимнах, является *Ушас* – божество, персонифицирующее зорю (зори – в широком смысле восход Солнца, начало дня).

Всех упомянутых божеств объединяет одно – их проявления люди наблюдали ежедневно. Как каждый день начинался и начинается с восхода Солнца, так во всех древних цивилизациях были божества зори – достаточно вспомнить «*светлокудрую Эос*» греков и Хепри египтян. Каждый день, начиная с эпохи палеолита, мы имеем дело с огнем, одним из основных орудий, благодаря которому человек осваивал мир. До сих пор вызывая у человека трепет, гремят и бушуют грозы. И не менее редко душевные порывы у человека вызывают ярость и гнев. В отличие от Индры – царя небесного мира, чей образ оставался туманным², с этими божествами человек контактировал постоянно, поэтому нет ничего удивительного в том, что в их образах воплотились некоторые объекты повседневности, такие как предметный комплекс одежды. Последним и определяется методика сопоставления религиозных текстов с конкретным археологическим материалом.

В обоснование суждений. Осуществляя сравнение некоторых опусов Ригведы с археологическим материалом скифского времени Верхнего Приобья, мы не хотим сказать, что древнее население юга Западной Сибири исповедовало индуизм. Так же мы не утверждаем о наличии прямых аналогий между содержанием гимнов Ригведы и конкретными археологическими находками с Верхней Оби. Целью нашего исследования является поиск параллелей некоторым вариантам оформления одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железного века в древних текстах. Так же предлагаемой читателю работой мы хотим указать на поликультурность региона и на наличие в нем индоиранского компонента, который, возможно, нашел отражение в предметном комплексе одежды и отдельных обрядах населения скифского времени Верхнего Приобья.

Несколько слов о методологической основе исследования. На содержание в мифах и религиозных гимнах реальных материальных и исторических категорий указывал А.Ф. Лосев в своем монументальном труде «Диалектика мифа» [11]. Основываясь на трудах А.Ф. Лосева, попытку осмыслить и найти археологические подтверждения некоторым «мифическим» суждениям Геродота о скифах Причерноморья в свое время предпринимал Д.С. Раевский [12].

Применительно к нашему случаю, на содержание реальных исторических категорий в гимнах Ригведы указывал Й. Хейзинга. В «*Homo Ludens*» автор на примере ведических гимнов говорит о включении объектов повседневности в «игровую» (обрядовую) жизнь. Эта «игровая» деятельность, будучи порождением человеческого разума, обставляется реальными окружающими человека вещами, которые и запечатлеваются в гимнах, служащих своеобразным звеном или пунктом правил «игры» (обрядов) [13. С. 40–44].

Основываясь на работах А.Ф. Лосева, Д.С. Раевского и предположениях автора «*Homo Ludens*», мы позволили себе осуществить предлагаемое читателю небольшое исследование.

«Золотые люди» Ригведы и предметный комплекс одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железного века. Читая гимны Ригведы и сравнивая их с имеющимися в нашем распоряжении материалами об одежде населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа, нельзя не удивиться явным параллелям между ними. Предметный комплекс одежды знати, обнаруженный в погребальных памятниках Приобья, среди которых самыми знаковыми являются находки из кургана 9 памятника Локоть 4а [14], находит множество прямых аналогий в ведических гимнах. Так, к примеру, об Агни неоднократно сообщается, что он носит «*золотые одежды*» и волосы [8. С. 32]. Мы можем предположить, что, облачая почивших вождей в одеяния, обшитые золотом, древние, вероятно, желали соединения на сакрально-мистическом уровне образа (фарна) умершего вождя с образом (и фарном) божества, причем не обязательно именно с Агни.

Помимо ношения одежды, обшитых золотом, согласно сообщениям Ригведы, Рудра носит заплетенные в косичку волосы³ [Там же. С. 139, 274]. Остатки кос отчасти сохранились в 3 погребениях раннего железного века на территории Верхнего Приобья, два случая в мужских захоронениях [1. С. 120; 15. С. 38–39], один в женском [16. С. 59]. Косы были заплетены на голове знаменитой мумии пазырыкской культуры, обнаруженной в кургане Верх-Кальджин-2 [17], и ряда мумий из пустыни Такла-Макан [18]. Их же мы можем встретить на кулайском изображении из Айдашинской пещеры (под Ачинском, Красноярский край) [19]. Также о бытовании кос у носителей кулайской культуры говорят китайские наконечники, обнаруженные на памятнике Каменный Мыс [20, 21]. Кроме того, косы встречаются на многочисленных изваяниях скифского времени от Причерноморья до Алтая [22, 23]. Основываясь на комплексном анализе всех перечисленных источников, логично будет предположить, что косы выступали как своеобразный символ статуса власти.

Самые яркие аналогии мы видим между предметным комплексом одежды населения Верхнего Приобья скифского времени и описанием облачений Марут. Дело в том, что в гимнах отражено описание оплечий наплечных одежд богов бури, которое полностью сов-

падает с археологическими находками: «сыновья Рудры с золотыми пластинками на груди» [8. С. 275]. А в другом месте еще более красочно: «Поющие песню, порождающие силу Индры, они, чья мать – Приини (женское божество, имеющее облик коровы. – Н.Г.), надели на себя украшения. Когда те, чья мать – коро- ва, украшают себя блестящими драгоценностями, сверкающие, они надевают на себя искрящиеся украшения. Они гонят прочь любого преследователя» [Там же. С. 103]. И в несколько ином варианте: «Много вещей, несущих счастье, на ваших мужественных руках, на груди – золотые пластинки, пронзительно яркие украшения, на плечах – шкуры, на поясах – ножи» [Там же. С. 209]. Нашивные бляшки из золотой фольги и разноцветные бусины – типичные украшения оплечий наплечных одежд погребенных в памятниках Верхнего Приобья, как мы видим, полностью подпадают под описание одежды Марут. Но на этом аналогии не заканчиваются. Еще более важно, что основными сопутствующими символами Марут являлись «пряжка» (пряслице) и нож, самые часто фиксируемые находки в погребениях раннего железного века на территории Приобья [1, 14–16]. Если выражаться словами гимна Ригведы: «В их руках соединились пряжка и нож» [8. С. 211].

Определенные параллели можно увидеть между описанием наряда Ушас и предметным комплексом женской наплечной одежды, обнаруженным в погребальных памятниках Верхнего Приобья. К примеру, в одном из гимнов к Ушас I мандалы сообщается, что «она увешивает себя украшениями, как танцовщица» [Там же. С. 111]. Бусы, трубочки-пронизки, серьги, заколки, гривны и перстни – вот основные категории украшений женщин, населявших Верхнее Приобье в раннем железном веке [1, 14–16]. Все эти украшения располагались в верхней части ансамбля костюма, что вполне могло создавать ощущение их избыточного присутствия и «увешанности». Особый интерес вызывает описание смены одежды Ушас: «Эта дочь неба явила себя, ярко пылающая женщина в светлых одеждах... богиня сняла черный наряд» [8. С. 137–138]. Или еще более аллегорично: «Надо возвеличить за утренним призывом зарю и ночь, хорошо известных, тех, что словно две жены: одна подобна бездетной женщине, носящая простую одежду, другая с блеском солнца, прекрасная в золотых украшениях» [Там же. С. 152].

Мы рассмотрели лишь некоторые параллели между содержанием гимнов Ригведы и археологическими находками, происходящими с территории Верхнего Приобья, но источниковедческий потенциал этого письменного источника этим отнюдь не ограничивается. В отдельных гимнах мы можем найти упоминания о ткачестве и некоторых манипуляциях с одеждой, мимо которых пройти было бы большим упущением.

Семантика ткани, ткачества и одежды по гимнам Ригведы. В эпоху раннего железа на просторах

Евразийских степей одежду уже изготавливали из тканей. Об этом говорят находки одежд из тканей на погребенных в пазырыкских курганах, в склепах пустыни Такла-Макан [17, 18], отдельные остатки фрагментов тканей одежд и орудий ткачества на памятниках Верхнего Приобья [15]. Кожа использовалась для изготовления функционально более значимой верхней одежды, которая могла выступать и в качестве своеобразного доспеха [7]. Оба эти сырья вплетены в верования разных народов мира, не является исключением и индоиранская ведическая мифология. В Ригведе не редки сравнения хорошего жертвенного приношения, выполненного по обряду с качественно выделанной шерстью [9. С. 11]. Так, обращаясь к Апри (персонифицированное название литургических гимнов, приглашающих богов к жертвоприношению), гимнопевец просит жертву: «Мягкая как шерсть растелись» [Там же. С. 11].

Аллегорически ткачество сравнивается с движением Солнца по небосклону, а шерсть (ткань) – с солнечным светом: «Такова божественная природа Сурьи, таково величие: посреди работы он собирает натянутую ткань» [8. С. 140]. Деятельность Сурьи (ежедневный восход и заход Солнца) один из авторов гимнов сравнивал с ежедневным пением гимнов: «Соткан мой труд, и снова ткется все он же» [Там же. С. 132]. Примечательно, что Сурья – солнечное божество, ткач, имел своим аватаром барана, образ которого часто фигурирует на головных уборах кочевников, но еще более важно, что из бараньей шерсти изготавливалась одежда, таким образом, ношение одежды и процесс ее изготовления становились сокращенным действием, своего рода обрядами с сопутствующими им ритуалами.

Отдельные отрывки из текстов Ригведы сохранили до нас описание некоторых манипуляций с одеждой, которые, возможно, носили ритуальный характер. К примеру, о процессе приготовления хаомы (сомы) сообщается, что давящие камни, используемые для выжимания сока, встряхивают, как «край одежды» [Там же. С. 49]. Мотив «встряхивания края одежды» встречается и в гимне к Агни, в котором сообщается, что «Он мощно воздевает кверху руки, словно Савитар (побудитель, солнечное божество. – Н.Г.). Оба края одежды соединяет страшный, простираясь. Из себя самого извлекает он прозрачное покрывало. Новую одежду он оставляет родителям» [Там же. С. 116]. Скорее всего, в описанных случаях аллегорически речь идет о полах распахнутой одежды, соединению которых приписывались определенные смыслы. Возможно, соединение пол одежды, т.е. приведение ее в функциональное состояние, символизировало каким-то образом целостность земного мира.

Сюжет деления костюма индоевропейцев на сферы, или ярусы, нашел массовое отражение в исследовательской литературе [24]. Вероятно, и в данном случае мы имеем дело с явлением того же порядка. Это подтверждает и строка из гимна к Индре, согласно которой

«Самосуиций, он несет небо, словно головное украшение» [8. С. 216].

Примечательно, что по гимнам Ригведы у нас есть возможность судить о верхнем и среднем ярусах костюма (о головном убранстве и наплечной одежде), но нет данных о нижнем ярусе (поясной одежде и обуви). К слову, именно предметный комплекс данных элементов одежды – самый не представительный в погребальных памятниках скифского времени Верхнего Приобья.

Между тем в Ригведах отмечается не только высокая сакральная (обрядовая) значимость одежды, но и вполне обыденная, экономическая, так, сообщается о статусе и богатстве дара, в который входит одежда [9. С. 44].

В заключение хотелось бы отметить, что образность, неточность и абстрактность текстов Ригведы

существенно снижает ее источниковедческий потенциал в археологических исследованиях, посвященных одежде. Приведенные нами выше цитаты из гимнов с описанием облачений божеств имеют массу параллелей не только с предметным комплексом одежды населения Верхнего Приобья скифского времени, но и с костюмным комплексом ряда других культур и народов [25]. Поэтому данные Ригведы могут использоваться экстраполировано при изучении одежды всех носителей культур скифо-сакского мира, насколько это обосновано – вопрос будущих исследований. Мы лишь хотели показать, что привлечение косвенных источников, таких как гимны Ригведы, в состоянии украсить любое археологическое исследование бесписьменных народов древности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сама собою напрашивается аналогия с «царскими Гестиями» у Геродота.

² Так, в гимне к Индре-Ваю говорится, что «Рядясь в завитые одежды, он течет кругом по чану, рядясь в прозрачные одежды, он течет» [8. С. 171].

³ В гимне: «Эти молитвы мы приносим Рудре, сильному, с заплетенной косой, властвующему над мужами» [8. С. 139].

ЛИТЕРАТУРА

1. Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с., ил.
2. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Бусы из скифских погребений Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий : матер. междунар. науч. конф. Барнаул, 1999. С. 66–70.
3. Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н.э.). М. : Вост. лит., 1961. 67 с.
4. Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der Goldschatz von Arzan. Ein Fürstgrab der Skythenzeit in der sibirischen Steppe. München : Schirmer/Mosel, 2006. 144 S., 78 Farbtafeln.
5. Артамонов М.И. Сокровища саков. М. : Искусство, 1973. 269 с.
6. Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1987. 54 с.
7. Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Кожаные и войлочные головные уборы носителей археологических культур скифо-сакского мира: морфология и назначение // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2012. №4 (16). С. 70–72.
8. Ригведа. Мандалы V–VIII / отв. ред. П.А. Гринцер. М. : Наука, 1989. 754 с.
9. Ригведа. Мандалы I–IV / отв. ред. П.А. Гринцер. М. : Наука, 1999. 767 с.
10. Ригведа. Мандалы IX–X / отв. ред. П.А. Гринцер. М. : Наука, 1999. 562 с.
11. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М. : Мысль, 2001. 558 с.
12. Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М. : Языки славянских культур, 2006. 600 с.
13. Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
14. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с., ил.
15. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.
16. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка // Материалы и исследования по археологии СССР. М. : JL, 1956. № 48. 163 с., с ил.
17. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск : ИНФОЛИО, 2005. 232 с.
18. Wang Binghua, Victor H. Mair. Xinjiang Gushi: Gudai Xinjiang Juminji Qi Wenhua (The Ancient Corpses of Xinjiang: The Peoples of Ancient Xinjiang and their Culture). Xinjiang, 2001. 245 p.
19. Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980. 208 с.
20. Бородавский А.П. Интерпретация и некоторые вопросы ритуального значения волос в раннем железном веке (по материалам Новосибирского Приобья) // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск : Наука, 1987. С. 117–121.
21. Ковалев А.А. Происхождение бронзовых обойм-«наконечников» Западной Сибири и Южного Урала // Вторые Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. II. С. 96–97.
22. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979. 99 с.
23. Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М. : МТО МЕТЕО, 1994. 184 с.
24. Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Одежда евразийских кочевников скифо-сакского времени (опыт разработки типологии и терминологического аппарата) // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 2. С. 5–13.
25. Литвинский Б.А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете истории религии) // Советская этнография. 1982. № 4.

Golowchenko Nikolai N. Altai State Pedagogical Academy (Barnaul, Russian Federation). E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru
SEARCH PARALLELS SUBJECT COMPLEX OF CLOTHING POPULATION OF THE UPPER OB EARLY IRON AGE IN THE HYMNS OF THE RIG VEDA.

Keywords: complex subject of clothing; Early Iron Age; Upper Ob; Indo-Europeans; the Rig Veda.

There are many findings came from India, including beads and mirrors in the funeral monuments of early Iron Age on the territory of Verchneye Priobie (the Upper Ob region). As known, during commercial interactions there was exchange not only of objects of daily use, but also of ideas. Supposedly because of intensive interactions between the south of West Siberia inhabitants of Iron Age and

southern nomadic tribes similar traditions of decorating clothes appeared. Those traditions were reflected in sang hymns of the Rig-Veda. The deities of the Rig-Veda wearing golden clothes remain the remnants of vestment found in funeral monuments of Verchneye Priobie. Such a token finding is a famous fighting man's or a tribal chief's clothes in the burial ground 9 Lokot'-4a. His clothes is similar with the description of costumes of Agnes and Indra. The most important similarity is between the image description of Marut Rig-Veda and simple burial of fighting men from Verchnyaia Ob. During the research was discovered that pendant from golden foil which were sewn on and colored beads are typical decorations of a neckpiece in monuments of Verchneye Priobie and they are similar to Marut's ones. It is also important that the main symbols of Marut were a spindle whorl and a knife, the most wide-spread findings of Iron Age burials on the territory of Ob. Except for the identification of parallels between the clothes of the studied region's population and hymns of Rig-Veda, there is the fixation of some last rites connected with clothes wearing and decorating. Author came to the conclusion that figurativeness, inaccuracy and abstractness of Rig-Veda texts reduce the source study potential of archaeological research devoted to clothes. Quotes from hymns describing the deity's vestments used in the article are similar with not only clothes of Scythian population of Verchneye Priobie but also with costumes of other cultures and peoples. That's why the Rig-Veda data may be used in extrapolate way while studying clothes of all cultures of Scythians and Saxons. According to this research we wanted to show that the use of indirect sources such as hymns of Rig-Veda can make any archaeological research of ancient and having no written language peoples bright.

REFERENCES

1. Umanskiy A.P., Shamshin A.B., Shul'ga P.I. *Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh'e Obi* [Scythian burial Rogozikha-1 on the left bank of the Ob River]. Barnaul: Altai State University Publ., 2005. 204 p.
2. Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F. [Beads from Scythian burials of the Altai Mountains]. *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy*: mater. mezhdunar. nauch. konf. [The results of the study of the Scythian epoch in Altai and adjacent territories. Proc. of International Scientific Conference]. Barnaul, 1999, pp. 66-70. (In Russian).
3. Rudenko S.I. *Iskusstvo Altaya i Peredney Azii (seredina I tysyacheletiya do n.e.)* [The art of Altai and Southwest Asia (the mid of the 1st millennium B.C.)]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1961. 67 p.
4. Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. *Der Goldschatz von Arzan. Ein Fürstgrab der Skythenzeit in der sudsibirischen Steppe*. München: Schirmer/Mosel, 2006. 144 p.
5. Artamonov M.I. *Sokrovishcha sakov* [the treasures of Saks]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1973. 269 p.
6. Savinov D.G. *Formirovaniye i razvitiye rannesrednevekovykh arkeologicheskikh kul'tur Yuzhnoy Sibiri*: avtoref. diss. d-ra ist. nauk [The formation and development of early medieval archaeological cultures of Southern Siberia. Abstract of History Doc. Diss.]. Novosibirsk, 1987. 54 p.
7. Golovchenko N.N., Telegin A.N. Kozhanye i voylochnye golovnye ubory nositeley arkeologicheskikh kul'tur skifo-sakskogo mira: morfologiya i naznachenie [Leather and felt hats belonging to the archaeological cultures of the Scythian-Saka world: morphology and application]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii*, 2012, no. 4 (16), pp. 70-72.
8. Grintser P.A. (ed.) *Rigveda. Mandalas V-VIII* [Rigveda. Mandalas V-VIII]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 754 p.
9. Grintser P.A. (ed.) *Rigveda. Mandalas I-IV* [Rigveda. Mandalas I-IV]. Moscow: Nauka Publ., 1999. 767 p.
10. Grintser P.A. (ed.) *Rigveda. Mandalas IX-X* [Rigveda. Mandalas IX-X]. Moscow: Nauka Publ., 1999. 562 p.
11. Losev A.F. *Dialektika mifa* [The dialectic of myth]. Moscow: Mysl' Publ., 2001. 558 p.
12. Raevskiy D.S. *Mir skifskoy kul'tury* [The world of Scythian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. 600 p.
13. Huizinga J. *Homo Ludens. Chelovek igrayushchiy* [Homo Ludens. Man the Player]. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 2011. 416 p.
14. Shul'ga P.I. *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a* [Scythian burial Lokot'-4a]. Barnaul: Altai State University Publ., 2003. 204 p.
15. Shul'ga P.I., Umanskiy A.P., Mogil'nikov V.A. *Novotroitskiy nekropol'* [Novotroitsk Necropolis]. Barnaul: Altai State University Publ., 2009. 329 p.
16. Gryaznov M.P. Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya rechka [The history of the ancient tribes of the Upper Ob from excavations near the village. Big River]. *Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR*, 1956, no. 48, 163 p.
17. Polos'mak N.V., Barkova L.L. *Kostyum i tekstil' pazyryksev Altaya (IV-III vv. do n.e.)* [The costume and textiles of the Altai Pazyryks (4th-3rd centuries BC.)]. Novosibirsk: INFOLIO Publ., 2005. 232 p.
18. Wang Binghua, Victor H. Mair. *Xinjiang Gushi: Gudai Xinjiang Juminji Qi Wenhua*. Xinjiang, 2001. 245 p.
19. Molodin V.I., Bobrov V.V., Ravnushkin V.N. Aydashinskaya peshchera [Aydashinsk cave]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980. 208 p.
20. Borodovskiy A.P. *Interpretatsiya i nekotorye voprosy ritual'nogo znacheniya volos v rannem zheleznom veke (po materialam Novosibirskogo Priob'ya)* [The interpretation and some questions of ritual significance of hair in the early Iron Age (based on Novosibirsk Ob region)]. In: Martynov A.I., Molodin V.I. (eds.) *Skifo-sibirskiy mir: Iskusstvo i ideologiya* [The Scythian-Siberian world: art and ideology]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, pp. 117-121.
21. Kovalev A.A. [The origin of the bronze "nakosniki" (braid pendants) in Western Siberia and Southern Urals]. *Vtorye Istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova* [The Second Historical Reading in the memory of M.P. Gryaznov]. Omsk, 1992. Part II, pp. 96-97.
22. Kubarev V.D. *Drevnie izvayaniya Altaya (Olen'nye kamni)* [Ancient statues of Altai (Deer Stones)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1979. 99 p.
23. Ol'khovskiy V.S., Evdokimov G.L. *Skifskie izvayaniya VII-III vv. do n.e.* [Scythian sculptures of the 7th – 3rd centuries BC]. Moscow: MTO METEO Publ., 1994. 184 p.
24. Golovchenko N.N., Telegin A.N. Odezhda evraziyskikh nomadov skifo-sakskogo vremeni (opyt razrabotki tipologii i terminologicheskogo apparata) [The clothes of Eurasian nomads of the Scythian-Saka time (the development of typology and terminological apparatus)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 2, pp. 5-13.
25. Litvinskiy B.A. "Zolotyye lyudi" v drevnikh pogrebeniyakh Tsentral'noy Azii (opyt istolkovaniya v svete istorii religii) [The "Golden People" in the ancient tombs of Central Asia (the experience of interpretation in the light of the history of religion)]. *Sovetskaya etnografiya*, 1982, no. 4.

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОМОРФИЗАЦИИ КРЕМИРОВАННЫХ ОСТАНКОВ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Исследуется андроновский ритуал кремации умершего. Кремация уничтожала облик человека, поэтому для воссоздания разрушенного огнем образа андроновское население использовало различные способы антропоморфизации кремированных останков, такие как создание погребальной «куклы»; заворачивание в одежду умершего; помещение в могилу украшений как самостоятельного элемента костюма; захоронение кремированных останков в сосуде. Антропоморфизированные различным образом кремированные останки, вероятно, рассматривались какместилище души покойного.

Ключевые слова: бронзовый век; андроновская культурно-историческая общность; погребальный обряд; кремация; антропоморфизация.

Одним из ярких элементов погребального обряда андроновского (федоровского) населения являлся ритуал сожжения умершего. Андроновская культурно-историческая общность занимала в эпоху бронзы обширные пространства степной и лесостепной зоны Южного Урала, Казахстана и Западной Сибири. Большинство исследователей считают, что в эту общность входили две самостоятельные культуры – алакульская и федоровская, которые на определенном этапе своего развития сосуществовали и оказывали взаимное влияние друг на друга. Вопрос об этнической принадлежности андроновского населения является спорным. Е.Е. Кузьмина [1. С. 116] и многие другие исследователи относят всех андроновцев, федоровцев и алакульцев к индоиранцам. Это позволяет привлекать для интерпретации андроновского материала письменные источники народов, имеющих индоевропейские корни (древнеиранские, индоарийские, хеттские, древнегреческие и т.д.). Опираясь на данные древних письменных источников, представляется возможным реконструировать некоторые элементы андроновского обряда кремации и связанные с ним представления.

Погребальный обряд федоровского населения западных и восточных районов имеет существенные различия. Кремация являлась характерной чертой погребального ритуала андроновского (федоровского) населения западных районов, прежде всего Южного Зауралья. В восточных районах преобладающим способом захоронения являлась ингумация, а погребения с сожжением были немногочисленны. Исключение составляют некоторые могильники Западной Сибири (Ур и т.п.). Отдельные погребения с кремацией представлены также на тех памятниках восточного региона, где в керамическом материале наблюдается смешение алакульской и федоровской традиций.

Обряд кремации производился на стороне, а в погребение помещались компактные скопления кальцинированных костей. Они располагались, как правило, в центральной или восточной части могильной ямы. В западной половине обычно находились сосуды и кости животных (ребра). Материалы андроновских погребений с остатками кремации интересны тем, что позво-

ляют проследить появление различных способов антропоморфизации кремированных останков. Можно выделить три основных варианта.

Вариант 1. Кремированные останки расположены в виде компактных скоплений в сопровождении украшений. В некоторых могилах среди или рядом с остатками кремации обнаружены бронзовые украшения, которые представлены двумя основными видами. Во-первых, украшения, связанные с декором одежды, во-вторых, украшения, являющиеся самостоятельным элементом костюма.

В западных районах распространения населения андроновской культурно-исторической общности погребения, в которых кремированные останки сопровождаются украшениями, происходят в основном из могильников со смешанной алакульско-федоровской керамикой. В Центральном Казахстане погребения с кремацией и украшениями встречены как на памятниках атасуского типа (Бегазы, Ельшибек, Шет-I, Атасу-I), которые Е.Е. Кузьмина относит к категории смешанных (алакульско-федоровских) типов алакульской линии развития [2. С. 42], так и в нуринских (федоровских). На территории Западной Сибири такие погребения относятся к федоровской культуре.

Некоторые атасуские комплексы Центрального Казахстана, в которых встречены украшения, содержат следы неполного трупосожжения. В могильнике Бегазы в северном ящике ограды 11 «отдельные фрагменты костей сохранили следы огня», среди разбросанных костей обнаружены обломок бронзовой привески и несколько пастовых бусин и пронизок. В комплексе Ельшибек в ящике 4 ограды 73 на дне и в заполнении встречались мелкие кости человека, причем на некоторых костях имелись следы огня. В могиле найдены бронзовая бусина биконической формы, костяная трехгранная пронизка с резным орнаментом, спекшиеся бронзовые пластинки. В ящике 5 той же ограды на дне и в заполнении найдены разрозненные кости человека, среди них – одна пережженная кость и несколько кальцинированных косточек, а также обнаружены бронзовая и аргиллитовая бусины [3. С. 132, 138, 140]. В могильнике Шет-I ограда 3 содержала три примыкающих

друг к другу каменных ящика, содержавших остатки кремации. В этих погребениях найдены 5 бронзовых подвесок в 1,5 оборота, обернутых золотой фольгой, две круглые бронзовые бляшки, фрагменты желобчатого браслета с конусовидными спиральными окончаниями [4. С. 89–90, 105].

Находки украшений в погребениях с сожжением характерны также для федоровских памятников Казахстана. В Центральном Казахстане они представлены в андроновских (нуринских) погребениях. В расположении остатков кремации, украшений и другого инвентаря прослеживаются те же закономерности, что и в атасуских. В огаде 1 могильника Сангру-II в могиле 1 находился слой полупережженных костей погребенного, среди которых обнаружены четыре чеканных полусферических бронзовых бляшки с отверстием в центре и по краям, две пронизы из спаянных бронзовых бусин и кусочек фаланговой кости животного с отверстием. В могиле 7 огады 1 в слое полупережженных костей находились 64 бронзовые бусины. В могиле из огады 5 рядом с сосудами обнаружены два бронзовых кольца с раструбом, два браслета с длинными спиральными коническими навершиями, обломки бронзового браслета и две плоские бусины. В западной половине ямы зафиксирован слой красной краски вперемежку с полусожженными костями погребенного. В могильнике Бугулы-I в погребениях с сожжением также обнаружены украшения, но их местоположение точно не указывается. В могиле из огады 1 найдена бронзовая пронизка, в могиле огады 3 – около 50 бронзовых бусин и круглое бронзовое зеркало, в могиле 2 огады 4 – около 50 бронзовых пронизок [3. С. 73, 75–76, 100–102].

В Лисаковском-I могильнике в погребении из огады 3 (группа А, подгруппа 1а) в заполнении вместе с кальцинированными костями обнаружена бронзовая лапчатая подвеска. В погребении 3 огады Б (группа А, подгруппа 1а) этого же могильника обнаружено биригуальное захоронение. В центре ямы находилась округлая линза кальцинированных костей, рядом с которой – два бронзовых браслета с высокими спиральевидными окончаниями. В северо-восточном углу – фрагментарно сохранившиеся кости рук скелета ребенка, на них – по одному бронзовому пластинчатому браслету [5. С. 16, 21].

В могильнике Кожа-Бала в погребении 1 из сооружения 1 остатки кремации сопровождалась бронзовым браслетом с конусовидными окончаниями [6. С. 27].

Особенно часто украшения встречаются в погребениях с кремацией в могильнике Боровое (Северный Казахстан). В могиле из огады 2 среди пережженных костей обнаружены две бронзовые серьги, выпуклая бронзовая бляшка, обломки продолговатой подвески, круглой бляшки, створки раковины. В могиле из огады 3 среди пережженных костей найдены три выпуклые бронзовые бляшки, две удлиненной формы и одна в форме лапчатой подвески. В могиле из огады 4 среди пережженных костей обнаружены бронзовая бляшка

с выпуклостями по краю, обломок бронзовой бляшки сердцевидной формы. В могиле 1 огады V, содержащей остатки кремации, у южной стенки найдены две бронзовые серьги. В могиле из огады 7 среди пережженных костей найден кусочек бронзы. В могиле с кремацией из пристройки 2 к огаде 10 обнаружены две бронзовые серьги и две бронзовые подвески с выпуклостями. В огаде IV останков погребенного не обнаружено, но у западной стенки стоял сосуд, а в центре ямы найдена пара серег с раструбом и 9 бронзовых бляшек с отверстиями для нашивки [7. С. 227, 230–233, 235, 236]. Достаточно широко представлены подобные погребения с кремацией и украшениями на памятниках таутаринского и семиреченского типов (Южный Казахстан и северная часть Средней Азии) по классификации Е.Е. Кузьминой [2. С. 42–43]. Так, в могильнике Тегирмен-Сай в погребении с кремацией из огады 13 обнаружены бронзовая бусина и бронзовая серьга с раструбом [8. С. 9]. Встречены подобные погребения также в могильниках Тау-Тары, Таш-Тюбе, Таш-Башат [9. С. 83–93; 10. С. 37–38]. Представлены они и в Южном Зауралье. В яме 3 кургана 2 могильника Кулевчи-VI поверх кальцинированных костей лежали два бронзовых браслета [11. С. 140–141].

Известны такие комплексы и на территории Западной Сибири. В могильнике у с. Титово (Кузнецкая котловина) в могиле из кургана 1, содержащей остатки кремации, около северо-восточной стенки лежали кольчатые бусы. В могиле с кремацией из кургана 10 могильника Ур рядом с сосудами лежали два бронзовых височных кольца [12. С. 11, 34]. В могильнике Рублево-VIII могила 45 содержала кремированные останки, пастовые пронизки, браслеты со спиральевидными окончаниями [13. С. 64, 68]. В могиле-1 могильника Нижняя Суетка в слое кремированных костей найдены две золотые кольчатые серьги [14. С. 85]. В могильнике Фирсово-XIV из 130 погребений всего два содержали остатки кремации, причем в сопровождении украшений. В могиле 104 обнаружены остатки кремации и четыре подвески в 1,5 оборота. Могила-222 представляла собой биригуальное захоронение мужчины 20–25 лет, скорченно, на левом боку и остатков кремации перед лицевой частью скелета. Сверху на кремированных останках лежали четыре бронзовых браслета, два биспиральных бронзовых кольца, восемь подвесок в 1,5 оборота. По краю кремации протянулись два ряда бронзовых бус (около 50 штук), которые оканчивались двумя наконечниками с пунсонным орнаментом. Около правой голени обнаружен комплекс украшений, являющийся частью женского головного убора (золотые трубочки-пронизки, гофрированные обоймы, подвеска в виде конуса) и два трубчатых золотых кольца, сцепленных между собой [15. С. 51–52].

Имеются также коллективные захоронения с четким разделением кремированных костей на отдельные скопления. В могиле Б огады 14 могильника Боровое обнаружено парное погребение по способу трупосо-

жения. Скопления костей обнаружены в середине северо-западной и юго-восточной стенок. С северо-западным скоплением связана одна бронзовая бляшка, выпуклая, овальной формы с выпуклостями. Со вторым скоплением связаны две бронзовые бляшки с отверстиями для нашивки (одна ромбическая, другая круглая с крестообразно расположенными выпуклостями в середине), две бронзовые серьги с раструбом, 75 бронзовых бусин [7. С. 223]. В могиле из кургана-ограды 39 могильника Атасу-I зафиксированы три скопления кальцинированных костей, охра. Здесь же обнаружены бронзовые и пастовые бусы, две бронзовые нашивные бляшки с двумя отверстиями для крепления и лапчатая подвеска [4. С. 107]. В могильнике Путиловская Заимка-II (курган 7) на дне у восточной стены обнаружены два скопления кальцинированных костей, у западной – три сосуда, лопаточная кость животного, бронзовый нож с перехватом и два бронзовых разомкнутых височных кольца, обернутых золотой фольгой [16. С. 99]. В алакульско-федоровском могильнике Солнце-Талика захоронение в кургане 2 содержало три скопления кальцинированных костей, а из заполнения могилы и норы извлечены обломки бронзовых украшений, в частности височного кольца или браслета выпукло-вогнутого сечения [17. С. 133–134].

Наиболее выразительная картина зафиксирована в алакульско-федоровском погребении 2 кургана 3 могильника Кулевчи-VI (Южное Зауралье [11. С. 142–145]. В этом погребении в восточной части дна находились два скопления кальцинированных костей, с каждым из которых был связан комплекс украшений. Скопление 1 имело неправильные, вытянутые с юго-запада на северо-восток, очертания. Непосредственно на слое кальцинированных костей располагались детали наконечника: две ленты бронзовых обоев с крупной обоймой на одном конце и с листовидными бронзовыми привесками на другом. У северо-восточного окончания этого скопления зафиксированы две низки бронзовых бус, аналогичные низкам бус на нижних окончаниях берцовых костей, погребенных по способу труположения в других могилах. К этому погребенному, по мнению Н.Б. Виноградова, относилось скопление украшений № 1, которое, по-видимому, помещалось в небольшой емкости и куда входили, наряду с множеством других украшений, семь бронзовых браслетов. Скопление костей 2 имело форму изогнутой полосы шириной в среднем до 10 см. С ним было связано скопление украшений возле сосуда 3. Украшения были представлены большим количеством бронзовых и пастовых бусин, семью бронзовыми браслетами. Н.Б. Виноградов, опираясь на гипотезу М.П. Грязнова, интерпретировал эти уникальные находки как захоронение праха, помещенного в «куклу». Относительно расположения находок, связанных с первым скоплением кальцинированных костей, Н.Б. Виноградовым сделаны следующие наблюдения и выводы: «Если исходить из этого (наличия «куклы». – С.С.), то становится

понятным расположение погребального инвентаря. Наконечник ориентирован по линии СЗ–ЮВ и начинается с крупной обоймы. На скелетах алакульских женщин, погребенных по способу ингумации, начало наконечника находится у основания черепа сзади. Стало быть, сосуд 1 и ребра животного (кусочек мяса) располагались за головой «куклы», а сосуд 4 и скопление украшений 1 – перед лицом ее. Украшение верхнего края обуви низками бронзовых бусин традиционно для алакульских женщин, захороненных по обряду труположения. Не случаен, видимо, и факт залегания наконечника и низок бус непосредственно на обломках кальцинированных костей» [11. С. 151]. Предположение об использовании в андроновском ритуале «куклы», высказанное в свое время М.П. Грязновым [18. С. 37], сейчас поддерживается многими исследователями [13. С. 67–68].

Однако большая часть погребений по обряду кремации не содержит столь выразительных свидетельств, позволяющих говорить о наличии «куклы». В то же время для андроновского ритуала кремации характерно компактное расположение костей, достаточно определенные границы скоплений остатков кремации, наличие коллективных захоронений с четким разделением на два (Кулевчи-VI, Путиловская Заимка-II, Боровое) или три скопления (Атасу-I, Солнце-Талика). Учитывая находки среди костей разнообразных украшений, обычно нашиваемых на одежду (бус, пронизок, бляшек, подвесок) либо прикрепляемых к головному убору (наконечники, височные кольца), можно предположить, что останки помещались в одежду умершего. Е.Е. Кузьмина отмечает, что материалами для одежды андроновцам служили мех, кожа и шерсть [19. С. 156, 160]. М.П. Грязнов сравнивал орнаментацию посуды эпохи бронзы, в том числе андроновской, с орнаментацией кожаной и меховой одежды некоторых коренных народов Южной Сибири и Казахстана и указывал на возможность перенесения орнамента с одежды на посуду [20. С. 58–59]. Учитывая пышную и сложную орнаментацию федоровской погребальной посуды, можно утверждать, что для андроновцев значение одежды вряд ли ограничивалось чисто утилитарным смыслом. Андроновское население могло, к примеру, собирать кремированные кости в мешочек, но помещать его не в куклу, а заворачивать в одежду умершего, расшитую бусами, бляшками и пронизками.

Дополнительным подтверждением существования в андроновской среде особого отношения к кремированным останкам, которые не просто ссыпались в могилу, а помещались в куклу или заворачивались в одежду, является наблюдение алтайских археологов над расположением остатков трупосожжений в погребениях андроновского (федоровского) могильника Рублево-VIII. Скопления кальцинированных костей, занимавшие площадь примерно 50 x 50 см при мощности 5–15 см, располагались несколько разреженно.

Исследователи считают, что они были перемешаны с какой-то органикой, создававшей дополнительный объем [13. С. 68].

Предположение о помещении кремированных останков в одежду погребенного требует дополнительного обоснования, так как во многих погребениях украшения не обнаружены. Определенную помощь в объяснении этого факта могут оказать этнографические параллели. Например, у казахов традиционная одежда орнаментировалась вышивкой или аппликацией с вышивкой независимо от того, из каких материалов она изготавливалась. А нашивные украшения являлись лишь дополнительным убранством [21. С. 39]. По-видимому, в среде андроновцев-скотоводов основным украшением одежды была аппликация из разноцветных кусочков кожи и лишь в каких-то особых случаях дополнительно использовались нашивные украшения из бронзы. Поэтому в большинстве погребений единственным свидетельством использования одежды в ритуале является компактное расположение кремированных костей.

Аналогии данному способу обращения с кремированными останками имеются в культуре хеттов, сложившейся при участии индоевропейского населения. Среди табличек из Богазкёя есть ряд фрагментов, относящихся к описанию ритуала похорон царя или царицы. Согласно описанию, в первый день совершалась кремация тела. «На второй день, как только рассветает, женщины идут... чтобы собрать кости... Они берут кости серебряной *лаппа* и погружают их в очищенное масло в серебряном кувшине, затем они вынимают кости из очищенного масла и кладут их на льняной *гаццарнулли*, под который подложена «красивая одежда». Кончив собирать кости, они заворачивают их вместе с льняной тканью в «красивую одежду» и кладут их на стул; а если это женщина, они кладут их на скамеечку... Перед стулом, на котором лежат кости, они ставят стол и угощают горячими хлебами... И всех, кто пришел собирать кости, они потчуют едой... [Затем] они берут кости... и приносят их в его “Каменный дом”» [22. С. 146–147].

Этот текст интересен не только тем, что в нем упоминается о помещении кремированных останков в одежду. Не менее значимым представляется также факт почтительного отношения к кремированным останкам, которые собирали серебряной лопаточкой и погружали в очищенное масло в серебряном кувшине. Исследователи могильника Рублево-VIII обратили внимание на то, что во всех четырех погребениях с кремацией отсутствуют продукты горения. Они считают, что это свидетельствует о том, что кости тщательно выбирались после сожжения тела и отделение костей от остатков погребального костра являлось обязательной частью обряда кремации [13. С. 65].

Следует также отметить, что в хеттском тексте говорится о помещении костей именно в «красивую одежду». Вероятно, ритуальная погребальная одежда, причем как женская, так и мужская, должна была дей-

ствительно быть более нарядной. Поэтому обнаружение нашивных украшений в андроновских погребениях с кремацией не обязательно является указанием на женский пол погребенного.

Особое отношение к одежде умершего, как к его заместителю, прослеживается в похоронно-погребальной обрядности иранских народов. Осетинский обряд сидения мертвых совершался спустя неделю после Нового года и в день Богоявления в семьях, которые в течение предшествующего года потеряли кого-либо из близких. В честь умершего пекли хлеб огромной величины. Затем делали изображение покойного, распялив на палках его одежду, перед которым ставили любимые вещи покойного, чашку и бутылку арака. Существует мнение, что душа на это время вселяется в изображение умершего. В течение дня происходит оплакивание, а затем угощение [23. С. 189]. Известен подобный ритуал и среди других народов Средней Азии и Казахстана. Похоронно-поминальная традиция казахов включает следующий обряд. Части костюма умершего развешивают на веревке в том порядке, в котором одежда используется в повседневном быту. Костюм, осмысляемый как «заместитель умершего» (*тул*), висит со дня похорон до годовичных поминок, затем вещи снимают. Одежда в течение года символизирует своего хозяина и, возможно, является временным вместилищем души покойного [24. С. 69]. Киргизы изготавливали символическое изображение умершего (*тул*), наряжали в лучшие одежды и хранили в юрте в течение определенного срока. В дни поминок в юрте на веревках развешивались халат, оружие и другие вещи покойного, которые затем убирались. Тул являлся вместилищем души умершего [25. С. 248–250].

В среде андроновского населения антропоморфизированные с помощью одежды кремированные останки также могли рассматриваться как вместилище души покойного. Подтверждением этому служит ритуал последующего кормления умершего, о чем свидетельствует наличие в западной половине погребальной камеры сосудов и ребер животных (чаще всего лошади).

Вероятно, федоровцы сжигали умершего без одежды, так как в противном случае среди кремированных останков должны были бы сохраниться расплавленные остатки металлических украшений, нашитых на одежду. Интересные параллели можно провести с иранской традицией. Погребальный обряд иранцев-зороастрийцев отличался от федоровского отсутствием сожжения тела, вместо этого использовалось выставление трупа на солнце с последующим захоронением останков. Однако М. Бойс полагает, что обычай выставления тел заменил у иранцев обряд сожжения, так как огонь они считали слишком священным [26. С. 23–24]. Согласно погребальной традиции древних иранцев-зороастрийцев, в момент выставления трупа на дахм на нем не следовало оставлять одежды. Более того, в Авесте (Видевдат) предусматривалось жестокое наказание за нарушение этой традиции (Vd. VIII. 23–25): «...25. О Создатель

плотского мира, праведный! Кто одежду оставит поверх покойника, – тканую или кожаную, – такую, как вся одежда мужчины, какое ему наказание? – И сказал Ахура-Мазда: Пусть нанесут ему тысячу ударов конской плетью, тысячу [ударов плетью] “делающей послушными”». По аналогии с иранской традицией можно предположить, что у андроновского населения также не допускалось сожжение умершего в одежде.

В некоторых андроновских погребениях с кремацией обнаружены украшения, которые не связаны с декорированием одежды, а являются самостоятельными элементами костюма. Это бронзовые браслеты, серьги или височные подвески (Солнце-Талика, курган 2; Путиловская Заимка-II, курган 7; Сангру-II, ограда 5; Боровое, ограда V, могила 1; Ур, курган 10 и т.д.). Наличие украшений в таких погребениях не следует однозначно связывать с захоронением женщин. Височные подвески, серьги, браслеты не обязательно являлись женскими украшениями, их могли носить и мужчины. В этом случае представляет интерес еще один аспект вопроса, связанного с антропоморфизацией кремированных останков с помощью украшений.

Не слишком далекой аналогией для данного андроновского ритуала являются изображения на оленных камнях, тем более что ряд исследователей признает наличие андроновских черт в традиции сооружения оленных камней [27. С. 55–57; 28. С. 23–31]. Следует обратить внимание на одну особенность оленных камней, точно подмеченную М.П. Грязновым, – схематизм изображения человека. Изображение лица человека на оленных камнях является большой редкостью. Антропоморфный облик передается деталями одежды (пояс, шапочка), украшениями (серьги, ожерелье, гривна), различными видами оружия. «На столбообразном камне, круглом, овальном или прямоугольном в сечении, совершенно отсутствуют детали человеческой фигуры. Обычно нет и намека на голову, плечи, шею, руки, ноги. Линиями, полосами, кружками намечены лишь части одежды и оружие – шапочка, серьги, ожерелье, пояс. На поясе или около него помещены кинжал, секира, лук в саадаке (горите), оселок и др. На месте лица три или две косые черточки. Часто эти детали изображения доведены до минимума – на лицевой грани плиты кинжал, на правой – секира, на левой саадак или в верхней части камня три черточки, под ними ожерелье, на боковых гранях круглые серьги и больше ничего. Только в единичных случаях более или менее схематично показано на камне лицо человека...» [29. С. 76]. Таким образом, антропоморфизация оленных камней осуществляется по тем же принципам, что и антропоморфизация кремированных останков андроновским населением.

То, что на оленных камнях запечатлен образ мужчины-воина, признается большинством исследователей. Так, М.П. Грязнов отмечает следующее: «Основной сюжет изображений на оленных камнях – фигура воина, вероятно, героя-воина, весьма условно, схематически показанная» [Там же. С. 76]. Вместе с тем на

оленных камнях, наряду с предметами вооружения, изображаются украшения (серьги, ожерелье, гривна). Особенно показательным в этом плане является оленный камень из Ушкийн-Увера (Монголия), на котором «изваяна рельефно голова человека и, что замечательно, круглые серьги изображены продетыми в ухо, рельефом же выполненное, – значит, действительно, изображенные на оленных камнях в верхней части их боковых граней круги, это серьги, а не что-либо другое» [Там же. С. 76]. Таким образом, андроновские погребения по способу кремации в сопровождении украшений, как самостоятельных элементов костюма, также могли принадлежать мужчинам-воинам.

Следует отметить, что в древнеиндийской традиции обряд кремации нередко применялся по отношению к воинам. Согласно сведениям из древнеиндийской «Питримедхасутры» Баудхаяны, которые приводятся в работе Е.Е. Кузьминой [30. С. 140] и в рецензии С.В. Кулланды на английское издание этой книги [31. С. 204], если дваждырожденный (к этой категории населения относилась и варна воинов-кшатриев. – С.С.) умирал на чужбине, то собирали 33 кости разных частей скелета, заворачивали их в шкуру черной козы и транспортировали на родину, где и совершали обряд кремации. Таким образом, зафиксированный в андроновских погребениях обряд кремации может свидетельствовать о принадлежности некоторых из этих захоронений воинам, возможно, умершим на чужбине и доставленным на родину для совершения погребального ритуала, включающего сожжение костей.

Дополнительным подтверждением этого предположения являются находки в кургане 7 могильника Урефты-I, который содержал две могилы с кремированными останками. По мнению исследователей, это были два одновременных захоронения, сделанных в общем углублении. В каждой из могил найдено по бронзовому двулезвийному ножу [32. С. 159–161]. В погребении могильника Путиловская Заимка II (курган 7), содержавшем два скопления кремированных останков, обнаружены бронзовый нож с перехватом и два бронзовых разомкнутых височных кольца [16. С. 99].

Вариант 2. Кремированные останки образуют антропоморфную выкладку. В федоровском могильнике Уйтас-Айдос (Центральный Казахстан) в двух каменных ящиках (ограда 2, могилы 4, 5) зафиксированы антропоморфные выкладки из кремированных костей, которые сопровождались сосудами. В могиле 4 выкладка длиной около 30 см и толщиной 50 см располагалась вдоль южной стенки. В могиле 5 выкладка зафиксирована по центру ящика, она была вытянута по линии 3–В и имела длину около 60 см и толщину 7 см. В юго-западном углу обеих могил найдены сосуды [33. С. 47–48, 57]. Во многом сходный вариант обращения с кремированными останками умершего практиковался ведийскими ариями. Как следует из комментария к «Погребальному гимну», содержащемуся в «Атхарваведе» (XVIII. 4. 16–28), кости, оставшиеся после кре-

мации, складывали в виде человеческой фигуры. Затем, ориентируясь на стороны света, ставили вокруг этой фигуры блюда с ритуальной пищей и сопровождали обряд произнесением соответствующих ритуальных формул [34. С. 377–378].

Вариант 3. Кремированные останки помещены в сосуд. Подобный способ обращения с кремированными останками встречается достаточно редко. В ограде 3 могильника Шет-I в одном из погребений кремированные кости были помещены в сосуд. В ограде 10 могильника Сангру-II в грунтовой яме найдена нижняя часть сосуда, заполненная кальцинированными костями [4. С. 90, 109]. В могильнике Уйтас-Айдос (могила 4, ограда 2) в юго-западном углу погребальной камеры стоял сосуд, наполовину заполненный утрамбованными кремированными костями, а вдоль южной стенки располагалась антропоморфная выкладка из обожженных костей [33. С. 47]. В могильнике Бурлук-I (Северный Казахстан) в ограде 9 под камнями в ямке найден развал сосуда с пережженными костями [16. С. 87]. В могильнике Сухомесовский (Южное Зауралье) погребение из кургана 6 содержало остатки кремации. В западной части находилось глиняное блюдо с вертикальными выступами-ручками. В блюде в смеси с землей, заполнявшей могилу, найдено около 20 мелких кусочков горелых человеческих костей [35. С. 33]. На территории Западной Сибири в могильнике Старый Тартас-4 в погребении, расположенном во рву кургана 19, обнаружен сосуд, содержащий жженные кости [36. С. 52]. Возможно, помещение кремированных останков в сосуд также являлось средством антропоморфизации. В связи с этим несомненный интерес представляет предположение М.П. Грязнова о возможном перенесении орнамента с одежды на посуду.

Аналогии рассматриваемому способу обращения с кремированными останками имеются в поэме Гомера «Илиада». В гомеровских поэмах нашли отражение многие важные черты реального греческого общества IX–VIII вв. до н.э. (геометрического периода по археологической периодизации) [37. С. 224], т.е. хронологически достаточно близкой эпохи. Данная аналогия представляется вполне уместной с учетом индоевропейского прошлого греческого населения. В «Илиаде» дается описание обряда похорон воинов – Патрокла и Гектора, в ходе которого происходят кремация тела и последующее захоронение кремированных остатков. После сожжения тела Патрокла:

«Сруб угасили, багряным вином поливая пространство
Всё, где пламень ходил; и обрушился пепел глубокий;
Слезы лиющие, друга любезного белые кости
В чашу златую собрали и туком двойным обложили;
Чашу под кушу внеся, пеленою тонкой покрыли;
Кругом означили место могилы и, бросив основы
Около сруба, поспешно насыпали рыхлую землю.
Свежий насыпав курган, разошлись они...»

(Илиада, XXIII, 250–257) [38. С. 380].

Обряд захоронения кремированных костей Гектора отличается лишь более сложной конструкцией перекрытия над могильной ямой:

«Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
Всё, где огонь разливался пылающий; после на пепле
Белые кости героя собрали и братья, и други,
Горько рыдая, обильные слёзы струя по ланитам.
Прах драгоценный собравши, в ковчег золотой положили,
Тонким обвивши покровом, блистающим пурпуром свежим.
Так опустили в могилу глубокую и, заложивши,
Сверху огромными частыми камнями плотно устлали;
После курган насыпали...»

(Илиада, XXIV, 791–799) [Там же. С. 416].

Таким образом, обряд погребения, представленный в поэмах Гомера, предполагал собирание кремированных останков в сосуд, помещение сосуда в погребальное покрывало, а затем захоронение в могиле. Аналогии с погребальным обрядом из «Илиады» представляют интерес также тем, что этот обряд применялся древними греками по отношению к воинам.

В Греции в геометрический период происходит распространение обряда кремации, а также ваз, расписанных в геометрическом стиле и предназначенных для погребения. В свете предложенной интерпретации захоронения кремированных костей в сосуде, как способа антропоморфизации останков, представляет интерес эволюция этого ритуала в Греции в геометрический период. В работе Л.И. Акимовой отмечается, что постепенно идет процесс разобщения земной и подземной сферы, погребальные расписные вазы начинают выходить из-под земли и становиться надгробиями. При этом урны не исчезают. Погребальный сосуд как бы зримо раздваивается и начинает существовать одновременно в двух разных пространствах – земном и подземном. Примечательно то, что урна с прахом и сосуд-надгробие нередко ставились на одной вертикали, представляя собой как бы две формы одной сущности. Постепенно происходит антропоморфизация сосуда-надгробия, что проявилось не только в увеличении размеров до 1,5 м, но и в уподоблении его формы человеческому телу. В дальнейшем, в VII в. до н.э., на месте таких ваз появляются статуи, передающие образ умершего [39. С. 230–234, 236].

Можно предположить, что у андроновского населения сосуд с кремированными останками также связывался с образом умершего человека и являлся одним из способов антропоморфизации кремированных останков.

Таким образом, кремация уничтожала облик человека, поэтому для воссоздания разрушенного огнем образа андроновское население использовало различные способы антропоморфизации, такие как создание погребальной «куклы»; заворачивание кремированных останков в одежду умершего; помещение в могилу украшений как самостоятельного элемента костюма; захоронение кремированных останков в сосуде. Несмотря на наличие украшений, не следует однозначно определять такие погребения, как женские. Кремация могла применяться

к мужчинам-воинам, например, погибшим вдали от родины, а украшения являлись деталями погребального костюма, который был более нарядным.

В среде андроновского населения антропоморфизированные различным образом кремированные останки,

вероятно, рассматривались какместилище души покойного. Подтверждением этому служит ритуал последующего кормления умершего, о чем свидетельствует наличие в западной половине погребальной камеры сосудов и ребер животных (чаще всего лошади).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). М., 1981. С. 101–125.
2. Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурно-исторической общности // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии UNESCO. М., 1985. Вып. 9. С. 24–45.
3. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 435 с.
4. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетбак-Далы). Алма-Ата, 1992. 247 с.
5. Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда–Лисаковск, 2005. 232 с.
6. Ковтун И.В. Андроновский могильник Кожя-Бала // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 27–31.
7. Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды Института истории, археологии, этнографии АН Каз ССР. 1958. Т. 5. С. 216–294.
8. Абетеков А. Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-Сай // Краткие сообщения Института археологии. 1963. Вып. 93. С. 93–95.
9. Кожемяко П.Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Известия АН КиргССР. Сер. общ. наук. 1960. Т. 2, Вып. 3. С. 81–107.
10. Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары // Труды Института истории, археологии, этнографии АН КазССР. 1962. Т. 14. С. 37–56.
11. Виноградов Н.Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. 1984. № 3. С. 136–153.
12. Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Памятники андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья // Рукопись депонирована ИНИОН, № 38518 от 26.06.1989. Кемерово, 1989. 199 с.
13. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 62–85.
14. Уманский А.П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 г. // Краеведческие записки. Барнаул, 1999. Вып. 3. С. 83–99.
15. Блохин А.А. Некоторые особенности андроновского погребального обряда (по материалам могильника Фирсово XIV) // 275 лет сибирской археологии: матер. XXXVII Региональной археолого-этнографической студенческой конф. (РАЭСК). Красноярск, 1997. С. 51–53.
16. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск. 1988. 184 с.
17. Виноградов Н.Б., Костюков В.П., Марков С.В. Могильник Солнце-Талика и проблема генезиса федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 131–150.
18. Грязнов М.П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // Краткие сообщения Института археологии. 1970. Вып. 122. С. 35–38.
19. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994. 464 с.
20. Кирюшин Ю.Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул, 1995. С. 58–75.
21. Шеянова А.А. Казахский традиционный свадебный костюм (XIX – начало XX века) // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 2006. Вып. V. С. 33–46.
22. Герни О.Р. Хетты. М., 1987. 234 с.
23. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990. 229 с.
24. Коновалов А.В. Одежда в похоронно-поминальной обрядности казахов // Вещь в контексте культуры: материалы науч. конф. СПб., 1994. С. 68–69.
25. Шишло Б.П. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 248–260.
26. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987. 316 с.
27. Бобров В.В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Евразия от древности до Средневековья: тез. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 1992. С. 54–57.
28. Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб., 2002. 204 с.
29. Грязнов М.П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1984. Вып. 25. С. 76–82.
30. Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М., 2008. 558 с.
31. Кулланда С.В. Рец. на: Е.Е. Kuzmina. The Origin of the Indo-Iranians / ed. by J.P. Mallory. Leiden Indo-European Etymological dictionary Series / ed. By Lubotsky. Vol. 3. Leiden–Boston: Brill, 2007. XVIII + 762 p. // Вестник древней истории. 2010. № 3. С. 202–211.
32. Стефанов В.И., Днепров С.А., Корочкова О.И. Курганы федоровского типа могильника Урефты I // Советская археология. 1983. № 1. С. 155–165.
33. Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В. Уйтас-Айдос – могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. Алматы-М., 1998. Вып. 2. С. 46–60.
34. Атхарваведа. Избранное / пер., коммент. и вступ. статья Т.Я. Елизаренковой. М., 1995. 406 с.
35. Андроновская культура. Памятники западных областей // Свод археологических источников. 1966. Вып. В 3–2. 144 с.
36. Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3 (11). С. 48–62.
37. История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. 704 с.
38. Гомер. Илиада // Гомер. Илиада / пер. с древнегреч. Н. Гнедича; Одиссея / пер. с древнегреч. В. Жуковского. М., 1996. С. 23–416.
39. Акимова Л.И. Об отношении геометрического стиля к обряду кремации // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 228–237.

Sotnikova Svetlana V. Branch of Tyumen State University in Tobolsk (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: svetlanasotnik@mail.ru
TO THE ISSUE OF ANTHROPOMORPHIZATION OF CREMATED REMAINS IN THE FUNERAL RITE OF THE POPULATION ANDRONOVO CULTURAL-HISTORICAL COMMUNITY.

Keywords: The Bronze Age; Andronovo cultural-historical community; funeral rite; cremation; anthropomorphism.

In the Bronze Age the Andronovo cultural-historical community occupied vast expanses of steppe and forest-steppe zone of the Southern Urals, Kazakhstan and Western Siberia. The Problem of the ethnicity of Andronovo population is controversial. Many researchers

refer the Andronovo population to the Indo-Iranians. This allows to draw to the interpretation of the Andronovo material written sources of peoples with Indo-European roots (ancient Iranian, Indic, Hittite, Greek, etc.). One of the striking elements of the funeral rite Andronovo (Fedorovo) population was the ritual burning of the deceased. The rite of cremation was carried out on the side, and compact accumulations of calcified bones placed in the burial. Materials of Andronovo burials with cremated remains attract attention because they allow us to trace the emergence of different ways of anthropomorphization of cremated remains. We can distinguish three main variants: 1) cremated remains are arranged in the form of compact accumulations and accompanied by ornaments; 2) cremated remains are given anthropomorphic form; 3) cremated remains are placed in a vessel. In the first variant the anthropomorphization was happening, probably, by creating a funeral "doll", or by placing the cremated remains in the clothes of the deceased, on which were sewed embellishments. Despite the presence of embellishments should not uniquely determine such burial as female. Cremation could be applied to a male warrior, for example, who died far from home, and the embellishments are the details of the funeral suit, which was more rich. In the third variant, means of anthropomorphization was placing cremated remains in the vessel. In this regard the particular interest is the M.P. Gryaznov's assumption about the possibility of transferring ornament from clothes on the vessels. Analogies to considered way handling with cremated remains there are in Homer's "Iliad". Also these analogies are interesting that this rite was used by the ancient Greeks in relation to the warriors. Cremation destroyed human form, therefore to reconstruct destroyed by fire image Andronovskoe people used different ways anthropomorphization. In the environment of the Andronovo population cremated remains, anthropomorphized by different ways, probably, was regarded as the receptacle of the soul of the deceased. This is confirmed by the subsequent ritual feeding of the deceased, as evidenced by the presence vessels and ribs of animals (mostly horses) in the Western half of the burial chamber.

REFERENCES

1. Kuz'mina E.E. *Proiskhozhdenie indoirantsev v svete noveyshikh arkhologicheskikh dannyykh* [The origin of the Indo-Iranians in the light of the latest archaeological data]. In: *Etnicheskie problemy istorii Tsentral'noy Azii v drevnosti (II tys. do n.e.)* [The ethnic problems of history of Central Asia in ancient times (the 2nd millennium BC.)]. Moscow, 1981, pp. 101-125.
2. Kuz'mina E.E. Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [Classification and periodization monuments Andronovo cultural-historical community]. *Informatsionnyy byulleten' Mezhdunarodnoy assotsiatsii po izucheniyu kul'tur Tsentral'noy Azii UNESCO – International Association for the Study of the Cultures of Central Asia, UNESCO*, 1985, no. 9, pp. 24-45.
3. Margulan A.Kh., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [The ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1966. 435 s.
4. Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh.K. *Kul'tura drevnikh skotovodov i metallurgov Sary-Arki (po materialam Severnoy Betbak-Daly)* [The culture of ancient cattle-breeders and metallurgists of Sary-Arka (as exemplified by North Betbak Dala)]. Alma-Ata: Gyl'm Publ., 1992. 247 p.
5. Usmanova E.R. *Mogil'nik Lisakovskiy I: fakty i paralleli* [The burial Lisakovskiy I: facts and parallels]. Karaganda-Lisakovsk: Karaganda State University Publ., Lisakovsk Museum of history and Culture Publ., 2005. 232 p.
6. Kovtun I.V. *Andronovskiy mogil'nik Kozha-Bala* [The Andronov cemetery Kozha-Bala]. In: Bobrov V.V. (ed.) *Arkheologiya, etnografiya i muzeynoe delo* [Archaeology, Ethnology and Museums]. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 1999, pp. 27-31.
7. Orazbaev A.M. Severnyy Kazakhstan v epokhu bronzy [Northern Kazakhstan in the Bronze Age]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii, etnografii AN Kaz SSR*, 1958, vol. 5, pp. 216-294.
8. Abetkov A. Pogrebeniya epokhi bronzy mogil'nika Tegirmen-Say [The burials of the Bronze Age of the burial Tegirmen Sai]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii*, 1963, vol. 93, pp. 93-95.
9. Kozhemyako P.N. Pogrebeniya epokhi bronzy v Kirgizii [The Bronze Age burials of Kyrgyzstan]. *Izvestiya AN KirgSSR*, 1960, vol. 2 (3), pp. 81-107.
10. Maksimova A.G. Mogil'nik epokhi bronzy v urochishche Tau-Tary [The Bronze Age burial in Tau Tara]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii, etnografii AN KazSSR*, 1962, vol. 14, pp. 37-56.
11. Vinogradov N.B. Kulevchi VI – novyy alakul'skiy mogil'nik v lesostep'yakh Yuzhnogo Zaural'ya [Kulevchi VI – a new Alakul burial in the forest steppe of South Ural]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1984, no. 3, pp. 136-153.
12. Bobrov V.V., Mikhaylov Yu.I. *Pamyatniki andronovskoy kul'tury Ob'-Chulym'skogo mezhdurech'ya* [Monuments of Andronovo culture of Ob'-Chulym interfluve]. Kemerovo, 1989. 199 s.
13. Kyrushin Yu.F., Papin D.V., Pozdnyakova O.A., Shamshin A.B. *Pogrebal'nyy obryad drevnego naseleniya Kulundinskoy stepi v epokhu bronzy* [Funeral rites of the ancient population Kulunda steppes in the Bronze Age]. In: Kyrushin Yu.F. (ed.) *Aridnaya zona yuga Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy* [The Arid Zone of the south of Western Siberia in the Bronze Age]. Barnaul: Altai State University Publ., 2004, pp. 62-85.
14. Umanskiy A.P. Raskopki v Nizhney Suetke v 1964 g. [Excavations in Nizhnyaya Suetka in 1964]. *Kraevedcheskie zapiski*, 1999, vol. 3, pp. 83-99.
15. Blokhin A.A. [Some features of Andronovo Burial rite (based on Burial Firsovo XIV)]. *275 let sibirskoy arkheologii: mater. XXXVII Regional'noy arkheologo-etnograficheskoy studencheskoy konf. (RAESK)* [275 years of Siberian archeology. Proc. of the 27th Regional Archaeological and Ethnographic Student Conference (RAESK)]. Krasnoyarsk, 1997, pp. 51-53. (In Russian).
16. Zdanovich G.B. *Bronzovyy vek Uralo-Kazakhstanskikh stepey* [The Bronze Age of Ural-Kazakhstan steppes]. Sverdlovsk, 1988. 184 p.
17. Vinogradov N.B., Kostyukov V.P., Markov S.V. *Mogil'nik Solntse-Talika i problema genezisa fedorovskoy kul'tury bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e* [Burial Sun-Talika and the genesis of Fedorov culture of the Bronze Age in the Southern Urals]. In: Grigoriev S.A. (ed.) *Novoe v arkheologii Yuzhnogo Urala* [The new data in the archaeology of Southern Urals]. Chelyabinsk: Rifei Publ., 1996, pp. 131-150.
18. Gryaznov M.P. Pastusheskie plemena Sredney Azii v epokhu razvitoi i pozdney bronzy [The shepherds' tribes of Central Asia in the Late Bronze Age]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii*, 1970, vol. 122, pp. 35-38.
19. Kuz'mina E.E. *Otkuda prishli indoarii? Material'naya kul'tura plemen andronovskoy obshchnosti i proiskhozhdenie indoirantsev* [Where did the Indo-Aryans come from? The material culture of Andronovo tribes and the origin of Indo-Iranians]. Moscow: Kalina Publ., 1994. 464 p.
20. Kyrushin Yu.F. *Osobennosti pogrebal'nogo obryada i pogrebal'noy posudy andronovskoy kul'tury* [The funeral ceremony and burial dishes of Andronovo culture]. In: Gracheva G.N., Vasil'ev V.I., Kyrushin Yu.F., Maloletko A.M., Chindina L.A. *"Moya izbrannitsa nauka, nauka bez kotoroy mne ne zhit"* [My fiancée is science, the science without which I can not live ...]. Barnaul: Altai State University Publ., 1995, pp. 58-75.
21. Shevtsova A.A. *Kazakhskiy traditsionnyy svadebnyy kostyum (XIX – nachalo XX veka)* [The Kazakh traditional wedding dress (the 19th – early 20th century)]. In: Abashin S.N., Bushkov V.I. (eds.) *Sredneaziatskiy etnograficheskiy sbornik* [Central Asian ethnographic collection]. Moscow: Nauka Publ., 2006. Issue 5, pp. 33-46.
22. Gurney O.R. *Khetty* [The Hittites]. Translated from English by N.M. Lozinskiy, N.A. Tolstoy. Moscow: Nauka Publ., 1987. 234 p.
23. Dumézil G. *Skify i narty* [Scythians and Narts]. Translated from French by A.Z. Almazova. Moscow: Nauka Publ., 1990. 229 p.
24. Kononov A.V. [Clothing and funeral rites of Kazakhs]. *Veshch' v kontekste kul'tury. Materialy nauchnoy konferentsii* [The thing in the context of culture. Proc. of the Conference]. St. Petersburg, 1994, pp. 68-69. (In Russian).
25. Shishlo B.P. *Sredneaziatskiy tul i ego sibirskie paralleli* [Central Asian and Siberian quivers]. In: Snesev G.P., Basilov V.N. (eds.) *Domusul'manskije verovaniya i obryady v Sredney Azii* [Pre-Islamic beliefs and practices in Central Asia]. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 248-260.

26. Boyce M. *Zoroastriysy. Verovaniya i obychai* [Zoroastrians. Beliefs and practices]. Translated from English by I.N. Steblin-Kamenskiy. Moscow: Nauka Publ., 1987. 316 p.
27. Bobrov V.V. [On the problem of vertically mounted objects in the Bronze Age burials of Siberia and Kazakhstan]. *Severnaya Evraziya ot drevnosti do srednevekov'ya*. Tez. konf. k 90-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova [Northern Eurasia from antiquity to the Middle Ages. Proc. of the Conference devoted to the 90th anniversary of M.P. Gryaznov]. St. Petersburg, 1992, pp. 54-57.
28. Savinov D.G. *Rannie kochevniki Verkhnego Eniseya. Arkheologicheskie kul'tury i kul'turogenez* [Early nomads in the Upper Yenisei. Archaeological cultures and cultural genesis]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2002. 204 p.
29. Gryaznov M.P. *O monumental'nom iskusstve na zare skifo-sibirskikh kul'tur v stepnoy Azii* [On the monumental art at the dawn of the Scythian-Siberian steppe cultures in Asia]. In: *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [The archaeological collection of the State Hermitage]. Leningrad, 1984. Issue 25, pp. 76-82.
30. Kuz'mina E.E. *Arii – put' na yug* [The Aryan – way to the south]. Moscow: Letniy sad Publ., 2008. 558 p.
31. Kullanda S.V. E.E.Kuzmina. The Origin of the Indo-Iranians. Leiden Indo-European Etymological dictionary Series. Ed. By Lubotsky. Vol.3. Leiden–Boston: Brill, 2007. XVIII + 762 p. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*, 2010, no. 3, pp. 202-211. (In Russian).
32. Stefanov V.I., Dneprov S.A., Korochkova O.I. Kurgany fedorovskogo tipa mogil'nika Urefti I [The Fedorov type of burial mounds in Urefti I]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1983, no. 1, pp. 155-165.
33. Usmanova E.R., Varfolomeev V.V. Uytas–Aydos – mogil'nik epokhi bronzy [Uytas-Aidos – the burial of the Bronze Age archeology]. *Voprosy arkheologii Kazakhstana*, 1998, no. 2, pp. 46–60.
34. Atharvaveda. *Izbrannoe* [Selected works]. Translated by T.Ya. Elizarenkova. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1995. 406 p.
35. *Andronovskaya kul'tura. Pamyatniki zapadnykh oblastey* [The Andronovo culture. The Monuments of Western regions]. In: *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [The collection of archaeological sources]. Moscow, 1966, vol. V (3–2). 144 p.
36. Molodin V.I., Novikov A.V., Zhemerikin R.V. Mogil'nik Staryy Tartas-4 (novye materialy po andronovskoy istoriko-kul'turnoy obshchnosti) [The old burial site Tartas-4 (new materials for the Andronovo historical and cultural community)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2002, no. 3 (11), pp. 48-62.
37. *Istoriya Evropy. T. 1. Drevnyaya Evropa* [The history of Europe. Vol. 1. Ancient Europe]. Moscow, 1988. 704 p.
38. Homer. *Iliada* [Iliad]. Translated from ancient Greek by N. Gnedich. Moscow, 1996, pp. 23-416.
39. Akimova L.I. *Ob otnoshenii geometricheskogo stilya k obryadu krematsii* [On the relation of the geometric style to the cremation rite]. In: Nevskaya L.G. (ed.) *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kul'tury. Pogrebal'nyy obryad* [The research in Balto-Slavic spiritual culture. Funeral rites]. Moscow: Nauka Publ., 1990, pp. 228-237.

МУСУЛЬМАНСКИЕ НЕКРОПОЛИ XVII–XIX вв. В ОКРЕСТНОСТЯХ г. ТОМСКА

Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ 14-11-70005 а/р «Время и пути распространения ислама на территории Томского Приобья (по археологическим источникам)» и в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Публикуются материалы исследования двух исторических мусульманских некрополей XVII–XIX вв., располагавшихся в окрестностях г. Томска, – Старого Мусульманского Кладбища и Кладбища на Юрточной горе. Впервые вводятся в научный оборот материалы полевых дневников А.П. Дульзона, содержащие важные сведения о мусульманском погребальном обряде. Проведен анализ погребального обряда, уточнена хронология некрополей. Сделан вывод о полном соответствии погребально-го обряда этих кладбищ мусульманскому канону.

Ключевые слова: мусульманский обряд погребения; Томское Старое Мусульманское Кладбище; Кладбище на Юрточной горе.

Рубеж XX и XXI вв. ознаменовался бурным ростом интереса к феномену сибирского ислама и его региональным особенностям как со стороны отечественных, так и зарубежных исследователей [1–4].

Нижнее Притомье находится на северо-восточной периферии исламского мира. Скудность и неоднозначность письменных свидетельств о времени появления новой религии диктуют необходимость привлечения данных других научных дисциплин. Этнографические описания погребального обряда томских татар наглядно демонстрируют, что, несмотря на официальное принятие ислама, эта сфера еще долго сохраняла традиции, отличные от мусульманского канона. Погребальный обряд населения Нижнего Притомья XVI–XVII вв. изучен достаточно хорошо и также демонстрирует весьма сложную и неоднозначную картину [5–8]. На этом фоне видится необходимым изучение и более поздних некрополей XVII–XIX вв., которые могут дать новые знания об изменениях в погребальных традициях населения Нижнего Притомья в связи с распространением ислама. Поэтому актуально введение в научный оборот неопубликованных данных об исторических мусульманских некрополях XVII–XIX вв., исследованных непосредственно в окрестностях г. Томска.

В статье анализируется погребальный обряд двух некрополей – Старого Мусульманского Кладбища и Кладбища на Юрточной горе, в настоящее время полностью уничтоженных городской застройкой. Впервые публикуются выдержки из полевых дневников А.П. Дульзона 1955–1956 гг., содержащие описания мусульманских захоронений на Томском Мусульманском Кладбище [9, 10], и приводится анализ мусульманских погребений на Юрточной горе, осмотренных С.М. Чугуновым в 1898 г. [11].

Могильник Томское Старое Мусульманское Кладбище. Находился в черте г. Томска на мысу правого коренного берега Томи высотой 25–30 м (в настоящее время – участок с левой стороны от дороги при въезде в Томск по Коммунальному мосту). Памятник открыт в конце XIX в. С.К. Кузнецовым. В 1955–1956 гг.

А.П. Дульзон исследовал здесь 87 погребений: 27 – эпохи неолита, 3 – эпохи бронзы, 2 – VII–VIII вв. и 55 мусульманских погребений [9, 10]. Материалы этого могильника широко известны в археологии Сибири и долгое время являлись опорными для построения культурно-хронологических схем [12]. Однако мусульманские погребения до настоящего момента полностью выпадали из орбиты внимания исследователей. Целью раскопок могильника А.П. Дульзоном являлось, прежде всего, изучение погребений эпохи неолита и бронзы, а мусульманские погребения ввиду их безынвентарности не были осознаны как важнейший источник для изучения региональных особенностей ислама. В его полевых дневниках о большинстве мусульманских захоронений лишь упоминается, а подробного описания положений костяков и устройства могил не приводится, в то время как погребения других хронологических периодов описаны более полно [9, 10].

В ходе работы авторов с полевыми дневниками А.П. Дульзона, хранящимися в архиве Томского областного краеведческого музея, выявлено 12 описаний мусульманских погребений, поэтому целесообразным видится их полная публикация с соблюдением авторской редакции.

Исследования 1955 г.

«Раскоп 1»

Погребение № 2. Находилось на уровне 1,6 м от поверхности. Костяк в нем лежал (в подбое, вырытом с южной стороны прямоугольной могильной ямы) на спине, в направлении с запада на восток, с небольшим отклонением на северо-запад, головою на запад, лицом к югу. Руки лежали вдоль туловища. Никаких предметов при скелете не обнаружено.

Погребение № 3. На глубине 1,1 м от поверхности, в засыпи могилы мусульманского погребения № 3 найдена монета «денга» 1737 г.

Раскоп 2.

Погребение № 2. Мусульманское, было расположено западнее погребения № 1. Могильная яма прямоугольной формы была вырыта в направлении с севера

на юг. Скелет ребенка лет четырех лежал в вытянутом положении на спине, головой на юг, в подбое, вырытом на дне могильной ямы к западу. Подбой был закрыт широкой тонкой доской, положенной на ребро. Предметов при нем не было.

Раскоп 3.

Погребение № 2. Позднее (мусульманское) погребение находилось в яме, очертания которой не были прослежены, но, судя по обрезу раскопа по линии 2–2, имела прямоугольную форму. Скелет лежал на глубине 0,7 м от поверхности в скорченном положении, в направлении с юга-востока на северо-запад, головой на северо-запад, на левом боку; череп лежал лицом вниз. Левая рука была согнута за спиной, правая лежала под туловищем. Обе лопатки лежали тыльной стороной вверх. Правая нога была сильно согнута в колене, которое находилось на близком расстоянии от тазовых костей. Левая нога тоже была сильно согнута, но колено находилось ниже таза. Правое предплечье было сломано, и кости передней части руки отсутствовали. Из предметов обнаружены только случайные черепки в засыпке могилы.

Раскоп 5.

Погребение № 1. Позднее мусульманское погребение найдено на глубине 1,6 м от поверхности. Костяк лежал в вытянутом положении, на спине, с руками вдоль туловища, головой на северо-запад, лицом на юг, в подбое. Его рост был равен 1,4 м.

Раскоп 6. Погребение № 4.

К северо-западу от погребения № 1 находилось позднее мусульманское детское погребение № 4, направленное с запада на восток, головою на запад.

Раскоп 7

Погребение № 1. На глубине 1,6 м от поверхности находилось мусульманское погребение № 1. Костяк в нем лежал в вытянутом положении с юго-востока на северо-запад, головой на северо-запад, на спине, лицом на юг. Вдоль костей рук, вытянутых вдоль тела, с задней стороны обнаружены следы позумента. Такие же следы обнаружены вдоль голени с задней (нижней) стороны. Рост похороненного был равен 1,5 м. Остатки позумента были найдены также на тазовых костях и под ними, а также на позвонках. Вероятно, одежда была отделана широким позументом.

Над погребением проходила в продольном направлении довольно широкая (не менее 15 см в диаметре) норка; в ней попадались гнилушки, лежавшие в разных направлениях, так как они были растащены зверьком. Гроба не было, во всяком случае, под костяком остатки дерева не были обнаружены. По-видимому, не было также деревянной обкладки. Гнилушки, скорее всего, представляют собой остатки доски, поставленной на ребро вдоль подбоя с правой стороны покойника. Об этом говорит сохранившийся в этом месте кусок около 0,5 м длины и до 3 см ширины.

Погребение № 2. Находилось на расстоянии 0,4 м от линии К-К к западу и в 1,6 м от линии 6-6. Костяк полностью был обернут тканью, прошитой тонкой медной

проволокой. Рост костяка 1,7 м. Костяк лежал на спине с вытянутыми вдоль тела руками, головой на запад, лицом на юг.

Раскоп 8.

Погребение № 2. Находилось на глубине 1,4 м от поверхности. В нем был костяк взрослого, лежавший в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Руки были соединены на животе выше таза. Череп лежал лицом вверх. Рост был равен около 1,75 м. В пробитом слева черепе найдена сплюснутая пуля.

Раскоп 10.

Погребение № 2. Погребение находилось на глубине 1,4 м от поверхности и было ориентировано с СЗ на ЮВ, головой на СЗ. Скелет лежал на спине, череп покойника на правом виске, как обычно, лицом на ЮЗ. Ноги похороненного были поджаты к животу, кости левой руки лежали на костях правой руки, перекрещиваясь, коленные суставы доходили почти до грудины. В отдельных местах прослеживалась на костях медная зелень и что-то розоватое, оставшееся от сгнившей ткани. Могила имела нормальную длину, хотя костяк в ней занимал только половину.

Раскоп 11.

Погребение № 1. Погребение содержало скелет старухи, ориентированный с СЗ на ЮВ, головой на СЗ. Лицом на ЮЗ. Костяк лежал в подбое, находившемся на ЮЗ от вырытой ямы. Подбой был закрыт широкой, тонкой (0,5 см) доской. Сохранились седые волосы; следов савана нет. Глубина могилы 1,4 м от поверхности» [9].

Исследования 1956 г.

«Раскоп 6.

Погребение № 9. Костяк лежал на глубине 1,55 м от поверхности, в подбое, который был закрыт кирпичом-сырцом желтовато-серого цвета. По-видимому, подбой был полностью выложен кирпичом-сырцом в ногах, так как костяк был сверху покрыт слоем той же глины. Костяк лежал на правом боку, в вытянутом положении, лицом на юго-запад. Кости левой руки лежали на тазовых костях. На лице, в глазницах, на костях рук и ног, особенно на коленях и ступнях видны были, в виде зелени, остатки медного позумента. Рисунок разобрать было нельзя. Рост костяка 1,65 м.

Раскоп 9.

Погребение № 5. Костяк лежал у юго-западного края могилы; подбоя не было. В этой части могильная яма была выложена кирпичом-сырцом серого цвета. Сверху костяк был закрыт тем же кирпичом-сырцом. Череп лежал на правом виске. Костяк был направлен с северо-запада на юго-восток, головой на северо-запад, лицом на юг» [Дульзон, 1956].

Для этих описанных в дневниках 12 мусульманских погребений из 55 изученных А.П. Дульзоном характерны следующие черты:

- 1) отсутствие инвентаря (12 случаев);
- 2) положение умерших на спине (10 случаев) при западной-северо-западной ориентации умерших с поворотом лица на правый бок (11 случаев);

3) наличие подбоев, как правило, перекрытых либо доской, либо кирпичом-сырцом (5 случаев).

Очевидно, что безынвентарными были и все остальные 43 погребения, не описанные А.П. Дульзоном, но отнесенные им к мусульманским, так как в случае наличия инвентаря это непременно было бы указано в дневнике и отмечено на плане. Относительно второго пункта — ориентировки, согласно приложенному к дневнику плану, остальные погребения (43 случая) также имели западную и северо-западную ориентацию. А вот было ли тело или голова повернуты при этом на правый бок, по весьма условным чертежам не всегда восстановимо. Из дневников также не всегда ясно, в скольких случаях у неописанных могил имелись подбои. Например, на плане раскопа 1956 г. нарисовано 7 могил с подбоями, хотя в дневнике этого же года содержится лишь одно описание могилы с подбоем [10]. В целом, судя по ориентациям могил и положению скелетов на плане раскопа, скорее всего, погребальный обряд не учтенных в дневниках погребений идентичен обряду, отраженному в нашей статистике.

Отметим, что в качестве устойчивых признаков мусульманского захоронения археологи признают всего два: безынвентарность погребения и соблюдение киблы — обращение лица покойного в сторону Мекки. Все остальные признаки — оформление надмогильных и внутримогильных сооружений — имеют весьма широкую вариабельность в разных региональных традициях [13–15].

В этой связи, исходя из привлеченных источников, вывод о принадлежности погребального обряда к мусульманским традициям не оставляет сомнений. Реконструкция обряда на рассматриваемом могильнике по археологическим данным в общих чертах сводится к следующему: умерших хоронили без сопроводительного инвентаря, вытянуто на спине, придерживаясь ориентировки головы на северо-западный сектор при повороте тела или головы на правый бок таким образом, чтобы лицо покойного было обращено к Мекке. При этом доворот всего тела на правый бок отмечен в дневниках только единожды (раскоп 6, погребение 9). Качество прорисовок не описанных в дневниках погребений не позволяет определить эту особенность положения костяка в других случаях. Облачение покойников в саван археологически может быть не всегда зафиксировано, тем не менее в дневниках несколько раз отмечены остатки тканей от савана и позуменга. В ряде случаев сооружались могилы с подбоями, однако точное количество установить сегодня невозможно.

Другое мусульманское кладбище располагалось в 2,5 км севернее Старого Мусульманского Кладбища на *Юрточной горе*, на месте современного Дома офицеров (пр. Ленина, 50).

В 1898 г. более 80 погребений без каких-либо вещей и следов гробов было разрушено при строительстве Дома общественного собрания. В мае и июне этого же года антрополог С.М. Чугунов присутствовал при

строительных работах и описал 4 погребения на Юрточной горе. Все скелеты залегали на глубине 0,75–1,75 м от поверхности, лежали на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на запад, лицом на юг, без предметов [11. С. 237–238]. То есть обряд этого кладбища полностью схож с описанным выше ритуалом захоронения на Старом Мусульманском Кладбище. Исключение составляет отсутствие подбоев, но сам С.М. Чугунов объяснил это тем, что в случае чрезмерной рыхлости грунта, какая имела место быть, подбоев не делают, а умершего укладывают на дно могилы [Там же. С. 238].

Крайне важно, что обряд погребения на Мусульманском Кладбище и Юрточной горе резко отличается от общей ритуальной картины позднесредневековых комплексов XVI–XVII вв. в Нижнем Притомье (курганные могильники Козюлинский, Коларовский, Тоянов Городок). Для них характерны: подкурганные захоронения; наличие разнообразного погребального инвентаря; полное отсутствие подбоев; частое захоронение умерших на погребенной почве, а не в могиле; юго-юго-восточная ориентация умерших [5; 7. С. 75–85]. Из названных могильников несколько мусульманских погребений выявлено нами только на могильнике Тоянов Городок [16. С. 136].

Погребальный обряд, зафиксированный на Старом Мусульманском Кладбище и Юрточной горе, более всего схож с похоронными обычаями поволжских татар периода Казанского ханства. К общим чертам относятся: глубокие могилы; западная-северо-западная ориентация умерших с поворотом головы на правый бок, лицом на юг; наличие подбоев, перекрытых от могильной ямы доской или кирпичами; отсутствие инвентаря; облачение умерших в саван [17. С. 87–94; рис. 35–43]. Вероятно, это связано с переселением в Нижнее Притомье татар-мусульман из Поволжья, Предуралья, а также бухарцев. Как известно, переселения поволжских татар и бухарцев в Сибирь началось еще до присоединения Сибири к России [18. С. 180; 19. С. 88–90]. Касательно территории Нижнего Притомья письменные источники сообщают о присутствии здесь казанских татар и бухарцев с начала XVII в., т.е. фактически с момента основания Томска [20. С. 95–108, 112, 118].

О распространении ислама в среде томских татар и их соседей в XVII в. свидетельствуют и европейские путешественники. В 1673 г. Альбрехт Доббин описывал, что сибирские татары магометанской веры делают обрезание, знают письменность [21. С. 393]. В том же дневнике читаем: «... а при реке Томи опять находятся татары. Последние соблюдают обрезание» [Там же. С. 394].

Как видно из исторических и археологических источников, в XVII–XVIII вв. район Нижнего Притомья входил в ареал активного распространения ислама. Тесные культурные контакты и совместное проживание пришлых групп с местным тюркским населением привели к трансформации погребального обряда и утверждению мусульманского канона.

Этнографические источники XIX в. зафиксировали обряд томских татар, принявших ислам. Н.А. Костров приводит описание похорон у томских татар в середине 1870-х гг.: «Кладбища здешних татар находятся недалеко от их селений. Роща – необходимая принадлежность всякого татарского кладбища. Вокруг могилы татары делают бревенчатую ограду, чтобы туда не заходил скот и не нарушал покоя умерших. Отпевание состоит в чтении муллами или абыхами, а иногда и простыми людьми молитв сначала на дворе дома покойника, потом не доходя шагов сорока до могилы, наконец, уже на кладбище; после этого тело опускается в могилу, выкопанную для женщин глубже, нежели для мужчин; при этом наблюдается, чтобы голова покойника была обращена к западу, в сторону, где находится Мекка. Могильщик развязывает с обоих концов саван, прикрывает покойника досками, из которых был сделан гроб, и потом уже забрасывает землю» [22. С. 29].

Н.А. Томилов сообщает, что помимо западной ориентации у некоторых томских татар встречалось направление покойного головой на северо-запад [6. С. 109], что характерно и для погребального обряда на Томском Старом Мусульманском Кладбище. Этнографические данные также сообщают о безынвентарности поздних погребений томских татар, о наличии в могиле боковой ниши, обшитой досками, куда укладывали тело покойного. Глубина могильных ям варьировалась: для женских могил она измерялась длиной челове-

ского тела по грудь, мужских – по пояс, детских – по колено [Там же. С. 110, 112].

Юрточная гора, где жили татары и бухарцы до того, как переселились на соседнюю территорию Заисточья в связи с ростом города, пожалуй, являлась первым историческим районом проживания мусульман в черте Томска [23. С. 149]. С.М. Чугунов полагал, что татарские погребения на Юрточной горе синхронны костякам Воскресенской горы и относятся к XVII в. [11. С. 240]. Учитывая историю расселения бухарцев и татар в южной части города, мы склонны согласиться, что мусульманское кладбище на Юрточной горе предшествовало появлению могил на Томском Старом Мусульманском Кладбище и может быть датировано предположительно XVII в.

Касательно датировки Томского Старого Мусульманского Кладбища, точно можно определить его верхнюю дату – 1892 г. В этом году глава томских мусульман Ахун Хамитов попросил городские власти отвести новое место для мусульманского кладбища южнее лютеранского в связи с тем, что на действующем кладбище не осталось свободного места. Просьбу Ахун Хамитова удовлетворили [24. С. 6]. На карте города Томска 1898 г. уже обозначена значительная территория Нового Магометанского Кладбища в юго-восточной части Томска (рис. 1, Б), а также отмечена территория Старого Мусульманского Кладбища у верхнего перевоза через р. Томь (рис. 1, А).

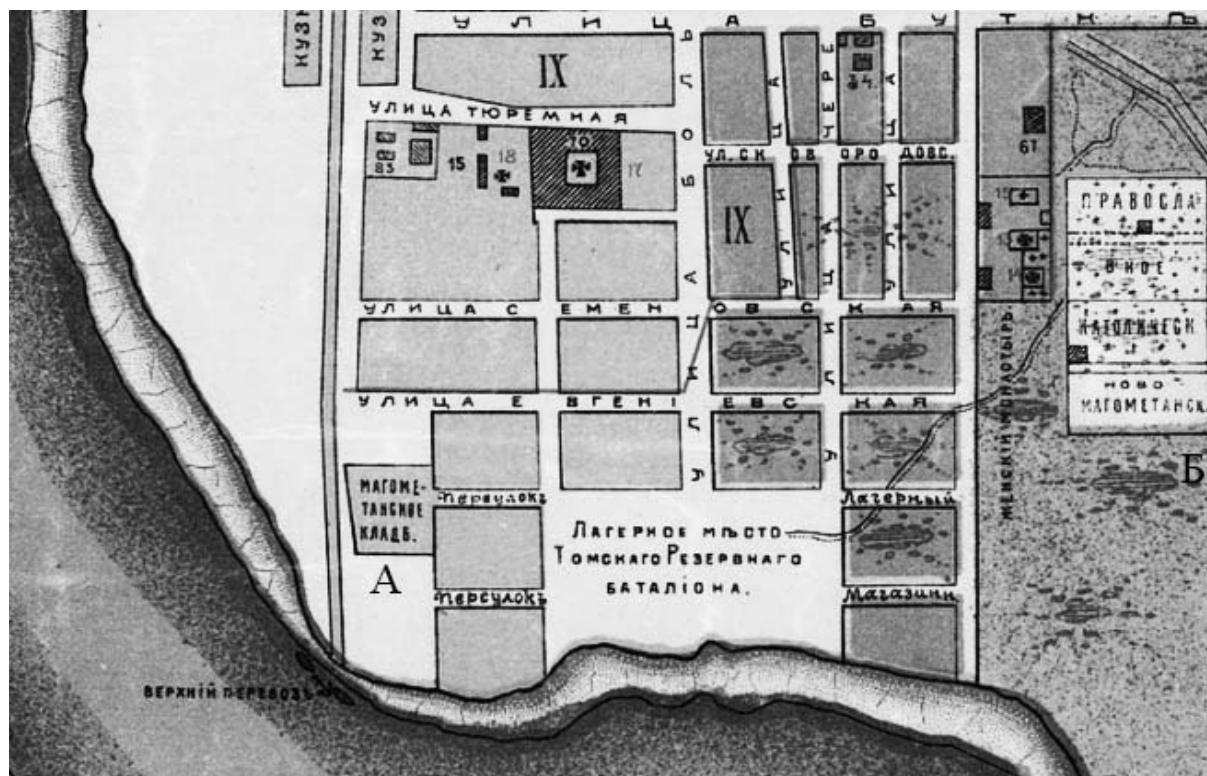

Рис. 1. Фрагмент карты г. Томска 1898 г. А – Томское Старое Мусульманское Кладбище; Б – Новое Магометанское Кладбище

Намного сложнее определить нижнюю дату Старого Мусульманского Кладбища, поскольку источники

точного ответа не дают. Появление этого могильника, по мнению авторов, связано с заселением Заисточья

(Татарской слободы) – одного из первых исторических районов компактного проживания мусульман в южной черте г. Томска [11; 25. С. 151–152; 26. С. 102–103].

В описании И.Г. Гмелиным Томска в 1734 г. уже указывается Татарская слобода как особый район по другую сторону р. Ушайка [11. С. 239]. На плане Томска, составленном в 1767 г. прапорщиком геодезии Петром Григорьевым, северная часть Заисточья уже заселена, в отличие от южной, граница которой доходила до верхнего перевоза (современного Коммунального моста), т.е. изучаемое нами кладбище входило в территорию Татарской слободы, составляя ее южную периферию [27. С. 31].

Найденная А.П. Дульзоном монета 1737 г. в одной из мусульманских могил указывает, что кладбище в это время уже существовало.

В 1734 г. томских татар в Томске насчитывалось 93 человека, а общее число бухарцев и татар в 1771 г., по данным И. Фалька, составляло 200 человек, уже имевших на тот момент свою деревянную мечеть в Заисточье [19. С. 197].

Таким образом, учитывая исторические источники, нижнюю дату Старого Мусульманского Кладбища мы определяем предположительно началом XVIII в. и связываем с образованием Татарской слободы до возможного появления новых надежных источников.

Из дневников А.П. Дульзона и других привлеченных материалов можно сделать вывод, что в XVIII в. это кладбище сначала располагалось на верхней террасе, а затем разрослось и спустилось вниз, на нижнюю террасу [10] и прекратило, как говорилось выше, свое существование в 1892 г. из-за отсутствия свободного места для новых захоронений.

По всей видимости, описанные выше некрополи использовались как приезжими мусульманами, так и томскими татарами, принявшими ислам, учитывая их совместное проживание и тесные культурные контакты.

Проведенные комплексные исследования мусульманских некрополей позволили надежно соотнести археологические данные и этнографические свидетельства с историческими картами и документами, что само по себе является достаточно редким случаем.

ЛИТЕРАТУРА

- Белич И.В. О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (к 100-летию публикации Н.Ф. Катановым рукописей Тобольского музея) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. 2005. № 6. С. 153–171.
- Влияние ислама на культуру народов Сибири : матер. науч.-практ. конф., посвящ. 600-летию ислама в Сибири / сост. А.Х. Сайфуллина, Р.М. Насибуллин. Тюмень : Тюм. обл. науч. б-ка, 1998. 135 с.
- Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири : в 3 т. / под ред. А.П. Яркова. Тюмень : РИФ «Колесо», 2007. 418 с. Т. 1: Источники и историография.
- Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.
- Грязнов М.П. Дневник раскопок Тоянова городка, произведенных в 1924 г. // Из истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 19. С. 73–89.
- Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья (этническая история, быт и духовная культура). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 216 с.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в Позднем Средневековье (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 134 с.
- Яковлев Я.А. Могильник Тоянов Городок: Каталог коллекции Ф.Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного исторического музея (г. Стокгольм). Томск ; Сургут : Изд-во Том. ун-та, 2009. 348 с.
- Дульзон А.П. [1955]. Дневник раскопок, произведенных летом 1955 года на Томском Старом Мусульманском Кладбище // Архив Томского областного краеведческого музея (ТОКМ). Ф. 3. Оп. 9. Д. 27.
- Дульзон А.П. [1956]. Дневник раскопок, проведенных на старом мусульманском кладбище в Томске в 1956 году // Архив ТОКМ. Ф. 3. Оп. 9. Д. 33.
- Чугунов С.М. Старинное татарское и следы других кладбищ в «юрточной» части г. Томска // Известия Императорского Томского университета. 1904. Кн. 24. С. 237–245.
- Марочкин А.Г. Неолит и ранний металл Верхнего Приобья: истоки научного осмысления // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2013. Вып. 7 (135). С. 84–90.
- Васильев В.Д. Мусульманский погребальный обряд в Золотой Орде. Астрахань : Астрахан. гос. ун-т, 2007. 201 с.
- Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань : Изд-во КГУ, 1986. 159 с.
- Petersen A. The Archaeology of Death and Burial in the Islamic World // The Oxford Handbook of the Archaeology of Death and Burial (Oxford Handbooks in Archaeology). Oxford University Press, USA. KindleEdition. 2013. P. 241–257.
- Зайцева О.В., Водясов Е.В. Признаки мусульманской погребальной обрядности в Обь-Томском междуречье // Вестник Томского государственного университета. История. Томск. 2013. № 3 (23). С. 134–137.
- Дроздова Г.И. Погребальный обряд народов Волго-Камья XVI–XIX вв. (по археологическим и этнографическим материалам) : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 307 с.
- Корусенко С.Н., Томилов Н.А. Татары Сибири в XVIII – начале XX вв.: расселение, численность и социальная структура // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 2 (15). С. 177–185.
- Томилов Н.А. Тюркязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск : Изд-во ТГУ, 1980. 276 с.
- Тамозженные книги сибирских городов XVII века / Башкатова З.В., Соколовский И.Р., Каменецкий И.П. и др. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1999. Вып. 2: Туринск, Кузнецк и Томск. 124 с.
- Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей: введение, тексты и комментарий. XIII–XVII вв. / предисл., ред. и коммент. М.П. Алексеева. 2-е изд. Иркутск : ОГИЗ. Иркутское областное издательство, 1941. 609 с.
- Костров Н.А. Женщина у инородцев Томской губернии. [Б. м. : [б. и.], 1828?]. 42 с. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000393539>, свободный.
- Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гегемейстером. СПб., 1854. Ч. 2. 697 с.
- Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939 гг. / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 328 с.

25. Маркова М.Ф. Татары-мусульмане г. Томска в конце XIX – начале XX века // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. матер. III региональной молодежной науч. конф. / отв. ред. Р.Е. Романов. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009. С. 151–159.
26. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 271 с.
27. Томск: История города в иллюстрациях. 1604–2004. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 600 с.

Vodyasov Eugenie V. E-mail: vodiasov_ev@mail.ru; Zaitceva Olga V. E-mail: snori76@mail.ru; Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

MUSLIM NECROPOLIS OF XVII–XIX CENTURIES NEAR THE TOMSK.

Keywords: Muslim ceremony of burial; Tomsk Old Muslim Cemetery; The Cemetery on the Yurtochny mountain.

The article presents research materials of the two historical Muslim cemeteries of XVII–XIX centuries in the suburbs of the city Tomsk – Old Muslim Cemetery and the Cemetery on the Yurt Mountain. For the first time, A.P. Dulzon's field diaries introduced into scientific circulation, containing important information about the Muslim funeral rites. The burial rites is analyzed, also chronology of the cemeteries is refined. The authors came to the conclusion that the burial rites are fully met the Muslim canon. The paper analyzes funeral rites of two Tomsk necropolises – the Old Muslim Cemetery and the Cemetery on the Yurtochnaya Mountain. By now, these historical cemeteries have been completely destroyed by the urban development. The paper analyzes the Muslim burial grounds on the Yurtochnaya Mountain investigated by S.M. Chugunov in 1898. The dating of necropolises is based on historical maps, numismatic materials, and written sources. The Tomsk Muslim Cemetery was established in the early XVIII century. At the same time, the Tatarskaya Sloboda – the special historical district of Muslims in the neighborhood of Tomsk – was established. The Tomsk Muslim Cemetery was located on the eastern margin of Tatarskaya Sloboda. It existed until 1892 and was closed when places for new graves were not available anymore. Based on archaeological sources, it was concluded that the funeral rite of these Muslim necropolises was markedly different from the rite of the Tomsk Tatars of the previous period (XVI–XVII centuries). The occurrence of the funeral rites in strict compliance with the Muslim canon is associated with the migrations of the Kazan Tatars and the Bukharans. The Yurtochnaya Mountain and the Tatarskaya Sloboda are the first historical districts of Muslims. Taking into account that the Islam penetrated into the culture of the Tomsk Tatars in the XVII–XVIII centuries, the Muslim necropolises could be abandoned both by the Tatar migrants and local Tomsk Muslims. In the XVIII century they lived together in the neighborhood of Tomsk, which is well supported by evidence. The close cultural contacts, the similar languages and the shared territory facilitated the rapid propagation of the new religious doctrine into the community of the Tomsk Tatars.

REFERENCES

1. Belich I.V. On Religious Wars by the Disciples of Bagahuddin Sheikh against West Siberian Pagans (To the Centenary of the Tobolsk Museum Manuscript Copies Published by N.F. Katanov). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 2006, no. 6, pp. 153–171. (In Russian).
2. *Vliyanie islama na kul'turu narodov Sibiri*: mater. nauch.-prakt. konf. [Influence of Islam on the culture of the peoples of Siberia: Proc. of the Scientific and Practical Conference]. Tyumen: Tyumen Regional Scientific Library Publ., 1998. 135 p.
3. Yarkov A.P. (ed.) *Islam na krayu sveta. Istoriya islama v Zapadnoy Sibiri*: v 3-kh t. [Islam on the edge of the world. The history of Islam in Western Siberia: in 3 vols.]. Tyumen': Koleso Publ., 2007, vol. 1, 418 p.
4. Seleznev A.G., Selezneva I.A. *Sibirskiy islam: regional'nyy variant religioznogo sinkretizma* [Siberian Islam: a regional variant of religious syncretism]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS Publ., 2004. 72 p.
5. Gryaznov M.P. *Dnevnik raskopok Toyanova gorodka, proizvedennykh v 1924 g.* [The diary of excavations of Toyan town in 1924]. In: *Iz istorii Sibiri* [History of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1976. Issue 19, pp. 73–89.
6. Tomilov N.A. *Ocherki etnografii tyurkskogo naseleniya Tomskogo Priob'ya (etnicheskaya istoriya, byt i dukhovnaya kul'tura)* [Essays on the ethnography of Turkic population of Tomsk Ob region (ethnic history, life and spiritual culture)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1983. 216 p.
7. Pletneva L.M. *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Ob region in the late Middle Ages (according to archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1990. 134 p.
8. Yakovlev Ya.A. *Mogil'nik Toyanov Gorodok: Katalog kollektsii F.R. Martina 1891 g. iz fondov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya (g. Stokgol'm)* [The Burial Toyan Town: a catalogue of the collection of F.R. Martin in 1891 from the State Historical Museum (Stockholm)]. Tomsk-Surgut: Tomsk State University Publ., 2009. 348 p.
9. Dulzon A.P. *Dnevnik raskopok, proizvedennykh letom 1955 goda na Tomskom Starom Musul'manskom Kladbishche* [The diary of excavations made in the summer of 1955 at the Tomsk Old Muslim cemetery]. The Tomsk Regional Museum (TOKM). Fund 3. List 9. File 27.
10. Dulzon A.P. *Dnevnik raskopok, proizvedennykh letom 1956 goda na Tomskom Starom Musul'manskom Kladbishche* [The diary of excavations made in the summer of 1956 at the Tomsk Old Muslim cemetery]. The Tomsk Regional Museum (TOKM). Fund 3. List 9. File 33.
11. Chugunov S.M. Starinnoe tatarskoe i sledy drugih kladbishch v "yurtochnoy" chasti g. Tomsk [The ancient Tatar and traces of other cemeteries in the "yourt" part of Tomsk]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*, 1904, no. 24, pp. 237–245.
12. Marochkin A.G. The cultural and historical concept of the Neolithic and early metal of the Upper Ob Basin in the national historiography of the 1970-ies – the beginnings of the 2010-ies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 7 (135), pp. 84–90. (In Russian).
13. Vasil'ev V.D. *Musul'manskiy pogrebal'nyy obryad v Zolotoy Orde* [The Muslim funeral rites in the Golden Horde]. Astrakhan: Astrakhan State University Publ., 2007. 201 p.
14. Khalikova E.A. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoy Bulgarii X – nachala XIII v.* [Muslim cemeteries in Volga Bulgaria in the 10th – early 13th centuries]. Kazan: KGU Publ., 1986. 159 p.
15. Petersen A. *The Archaeology of Death and Burial in the Islamic World*. In: Tarlow S., Stutz L.N. (eds.) *The Oxford Handbook of the Archaeology of Death and Burial (Oxford Handbooks in Archaeology)*. Oxford University Press, 2013, pp. 241–257.
16. Zaytseva O.V., Vodyasov E.V. Features of muslim burial rite in Ob Tomsk river region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*, 2013, no. 3 (23), pp. 134–137. (In Russian).
17. Drozdova G.I. *Pogrebal'nyy obryad narodov Volgo-Kam'ya XVI–XIX vv. (po arkheologicheskim i etnograficheskim materialam)*: dis. kand. ist. nauk [The burial rite of the Volga-Kama peoples in the 16th – 19th centuries (according to archaeological and ethnographic materials). History Cand. Diss.]. Kazan, 2007. 307 p.
18. Korusenko S.N., Tomilov N.A. Tartars of West Siberia, Bukhara Tartars, Volga and Ural Tartars, number, migration, social structure, volost system, social stratification. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 2011, no. 2 (15), pp. 177–185. (In Russian).

19. Tomilov N.A. *Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX vv.* [Turkic population of the West Siberian Plain at the end of the 16th – early 19th centuries]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1980. 276 p.
20. Bashkatova Z.V., Sokolovskiy I.R., Kamenetskiy I.P. et al. *Tamozhennye knigi sibirskikh gorodov XVII veka* [The customs books of Siberian cities in the 17th century]. Novosibirsk: RIPEL plus Publ., 1999. Issue 2, 124 p.
21. Alekseev M.P. *Sibir' v izvestiyakh zapadno-evropeyskikh puteshestvennikov i pisateley: vvedenie, teksty i kommentariy. XIII–XVII vv.* [Siberia in the works of Western European travelers and writers: introduction, text and commentary. The 13th – 17th centuries]. Irkutsk: OGIZ Publ. 1941. 609 p.
22. Kostrov N.A. *Zhenshchina u inorodtsev Tomskoy gubernii* [The woman and the indigeneous dweller in Tomsk province]. circ.1828. 42 p. Available at: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000393539>.
23. *Statisticheskoe obozrenie Sibiri, sostavlennoe po vysochayshemu ego imperatorskogo velichestva poveleniyu, pri Sibirskom komitete, deystvitel'nyy statskim sovetnikom Gagemeysterom* [A Statistical Review of Siberia, compiled by the actual state councilor Hagemeister by His Majesty's Command, at the Siberian Committee]. St. Petersburg, 1854. Part 2, 697 p.
24. Dmitrienko N.M. (ed.) *Tomskiy nekropol'. Spiski i nekrologi pogrebennykh na starykh tomskikh kladbishchakh. 1827–1939 gg.* [Tomsk Necropolis. Lists and obituaries of those buried in the old cemetery of Tomsk. 1827-1939]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2001. 328 p.
25. Markova M.F. [The Muslim Tatars of Tomsk in the late 19th – early 20th centuries]. *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy: sb. mater. III regional'noy molodezhnoy nauch. konf.* [Historical Studies in Siberia: problems and prospects. Proc. of the 3rd Regional Youth Scientific Conference]. Novosibirsk, 2009, pp. 151-159. (In Russian).
26. Tomilov N.A. *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadnoy-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – nachale XX v.* [Ethnic History of Turkic-speaking population of the West Siberian Plain in the late 16th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 1992. 271 p.
27. Dmitrienko N.M., Chernyak E.M. *Tomsk: Istoriya goroda v illyustratsiyakh. 1604–2004* [Tomsk: the history of the city in the illustrations. 1604-2004]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2004. 600 p.

РЕЦЕНЗИИ

Н.В. Жиликова

**РЕЦЕНЗИЯ : ДМИТРИЕНКО Н.М. ТОМСКИЕ КУПЦЫ :
БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XX в.) /
НАУЧ. РЕД. Э.И. ЧЕРНЯК.
ТОМСК : ИЗД-ВО ТОМ. УН-ТА, 2014. 336 с.**

Выход книги, посвященной томскому купечеству, несомненно, можно отнести к значимым событиям культурной жизни университетского Томска. Ведь практически все важнейшие исторические события России позапрошлого и начала прошлого столетия были так или иначе связаны с купеческим сословием, с усилением его воздействия на общественную жизнь, нарастанием значимости в экономике, социальной и политической сферах. Купцы поддерживали российское просвещение, покровительствовали талантам, оставили свой след и в истории русской журналистики: известно, что из купеческого сословия происходил Николай Полевой, издатель «Московского телеграфа», «решительно лучшего» журнала с начала журналистики, по характеристике В.Г. Белинского.

Особую роль сыграло купечество в Сибири: эта отдаленная российская окраина, превращенная самодержавием в край уголовной и политической ссылки, используемая как неисчерпаемый ресурс природных богатств, благодаря купцам соединялась с метрополией бесчисленным количеством тонких ниточек – торговых связей, экономических инициатив, проектов, затеваемых нередко на свой страх и риск.

То, что книга о купечестве вышла именно в ТГУ, вдвойне символично. Ведь именно при поддержке томского купца и золотопромышленника З.М. Цибульского, иркутского купца А.М. Сибирякова и многих других предпринимателей был учрежден, построен и открыт первый в Азиатской России Императорский Томский университет. С помощью купечества были приобретены уникальные книжные собрания, музейные коллекции, новейшее в то время оборудование научных лабораторий.

Необходимо добавить, что историки Томского университета обратились к исследованию истории купечества и буржуазии еще в 1960-е гг., участвуют в подготовке статей, монографий, энциклопедических словарей, которые издаются в Томске, Новосибирске, Москве. Тем не менее рецензируемый биографический словарь имеет свою специфику и уникальность, поскольку в нем прослеживается история отдельных личностей и целых купеческих родов, повлиявших на становление и развитие Томска как

крупнейшего экономического и культурного центра Сибири.

Материалы словаря дают представление об огромной исследовательской работе, проделанной Н.М. Дмитриенко. В число поставленных и решенных задач входил не только сбор новых сведений, но и уточнение имеющихся в литературе данных, а в ряде случаев и опровержение сложившихся ошибочных мнений. Скрупулезная проверка информации вообще является отличительной чертой Н.М. Дмитриенко как исследователя, и в работе над купеческим словарем она проявилась в полной мере. В этом отношении можно говорить о словаре как очередном этапе, своеобразной ступеньке на пути к точному знанию об историческом Томске.

В словаре читатель найдет не только биографии купцов, чьи имена «на слуху», – П.И. Макушина, основателя первого в Сибири книжного магазина, издателя первой в Томске частной «Сибирской газеты», а затем и «Сибирской жизни»; но и информацию о купеческих семействах Поповых, Кухтериных, Королевых, Ереневых, Гадаловых, Некрасовых, Вытновых, а также о малоизвестных и забытых представителях купечества, оказавших, как видно по тексту, заметное влияние на жизнь города и всей Сибири, – М.А. Мыльникове, Д.Е. Звереве, И.М. Плотнокове, Серебренниковых. Информация, собранная по крупицам, воссоздает широкий контекст истории городской жизни. Знакомясь с изданием, понимаешь, почему современники считали Томск купеческим городом, называли его «сибирской Москвой», открываешь для себя масштаб созданий, совершенных на купеческие средства.

Отдельного упоминания заслуживает полиграфическое исполнение биографического словаря: это настоящая университетская книга, изданная на высоком уровне в старейшем во всей Сибири научном Издательстве Томского университета. Литературное редактирование осуществила глава издательства В.С. Сумарокова, художественный макет выполнила О.Е. Нечаева.

Хочу подчеркнуть, говоря о словаре, его интерес не только для научных работников – историков, архивистов и музейных специалистов. Даже несмотря на жанр словаря, а значит изначально задан-

ные краткость и определенную формализацию статей, рассказы о жизни и деятельности томских купцов представляют собой увлекательное чтение и для студентов, и для старшеклассников общеобразовательных школ, а также для всех жителей Томска, далеких от сферы науки и образования, но заглядывающих в его прошлое. И здесь особое значе-

ние имеет визуальная составляющая словаря: иллюстрации, на которых изображены сами купцы, дома, в которых они жили, а также построенные с их помощью. Все это «оживляет» книгу и побуждает читателей пройти по городу и посмотреть другими глазами на, казалось бы, хорошо знакомые места и постройки.

Zhilyakova Nataliya V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: retama@ya.ru

REVIEW : DMITRIENKO N.M. TOMSK MERCHANTS : BIOGRAPHICAL DICTIONARY (FROM THE SECOND HALF OF 18TH TO THE EARLY 20TH CENTURY / SCIENCE ED. E.I. CHERNYAK. TOMSK : PUBLISHING HOUSE OF TOMSK UNIVERSITY, 2014. 336 p. : il.

О.И. Ющенко, Е.В. Хахалкина

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ Б.С. ЖИГАЛОВА «ГЕРМАНИЯ И СССР:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
(МАРТ 1918 г. – ИЮНЬ 1941 г.)». ТОМСК, 2013. 140 с.**

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Представлена оценка подготовленного доцентом исторического факультета Томского государственного университета Б.С. Жигаловым учебно-методического пособия, предназначенного для студентов-магистрантов, специализирующихся по истории международных отношений и всеобщей истории и восполняющего недостаток подобного рода работы. В конспекте лекций поднимаются важные для отечественной и зарубежной историографии проблемы, до сих пор остающиеся предметом не только научных, но и политических споров.

Ключевые слова: Германия; СССР; межвоенный период; международные отношения; Вторая мировая война.

Сотрудником кафедры Новой, Новейшей истории и международных отношений доцентом Б.С. Жигаловым подготовлен конспект лекций читаемого им специального курса по германо-советским отношениям в межвоенный период. Выход этого издания обусловлен несколькими факторами. Во-первых, нехваткой подобного рода методических работ в рамках магистратуры – спецкурс читается в рамках открытой несколько лет назад на историческом факультете Томского государственного университета магистерской программы «Американские и германские исследования». Во-вторых, заявленный период и проблематика курса до сих пор остаются в отечественной и зарубежной историографии и политических кругах предметом острых дискуссий. На актуальность читаемого курса во введении указывает и автор, подчеркивая, что «российско-немецкие отношения носят системообразующий характер для всей Европы» (С. 4). Такая точка зрения в полной мере отвечает реалиям современной Европы, что показывает усугубляющаяся ситуация вокруг Украины.

К несомненным достоинствам курса лекций следует отнести четкую авторскую позицию. Автор на протяжении всего повествования доказывает заявленную им во введении позицию, согласно которой «советский период был поступательным этапом в истории российского государства», а проводимая СССР «германская политика» была обусловлена национально-государственными интересами страны (С. 6). Стилистически текст выдержан в заявленном жанре – с удачной структурой, концентрированным емким изложением, контрольными вопросами, списком источников и литературы, тем курсовых работ и хронологией основных событий. Текст сопровождается биографическими справками, что, безусловно, облегчает восприятие его студентами-магистрантами. Автор в конспекте лекций, состоящем из восьми глав, показал, как преемственность в немецкой внешней политике после окончания Первой мировой войны и утверждения новой формы государственного устройства – республики, – так и

точки разрыва с прежним курсом. Преемственность проявилась прежде всего в дипломатии 1920-х гг., связанной с бисмарковской школой, точки разрыва были обозначены после прихода А. Гитлера к власти и сломом парламентской системы в стране. Представленные в приложениях документы, в том числе «Письмо Гитлера Сталину от 14 мая 1941 г.», подлинник которого не найден, позволяют организовать семинары-дискуссии по ключевым проблемам курса.

Б.С. Жигалов показывает, что отношения СССР и Германии в межвоенный период носили сложный характер. Это было связано как с последствиями Первой мировой войны, так и дипломатическими просчетами, взаимным недоверием и рядом других факторов. Германия в Веймарский период постоянно ощущала себя между «молотом и наковальней»: обреченная на политику лавирования между СССР и западными странами, она использовала сближение с Москвой как инструмент давления на Францию и Великобританию с целью уступок и пересмотра Версальского договора. В Москве осознавали эту двойственность германской политики, что вызывало подозрения у советского руководства. Несмотря на эти сложности, германо-советские отношения в 1920-е гг. носили взаимовыгодный и, что важно подчеркнуть, прагматичный характер. Иллюзий у советской дипломатии в истинных германских мотивах в отношении Москвы не было, но была заинтересованность в укреплении экономических связей. Автор развеивает мифы о военном сотрудничестве двух стран, которое в действительности носило ограниченный характер (советская сторона не была заинтересована в глубоком проникновении Германии в военную машину страны) и было свернуто после прихода А. Гитлера к власти. Согласно приведенным в тексте таблицам, с 1933 г. стал снижаться и товарооборот двух стран.

Особое внимание автор уделяет сюжетам, которые, как правило, весьма кратко и даже поверхностно освещаются в учебниках и учебных пособиях по Новейшей

истории стран Европы межвоенного времени, истории Второй мировой войны и истории России XX в., что придает дополнительную ценность данному пособию. К таким сюжетам, досконально изученным автором, относятся перипетии дипломатических отношений Советской России/СССР и Германии, экономические связи — представленные в таблицах объемы экспорта и импорта в межвоенный период — их обусловленность политическими событиями. Эти сюжеты представляются крайне важными как для понимания просчетов и достижений в отношениях двух стран, так и более глобально — причин Второй мировой войны и начавшейся вслед за ней «холодной войны».

Яркость изложению придают малоизвестные нюансы взаимоотношений дипломатов и дипломатических работников как внутри НКВД СССР и министерства иностранных дел Веймарской республики, так и между ведомствами двух стран. Перипетии этих отношений, несомненно, оказывали влияние на политику двух государств. Например, «и в Москве, и в полпредстве в Берлине плохо представляли себе ситуацию на фронтах в конце войны», а отсюда — весьма преувеличенное представление о германской военной мощи, убеждение в невозможности революции, которая все-таки началась в Германии в ноябре 1918 г. (С. 19).

Автор при написании курса лекций задействовал комплексный подход, рассмотрев германо-советские отношения сквозь призму международных отношений межвоенного периода и начала Второй мировой войны, воздействие разных факторов и дипломатий разных стран на отношения Берлина и Москвы. Свой взгляд автор дает и на политику умиротворения. Согласно его позиции, ее начало было положено уже Рейнским гарантийным пактом 1925 г., ставшим поворотным пунктом в германской внешней политике. Этот документ и его обсуждение в ходе Локарнской конференции 1925 г. показывают, что Великобритания фактически признавала частичный пересмотр Версальского договора и в перспективе право Германии на пересмотр восточных границ страны. Неслучайно автор особое внимание в учебном пособии уделяет «английскому фактору» в германо-советских отношениях и роли британской дипломатии в нагнетании антисоветских настроений в Европе. В марте 1925 г., за полгода до начала конференции, «министр иностранных дел Англии О. Чемберлен говорил премьер-министру Франции А. Бриану: “Британское правительство поставило себе особой целью вовлечь Германию в Лигу наций и связать ее интересы с интересами Западной Европы”. Предполагалась новая система безопасности в Европе: с Германией, но без СССР» (С. 48). Как мы знаем, такая система безопасности уже менее чем через десятилетие даст сбой и приведет к новой мировой войне. Из этих событий должны быть извлечены соответствующие уроки. Попытки исключить современную Россию из системы безопасности Европы, как мы видим, чреваты конфликтами разного масштаба и последствий.

Это наиболее наглядно показывают германо-советские отношения 1918–1941 гг.

Приход нацистов к власти в Германии явился переломным событием в международных отношениях в Европе в целом и прежде всего в развитии советско-германских отношений, и автор показывает, как в течение 1933–1934 гг. постепенно и неумолимо они менялись в сторону ухудшения. 1937–1939 гг. — «самая низкая точка в советско-германских отношениях» (С. 79). В работе также показано, как умело А. Гитлер использовал антисоветизм лидеров западных стран, разыгрывая «советскую карту».

Конспект лекций Б.С. Жигалова — ответ на продолжающиеся дискуссии о сущности советской внешней политики в предвоенный период и закрепившейся в западной историографии и политических кругах точке зрения об односторонней ответственности СССР за развязывание Второй мировой войны. Автор приводит убедительные аргументы в пользу обратной точки зрения, среди которых действия Англии и Франции, их желание отсрочить войну и направить удар Гитлера на восток. На фоне политики умиротворения западных держав СССР последовательно осуждал агрессивные действия Германии и ее союзников, в том числе с трибуны Лиги наций. Отход СССР от антифашистской политики и последующее вынужденное сближение с Германией автор объясняет крахом Версальской системы, наступившей после Мюнхенского соглашения 1938 г. СССР был вынужден по-новому определять отношения с ведущими державами.

Автор рассуждает о том, насколько разумным и оправданным для СССР было заключение пакта о ненападении с нацистской Германией. При этом он справедливо отмечает, что инициатива в сближении двух стран исходила от Германии, аргументированно показывает готовность Гитлера пойти на любые уступки советской стороне, чтобы не допустить создания новой Антанты, исключить ситуацию войны на два фронта, как это было в годы Первой мировой войны.

Б.С. Жигалов убедительно и аргументированно излагает свою точку зрения на подписание договора — в противовес тем, кто пытается «представить этот договор как преступную сделку двух тоталитарных режимов, обвинить СССР в соучастии с нацистской Германией в развязывании мировой войны» (С. 81). Б.С. Жигалов убежден в том, что альтернативы советско-германскому договору не было в той ситуации (провал тройственных переговоров в Москве, действия британской дипломатии — тайные переговоры с Германией — и возможность создания единого антисоветского блока, риск войны на два фронта, учитывая действия Японии). Таким образом, политика Германии и Японии, а также западных держав не оставляли СССР иного выхода. Руководство СССР обязано было принять меры для обеспечения безопасности страны, хотя бы оттянуть начало войны и использовать выигранное время для укрепления экономики и обороны. Автор

делает вывод, что политика СССР в отношении нацистской Германии, приведшая к заключению договоров с ней в августе–сентябре 1939 г., «в целом была правильной, соответствующей национально-государственным интересам страны» (С. 92). И с таким подходом автора можно согласиться. Конечно, совершенный СССР в августе 1939 г. резкий поворот на многие десятилетия сделался предметом острых политических и идеологических споров. Англия и Франция сразу же обвинили его в безнравственности и коварстве, но представляется, что после Мюнхенского соглашения сами они утратили право читать кому-либо проповеди о том, как себя вести. СССР в конце августа 1939 г. действовал в русле тех «правил игры», которые в то время практиковали все великие державы.

Вместе с тем, перечисляя те преимущества, которые СССР получал с подписанием договора с Германией (С. 91), автору следовало бы указать и на его негативные последствия – и для самого Советского Союза, и для международной обстановки в целом (дезориентация антифашистских сил, падение международного престижа страны, тактический выигрыш Германии).

Рассматривая отношения двух стран со второй половины 1939 г. и до нападения Германии на СССР, автор отмечает неоднозначный характер двусторонних торгово-экономических связей в этот период. Он не считает, что «поставки из СССР сыграли решающую роль в военной экономике Германии» (С. 96), они явно преувеличены – и с этим можно согласиться. Он также констатирует постепенное ухудшение политических отношений. С одной стороны, СССР, используя договоренности с Германией, укрепил свое влияние в Восточной Европе (включение в состав СССР Прибалтики, Бессарабии, Северной Буковины, итоги войны с Финляндией). С другой стороны, СССР был встревожен тем, как постепенно вся Европа переходила в сферу влияния Германии, тем, как стремительно увеличивался ее военно-промышленный потенциал, улучшалось ее геополитическое положение.

Следует отметить, что, оценивая в целом действия советской дипломатии как успешные, автор в то же время далек от идеализации советской внешней политики. Так, вхождение сил Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии в сентябре 1939 г., относившихся тогда к территории Польши, было воспринято частью населения как военное вторжение и сопровождалось столкновениями с местным населением. Уязвим для справедливой критики, как подчеркивает Б.С. Жигалов, и советско-германский

договор от 28 сентября 1939 г.: «Само название договора «О дружбе», а также наличие Секретного дополнительного протокола к этому договору, предусматривавшего сотрудничество двух стран в “подавлении польской агитации”, явились серьезным просчетом советского руководства» (С. 90). К этим просчетам можно отнести также соперничество и интриги внутри советского дипломатического корпуса, осложнявшие отношения двух государств.

Говоря о визите В.М. Молотова в Берлин 12–14 ноября 1940 г. и его переговорах с Риббентропом и Гитлером, автор пишет, что «советская сторона отнеслась к переговорам самым серьезным образом» (С. 100), в то время как германская сторона хотела лишь ввести Сталина в заблуждение, заинтересовав его перспективами о дальнейшем сотрудничестве. Германия планировала провести переговоры с СССР в резко антибританском духе, добиться от советской стороны документа, враждебного по своему содержанию Великобритании, что послужило бы вещественным доказательством враждебных Великобритании намерений советского руководства. Следует признать, что советская дипломатия была переиграна немецкой.

Давая оценку действиям СССР в мае–июне 1941 г., автор подчеркивает, что советское руководство стремилось всеми средствами отсрочить военное столкновение с Германией, при этом в Москве явно недооценивали степень военной угрозы со стороны Германии, не доверяли сведениям о подготовке нападения Германии на СССР, которые поступали из разных источников.

В качестве не столько замечания, сколько пожелания автору, хотелось бы обратить внимание на два момента. Во-первых, учитывая острые дискуссии и неоднозначные оценки этого периода и то, что пособие предназначено для студентов-магистрантов, следовало бы дать более широкий и содержательный историографический обзор (во введении историографические проблемы поднимаются, но очень кратко). Иные, чем у автора, точки зрения по спорным вопросам представлены очень схематично, без каких-либо аргументов. Во-вторых, как представляется, можно было бы расширить подборку документов в приложении, что сделало бы семинары-дискуссии по острым проблемам изучаемого курса более содержательными.

Курс лекций Б.С. Жигалова может быть полезен не только магистрантам-историкам и международникам, но и всем интересующимся проблемами истории XX в., советской внешней политики и истории межвоенного периода и Второй мировой войны.

Khakhalkina Elena V., Uschenko Olga I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru; oliv54@mail.ru

REVIEW OF LECTURE NOTES “GERMANY AND THE SOVIET UNION: ECONOMIC AND POLITICAL RELATIONS (MARCH 1918 TO JUNE 1941.)” BY B.S. ZHIGALOV. TOMSK, 2013. 140 p.

Keywords: Germany; USSR; interwar period; international relations; World War II.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНОХИНА Елена Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: anokhina.es@yandex.ru

БОЯРИНОВА Полина Александровна, аспирантка исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: sampo-holder@ya.ru

ВОДЯСОВ Евгений Вячеславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Томского государственного университета. E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ГАЕВОЙ Глеб Евгеньевич, аспирант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: gaevoyg@mail.ru

ГАЛСТЯН Арег Степанович, аспирант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: galstyanareg@gmail.com

ГОЛОВЧЕНКО Николай Николаевич, аспирант Новосибирского государственного педагогического университета, старший научный сотрудник лаборатории исторического краеведения Алтайской государственной педагогической академии. E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

ДРЁМОВ Игорь Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник археологической лаборатории Калмыцкого государственного университета (г. Элиста). E-mail: iid57@yandex.ru

ДЮСЕБАЕВ Нуржан Кудайбергенович, аспирант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: bazarsamal@mail.ru

ЖЕРАВИНА Ольга Александровна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой библиотечно-информационной деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: toledo@mail.tomsknet.ru

ЖИЛЯКОВА Наталия Вениаминовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики журналистики Томского государственного университета. E-mail: getama@ya.ru

ЗАЙЦЕВА Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, заведующая лабораторией междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Томского государственного университета. E-mail: snori76@mail.ru

ЗУЕВА Нелли Сергеевна, аспирант исторического факультета Московского педагогического государственного университета. E-mail: nellyserg@yandex.ru

КНЯЗЕВ Владимир Васильевич, учитель МАОУ Лицей № 142 г. Челябинск. E-mail: v.v.knyazev@yandex.ru

КУДРЯШЕВ Вячеслав Николаевич, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: kvn18011962@yandex.ru

НИКУЛИН Петр Федорович, доктор исторических наук, доцент, профессор исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: K1tat@yandex.ru

ПЕТРЕНКО Александр Николаевич, аспирант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: alexandr__n@mail.ru

ПРИЙМАЧУК Дмитрий Владиславович, соискатель исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: dimapriyma@yahoo.com

СКОЧИН Артём Васильевич, кандидат исторических наук, преподаватель Тюменского высшего военно-инженерного командного училища им. А.И. Прошлякова. E-mail: Arskoch88@yandex.ru

СМОКОТИН Станислав Владимирович, соискатель кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: smokwa@sibmail.com

СОТНИКОВА Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент факультета истории, экономики и управления, Тобольский филиал Тюменского государственного университета. E-mail: svetlanasotnik@mail.ru

СУВЕРОВ Евгений Васильевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: suverov69@mail.ru

ТОКМУРЗАЕВ Бакыт Салманович, аспирант кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета. E-mail: nat.proff.om@yandex.ru

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

ХРАМЦОВ Александр Борисович, кандидат исторических наук, доцент, доцент Тюменского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: khramtsov_ab@bk.ru

ЮЩЕНКО Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: oliv54@mail.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

2015. № 1 (33)

Редактор К.В. Полькина
Оригинал-макет А.Н. Воробьевой
Редактор-переводчик Н.А. Глущенко
Дизайн обложки Яна Якобсона (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано к печати 18.02.2015 г. Формат 60x84¹/₈.

Гарнитура Times.

Печ. л. 16,04; усл. печ. л. 17,25.

Тираж 60 экз. Заказ № 747.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28